Кодекс жизнетворца

Джеймс Хоган

SHOUT
SHARE
IT

- Хоган Джеймс

Хоган Джеймс
Кодекс жизнетворца

Джеймс ХОГАН
КОДЕКС ЖИЗНЕТВОРЦА
Айрис, с опозданием
ПРОЛОГ. ИСКАТЕЛЬ
СВЫШЕ МИЛЛИОНА ЛЕТ ДО Р.Х.
ТЫСЯЧА СВЕТОВЫХ ЛЕТ ОТ СОЛНЕЧНОЙ СИСТЕМЫ

Люди, узнав о цели этого корабля, назвали бы его "Искателем". Корабль автоматический, в милю длиной, обтекаемой формы для спуска в атмосферу, управлялся компьютерами. Цивилизация чужаков достигла высокого уровня, а компьютеры - совершенства.

Планета, которую обнаружил "Искатель" после многолетнего полета, была четвертой в системе звезды, названной именем загадочного бога чуждой расы; эту планету можно именовать Зевс-IV. Ничего интересного на ней не было: безвоздушный безжизненный шар, голые скалы, множество кратеров и обломков от столкновений с метеоритами, огромные пространства вулканического пепла и пыли, однако замеры с орбиты и образцы, добытые посадочными аппаратами, показали, что кора богата титаном, хромом, кобальтом, медью, магнием, ураном и многими другими ценными элементами, возникшими в результате тепло-жидкостных процессов в истории планеты. Такое природное изобилие металлов могло обеспечить крупномасштабное производство без обращения к громоздким процессам преобразований атомов, другими словами - очень экономично, а именно для поиска таких возможностей и был сконструирован "Искатель". Проанализировав предварительные данные, контрольные компьютеры выбрали посадочную площадку, составили и передали сообщение о своей находке и дальнейших намерениях и привели в действие очередность посадочных процедур.

Вскоре после посадки огромное количество исследовательских роботов, вооруженных зрительными устройствами, спектрометрами, анализаторами, химическими сенсорами, заборщиками образцов, радиационными датчиками и разнообразными манипуляторами выгрузились из корабля и рассеялись по окружающей местности, чтобы исследовать заранее с орбиты намеченные территории. Их находки передавались на корабль, обрабатывались, и вскоре последовали отряды шахтных,

бурильных и транспортных роботов - на гусеницах, на колесах и на ногах. Эти роботы начали поставлять руды и другие материалы туда, где разворачивалась экспериментальная обогатительная фабрика на ядерной энергии. Далее появилась фабрика по производству отдельных деталей, затем сборочная фабрика, и постепенно, шаг за шагом, возникло полностью оборудованное многоцелевое производство, завершенное, вплоть до собственных контрольных компьютеров. Основная программа корабельных компьютеров была скопирована компьютерами фабрики, которые отныне стали независимыми и взяли на себя все управление наземными операциями. Фабрика начала производство новых роботов.

Иногда, конечно, получались результаты, отличные от намеченных, но инженеры чужаков выработали собственный аналог закона Мерфи и учитывали его в своих планах. Ремонтные роботы устраняли поломки, сменяли изношенное и вышедшее из строя оборудование; специальные программы отслеживали причины срывов производства и наделяли машины определенным спектром терпимости к изменениям; особые команды роботов собирали вышедшие из-под контроля машины и возвращали их на фабрику для ремонта; а специализированные роботы-сборщики металлолома шарили по поверхности в поисках обломков, списанных конструкций, выброшенных компонентов и всего остального, что пригодно для обработки и рециклирования.

Проходило время, фабрика работала, увеличивалось количество роботов, росло их разнообразие. И когда население роботов достигло критического уровня, смешанная команда отделилась от главного центра и отошла на несколько миль, чтобы построить вторую фабрику, копию первой, используя материалы, которые предоставляла Фабрика N_1. Когда Фабрика N_2 стала самостоятельной, Фабрика N_1, чья первоначальная функция была выполнена, перешла на массовое производство товаров и материалов, для перевозки их на планету чужаков.

Фабрика N_2 повторила этот процесс и начала создавать Фабрику N_3, а рабочий отряд с Фабрики N_1 в то же время вместе со всеми своими инструментами занялся подготовкой к открытию Фабрики N_4. И к тому времени как начала работать Фабрика N_4, уже начали сооружаться Фабрики NN_5, 6, 7 и 8, Фабрика N_2 перешла на массовое производство, а на Фабрике N_3 строился грузовой флот, который будет перевозить домой уже накопившуюся продукцию. И этот самовоспроизводящийся процесс вскоре должен был превратить всю поверхность Зевса IV в полностью автоматизированный производственный комплекс, который будет снабжать далекую цивилизацию чужаков

местными ресурсами.

Основная программа "Искателя" через свои многочисленные каналы следила за работой и пришла к выводу, что все нормально. После повторной тщательной проверки всех систем и механизмов корабль взял на борт первоначальный рабочий отряд и устремился в космос в поисках новых миров, чтобы снова начать тот же цикл.

ПЯТЬДЕСЯТ ЛЕТ СПУСТЯ

Недалеко - по галактическим масштабам - от Зевса была другая звезда, горячая, голубовато-белая звезда с массой в 15 раз больше Солнца. Она сформировалась быстро, и продолжение ее жизни - внутренние термоядерные реакции временно приостановили коллапс свертывания - требовало огромного количества энергии. Прошло всего десять миллионов лет, и звезда, которая преобразовала весь водород своей внешней оболочки в гелий, возобновила коллапс, пока температура центра не стала достаточно высокой для преобразования гелия в углерод; затем, когда весь гелий был истрачен, звезда повторила процесс и начала сжигать углерод. Но преобразующийся углерод еще выше поднял температуру, что заставило его гореть еще сильнее; это, в свою очередь, опять повысило температуру, и сброс оболочки прошел в звездных масштабах практически мгновенно. За несколько дней звезда превратилась в сверхновую, в миллиард раз превзошла яркость Солнца, взорвалась и начала расширяться, так что ее внешняя поверхность охватила пространство с радиусом, большим, чем у планеты Уран, и в этом процессе поглотила целую стаю планет.

Эти планеты числились следующей целью в списке "Искателя", и корабль как раз направлялся к этой цели, когда звезда взорвалась. Радиационный удар достиг корабля на расстоянии в три миллиарда миль.

Корпус "Искателя" выдержал удар относительно неплохо, но вторичное рентгеновское излучение и высокоэнергетические элементарные частицы - а все это определенно вредно для компьютеров - заполнили его внутренности. Большинство внешних сенсоров сгорело, навигационная система вышла из строя, многие программы стерлись или изменились, а сам "Искатель" повернул и снова исчез в глубинах межзвездного пространства.

Теперь он направился к небольшой желто-белой звезде в тысяче световых лет. Эта звезда тоже обладала семейством планет, и на третьей из этих планет потомки рода полуразумных обезьян овладели огнем и начали экспериментировать с каменными орудиями.

Сверхновые - исключительно редкое явление, в средней галактике они загораются два-три раза в год. Но как и из большинства обобщений, из этого тоже бывают исключения. Сверхновая, заставившая повернуть "Искатель", оказалась первой в небольшой цепи, разорвавшей местное скопление крупных звезд, образовавшихся примерно в одно время. В самой середине этого скопления располагалась нормальная долгоживущая звезда - родная звезда цивилизации чужаков. Чужаки так и не успели основать колонии за пределами своей системы, и поэтому вся их цивилизация погибла.

У всех случаются неудачи.

МИЛЛИОН ЛЕТ ДО Р.Х.

Через сто тысяч лет после того, как его обожгла вспышка сверхновой, "Искатель" вошел во внешние пределы планетной системы. Приборы дальней разведки функционировали у него лишь частично, исследовательские аппараты вообще бездействовали, и потому корабль сразу начал высадку на первом же встреченном им теле достаточного размера. Это оказался замерзший шар в три тысячи миль в диаметре, покрытая льдом скала, с морями жидкого метана и атмосферой из азота, водорода и метановых паров. Этот шар никак не отвечал критериям выгодной эксплуатации, но это не имело значения, так как программы, ответственные за разведку и оценку поверхности, не работали.

Однако программы, ведавшие деятельностью на поверхности, более или менее сохранились, и вскоре на скалистом выступе ледяного полуострова мелкого метанового моря начала функционировать Фабрика N_1 со всеми своими основными функциями. Компьютеры вновь созданной фабрики скопировали основную программу и стали выполнять первую задачу - создание Фабрики N_2. Соответственно контрольная программа Фабрики N_1 запросила у корабельной базы данных копию программы "Как построить Фабрику"; в этом файле заключался целый набор субфайлов "Как сделать машины, необходимые для строительства Фабрики", то есть роботов. И вот тут начались серьезные сбои.

У роботов имелись небольшие внутренние процессоры, которые можно было по радио перепрограммировать с фабрики, чтобы робот мог выполнить очередное задание. Это позволяло роботам действовать автономно под местным контролем и освобождало центральные компьютеры, которые ожидали сигнала: "Выполнено. Следующее задание?" Поэтому в роботах имелись специальные программы, которые обеспечивали обмен информацией между компьютерами фабрики и процессорами роботов.

При копировании программы "Как сделать Фабрику" были задействованы искаженные цепи: программа пошла не в центральную систему Фабрики, а в процессоры многочисленных роботов, которых она касалась, причем каждый робот воспринимал свою часть программы. В базе данных самой Фабрики никаких копий этой программы не было сделано. И что еще хуже, в этом процессе стерся оригинал программы, находившийся в корабле. И теперь программа "Как сделать робот типа Фред [ФРЕД, FRED, Friendly Robot Educational Device - самообучающийся робот]" содержалась только в роботах типа Фред на поверхности. И то же самое оказалось справедливо для всех остальных типов.

И вот когда контрольная программа фабрики передала приказ исполнительной программе начать создание производственных роботов, а исполнительная программа передала этот приказ системе управления базой данных, система управления обнаружила, что не может найти эту информацию. И получить копию с корабля тоже невозможно. Система управления базой данных сообщила об этом затруднении исполнительной программе; та передала контрольной программе; контрольная программа обвинила систему связи; система связи затребовала объяснений у передаточных инстанций. После длительных электронных разборок и обвинений было наконец установлено, что исчезнувшие субфайлы находятся в роботах на поверхности. По строжайшему приказу контрольной программы программа связи выбрала одного из Фредов первой категории из списка исполнительной программы и передала ему команду возвратить субфайл.

Но у Фреда не было полного субфайла этой программы: его память недостаточно обширна для нее. По той же самой причине ни один из Фредов не обладал всей программой. Программа разлилась по ним, как заполняются ведра из пожарного шланга: у каждого была своя часть; но в целом они как будто сохранили весь субфайл. И поэтому контрольной программе пришлось извлекать части из разных Фредов и совмещать их таким образом, чтобы это имело смысл. Контрольная программа создала таким образом свою версию и передала ее исполнительной программе для производства.

К несчастью, команда на запись информации на будущее каким-то образом затерялась, и каждый субфайл "Как сделать" для очередной группы Фредов после использования стирался, как только производство заканчивалось. И поэтому когда Фабрика N_1 закончила отправку роботов для строительства Фабрики N_2 и должна была выслать группу для выбора места под Фабрику

N_3, контрольной программе пришлось начинать все с начала. И то же самое приходилось делать при замене вышедших из строя роботов.

Все это заняло большое количество процессорного времени, перегрузило каналы связи и вообще было неэффективно, отчего встревожились электронные бухгалтеры. В результате возникла самосовершенствующаяся гибкая обучающаяся программа, которая отыскивала экономически неэффективные способы и старалась их усовершенствовать. После нескольких попыток контрольная программа обнаружила, что среди Фредов разных типов есть такие, которые содержат половину соответствующего субфайла, а это означало, что полный субфайл можно получить у двух индивидуумов, а не у всех сразу, как раньше. Соответственно программа начала отыскивать такие "совпадающие" пары как источник ответа на запросы исполнительной программы и перестала обращать внимание на остальных Фредов.

Вместе с первоначальными субфайлами "Как сделать Фред" были утрачены субсубфайлы программы "Что делать, после того как все сделано". Чтобы восполнить этот пробел. контролирующая программа запросила у исполнительной программы весь набор файлов, касающихся воспроизводства, и среди них, конечно, программу, как делать Фредов. И вот с конвейера стали сходить роботы с половиной "генетической" информации, автоматически встроенной в них, и этот цикл повторялся при производстве новых Фредов. Метод действовал, и контрольная программа так и не додумалась, что можно было просто записать эту информацию в базе данных фабрики, а не передавать от одного робота другому.

Но части программы могли перекомбинироваться и не повторяли в точности первоначальное сочетание, "геномы", составляющие их, редко оказывались идентичными, в некоторых встречались отрывки, стертые в других. И постепенно Фреды начали приобретать разную форму и вести себя по-разному.

Некоторые вообще никак себя не вели, а просто падали, не выдержав проверочного теста, их разбирали на части и снова пускали в производство. Таких было много.

Некоторые - на самых начальных стадиях - оказывались генетически неполными, "стерильными", и поэтому контрольная программа не запрашивала у них данные для самовоспроизводства. Они существовали, пока не изнашивались и выходили из строя.

Некоторые размножались пассивно, то есть передавали на фабрику свои половины субфайлов, когда их запрашивала

контрольная программа.

Однако некоторые унаследовали от первоначальной основной программы потребность производить роботов своего типа, их программа была организована таким образом, что они должны были постоянно искать возможности выполнить основное свое предназначение - произвести себе подобных. Роботы этой категории размножались активно: они вели себя так, чтобы их "генетические" половины обязательно попали в исполнительную программу.

Когда Фабрика N_1 перешла на производство товаров и материалов, роботы, соревновавшиеся за возможность участвовать в производстве, скоро заполнили всю ее память, и фабрика больше ничего другого делать уже не могла. Фабрика N_2 действовала по программа, скопированной с Фабрики N_1, и потому с ней случилось то же самое. И тот же цикл передался Фабрике N_3, которая уже начала сооружаться к этому времени.

Постепенно все больше фабрик начало возникать на скалистом берегу. Нестабильность, унаследованная от первых программ, передавалась копиям копий, перешла к последующим поколениям, и новые фабрики стали все больше различаться по форме и функции.

Материальных ресурсов почти повсюду не хватало, и так возникла конкуренция, на которую чужаки, создатели программ, не рассчитывали. Общины роботов каждой фабрики включали смесь из исследовательских, доставочных и разделочных роботов, которые удовлетворяли свои "аппетиты" в соответствии с потребностями фабрики, и те фабрики, которые оказались на более выгодных участках поверхности, выживали, если не процветали. Например, Фабрика N_10 расположилась в центре древнего метеоритного кратера двенадцати миль в диаметре; здесь высокая температура и удар обнажили скальное основание под слоем льда; Фабрика N_13 оказалась в глубокой трещине, где лед был относительно тонок, и смогла пробить шахту к более богатой материалами коре; а Фабрика N_15 разработала процесс синтеза более тяжелых атомов из более легких, которые вмерзли в раствор ледяной коры. Но многие фабрики, например, Фабрика N_19, которая размещалась на толстом поле льда и остановилась, когда вышли из строя бурильные роботы, а процесс синтеза атомов не сработал, - многие фабрики разделили ее судьбу, когда кончались пригодные материалы.

Роботы-стервятники сыграли большую роль в развивающемся странном метаболизме. Что бы ни приказывали контрольные программы многочисленных фабрик, выполнить можно было лишь то, для чего имелись возможности, запасные части, а это, в

свою очередь, зависело от способности стервятников отыскать их или найти такие собрания этих частей, которые можно разобрать - "переварить", чтобы использовать снова. Крайним примером может служить Фабрика N_24. Не в состоянии создавать части из сырья, потому что не действовала ее программа производства, она целиком зависела от своих роботов-стервятников. С другой стороны, Фабрика N_32 могла добывать сырье, но не могла его использовать, потому что была построена вообще без производственных мощностей. Ее роботы перешли к Фабрике N_47, которая могла производить запасные части для роботов с Фабрики N_32, и таким образом две этих фабрики смогли благополучно существовать в своеобразном симбиозе.

Груды разнообразного лома, которых не должно было бы существовать, если бы предыдущие стадии процесса исполнялись нормально, оказались съедены; вышедшие из строя машины съедены; корпуса переставших функционировать фабрик съедены. И когда эти источники исчерпались, некоторые машины начали пожирать друг друга.

Роботы-стервятники было сконструированы таким образом, чтобы отличать нормально функционирующие машины от вышедших из строя и пригодных для переработки. Однако, как и в других достаточно сложных процессах, в одних случаях эта установка срабатывала хорошо, в других - не очень хорошо, а в третьих - вообще не срабатывала. Некоторые модели стервятников готовы были уничтожить не только мертвого, лежащего Фреда, но и живого, функционирующего. Многие из жертв проявляли равнодушие к своей судьбе и вскоре вымерли, но другие сумели развить эффективную реакция "сопротивляйся или беги", и так началось разделение на добычу и хищников, а среди хищников - на питающихся материалами и машинами.

Не всегда этот процесс проходил успешно. Например, Фабрика N_50 была уничтожена собственными отпрысками: едва сойдя с конвейера, они начали разбирать ее на части и гордо нести эти части к началу производственного цикла. Ремонтные роботы не успевали справляться с повреждениями, и фабрика остановилась и стала добычей грабителей с Фабрик NN_36 и 53. Наиболее преуспевающие фабрики оборонялись, создавая агрессивные армии защитных "антител", которые распознавали роботов, произведенных своей фабрикой, и не трогали их, но уничтожали все "чужие" модели, оказывавшиеся поблизости. Постепенно это стало господствующей формой организации и обычно ассоциировалось с определенной территорией, где собирались и совместно защищались роботы одного происхождения.

К этому времени на месте Фабрик NN_1 и 2 осталось только несколько отверстий в скальном грунте. Эти фабрики не поспевали за временем, и их территория перешла под власть Фабрики N_65. А единственным следом от космического аппарата с "Искателя" осталось длинной круглое углубление на ледяном берегу жидкого метанового моря.

Инженеры чужаков создавали систему таким образом, чтобы постепенно возникла всепланетная связь с помощью спутников и станций на поверхности, но в данном случае это не получилось, потому что спутники не были запущены на орбиту, а наземные станции продержались недолго. Поэтому некоторые из вновь созданных организмов, лишенные сильных защитных средств, вынуждены были спасаться от голодных до металла империй просто расстоянием. Но предвидя возможные сбои в коммуникации, чужаки снабдили роботов вспомогательной системой программирования и обмена информацией между роботами и фабрикой в виде прямой физической электронной связи. Конечно, это гораздо более медленный процесс, чем радиосвязь, поскольку он требовал, чтобы роботы физически присутствовали на фабрике для перепрограммирования и отчета, но все же этот метод в удаленных местностях при отсутствии радиосвязи оказался лучше, чем ничего. И электронные бухгалтеры были спокойны, так как вложения возмещались.

Поскольку возможны любые нарушения функций, неизбежно некоторые организмы проявляли частичный или полный отказ от радио. Фабрика N_73 была построена роботами Фабрики N_66 вообще без радиосвязи. Все роботы этой фабрики использовали только вспомогательную, непосредственную связь, и фабрики, порожденные позже, унаследовали эту особенность. Но это означало, что радиус их действия резко сокращался.

Некоторые из этих "недостатков" в конечном счете оказались вовсе не недостатками. Партии грабителей смогли продвигаться все дальше, увеличили свои охотничьи территории и в качестве премии часто получали местности, ранее недоступные из-за своей географической удаленности. Больше того, процесс отбора привел к усовершенствованию анатомии роботов, участвовавших в таких операциях. Роботы с автономными небольшими процессами склонны были к отбору наиболее простых решений, но таких, которые можно осуществить возможно быстрее. Они выработали эффективные "рефлексы". Более сложные роботы, обладавшие радиосвязью, опирались на большие компьютеры и прибегали к более сложным решениям, но часто эти решения запаздывали и не приносили ничего хорошего. И таким образом эволюция привела к тому, что автономность стала нормой, а связь на

расстоянии вымирала и сохранилась только в нескольких изолированных районах.

Инстинкт, заставляющий периодически передавать половинки своей генетической информации на фабрику, стал постепенно универсальной особенностью роботов - потомки бывают только у тех предков, которые оставляют потомков, - и в ответ на исчезновение радиосвязи у роботов выработалось обыкновение через определенные промежутки времени возвращаться туда, откуда они пришли, "на родную землю". Но этот метод воспроизводства имел свои проблемы и поставил новые препятствия на пути эволюции.

Главная проблема заключалась в том, что индивидуум мог доставить только половину генома на фабрику, после чего контрольная программа должна была записать эту информацию и хранить до тех пор, пока не появится робот того же типа с отсутствующей половиной; только тогда контрольная программа могла передать команду производственной программе. Но очень часто контрольная программа оказывалась в промежутках занята другими проблемами, ей приходилось стирать половинку, чтобы освободить память для других настоятельных вопросов, - плохая новость для Фреда, доставившего свою половинку: выходит, он весь репродуктивный процесс проделал зря. Успешное решение этой проблемы пришло с появлением нового способа генетической рекомбинации; случайно этот способ привел и к разрешению "информационного кризиса", который начал сокращать объем возможных генетических вариантов, необходимых для усовершенствования в процессе отбора.

Некоторые роботы-мутанты знали, что должны передать свои половинки генетической программы куда-то, но куда именно, не знали или не думали об этом. Подходило все с электрическими связями и совместимыми внутренними программами, а это обычно означало других роботов того же основного типа. А так как робот, завершивший свои функции, обычно ожидал новой команды, перепрограммирования, которое приходило с фабрики, встречный донор оказывался очень кстати, если попадался в нужное время. Таким образом, многое зависело от обстоятельств и случайных совпадений.

Автономная память роботов по сравнению с памятью их предков постепенно увеличивалась, но рос объем и сложность и их программ, в результате у принимающего робота обычно не оказывалось достаточно места для постоянного сохранения программы "Как сделать Фреда". Половинку донора можно было принять, только уничтожив что-то из содержащегося в памяти. И это происходило по-разному в разных типах роботов.

В некоторых случаях новая запись стирала целую программу принимающего робота, и этот робот терял полностью способность осуществлять функции, контролировавшиеся этой программой. Обычно это приводило к гибели, и не оставалось потомков, готовых повторить ту же ошибку. Удачной альтернативой оказывалось стирание несущественных частей многих программ, что приводило к ухудшению общих функций робота: он терял быстроту, проворство, способность защищаться, но по крайней мере продолжал функционировать. Это ухудшение оказывалось временным, потому что когда робот доставлял всю генетическую программу на фабрику, его способности восстанавливались.

Зато в обмен на некоторые усложнения и несовершенства была получена огромная выгода: репродуктивные субфайлы доставлялись на фабрику в целом виде, их без промедления могла использовать производственная программа и не было опасности, что их сотрет слишком загруженная контрольная программа. Этот новый метод воспроизводства решил проблему надежности, которая стала серьезной помехой на пути прежнего - "асексуального" способа воспроизводства.

Информационный кризис, также разрешенный новым способом, возник в результате "инбридинга", близкородственного скрещивания, так как в распоряжении контрольных программ оказывались ограниченные генетические наборы местных "племен" и так как их сдерживали жесткие правила, оставленные инженерами цивилизации чужаков. Однако роботы могли выходить за пределы своих "племенных" границ, они ничего не знали об ограничениях в правилах и сочетали половинки генетической информации случайно и в таких сочетаниях, которые и в голову не могли прийти их создателям. Большинство возникавших в результате потомков не функционировало, и их разбирали прямо на самой фабрике. Но некоторые расходились во все стороны, и с них начался новый этап эволюционного процесса.

Расхождение сексуальных ролей усилило внешние физические отличия и привело к возникновению различий в поведении. Поскольку "самка", будучи "беременной", теряла свои защитные способности, ее шансы на "роды" значительно увеличивались, если "самец" оставался поблизости и заботился о них обоих, тем самым помогая доставить их объединенный генетический вклад. Отбор таким образом способствовал развитию "самцов" такого типа и "самок", предпочитающих скрещивание с такими "самцами". В результате "самки" стали разборчивы, а "самцы" в свою очередь выработали особые ритуалы, демонстрации, чтобы усилить свою привлекательность.

Население роботов таким образом приобрело доступ к генетическому многообразию, способности к рекомбинации генов, соперничеству, отбору и приспособлению - а это все необходимые признаки эволюции. Форма жизни потому что в результате получилась жизнь - разумеется, была странной, по земным стандартам; индивидуумы здесь обладали общими внешними системами воспроизводства, у них пищеварительные и иммунные системы были внешними, а не внутренними... и конечно, не было и в помине сложных цепочек углеродных молекул... Но было бы шовинизмом утверждать, что только такой химизм обязателен для жизни.

1

Карл Замбендорф стоял у окна своего номера в пентхаузе нью-йоркского отеля "Хилтон" и смотрел на Седьмую авеню. Это был высокий человек сорока с небольшим лет, немного полноватый, но стройный, с внушительной осанкой, с волнистыми длинными начинающими седеть волосами, с умными проницательными глазами и орлиным профилем; сходство с библейским патриархом усиливала заостренная борода, которую он для увеличения эффекта отбеливал. Хотя уже позднее утро, Замбендорфу только что принесли поднос с завтраком, он все еще был в спальной пижаме. Только что проснулся после позднего вчерашнего возвращения вместе со своей командой из Аргентины.

В предыдущем еженедельном выпуске известный аргентинский журнал назвал его "знаменитым австрийским чудотворцем" и поместил его фотографию на титульном листе, а ведущая самого популярного ток-шоу аргентинского телевидения представила его как "одного из самых загадочных людей двадцать первого века, медиума с неопровержимо подтвержденными наукой способностями..." Так встретили в Латинской Америке человека, который уже стал героем всех средств информации в Северной Америке и Западной Европе и чья способность читать мысли, предсказывать будущее, воздействовать на отдаленные события и добывать информацию, недоступную человеческим чувствам, была доказана, как заверяли публику, многочисленными опытами; однако суть его способностей наука пока не в состоянии объяснить.

- Карл, мне это не нравится, - сказал стоявший за ним Отто Абакян. Замбендорф поджал губы и неслышно присвистнул, ожидая продолжения. Такой разговор стал для них привычным за последние годы. Абакян выскажет все причины, почему им не следует связываться и подвергаться риску, а Замбендорф объяснит, почему у них нет выбора. Абакян продолжит возражения, но постепенно, неохотно вынужден будет

согласиться. Решив этот основной вопрос, они перейдут к частностям. Так происходило в среднем раз в неделю. Абакян продолжал: - Мы спятили, если согласимся на это. Вся ситуация слишком рискованная, мы можем себя выдать. Нам совсем не нужен этот риск.

Замбендорф отвернулся от окна и выпятил подбородок.

- Сообщалось, что это наша идея, и все газеты это подхватили, сказал он. - Теперь мы не можем позволить себе отказаться. Это не только подорвет наш авторитет, но и ухудшит наши отношения с ГКК... а ГКК может принести нам немало хорошего, Отто. Ситуация разворачивается не так, как мы ожидали. Но тут ничего нового нет. Мы справимся.

Отто Абакян, красивый стройный смуглый армянин с черными волосами, висячими усами и большими карими влажными глазами, потер переносицу костяшками пальцев, обдумывая эти слова, потом покачал головой и вздохнул.

- Какого дьявола ты ввязал нас в это дело, Карл? Ты ведь говорил, что Совет директоров ГКК вообще не обратит внимания на этого болвана Хендриджа. Поэтому-то мы все согласились с этой безумной идеей... потому что будет много возможностей для рекламы, когда нас отвергнет ГКК... ты сказал. - Он развел руки и раздраженно посмотрел в потолок. - А что мы получили? Марс! Как будто нам нечем больше заняться, только болтаться шесть месяцев у Марса. Неужели мы теперь никак не сможем отвертеться?

Замбендорф беззаботно пожал плечами и показал свои пустые ладони.

- Разумеется... можем отказаться и признать перед всем миром, что никак не рассчитывали, что к нам отнесутся серьезно... потому что именно так все будет подано. А что касается времени, то мы можем провести его лучше, но не обязательно. Кто знает? Когда в последний раз медиум действовал с Марса? В ситуации имеются возможности, которые нам и не снились.

- Весьма философский подход, - заметил Абакян без всякого энтузиазма. Хорошо Замбендорфу говорить о грандиозных планах и возможностях; а вся черновая работа выпадет на долю Абакяна и остальных членов команды.

- В философское состояние, мой дорогой Отто, мозг впадает всегда, когда нет возможностей изменить ситуацию. Именно так обстоит дело сейчас. Короче, у нас нет выбора.

ГКК, Генеральная Космическая Корпорация, совместно с САКО, Северо-Атлантической Космической Организацией, наследницей НАСА и соответствующих служб Западной Европы и

НАТО, планировали расширить испытательную станцию на Марсе с целью создания независимой колонии. Один из директоров ГКК, по имени Бейнс Хендридж, давно уверовавший в "экстра" и "паранормальное", недавний новообращенный в культе Замбендорфа, предложил отправить Замбендорфа с экспедицией, чтобы провести первоклассное испытание ясновидения и экстрасенсорной связи на космических расстояниях, а также испытать "экстра"-способности вне земных помех. Замбендорф, уверенный, что Совет директоров ГКК никогда на это не согласится, проявил явный энтузиазм, отчасти потому, что всякая другая реакция помешала бы ему организовать новое эффективное представление на тему "Ученые отказываются от вызова Замбендорфа", когда это предложение будет отвергнуто. Но влияние Бейнса Хендриджа оказалось значительней, чем он предполагал, Совет директоров принял его предложение, и теперь Замбендорф мог отступить только путем публичного унижения. А этого не позволял созданный им образ.

- Вероятно, ты прав, - после недолгого молчания согласился Абакян. Но мне по-прежнему не нравится мысль об участии в космической экспедиции САКО. - Он снова с сомнением покачал головой. - Это не то, что иметь дело с публикой. В этой экспедиции настоящие ученые... это другая лига, не то, что ослы, с которыми мы обычно имеем дело. Рискованно.

- Ученых обмануть легче всего. - Это была одна из любимых тем Замбендорфа. - Они мыслят прямо, предсказуемо, их мысли легко проследить, направить, в том числе и в нужную сторону. Они знают только мир, где все поддается логическому объяснению и все таково, каким кажется. Дети и фокусники - вот кто приводит меня в ужас. А ученые - никаких проблем; с ними я себя чувствую вполне уверенно.

Абакян невесело улыбнулся.

- Уверенность - это то, что ты чувствуешь, когда не вполне осознаешь ситуацию. - Он поднял руку и взглянул на часы.

Замбендорф уже собирался ответить, когда прозвучал вызов терминала связи. Абакян подошел, чтобы ответить. Экран загорелся, и на нем появилось гладкое, чисто выбритое лицо Дрю Веста, менеджера Замбендорфа; он говорил из другого номера этого же отеля.

- Группа Эн-Би-Си может появиться в любую минуту, - сказал Вест. Тебе лучше спуститься в вестибюль. - Кларисса Эйдстадт, занимавшаяся в группе связью с прессой, организовала запись короткого телеинтервью, оно должно быть передано позже, и тем самым будет отмечено возвращение Замбендорфа в Нью-Йорк.

- Иду, - ответил Абакян.

- Карл уже позавтракал? - спросил Вест. - Время кончается. У нас весь день расписан.

- Да, - сказал Абакян. - Он здесь. Хочешь поговорить с ним?

- Доброе утро, Дрю, - жизнерадостно сказал Замбендорф, подходя к экрану. Абакян уступил ему место. - Да, я почти готов. Как спал? - Он кивнул выходящему из комнаты Абакяну.

- Привет, Карл. Спасибо, хорошо, - ответил Дрю Вест. Ситуацию с Марсом Вест воспринял деловито. Если бы потребовалось отправить группу к Андромеде, он принял бы это точно так же, были бы деньги. - Группа Эн-Би-Си появится в течение ближайших пятнадцати минут, и до этого мы кое-что должны проделать. Если ты кончил завтракать, можем спуститься вниз.

- Давай, - сказал Замбендорф. - Поговорим, пока я одеваюсь.

- Буду через пару минут, Карл.

Внизу, в боковом фойе, выходящем на автостоянку, Отто Абакян делал вид, что изучает карту улиц Нью-Йорка; на самом деле он запоминал внешность и регистрационный номер фургончика, на котором приехала группа Эн-Би-Си; как раз сейчас две парней доставали из фургончика телекамеры и другое оборудование. Поблизости стояла модно одетая светловолосая женщина, водитель машины; она держала бриф-кейс и стопку бумаг и разговаривала с двумя коллегами - еще одной женщиной и мужчиной, которые приехали вместе с ней. Абакян решил, что она владелец машины и тот репортер, который будет интервьюировать Замбендорфа, но ему нужно было быть уверенным.

Эн-Би-Си не сообщила заранее имя репортера; само по себе это необычно и означает, что Замбендорфу готовят какую-то ловушку. Если бы Кларисса Эйдстадт или Дрю Вест начали расспрашивать, они, конечно, получили бы ответ, но тем самым уничтожили бы возможность, которую так наловчились использовать Замбендорф и его помощники. Разумеется, это рискованно: Абакян за очень короткое время мог ничего не узнать, но одно из преимуществ положения медиума в том, что отрицательные результаты быстро забываются.

Служащий отеля отвел машину, а женщина и двое ее сопровождающих направились в главный вестибюль; Абакян незаметно последовал за ними. Один их клерков за стойкой вопросительно поднял брови.

- Чем могу быть полезен, мадам?

- Меня зовут Марион Кирсон, я из Эн-Би-Си. Я договаривалась с помощником управляющего мистером Грейвзом о записи в вестибюле интервью с Карлом Замбендорфом. Можно ли

связаться с мистером Грейвзом?

- Минутку, сейчас я позвоню.

Ответ на один вопрос получен. И теперь результаты зависят от времени. Абакян повернулся, быстро прошел к терминалам связи, расположенным в глубине вестибюля, вошел в одну из кабинок, плотно закрыл дверь и набрал номер отдела регистрации машин штата Нью-Джерси. Несколько секунд спустя на экране появилось лицо человека с розовым мясистым лицом и лысеющей головой.

- Привет, Фрэнк. Давно не виделись. Как дела? - Абакян говорил негромко, но настойчиво.

Человек на мгновение нахмурился, потом узнал говорящего.

- А, это ты, Гарри! Неплохо. Как идет дела у частного детектива? Абакян давно привык появляться под многими масками и вымышленными именами.

- Жить можно. Послушай, мне нужна срочная информация. Условия обычные. Есть проблемы?

Фрэнк инстинктивно украдкой оглянулся.

- А в чем дело?

- Ничего особенного - семейные проблемы. Мне нужно установить владельца машины, которую видели в нескольких местах. Проверка обычных подозрений мужа.

Фрэнк облизал губы, потом кивнул.

- Хорошо. Номер есть?

- Зарегистрирован в Нью-Джерси, KGY27-86753.

- Минутку. - Фрэнк повернулся к другому экрану и занялся клавиатурой. Абакян достал блокнот и ручку и сидел в ожидании, стуча пальцами по терминалу.

- Ну? - спросил он, когда Френк отвернулся от экрана компьютера.

- Зарегистрирована на имя миссис Марион Кирсон, 2578 Мэйпл Драйв, Орейнжтон, - сказал Френк. - Нужно описание машины?

- Нет, у меня есть. Давно ли зарегистрирована по этому адресу и нет ли записи о нарушениях?

- Регистрация возобновляется три года подряд. Нарушений нет.

- Зарегистрированы ли по этому адресу другие машины? Какая информация об их водителях?..

- Хорошо, будем через несколько минут, - сказал Дрю Вест в экран терминала в гостиной номера Замбендорфа. Он прервал связь, повернулся и объявил: - Это Грейвз, помощник управляющего. Он с Клариссой внизу. Люди из Эн-Би-Си готовы и ждут нас.

Доктор Осмонд Перейра, средних лет, с волнистыми волосами, в темно-бордовом пиджаке с галстуком-бабочкой, с турецкой сигаретой в серебряном мундштуке, возобновил разговор с того места, где его прервал звонок. Предисловия и характеристики в его хорошо продающихся псевдонаучных книгах описывали его как открывателя и учителя Замбендорфа; несомненно, он был среди его самых ревностных сторонников и почитателей.

- Одна из наиболее интересных возможностей, которые представляет Марс, - это проверка предположения, что экстрасенсорная информация в своем распространении не подчиняется закону обратной пропорциональности квадрату расстояния. Эксперименты на Земле как будто свидетельствуют, что расстояние никак не сказывается на силе поля, но мне кажется, что расстояния здесь слишком малы, чтобы выявить значительные величины. В конце концов, хоть мы и вступаем в совершенно новую феноменологическую область, нельзя утрачивать реализм и научную обоснованность.

Замбендорф мигнул и потер нос тыльной стороной ладони. Способность Перейры изобретать самые нелепые объяснения подвигов Замбендорфа и самому совершено некритично и безоговорочно в них верить, удивляла даже Замбендорфа.

- Интересная мысль, - согласился он. - Другая интересная возможность - удаленность от отрицательных влияний положительно скажется на повторяемости.

Перейра бессознательно поднес руку к бабочке, обдумывая это предположение. Интересно, такое ему не приходило в голову.

- Я попробую разработать в пути тесты, чтобы проверить корреляцию повторяемости с расстоянием, - задумчиво сказал он. - Возможно, получим очень интересную информацию.

- Да, пожалуйста, сделайте это, - согласился Замбендорф.

Перейра повернулся к Бейнсу Хендриджу, темноволосому, гладко выбритому человеку с внешностью университетского профессора, на лице которого было обычное напряженное выражение. Хендридж рано утром явился в "Хилтон", чтобы лично сообщить о решении Совета директоров ГКК и пригласить Замбендорфа и его коллег на ленч с несколькими другими директорами.

- Хорошо установлен факт, что проявления паранормальных способностей зависят в своей повторяемости от негативного или критического отношения, объяснил Перейра. - Этот эффект согласуется с данными квантовой механики, которая устанавливает зависимость между наблюдателем и объектом наблюдения. - Хендридж кивнул, поглощая это откровение, и

выражение его стало еще напряженнее.

Прозвенел вызов с терминала связи. Ответил Дрю Вест, и на экране появилось лицо Отто Абакяна.

- Тельма здесь? - спросил Абакян, одновременно делая знак, что у него есть информация. - Мне нужно поговорить с ней. - Он хотел сказать, что не может говорить в присутствии Перейры и Хендриджа.

Замбендорф взглянул на Тельму, светловолосую, с отличной фигурой и длинными ногами, секретаря группы, которая внимательно слушала, сидя на диване у стены.

- Это, вероятно, насчет мест, которые я попросила его осмотреть в Нью-Йорке, - сказала Тельма. - Он собирался провести вторую половину дня в осмотре города.

- Поговори с ним, но только по второму аппарату за дверью, - сказал Замбендорф. Тельма кивнула, развернулась и исчезла в спальне. Дрю Вест отключил терминал и очистил экран. Перейра и Хендридж ужасно скучны временами, но их богатство и влиятельные знакомые делают выгодной дружбу с ними.

- А где будет ленч? - спросил Замбендорф, глядя на Веста.

- В австрийском ресторане, который тебе понравился в прошлый раз. В ресторане Хофмана на Тридцать восьмой улице, - ответил Вест. - Можем отправиться сразу после интервью. Меня ждет такси.

- Осмонд с нами? - спросил Замбендорф.

Перейра покачал головой.

- У меня встреча в это время, но спасибо. В следующий раз.

- Жаль, - сказал Замбендорф и еще минуты две поговорил о том, как готовят у Хофмана. Потом, решив, что дал Тельме с Абакяном достаточно времени, еле заметно кивнул Весту.

Вест взглянул на часы.

- Пора идти.

Джо Феллбург, черный гигант шести футов трех дюймов росту, бывший агент службы разведки, который исполнял обязанности телохранителя Замбендорфа и руководителя службы безопасности группы, отделился от стены у выхода, открыл шкаф и достал пальто Замбендорфа.

Надевая пиджак, Замбендорф покачал головой.

- Нет, мне кажется, погода недостаточно холодна для этого, Джо. Может, синяя шляпа... - Он осмотрелся. - А, да, я ее оставил там. Прошу прощения. - Он прошел в спальню, где ждала Тельма, и плотно закрыл за собой дверь. - Что получила? - негромко спросил он.

- Нам везет, - быстро заговорила Тельма. - Репортер женщина по имени Марион Кирсон. У нее шестиместный лимузин бьюик

2018 компакт, на водородном топливе, серебристо-серый, с черной внутренней отделкой, с белыми колесами; спереди со стороны водителя небольшая вмятина; регистрационный номер Нью Джерси KGY27-86753. Адрес Кирсон 2578 Мэйпл Драйв, Орейнжтон. - Замбендорф быстро кивнул, сосредоточенно запоминая. Тельма продолжала: - По тому же адресу зарегистрированы еще две машины: Уильям Кирсон, родился 4 августа 1978 года, пять футов десять роста, каштановые волосы, зеленые глаза, вес сто восемьдесят фунтов - должно быть, ее муж; машина USM газель, впервые зарегистрирована в этом году; превышение скорости в прошлом апреле, небольшое происшествие прошлой осенью; также Томас Кирсон, родился 14 января 2001 года, рост тоже пять десять, светлые волосы, серые глаза, сто двадцать фунтов; машина датцун 2013 - похоже, сын.

Замбендорф повторил информацию, и Тельма подтвердила, что он запомнил верно.

- Хорошо, - сказал Замбендорф. - Сможете с Отто раздобыть что-нибудь относительно тех из ГКК, с которыми у нас сегодня ленч?

- Может быть. У Отто есть несколько зацепок.

- Позвони мне или Дрю к Хофману после двенадцати тридцати, расскажешь, что нашли.

- Ресторан Хофман, Тридцать восьмая улица, после двенадцати тридцати, - подтвердила Тельма. - Хорошо. Вампора.

Десять минут спустя, в своей небесно-голубой шелковой шляпе, грациозно плывущей над серым бархатным пиджаком, Замбендорф спустился в вестибюль в сопровождении Дрю Веста, Джо Феллбурга; Осмонд Перейра и Бейнс Хендридж замыкали процессию. Их ждала Кларисса Эйдстадт, которая вела все дела по связи с прессой в группе; с коротко подстриженными черными волосами, падающими на лоб, в очках в тяжелой оправе-бабочке, со ртом, накрашенным слишком обильно и слишком ярко. Она проводила Замбендорфа к Марион Кирсон и группе из Эн-Би-Си, а вокруг начали собираться любопытные посетители отеля.

- Кто репортер? - спросил Замбендорф. - Блондинка в розовой кофте?

- Да.

- Имя ее знаешь?

- Мне не сказали, а я не спрашивала, - ответила Кларисса.

Замбендорф кивнул и улыбнулся про себя.

- Тем лучше.

А экзальтированная Марион Кирсон уже подносила микрофон к лицу Замбендорфа.

- И вот в Нью-Йорке, в отеле "Хилтон", вернувшийся только

вчера вечером из Латинской Америки Карл Замбендорф. Я уверена, он не нуждается в представлениях. Добро пожаловать домой.

- Спасибо.

- Как прошла поездка?

- Она была очень приятной и чрезвычайно успешной.

- Рада слышать это. Я сейчас перейду к нашей теме. Но вначале, прежде чем я много наговорю и выдам себя, я хотела бы ради наших зрителей предложить вам маленький тест. - Кирсон на секунду шаловливо улыбнулась. Я могу поклясться, что мы никогда раньше не встречались; наших зрителей может заинтересовать, что до сегодняшнего утра мы в Эн-Би-Си даже не знали, какой репортер пойдет брать это интервью. Меньше часа назад пятеро репортеров бросили жребий. - Она помолчала, давая возможность усвоить сказанное, потом сказала: - Мне интересно, Карл Замбендорф, что вы можете сказать обо мне, совершенно незнакомой женщине... кроме того, что я блондинка, среднего роста и у меня несколько веснушек. - Она улыбнулась в камеру своей шутке, потом снова повернулась к Замбендорфу и с любопытством ждала.

Замбендорф несколько секунд смотрел на нее, потом закрыл глаза и сосредоточился, словно концентрируя свои силы. Зрители в вестибюле стихли. Серьезное и спокойное выражение появилось на лице Замбендорфа, он слегка улыбнулся. И когда открыл глаза, лицо оставалось спокойным, но взгляд стал пронзительным.

- Вы живете не в городе, - медленно сказал он, глядя женщине в глаза. - Я вижу воду. Ваш дом за водой, но недалеко отсюда... на запад. Должно быть, через реку, наверно, в Нью-Джерси. Где-то в района Ньюарка... а название места предполагает цвет или фрукт... лимон, скорее апельсин... [Орейнж по-английски - апельсин, а также оранжевый цвет].

Глаза Кирсон удивленно распахнулись; оператор и инженеры обменялись взглядами, на них это явно произвело впечатление.

- Это... совершенно поразительно! - запинаясь, сказала женщина в камеру. - Клянусь, что мы с этим человеком до настоящей минуты не встречались.

- Рядом с вами двое мужчин, - продолжал Замбендорф. - Одного из них зовут Уильям, Уильям или Билл. Он старший из этих двоих... ваш супруг, если не ошибаюсь? - Кирсон ошеломленно кивнула. - Мммм, - понимающе продолжал Замбендорф. - Теперь я вижу его яснее... высокий, с каштановыми волосами... Нет, пожалуйста, ничего не говорите. Просто сосредоточьтесь, пожалуйста, на образе вашего супруга...

- Гмм! - Уолтер Конлон, директор Программы планетарных исследований Северо-Атлантической Космической организации, хмуро смотрел на листок бумаги; он прочел все возражения, замечания на полях и вычеркивания, сделанные красными чернилами и подписанные различными руководителями САКО, и вызывающе поднял голову. У него цветущее розовое лицо с косматыми густыми бровями; живость и неуживчивость лица особенно подчеркивают белоснежные коротко подстриженные волосы, а также небольшой, но крепкий нос картошкой. Старшие специалисты САКО называли Конлона гномом. По-прежнему не понимаю, что тут плохого, - сказал он. - Тут сказано все, что должно быть сказано, и все основано на фактах. Вам нужна моя подпись. Но я не специалист по политической косметике и этим делам "не трогайте мои веснушки". Что еще я могу сказать?

Алан Брейди, недавно назначенный директором отдела общественных связей Северо-Американского отделения САКО, широкоплечий, светловолосый, модно одетый, сидя на стуле напротив, с усилием сдержал свое раздражение. Его предупреждали, что в отношениях с Конлоном могут возникнуть проблемы, и он считал, что, пытаясь получить подпись Конлона о пресс-релизе Корнинга относительно НЛО, который должен выйти на следующий день, обеспечивает себе его хорошее отношение. Но черновик, который пришел на терминал через пятнадцать минут после запроса Брейди, чуть не вызвал сердечный приступ у специалистов отдела общественных связей.

- Но мы не можем допускать такие утверждения, Уолт, - возразил Брейди. - По существу тут утверждается, что сенатор США либо простофиля, либо обманщик... И...

- Так оно и есть, - возразил Конлон. - И то, и другое. В научном отношении он абсолютно невежествен, и по правде говоря Новое Евангелие Научного Единства интересует его не больше, чем меня средневековая турецкая поэзия. Это все чистая политика - ассигнования, массовые движения, шумиха, чепуха и вздор. Можете цитировать мои слова.

Брейди на мгновение поджал рот, потом успокаивающе поднял руку.

- Ну, хорошо. Может, и так, но мы не можем делать подобные утверждения в официальном заявлении САКО. Не говоря уже об этике, мы правительственная организация и не должны делать своими врагами таких людей, как Корнинг. Такие программы, как наша, постоянно нуждаются в ассигнованиях... - Он смолк, покачал головой и удивленно взглянул на Конлона. - Но мне незачем говорить вам все это, Уолт. Вы знаете, как действует

система. Нам нужно просто что-то более мягкое в выражениях и тактичное. Там можно вообще ничего не утверждать.

Конлон покачал головой.

- Не от меня. Прецедент зашел слишком далеко; этого вообще не должно быть. Мы не должны иметь отношение к таким вещам. Если так будет продолжаться, то скоро все тронувшиеся и свихнувшиеся сторонники культов будут устраивать демонстрации у Белого Дома и решать, чем должна заниматься САКО. Не хочу связываться с ними. Хватит с меня этого вздора с Замбендорфом и Марсом. У меня нет на это времени, нет средств, нет людей.

Церковь Нового Евангелия и Единстве в Орегоне выпустила новый перевод библии вместе с новейшими псевдонаучными открытиями текстов древних астронавтов и выступила с новой "рациональной" доктриной, в которой все откровения и загадочные происшествия прошлого объяснялись посещением доброжелательных чужаков, обладающих сверхъестественными силами и имеющих доступ к тайнам, к который будет допущено и человечество, когда закончит курс своего "обучения". Второе Пришествие - это просто символическое обозначение времени, когда эти Силы снова проявят свое присутствие, а весь фольклор НЛО был вплетен в учение, как доказательство неизбежности Дня Возвращения. Новая церковь утверждала, что у нее миллионы новообращенных, обладала огромными средствами и усиленно боролась за научное признание. И скептики замечали, что в случае удачи она получит доступ к федеральным ассигнованиям на исследовательские цели. Ортодоксальные ученые, которые осмелились опровергать утверждения секты, оказались в обычном положении проигрывающих при любом исходе: если они отвечали, объявлялось, что они признают важность заявлений секты, если не отвечали, утверждалось, что у них нет объяснений и ответов. Церковь пользовалась поддержкой сильного лобби, которое между прочим требовало, чтобы возможности и средства САКО использовались для исследования феноменов НЛО; в качестве главного представителя этого лобби выступал сенатор Корнинг из Орегона. А Корнинг настолько часто появлялся в газетных заголовках, что САКО должна была как-то ответить.

Брейди пытался найти возможность что-то получить от этой встречи.

- Ну, я думаю, вопрос с Корнингом как-нибудь уладит наш отдел, но тут опровергается вообще феномен НЛО, и при этом не выбираются выражения. - Он снова сел и умоляюще развел руками. - Зачем настраивать против себя множество людей, которым нет никакого дела до Корнинга, которые равнодушны к

любой религии, но программа космических исследований их интересует? Среди интересующихся НЛО немало тех, кто поддерживает САКО. Зачем ссориться с ними?

- Я занимаюсь наукой, а нет тем, чтобы добиваться популярности, поддерживая распространенные мифы, - ответил Конлон. - Такое признание обозначало бы поиск объяснения фактов. Но нет никаких фактов, нуждающихся в объяснениях. Точка.

Брейди удивленно взглянул на него. Сам он не ученый, но пытался держаться на уровне, читая популярную литературу. А в небесах, несомненно, случается кое-что такое, чего ученые объяснить не могут. И, даже не беря во внимание требования Корнинга, Брейди нравилась мысль, что САКО серьезно займется исследованиями этой проблемы. И для общественного мнения полезно, и будет потом о чем рассказать друзьям.

- Но что-то ведь в этом есть, - возразил он. - Я хочу сказать, что 95 процентов - вздор, но как быть с остающимися пятью? Как их объяснить?

Конлон фыркнул и потер лоб. Сколько раз уже он слышал подобное?

- Я не могу объяснить и никто не может, - ответил он. - Поэтому их и называют неопознанными. Все дело в значении этого слова. Тут не больше загадки, чем в автомобильных происшествиях. Если проанализировать статистику, то обнаруживается, что определенный процент катастроф связан с пьянством, часть - с неосторожностью, часть - с недостатками в технике и так далее, пока не останется пять процентов, для которых никто не может указать причину и никогда не укажет. По неизвестным причинам - но нет никаких оснований видеть здесь связь с чужаками. То же самое с НЛО.

- Но ведь нет и доказательств того, что они не связаны с чужаками, заметил Брейди.

- Я никогда этого не утверждал, - ответил Конлон. - Я не могу доказать, что Санта Клаус не существует. Вы не можете доказать обратное. С точки зрения философии это невозможно.

- Так что же вы утверждаете? - спросил Брейди.

Конлон развел руками и пожал плечами.

- Я сказал вам, что я ученый. Науке об этом нечего сказать. Это не научная проблема.

- Как вы можете такое говорить, Уолт? - недоумевающе спросил Брейди. - Проблема связана с космосом, с космическими полетами, с чуждой жизнью... Как можно утверждать, что она не научная?

- Теорию делает научной ее логическое построение, а не

содержание. Одно из условий научности теории - ее доступность для проверки. Должен существовать какой-то способ проверки того, не ложная ли она. Доказать с абсолютной надежностью истинность теории невозможно. Если вы утверждаете, что некоторые НЛО могут быть космическими кораблями чужаков, я с вами согласен. Я не могу доказать ложности этого утверждения. Я могу только сказать то, что говорит наука. Эта теория не поддается проверке. Понимаете, что я имею в виду?

Брейди неохотно покачал головой.

- Не могу принять этого. Наука должна иметь возможность оценить эти наблюдения, проверить их хотя бы частично.

- Вы правы. Давайте перевернем логику и сформулируем такое утверждение: ни один НЛО не есть космический корабль чужаков. Вот эта теория может быть легко проверена, но не теми доказательствами, что были приведены до сих пор.

- Но разве нет астрономов, которые заявляли это публично? - настаивал Брейди.

- Каких астрономов?

- Ну, я не могу с ходу припомнить их имена, но вы ведь сами читали.

- Фе! - Конлон скорчил гримасу. - Вы имеете в виду таких, как Яницкий?

- Да, он один из них.

- Он был ученым, сидел запершись в своей лаборатории, и никто никогда о нем не слышал. А теперь он знаменитость. Некоторые ради известности способны на все. А много ли таких вы найдете? Легко пересчитать по пальцам одной руки, а в такой большой стране можно всего ожидать. Это ничего не значит, Эл. Меньше двух процентов профессиональных астрономов считают возможным всего лишь упоминать эту тему. Это ведь что-нибудь значит. После нескольких секунд молчания Конлон кивнул. - Вообще спрашивать астрономов о чем-либо подобном нелепо. Они не компетентны.

- Что?! - воскликнул Брейди.

- А что вообще астрономы знают о НЛО? - спросил Конлон.

Брейди беспомощно поднял руки.

- Как мне на это ответить? Ведь это происходит в небе, верно? А астрономы должны все знать о небе.

- А что происходит в небе?

- Что происходит в небе? Ну, что, как говорят люди, они видят.

- Совершенно верно. - Конлон откинулся и довольно развел руки. - Люди говорят, что видят. Все свидетельства сводятся к показаниям очевидцев. А что понимают астрономы в оценке

показаний? Сколько раз в своей научной карьере астроному приходилось решать, верит ли свидетель в свой рассказ, видел ли на самом деле свидетель, что, как ему кажется, он видел, или ему просто показалось? Понимаете? Астроном - это не тот, кто нужен. Нужен хороший юрист или полицейский детектив. Только у них есть чем заняться, помимо исследования НЛО.

- Но по крайней мере мы знаем, что астроном не бутафорская фигура, сказал Брейди.

- Ну, если это вам нужно, почему бы не обратиться к хирургу или игроку в покер? - Конлон покачал головой. - Если ты специалист в одной области, твое мнение от этого не становится более ценным в другой. Но, к сожалению, такие специалисты часто считают себя непогрешимыми во всем остальном, и люди им верят. Это можно увидеть повсюду: экономисты и политики, которые считают, что разбираются в атомной энергетике лучше инженеров АЭС; юристы, пытающиеся определить, кто чужак, а кто нет; физики лауреаты Нобелевской премии, которых с помощью простейших трюков дурачат так называемые медиумы. Что знает физик об обманах и мошенничестве? Кварки и фотоны не лгут. Есть, конечно, фокусники и маги, они специалисты по обманам, они умеют дурачить людей, но кто подумал спросить их?

Лицо Конлона во время разговора несколько смягчилось, и Брейди начал понимать, что он на самом деле хочет сказать: согласен Уолтер Брейди с ним насчет НЛО или не согласен, у Конлона и его людей из отдела планетарных исследований есть дела поважнее, чем оценка действий сенатора Корнинга. Это дело самого Брейди. И то, как Конлон ерзает в кресле, говорит, что его терпение подходит к концу и больше он выражать свое мнение не хочет.

Брейди развел руки, кивнул и начал собирать бумаги со стола Конлона. Потом встал.

- Простите, что отнял у вас время, - сказал он. - Мы займемся этим. Я просто подумал... может, вы захотите внести какой-то вклад. - Он повернулся и направился к выходу.

- Эл, - окликнул его Конлон, когда тот уже выходил. Брейди остановился и оглянулся. - Я понимаю, что вы хотели как лучше. Не думайте, что вас одурачили. Вы справитесь сами, я это знаю. Надеюсь, мы с вами поняли друг друга.

Брейди ответил слабой улыбкой.

- Наверно, - сказал он. - Как-нибудь еще поговорим об НЛО.

- Давайте.

- Будьте уверены. - С этими словами Брейди вышел.

Конлон вздохнул. Некоторое время он сидел, глядя на свой

стол, опершись подбородком о руку. Он думал, к чему это все приведет: лозоискатели, которых нефтяные компании нанимают для поисков залежей; степени докторов "паранормальных" наук, которые раздаются университетами; статьи свихнувшихся, которые печатают научные журналы с серьезной репутацией; политики, требующие сокращения исследований на ядерную физику, потому что существует "неограниченная космическая энергия", приходящая через пирамиды, а в это время Соединенные Штаты вынуждены заказывать современные токамаки в Японии.

Все труднее найти хорошего инженера или техника. Наука, инженерное дело, подлинные умения, профессионализм, все то, что требует напряженной работы, терпения и усидчивости, - все это становится не модным у молодежи. А те, кто выучивается, кто становится настоящим специалистом, стремятся уехать за море, где больше возможностей. Народы Японии, Китая, Индии и Африки слишком долго жили близко к реальной действительности, чтобы их увлекли "поиски самих себя", что бы это ни означало, или стремление к загадочному благословению. Вступив в двадцать первый век, они быстро теряли веру в волшебство и суеверия, которые ничего не дают, и на их месте создавали современную индустриализованную высокотехнологичную цивилизацию.

Конлон сам отчетливо не сознавал, когда начался этот распад - во второй половине двадцатого столетия, думал он, вспоминая прочитанное. Раньше, как кажется, американская система работала надежно, она стимулировала созидательность и производительность, она впервые в истории подняла стандарты жизни всего народа. Но образ мыслей меняется медленней технологии. Когда распространение автоматизации сделало возможным ничтожными усилиями удовлетворять все основные потребности жизни, возникли новые, искусственные потребности, которые давали занятия машинам и рабочим.

Теперь, когда Третий Мир сам заботился о себе, основная часть изобретательности и усилий Запада тратилась на пустяки, на производство хлама для внутреннего рынка. К сожалению, разумные, образованные и проницательные люди - не лучшие потребители; поэтому не делались попытки вырастить разумное, образованное и проницательное население. Средства массовой информации перестали служить просвещению и информации, а стали орудием манипулирования, некритически настроенная публика сделалась легкой добычей рекламы, а школьная система дегенерировала до такой степени, что готовила только идеальных, ни о чем не задумывающихся потребителей. Однако,

несмотря на обилие теорий о заговоре, которые были распространены среди интеллектуалов, ученых и политических активистов, Конлон не верил, что все это сознательно задумано магнатами промышленности: простое следствие эволюции, понемногу за раз, естественный отбор всего того, что выгодно для потребления, для получения прибылей.

Мысли его прервал вызов терминала связи на столе, Конлон нажал кнопку доступа. На экране появилось лицо человека лет пятидесяти, с высоким лбом и отступающей назад линией волос, резкими чертами лица, густой бородой, в которой уже видна седина, и яркими проницательными слегка насмешливыми глазами. Это был Джеральд Мейси, профессор психологии познания в университете Мериленда, один из давних друзей Конлона. Мейси был также известным фокусником, и его особенно интересовало разоблачение различных паранормальных феноменов. Именно знакомство с этой стороной деятельности Мейси послужило источником упоминания о ней Конлоном в разговоре с Брейди.

- Привет, Уолтер, - сказал Мейси. - Компьютер сообщил мне, что ты звонил. В чем дело?

- Привет, Джерри. Да, звонил вчера. Где ты был?

- Во Флориде, в Талахасси.

- Да? И что там было?

- Мы с Верноном проводим там одно исследование. - Вернон Прайс, ассистент Мейси, его помощник на сцене и соучастник преступления. - Мы представляем "экстра"-способности Вернона группам студентов по всей стране. Некоторым заранее сообщают, что это фокус, другим говорят, что все взаправду. Наша цель - установить, как предрасположенность влияет на интерпретацию людьми увиденного, как это отражается на их объяснениях. Специальностью Мейси было изучение того, почему люди верят в то, во что они верят.

- Интересно.

- Да, но я сомневаюсь, чтобы ты из-за этого звонил мне, - ответил Мейси.

- Ты прав. Послушай, мне бы хотелось встретиться и поговорить. Относительно одного проекта САКО, но я сейчас не могу вдаваться в подробности. Насколько ты занят?

- Похоже, ты мне предлагаешь работу, - заметил Мейси. Говоря это, он взглянул на свой терминал, что-то привел в действие, потом посмотрел в сторону, за пределы видимости экрана. - Какое-то время занят ежедневно, сказал он. - А можем встретиться вечером? Мы пообедаем и, может, отправимся в итальянский ресторан, который тебе нравится.

- Звучит неплохо, - сказал Конлон.

- Как насчет завтра?

- Подходит. О... я приведу с собой Пита Уайттейкера. Он с этим связан.

- Конечно. Я его давно не видел. - Патрик Уайттейкер - один из руководителей Всемирной Информационной Сети, главного поставщика телепрограмм и баз данных. Мейси заинтересованно спросил: - А в чем дело, Уолт? Ты не можешь мне сейчас что-нибудь подсказать?

Конлон криво усмехнулся.

- Пусть Вернон узнает через "экстра". Нет, правда, давай подождем до завтра. В шесть тридцать подойдет?

- Хорошо. Ну, значит, увидимся.

Конлон снова посмотрел на стол, обдумывая свой следующий шаг. Наконец взгляд его остановился на папке, пришедшей из отдела предварительной оценки. В папке содержатся материалы относительно марсианского проекта. Рядом лежал номер "Вашингтон Пост", сложенный так, что видна была статья, посвященная возвращению Карла Замбендорфа в Штаты. Лицо Конлона покраснело, рот сжался.

- Медиум! - мрачно произнес он.

3

- Послушайте, у нас выступление по телевидению в семь тридцать, крикнул через перегородку Дрю Вест водителю такси. - Нам нужно там быть через двадцать минут.

Негромко бранясь про себя, шофер подал назад машину, едва не задев идущую за ней, резко повернул по встречной полосе под звуки сигналов и скрип тормозов и выехал с улицы Уорик в переулок, чтобы миновать пробку в конце Манхеттена у туннеля Холланд. Одна сторона улицы на протяжении семи кварталов чернела огромным уродливым сооружением из алюминиевых плит и стальных решеток - это злополучный Нижневестсайдский демонстрационный солнечный проект, он должен был показать, что город может получать электричество непосредственно от солнца. Прежде чем от этого опрометчивого проекта отказались, на него затратили двести миллионов долларов из городского бюджета. Деньги эти пошли на то, чтобы научить городских политиков тому, что инженеры давно знали. Но по крайней мере это сооружение спасало от дождя, и процветающий блошиный рынок возник под аркадами, перекрывающими улицу.

- Я уверен, здесь есть еще что-то, Дрю, - возобновил разговор Замбендорф, когда Вест сел на место. - Ланг и Снелл были всего лишь вежливы, чтобы не ставить в неудобное положение Хендриджа. Классические чиновники корпорации, прагматичные,

жесткие, не интересующиеся всяким вздором И ни капли информации от них. Они пришли на ленч совсем не потому, что интересуются паранормальными явлениями. У ГКК есть какой-то другой интерес.

Вест кивнул.

- Согласен. Больше того. Чутье говорит мне, что они представляют официальное мнение Совета директоров ГКК. Утверждение, что Совет директоров интересуется опытами с медиумом в районе Марса - только для публики. Но если это так, почему они на самом деле хотят послать нас, Карл?

Такси остановилось на пересечении с Бродвеем. Сидя с другой стороны от Замбендорфа, Джо Феллбург внимательно следил за группой неопрятных юнцов, которые разговаривали и курили на углу.

- Ну, может, в корпорации решили, что пора представить космос людям, - предположил он.

Замбендорф нахмурился и взглянул на Веста. Вест пожал плечами.

- Что ты имеешь в виду? - спросил Замбендорф у Феллбурга.

Тот заметно расслабился, когда такси снова двинулось, повернул голову от окна и разжал свои большие черные кулаки.

- Ну, космос, космические базы всегда предназначались для астронавтов, ученых, людей из САКО. Не для всякого. Ну, если САКО намерена когда-нибудь открывать колонии в космосе, надо как-то изменять это представление. Они могут решить, что появление Карла на Марсе - хорошая идея.

- Мм... ты имеешь в виду популярную фигуру, с которой все могут соотносить себя... - Дрю Вест кивнул заинтересованно. - Возможно, это имеет смысл... Да, ты мог бы укрепить такое отношение в сознании людей... И это объясняет, почему Ланг, Снелл и, вероятно, все остальные руководители ГКК согласились с Хендриджем, хотя, наверно, считают его психом.

- Это я вам и говорю, - сказал Феллбург. - Их совершенно не интересует, настоящий Карл медиум или мошенник.

Замбендорф задумчиво погладил бороду, обдумывая это предположение. Потом кивнул, вначале медленно, потом быстрее. Наконец рассмеялся.

- В таком случае нам не о чем беспокоиться. Если ГКК серьезно заинтересована в эксперименте, никто не будет стараться разоблачать нас. Вообще хорошая пресса о нас даже в их интересах. Так что в конце концов все оборачивается для нас выгодно. Я вам говорил, что Отто слишком беспокоится. Это настоящий кусок торта, вот увидите, кусок торта.

Такси повернуло на Фултон-стрит, и все увидели группу

евангелистов с плакатами, предупреждающими об опасности сношений с ТЕМНЫМИ СИЛАМИ и провозглашающих Замбендорфа НАМЕСТНИКОМ САТАНЫ. Евангелисты стояли на тротуаре у здания телестудий Эн-Би-Си, напротив торгового центра. Дрю Вест заметил Клариссу Эйдстадт, ждущую у обочины перед толпой, и попросил шофера остановить такси возле нее. Она села рядом с шофером и знаком предложила ему ехать дальше.

- Сегодня этих придурков многовато, - сказала она, поворачиваясь к перегородке. - Главный вход осажден, но я знаю служебный боковой. - Потом шоферу: - Здесь направо... Высадите нас возле тех парней, что разговаривают с двумя полицейскими.

Такси остановилось, все вышли. Пока Вест расплачивался с шофером, Кларисса передала Замбендорфу сложенный листок бумаги, который тот сунул во внутренний карман. На бумаге записаны наблюдения Отто Абакяна и Тельмы, все, что они заметили и услышали за час. Они заглядывали в сумочки, когда посетители расплачивались за билеты, слушали разговоры в женском туалете и в баре. На таких, казалось бы, незначительных мелочах базируются многие знаменитые чудеса.

Группа вошла в здание, Замбендорф извинился, сказав, что ему нужно вымыть руки. На самом деле он хотел прочесть заметки, которые дала ему Кларисса. Через пять минут он присоединился к остальным и был представлен Эду Джексону, ведущему популярного "Шоу Эда Джексона", в котором Замбендорф будет главным участником. Джексон некоторое время изливал свой энтузиазм в стандартной телевизионной манере, потом ушел, чтобы начинать шоу с первыми участниками - для разогрева публики. Замбендорф со своими спутниками пили кофе, разговаривали с телеработниками и смотрели шоу по монитору. Подошла гримерша и нанесла Замбендорфу на нос и лоб несколько мазков. Замбендорф еще раз спросил, когда будут заранее оговоренные вставки рекламы.

Наконец наступило время выхода на сцену, и Замбендорф оказался сбоку, за кулисами, вместе с помощником режиссера, а Эд Джексон тем временем настраивал аудиторию, заполняя время рекламной паузы. Потом повернулся, вытянул выжидательно руку, и оркестр тут же взорвался трубным крещендо; режиссер ткнул пальцем из своей будки, и Замбендорф прошел вперед в яркий свет юпитеров; его встретил гром аплодисментов и всеобщее возбуждение.

Замбендорф раскланивался в разные стороны, отвечая на аплодисменты, Джексон улыбался, наконец они сели за низкий столик со стеклянной поверхностью, и Джексон начал свою

обычную процедуру:

- Карл, добро пожаловать на шоу. Я думаю, мы все гадаем, какие сюрпризы вы для нас сегодня приготовили. - Он немного помолчал, давая время зрителям освоиться, потом продолжил: - Были ли вы... гм... удивлены небольшой демонстрацией на улице, когда приехали?

- О, меня никогда ничего не удивляет. - Замбендорф улыбнулся и выжидательно посмотрел на аудиторию. Через одну-две секунды его вознаградил взрыв смеха.

Джексон тоже улыбнулся.

- Серьезно, Карл, некоторые религиозно настроенные члены общества все время предупреждают нас относительно ваших способностей и того, как вы ими пользуетесь, что вы вторгаетесь в запретные области, от которых нельзя ждать ничего хорошего, что вы имеете дело с силами, с которыми нельзя связываться, ну, и так далее... Что вы ответите на такие опасения? Они беспочвенны? Или есть все-таки что-то, что следует сказать людям?

Замбендорф на секунду нахмурился. Это всегда деликатный вопрос. Любое согласие ничего ему не даст, но и прямой отказ тоже не в его интересах.

- Мне кажется, этот тот случай, когда на одно и то же разные люди смотрят по-разному, - сказал он. - Эти люди смотрят на действительность с религиозной точки зрения, и, естественно, на них сказываются традиционные религиозные взгляды и предубеждения... должен сказать, что не все они совместимы с современными взглядами на устройство вселенной и на наше место в ней. - Он виновато пожал плечами и быстро развел руки. - Я интерпретирую факты с научной точки зрения. Иными словами, я занимаюсь теми новыми феноменами, которые пока лежат за пределами научной любознательности. Но это не значит, что они запретны или таинственны. Так могли относиться к электричеству в Средние Века. Это просто загадка загадка, которую не может объяснить современный уровень знаний, но которая тем не менее в принципе объяснима и будет объяснена с течением времени.

- Что-то такое, к чему нужно относиться с уважением, но чего не нужно бояться, - заключил Джексон соответствующим серьезным тоном.

- Больше всего людей пугает то, что порождено их же сознанием, ответил Замбендорф. - То, чем мы занимаемся, открывает совершенно новые походы к сознанию человека. Лучше познав себя, люди сумеют лучше справляться с собственными страхами. Обычно люди больше всего бояться испугаться.

- Может, тут вообще нет никакого противоречия, - заметил Джексон. Может быть, религиозные мистики на протяжении столетий испытывали то же самое, что вы сейчас пытаетесь использовать на сознательном уровне, научно... ну, например, так же, как магнетизм: ведь его использовали задолго до того, как поняли. В основном вы говорите то же самое.

- Именно так я вижу эту проблему, - согласился Замбендорф. Средневековая церковь преследовала Галилея, но сегодня религия согласуется с ортодоксальной наукой. Можно многое понять из этого прецедента. Замбендорф был совершенно искренен: только имел он в виду совершенно не то, что большинство из зрителей.

Джексон почувствовал, что аудитория пресытилась серьезной материей и глубокой философией, и решил, что пора продвигаться дальше.

- Я знаю, что вы вернулись из длительной поездки, Карл, - из Аргентины. Как она прошла? Больше ли активности и энтузиазма в Латинской Америке, чем у нас?

- О, поездка была очень успешной. Мы все наслаждались ею и встретились с массой интересных людей. Да, там начинают серьезные исследования по нашей теме, особенно в одном университете, где мы побывали... Но, говоря о длительных поездках, слышали ли вы еще об одной? Мы только что получили подтверждение.

- Нет, расскажите нам.

Замбендорф взглянул на аудиторию, потом прямо в камеру.

- Мы отправляемся на Марс в составе экспедиции САКО. Мало кто знает, какие серьезные исследования проводит САКО в области паранормальных явлений, особенно в связи с передачей информации и воздействии на расстоянии. - Это правда. Мало кто знает; а те, кто знают, знают также, что САКО никаких таких исследований не проводит. - Мы в течение некоторого времени вели переговоры с САКО при посредничестве одной из основных космических корпораций, теперь достигнуто соглашение о проведении целого ряда экспериментов. Из цель - проверить, как сказываются внеземные условия на паранормальных феноменах...

Замбендорф некоторое время рассказывал о марсианской экспедиции, преувеличивая роль своей группы, но в то же время не говоря ничего определенного. Джексон внимательно слушал, кивал в нужных местах и давал соответствующие ответы, но все время следил за аудиторией в ожидании первых признаков невнимательности.

- Все это замечательно, Карл, - сказал он, решив, что напряжение достигло максимума. - Мы желаем вам успеха в нашем мире... или, может, лучше сказать - вне нашего мира... и

надеюсь, вы снова будете участвовать в нашем шоу - после экспедиции.

- Спасибо. Я тоже надеюсь на это, - ответил Замбендорф.

Джексон повернулся лицом непосредственно к Замбендорфу, положил ногу на ногу и позволил рукам лечь на ручки кресла. Перемена позы означала изменение настроения и темы. Он озорно улыбнулся, давая знать, что подходит к части, которой все ждут. Замбендорф сохранял серьезное выражение лица.

- У меня в кармане предмет, - признался Джексон. - Он потерян кем-то и передан в администрацию незадолго до начала нашего шоу. Вероятно, он принадлежит кому-то из зрителей в нашей студии. Мы подумали, может, Замбендорф что-нибудь скажет по этому поводу. - Он на секунду отвернулся и сделал искренний жест в сторону аудитории и камеры. - Честно, друзья, тут никакой подделки. Клянусь, никакого сговора. - Он снова повернулся к Замбендорфу. - Мы решили, что это неплохая мысль. Как я уже сказал, у меня в правом кармане предмет. Можете вы сказать о нем что-нибудь... или о его владельце? Должен сказать, я в таких вещах не разбираюсь... Может, это слишком сложное испытание, но... - Он замолчал, увидев застывшее выражение лица Замбендорфа. Аудитория стихла.

- Очень неясно, - сказал Замбендорф после паузы. - Но я думаю, что могу нащупать связь... - Голос его прозвучал резче. - Если здесь кто-то потерял что-нибудь, пожалуйста, молчите. Посмотрим, что можно сделать. Он снова смолк, потом сказал Джексону: - Помогите мне, Эд. Суньте руку в карман и коснитесь предмета пальцами. - Джексон послушался. Замбендорф продолжал: - Проводите по нему пальцами и представляйте себе его зрительно... Сконцентрируйтесь сильнее... Да, так лучше... Ага, сейчас кое-что яснее... Этот предмет сделан из кожи, из коричневой кожи... Я думаю, это мужской бумажник. Да, я в этом уверен. Я прав?

Джексон удивленно покачал головой, достал из кармана легкий светло-желтый бумажник и высоко поднял его, чтобы все видели.

- Если владелец здесь, пожалуйста, ничего не говорите, - напомнил он аудитории, повышая голос, чтобы перекрыть аплодисменты и удивленные возгласы. - Должно быть кое-что еще. - Он с новым уважением взглянул на Замбендорфа. А когда заговорил, голос его звучал негромко и серьезно; очевидно, он не хотел нарушить сосредоточенности медиума. - А как насчет владельца, Карл? Вы видите что-нибудь?

Замбендорф вытер лоб и вернул платок в карман. Потом взял бумажник, зажал в ладонях и внимательно посмотрел на него.

- Да, владелец здесь, - объявил он. И обратился к неизвестному владельцы: - Сосредоточьтесь, пожалуйста, посильнее, постарайтесь передать мне в сознание свой образ. Когда будет установлен контакт, вы ощутите легкое покалывание в затылке, но это нормально. - Снова наступила тишина. Люди закрывали глаза, пытаясь уловить присутствие странных сил. Потом Замбендорф сказал: - Я вижу вас... вы смуглый, стройный человек, на вас светло-синий костюм. Вы здесь не один. Рядом с вами два человека, они вам близки... наверно, члены семьи. И вы сейчас далеко от дома... в нашем городе вы гость, турист, я думаю. Вы приехали с юга. - Он посмотрел на Джексона. - Пожалуй, все.

Джексон повернулся и заговорил, обращаясь к аудитории:

- Можете теперь показаться, если вы здесь, мистер Смуглый, Стройный и В Синем, - сказал он. - Присутствует ли здесь владелец бумажника? Если он здесь, пусть встанет и представится.

Все начали поворачивать головы, осматривая студию. И вот в глубине у прохода медленно встал мужчина. Стройный человек, с наружностью испанца, с иссиня-черными волосами и короткими усиками, в светло-синем костюме. Он был ошеломлен и стоял, потирая лоб пальцами. Выглядел он неуверенно и не знал, что ему делать. Мальчик рядом с ним тянул его за рукав, а смуглая женщина в следующем кресле что-то говорила и знаками показывала на сцену.

- Пожалуйста, подойдите сюда, чтобы опознать вашу собственность, сэр, - сказал Джексон. Человек кивнул и начал пробираться по ряду под аплодисменты, пока не смог наконец пройти вперед. Шум стих, Джексон прошел к краю сцены и заглянул в бумажник. - Это ваш? - спросил он, глядя вниз. Человек кивнул. - Какое имя там написано? - спросил Джексон.

- Там написано Мигель, - сказал со своего места Замбендорф.

- Он прав! - Джексон сделал удивленный жест, приглашая зрителей разделить свое благоговение. Он посмотрел на Замбендорфа, потом протянул бумажник Мигелю. - Откуда вы, Мигель? - спросил он.

Мигель наконец обрел способность говорить.

- Из Мексики... я здесь в отпуске с женой и сыном... Да, это мой бумажник, мистер Джексон. Спасибо. Он бросил нервный взгляд в сторону Замбендорфа и торопливо пошел назад, на свое место.

- С днем рождения, Мигель! - сказал ему вслед Замбендорф.

Мигель остановился, повернулся и удивленно взглянул на него.

- Разве у вас сегодня не день рождения? - спросил Джексон. Мигель покачал головой.

- На следующей неделе, - объяснил Замбендорф. Мигель шумно глотнул и остальное расстояние до своего места преодолел бегом.

- Ну, как вам это понравится! - воскликнул Джексон, широко разводя руки, а аудитория откликнулась продолжительными аплодисментами и одобрительными выкриками. Замбендорф за Джексоном отпил воды из стакана и позволил атмосфере еще больше накалиться. Он мог бы добавить, что неизвестный благодетель, отдавший администрации бумажник, вынув его из кармана Мигеля, тоже обладал смуглой кожей - это был армянин, - но такое сообщение ухудшило бы впечатление.

Теперь аудитория готова. Аппетит ее разгорелся, и она хотела новых чудес. Замбендорф встал со своего места и прошел вперед, а Джексон инстинктивно отодвинулся в сторону, превратившись в зрителя: теперь это полностью шоу Замбендорфа. Замбендорф поднял руки; аудитория снова стихла, на этот раз тишина была напряженной и выжидательной.

- Я много раз повторял, что то, что я делаю, совсем не волшебство, сказал он; его звучный голос гулко отдавался в студии. - Это есть у всех. Я вам покажу... В данный момент я посылаю вам в мозг представление о цвете - всем вам - обычный цвет. Раскройте свое сознание... Видите? - Он посмотрел в камеру, которая его снимала. - Расстояние не имеет значения. Вы все, кто смотрит наше шоу дома, вы тоже можете присоединиться к нам. Сосредоточьтесь на представлении о цвете. Исключите все остальное из мыслей. Что вы видите? - Он повернул голову из стороны в сторону, подождал и воскликнул: - Желтый! Это желтый цвет! Кто из вас его видел? - Примерно четвертая часть собравшихся подняла руки.

- Теперь число! - сказал Замбендорф. Лицо его излучало возбуждение. Число между десятью и пятьюдесятью, обе цифры нечетные, но разные. Например пятнадцать... но одиннадцать не подойдет, потому что обе цифры одинаковые. Да? Теперь... думайте! Чувствуйте! - Он закрыл глаза, поднес сжатые кулаки к вискам, подержал их так секунд пять и объявил: - Тридцать семь! - На этот раз примерно треть рук поднялась вверх под хор "ох!" и "ах!", и впечатление было еще более сильным. - Наверно, кое-кого я смутил, - сказал Замбендорф. - Я хотел сказать тридцать пять, но в последний момент изменил намерение и... - Он остановился, так как примерно еще половина зрителей подняла руки; вообще все собравшиеся восторженно размахивали руками. - О, очевидно, кое-кто из вас это уловил. В следующий раз мне нужно быть

определенней.

Но никто уже не упрекал его в этой небрежности: у всех складывалось впечатление, что они участвуют в абсолютно необычном и чрезвычайно значительном событии. Неожиданно всем показалось, что любые жизненные неприятности и проблемы могут быть решены очень просто: нужно только пожелать, чтобы они не существовали. Каждый может постигнуть эту тайну, она доступна всем. Неизбежное становится более приемлемым, недостижимое делается тривиальным. Нет больше одиночества и беззащитности. Учитель поведет их. Они пойдут за ним.

- Кто здесь Алиса? - спросил Замбендорф. Ответило несколько Алис. Из города на дальнем западе... на берегу, - уточнил он. Одна из Алис оказалась из Лос-Анжелеса. Замбендорф увидел неизбежное бракосочетание, в котором участвует кто-то из членов ее семьи - ее дочь. Алиса подтвердила, что ее дочь в следующем месяце выходит замуж. - Вы много о ней думаете, сказал Замбендорф. - Поэтому я так легко уловил. Ее ведь зовут Нэнси?

- Да... Да, Нэнси. - Взрыв аплодисментов.

- Я вижу океан. Ее жених моряк?

- Он служит во флоте... на подводной лодке.

- Он инженер?

- Нет, штурман... Но, наверно, тут и инженерные знания нужны.

- Совершенно верно. Благодарю вас. - Длительные аплодисменты.

Замбендорф рассказал об успешной сделке, заключенной этим утром торговцем одеждой из Бруклина, после некоторых колебаний сообщил телефонный номер и профессию рыжеволосой молодой женщины из Бостона и правильно назвал счет футбольного матча, в котором участвовали два парня из второго ряда в прошлый четверг.

- Вы тоже можете это! - настаивал он, его звучный голос без микрофона разносился по всей студии. - Я вам покажу.

Он прошел к краю сцены и смотрел прямо вниз, а за ним Джексон на доске записывал цифры.

- Сосредоточьтесь на первой цифре, - сказал всем Замбендорф. - Все вместе. Теперь посылайте мне мысль... Думайте... Так лучше... Три! Я вижу три! Теперь следующая цифра... - Он правильно определил семь цифр из восьми. - Вы хорошо поработали, очень хорошо. Попробуем что-нибудь потруднее.

Он достал заранее подготовленный черный бархатный мешок и предложил Джексону и нескольким зрителям проверить, что он

непрозрачный и в нем нет отверстий. Потом повернулся спиной и позволил Джексону одеть себе на голову мешок как повязку на глаза. Затем, под руководством Замбендорфа, Джексон молча указал на женщину из числа зрителей, а женщина выбрала среди своих вещей одну и высоко подняла, чтобы все могли видеть. Это оказалась зеленая ручка. Потом она указала на другого зрителя, мужчину, сидевшего от нее в пяти рядах дальше от сцены, и тот повторил эту процедуру. Он поднял часы на серебряном браслете, и так продолжалось и дальше. Джексон записывал предметы у себя на доске. Потом отвернул доску от зрителей и Замбендорфа и сказал, что можно снимать повязку.

- Помните, я рассчитываю на всех вас, - сказал Замбендорф. - Вы все должны помочь мне достичь успеха. Теперь первый предмет - думайте о нем, представляйте его себе. Теперь шлите мне... - Он нахмурился, сосредоточился и указал на свой лоб. Аудитория удвоила усилия. К ней присоединились сидящие дома зрители. - Писать... это имеет отношение к письму, - сказал наконец Замбендорф. - Ручка! Теперь цвет. Цвет... зеленый! Я увидел зеленый цвет. Вы посылали зеленый? - К тому времени, как он правильно назвал пятый предмет, аудитория была вне себя.

Закончил Замбендорф тем, что показал всем сплошной металлический стержень примерно в два фута длиной и свыше дюйма толщиной. Джексон не смог его согнуть, не смог ни один из трех зрителей.

- Но сила мозга побеждает материю, - провозгласил Замбендорф. Он попросил Джексона подержать прут, потом легко коснулся его центра пальцем. - Здесь потребуются совместные усилия, - сказал Замбендорф. - Всех здесь и всех дома. Я хочу, чтобы вы все сосредоточились на сгибании. Думайте: сгибайся. Говорите: сгибайся! Сгибайся! - Он взглянул на Джексона и кивнул, произнося это слово.

Джексон понял и начал дирижировать рукой.

- Сгибайся! Сгибайся! Сгибайся! Сгибайся!... - повторял он, голос его становился все громче и настойчивей.

Постепенно это слово подхватила вся аудитория.

- Сгибайся! Сгибайся! Сгибайся! Сгибайся! - Замбендорф повернулся к зрителям и широко развел руки. Глаза его горели в свете юпитеров, зубы сверкали белизной. - Сгибайся! Сгибайся! Сгибайся! - Он положил руку на прут. Джексон ахнул и широко раскрытыми глазами смотрел на сгибающийся стержень. Замбендорф взял у него стержень и высоко поднял его одной рукой, торжествующие глядя на зрителей, Стержень продолжал сгибаться под гром тысячи голосов. Слышались женские крики.

Некоторые побежали по проходу к выходам. Бородатый человек с орлиным профилем, держа в руках открытую библию, поднялся на сцену, обвиняюще указал на Замбендорфа и начал читать что-то неразличимое в общем гуле, пока работники службы безопасности не схватили его.

Зритель из Делавера пытался пробиться через забитые каналы Эн-Би-Си, чтобы сообщить, что его алюминиевый стул согнулся в тот момент, как Замбендорф приказал стержню согнуться. У другого в это время перегорело освещение. В Вайоминге в курятник ударила молния. В Алабаме загорелась стиральная машина. У восьми человек случились сердечные приступы. Часы в Калифорнии пошли в обратном направлении. У двух беременных произошли выкидыши. В Теннеси остановился ядерный реактор.

В контрольной комнате за студией один из видеоинженеров изумленно и недоверчиво смотрел на экран монитора.

- Бог мой! - сказал он технику, который в соседнем кресле жевал бутерброд с тунцом. - Да если бы он велел им отдать ему все их деньги, сорвать одежду и бежать за ним в Китай, знаешь что, Чет? Они бы сделали это.

Чет, продолжая жевать, обдумал его слова.

- Или на Марс, может быть, - ответил он после долгого задумчивого молчания.

4

На следующий день ранним вечером Конлон и Уайттейкер подъехали к дому Джералда Мейси, который находился в тупике на северной окраине Джорджтауна. Высокий, просторный и прочный, этот дом в то же время был неряшлив и производил впечатление какой-то груды, как будто его части строили не одновременно, стены и карнизы торчали в разные стороны во всех направлениях, крыша наклонялась под разными углами, а на одном углу торчала нелепая башенка в стиле шато. Интерьер представлял собой паутину перекрещивающихся коридоров и комнат, с лестницами и нишами в самых неожиданных местах, со старомодными подъемными окнами и огромным количеством резьбы и деревянных панелей. Часть подвала содержала разнообразный хлам, накапливавшийся у Мейси в течение жизни, а в другой части находилась лаборатория, в которой он разрабатывал оборудование для своих психологических тестов и совершенствовал искусство фокусника; выше на этажах, наряду с обычными жилыми помещениями, размещалась большая библиотека, компьютерный кабинет, а также помещения для многочисленных гостей, от студентов, временно лишившихся жилья, до уличных фокусников и профессоров других

университетов.

В отличие от широко распространенного, в том числе и среди ученых, мнения, научная квалификация не имеет отношения к умению разоблачать творцов чудес, читателей мыслей, медиумов и тому подобного. Ученых можно обмануть сознательным мошенничеством или бессознательным самообманом так же легко, как среднего юриста, а иногда даже легче, потому что значение и уважение, добытые в одной области, часто вызывают сознание своей непогрешимости и в других областях. Мир природных феноменов, который изучают ученые, может иногда поставить в тупик, но он не способен на сознательное мошенничество и в конце концов всегда поддается разумному объяснению. Теорему можно доказать, расчеты проверить, наблюдения повторить, предположения обосновать. В природе не бывает двусмысленностей. Но в человеческих делах так бывает редко, и здесь нелогичность и обман норма. Чтобы поймать вора, нужно нанять вора, говорит пословица; чтобы разоблачить фокусника, нужно быть фокусником. И если познания физика и нейрохимика не помогут в постижении изобретательности человеческой иррациональности и искусства профессионального обманщика, то знания психолога и фокусника очень могут помочь. Джералд Мейси был и тем, и другим и завоевал немалый авторитет в правительственных и частных организациях как консультант и исследователь в вопросах сверхъестественного и паранормального.

Именно благодаря этому Мейси и Конлон познакомились. В 2015 году некий "медиум" утверждал, что перемещается на огромные расстояния "в астральной плоскости" и описывал черты поверхности Урана и Нептуна в ярких подробностях. Когда там побывал французский аппарат и прислал снимки, противоречащие его рассказам, он заявил, что, наверно, недооценил свои способности и на самом деле побывал на планете какой-то далекой звезды! В 2017 году появился другой - с рассказом о телах в разбитом космическом корабле чужаков, который якобы спрятан на тайной базе в Неваде. Еще год спустя кое-кто в Вашингтоне серьезно подумывал о привлечение некоей калифорнийской фирмы, которая проверяла пригодность специалиста по нелепой нумерологической системе, включающей компьютерные персональные "психометрические карты конфигурационной пригодности". А в САКО время от времени неизбежно возникали разговоры по поводу вечной проблемы НЛО. Мейси полагал, что Конлон хочет поговорить с ним о сенаторе Корнинге и так называемой церкви из Орегона. Но он ошибся. Конлон часто привлекал его к странным ситуациям и

изредка посылал в разные далекие места. Но ничего подобного еще не было. Конлон ни разу не просил его покинуть Землю и вместе с экспедицией САКО устремиться в космос.

- Идея заключается в том, чтобы превратить базу пилотов на Синус Меридиани в экспериментальное смешанное сообщество, где примерно пятьсот человек смогут представить данные о влиянии внеземных условий на жизнь для создания будущих колоний, - объяснял Конлон, сидя в кожаном кресле перед старинными часами в форме египетского саркофага. - Необходимо изучить, как такие условия отразятся на большой группе людей, какого типа стрессы они вероятнее всего будут испытывать, и так далее. Это означает, что там должно быть большое количество психологов. Официально ты будешь одним из них, а Вернон - твоим помощником. Неофициально - кое-кто в САКО хотел бы раскрыть всю правду относительно этого Замбендорфа... может, даже окончательно его разоблачить, если представится такая возможность. Дело заходит слишком далеко, Джерри. Надо что-то делать. Если не остановим сейчас, скоро астрологи будут определять удобное время для стартов.

Мейси удивленно взглянул на него со своего дивана. Он полулежал, упираясь ногой в частично разобранный волшебный ящик, который уже несколько недель собирался убрать.

- Конечно, нужно что-то делать, - согласился он. - Но не понимаю, почему это вообще происходит. Прежде всего почему САКО посылает этого Замбендорфа?

Конлон вздохнул и развел руки.

- Мне известно вот что... Было много переговоров на самом верхнем уровне между САКО и ГКК, в подробности я не посвящен. Во всяком случае основные ассигнования идут от ГКК. Все правительственные деньги уходят на оборону; социальные эксперименты на Марсе даже в список не попадают. Когда правительством завладели юристы и бухгалтеры, нам в планетарных исследованиях все больше приходится рассчитывать на частный сектор. Естественно, при этом такие корпорации, как ГКК, получают возможность участвовать в планировании и проведении политики.

- Может, лучше вообще отказаться, - сказал Вернон Прайс, сидевший на резном стуле спиной к церковному органу, который Мейси шесть лет назад нашел на свалке вблизи Миссисипи. Прайсу еще нет тридцати, это тощий человек, с темными волосами и внимательными блестящими карими глазами. - Я хочу сказать: если экспедиция превращается в цирк, отделу планетарных исследований нужно держаться от нее подальше.

Конлон покачал головой.

- Я слышу, что вы говорите, Вернон, но мы не можем этого сделать. Слишком велики научные возможности, их нельзя упустить. К тому же эта экспедиция впервые по-настоящему воспользуется "Орионом", а мы должны сохранить его, теперь, когда готовятся обширные проекты по исследованию планет. Если мы откажемся, "Орионом" полностью завладеет Пентагон и министерство обороны. Мы не можем этого допустить.

Европейско-американская научная база вблизи марсианского экватора в районе Синус Меридиани возникла вначале как американский ответ на советский план организации постоянной базы в южном полушарии Марса, в местности, называемой Солис Лакус. Но американская программа застряла из-за трудностей разработки атомного двигателя, необходимого для поддержания человеческой жизни на межпланетных расстояниях. Срочная программа, осуществленная совместно с Европой и Японией, позволила создать прототип действующей системы, и база в Синус Меридиани стала создаваться как совместный европейско-американский проект, отставая на два года от первоначального американского плана и от Советов; вскоре после этого космические организации по обе стороны Атлантики слились в виде САКО. Их совместная напряженная программа позволила в какой-то степени ликвидировать отставание и вызвала появление ряда кораблей с атомным двигателем. Последним из таких кораблей был "Орион" - первый корабль, способный перевозить на межпланетные расстояния большие грузы и много пассажиров. Завершенный на орбите в 2019 году, "Орион" больше полугода совершал испытательные полеты между Землей и Луной, на шесть месяцев опережая аналогичный проект, осуществлявшийся японцами самостоятельно. Советы, которые сосредоточили свои усилия на строительстве грандиозной околоземной платформы, не имели больших межпланетных кораблей, так что у Соединенных Штатов появилась хоть какая-то компенсация за предыдущие фиаско.

Мейси повернул голову и взглянул на Уайттейкера, высокого, загорелого, с темными вьющимися волосами, едва начинающими седеть на висках, который сидел в кресле против Конлона. Обладая большим независимым доходом, он всегда рассматривал свою работу как интеллектуальное упражнение, как вызов своей способности справляться с проблемами и казался Мейси какой-то загадкой.

- А вы какое к этому имеете отношение, Пит? - спросил Мейси. - Или хотите для перемены получить какие-то свежие новости?

Уайттейкер мигнул и ответил:

- Возможно, так и будет.

Уайттейкер часто говорил, что новости - это то, что чем-то отличается от предыдущего. Но чудотворцы, неминуемые катастрофы, несуществующее сверхоружие Советов, экономический развал - это всегда рядом, и все другие новости, которые приковывают к экранам миллионы зрителей, не очень от них отличаются. Поэтому они не новости. Вот если повернуть все наоборот и разоблачить какой-то действительно выдающийся обман - это будет новость.

- Ну, что ж, если Пит сумеет извлечь из этого что-нибудь интересное, возможно, другие корпорации перестанут в будущем совать свой нос в дела САКО, - заметил Вернон.

- Этого я и хочу, - кивнул Колон.

Уайттейкер развел руки и скорчил гримасу.

- Ну, я хотел сказать... использовать экспедицию САКО для разоблачения этого вздора... Неужели вы думаете, что директора ГКК в него верят?

Мейси пожал плечами.

- Откуда мне знать? Сегодня меня уже ничего не удивляет, Пат. Надеюсь, ваши парни из Всемировой Сети не очень зависят от их рекламы.

- Какого дьявола? - сказал Уайттейкер. - Кто-то должен положить конец этому вздору, прежде чем он зайдет слишком далеко.

Больше говорить было нечего. Конлон перевел взгляд с Вернона на Мейси и просто спросил:

- Ну, как?

Те посмотрели друг на друга, но никто из них не стал задавать дополнительных вопросов.

- Как ты думаешь? - спросил наконец Мейси.

Вернон поднял брови, согнул плечи, развел руками, показывая, что ответ может быть только один. Мейси медленно кивнул, потянул себя за бороду, еще немного подумал и посмотрел на Конлона.

- Я думаю, мы согласимся, Уолт. Договорились.

Конлон выглядел довольным.

- Хорошо. "Орион" стартует через три месяца. Через сорок восемь часов получим подтверждение САКО, включая вопрос о вознаграждении. В течение недели обсудим остальные подробности. Нужно будет пройти подготовительный тренировочный курс в центре подготовки персонала САКО в Северной Каролине для тех участников экспедиции, кто не относится к САКО, так что последние три недели оставьте свободными, договоритесь о временном отсутствии в

университете и тому подобное.

Уайттейкер откинулся в кресле, потер руки и взял со стола свой пустой стакан.

- Я думаю, пора наполнить снова, - сказал он. - Всем то же самое?

- Сейчас сделаю, - сказал Мейси.

Уайттейкер следил, как Мейси собирает пустые стаканы и относит их к открытому винному бару.

- Видели Замбендорфа в шоу Эда Джексона вчера вечером?

- У-гм, - хмыкнул Мейси через плечо.

- Неплохое представление, - сказал Уайттейкер.

- О, Замбендорф - отличный артист, не сомневайтесь в этом, - ответил Мейси. - Если бы он занимался только этим, из него вышел бы первоклассный цирковой иллюзионист и фокусник. Но вот с его утверждением, что все это подлинное, никак не могу согласиться. Очень многие верят в это и тратят время и деньги в поисках волшебной страны, чтобы обрести смысл жизни. Это трагичная растрата человеческих потенциалов и талантов.

- Ну, номер с цветами и числами достаточно прост, мне кажется, сказал Уайттейкер.

- Простая теория вероятности, не так ли? - спросил Конлон, глядя на Вернона. Тот кивнул. Уайттейкер вопросительно посмотрел на него.

- В аудитории такого размера достаточно людей, подумавших о желтом цвете, чтобы произвести впечатление. Можно было бы назвать и другой цвет, - объяснил Вернон. - Замбендорф вообще никакой цвет не задумывал. Аудитория поверила ему на слово.

- А как же числа? - спросил Уайттейкер. - Тут не могло быть то же самое. Тридцать сколько-то... тридцать семь, кажется? Я думал, результат будет гораздо хуже.

- Большинство тоже так подумало, - сказал Вернон. - Но вспомните, что сказал Замбендорф: число меньше пятидесяти, причем обе цифры нечетные и различные. И если помните, одиннадцать и пятнадцать он привел в пример. Это еще больше сужает круг, потому что по какой-то причине никто не задумывает то, что уже названо. Из оставшихся чисел в любом случае примерно треть задумает тридцать семь. Никто не знает, почему. Просто предсказуемое поведение. Психологи называют это "стереотипом населения". А примерно двадцать три процента назовут тридцать пять. Так что все его слова о том, что он в последний момент изменил свое намерение, обман: просто ему нужно было, чтобы общий результат превзошел половину. И сработало - можно было подумать, что все подняли руки.

- Мммм... интересно, - сказал Уайттейкер.

- Помните, Замбендорф сказал женщине, что ее дочь выйдет замуж за морского офицера, штурмана, на подводной лодке? - спросил Мейси, отворачиваясь от бара и возвращаясь с двумя стаканами.

- Да, - ответил Уайттейкер. - Это впечатляет. Как он мог все это узнать?

- А он не знал, - просто ответил Мейси. Уайттейкер удивился. Мейси передал выпивку Уайттейкеру и Конлону и вернулся к бару, чтобы налить себе и Вернону. - Вас обманывает память, Пат. У меня есть запись всего шоу, я прокручу, если хотите. Замбендорф сказал только, что дочь Алисы собирается выйти замуж за моряка. Он не говорил о военно-морском флоте, не говорил о подводной лодке и не упоминал штурманское дело. Все это назвала сама Алиса, но этого люди обычно не запоминают. В сущности Замбендорф даже предположил, что этот парень инженер - вполне разумное предположение, но, как оказалось, ошибочное, и Алиса его поправила. И не только поправила она превратила его промах в полупопадание, потому что сама же дала и объяснение. Заметили? Готов поручиться, что практически никто этой его ошибки не заметил. А вот если бы он угадал верно, все бы запомнили. Люди видят и запоминают то, что им хочется видеть и помнить. Замбендорфы во всем мире этим умело пользуются.

Вернон кивнул.

- Единственная информация, которую он выдавал сам, это то, что ее дочь выходит замуж за моряка.

- Но это откуда ему могло быть известно? - спросил Уайттейкер.

Мейси пожал плечами.

- Это можно проделать многими способами. Например, тот, кто до начала шоу побродит по помещениям, многое может услышать.

Уайттейкер удивился.

- Серьезно? Вы шутите! Я хочу сказать... это же слишком просто. Даже ребенок мог бы до этого додуматься.

- С легкостью, - согласился Мейси. - Но большинство взрослых об этом не думают. Поверьте мне, Пат, он так действует уже много лет. Чем проще ответ, тем менее очевиден он для большинства людей. Они всегда ищут объяснения посложнее, какие только можно вообразить.

- Неужели с бумажником тоже было подстроено? - спросил Конлон. Марта говорит, что должно быть, но я не уверен. Не думаю, чтобы Эд Джексон согласился на такую наглую ложь.

Мейси собрался ответить, но случайно задел рукой стол и

пролил немного вина.

- О, простите, Пат! Вот, я позабочусь об этом, - воскликнул он, поставив стакан и слегка промакивая воротник жилета Уайттейкера. Маленькое пятнышко, ничего не будет заметно. - Мейси снова взял свой стакан, сел на диван и взглянул на Конлона. - Прости, Уолт. Так что ты говорил?

- Я сказал, что не уверен, что бумажник подброшен.

- О, да, я с тобой согласен, - сказал Мейси. - Мексиканец показался мне абсолютно искренним. Эта часть совсем не разыграна.

Уайттейкер перевел взгляд с Мейси на Вернона, который странно улыбался, потом снова посмотрел на Мейси.

- Но... как же он тогда узнал, что это бумажник, и как знал о его владельце? - спросил он.

- Вы на самом деле хотите узнать? - небрежно спросил Мейси.

- Конечно. - Уайттейкер выглядел удивленным. - А что в этом такого забавного? Я пропустил что-то очевидное? Если и так, то со мной абсолютное большинство.

Молчание продолжалось несколько секунд. Потом Вернон сказал:

- Вспомните, мы совершенно уверены, что у Замбендорфа было несколько помощников. Информация, которую он сообщил, как раз и может содержаться в бумажнике плюс описание владельца бумажника. А теперь подумайте об этом.

Уайттейкер задумался, потом посмотрел на Конлона. Тот пожал плечами. Уайттейкер снова посмотрел на Мейси, покачал головой и показал пустые ладони.

- Ладно, сдаюсь. Откуда он узнал?

Мейси рассмеялся, достал из-под мышки бумажник Уайттейкера и бросил владельцу.

- Это вам ничего не говорит? Кстати, на вашем бумажнике ничего нет, так что не беспокойтесь.

- Вы шутите! - возразил Уайттейкер. - Его просто украли, а потом вернули?

- Поняли, Пат? Слишком просто, чтобы догадаться.

- А вещи, которые показывали люди, когда он стоял с завязанными глазами?

Мейси стряхнул с брови воображаемую пылинку, потер большим пальцем кончик носа, слегка провел пальцем слева направо по верхней губе и прижал мочку правого уха.

- Помощник, подающий условные сигналы откуда-то из передних рядов.... вероятно, армянин, по имени Абакян, он всегда держится поближе к Замбендорфу, но в то же время его никогда не видно.

- А металлический стержень?

- Ну, это стандартное оборудование волшебника. Если бы вы такое увидели в другом месте, вежливо поаплодировали бы и согласились, что это ловкий трюк. Между прочим, это один аспект исследований, которыми мы с Верноном сейчас занимаемся. Поразительно. Люди, поверившие, что были свидетелями действия паранормальных сил, продолжают верить в

это, даже когда соглашаются, что любой фокусник может проделать то же. Никакие обращения к разуму этого не изменят. В сущности...

В этот момент орган за Уайттейкером испустил серию высоких и низких звуков, и синтезированный компьютером голос провозгласил:

- Посетитель у входа.

Мейси взглянул на часы-саркофаг.

- Это такси. Допивайте. Перед едой пропустим еще по рюмочке.

Пять минут спустя они вышли из дома и остановились на мгновение на крыльце, глядя на светящуюся точку в вечернем небе - Марс.

- Поневоле задумаешься, - с отсутствующим видом сказал Конлон. - В восемнадцатом столетии считалось чудом, когда первый клиппер из Бостона обогнул мыс Горн и пришел в Сан-Франциско за сто дней. И вот, полтора столетия спустя, мы за то же самое время можем долететь до Марса и вернуться назад.

- "Пределы роста", - сказал Вернон.

- Что? - переспросил Уайттейкер.

- Я читал книжку под таким названием, - ответил Вернон.

- Никаких пределов не вижу, - сказал Конлон, глядя на звезды. - Где их искать?

- В человеческом сознании, - ответил Мейси.

Лицо Вернона стало задумчивым, он, как и Конлон, посмотрел вверх.

- Наверно, есть где-то и другой разум, - сказал он. - Как вы думаете, у них тоже есть психи, или это исключительно человеческая привилегия?

Мейси фыркнул и пошел к ожидавшему такси.

- Нет ничего глупее некоторых людей, - заявил он.

5

Его преосвященство Френнелеч, верховный жрец и глава Совета жрецов Пергассоса, главного города Кроаксии, восседал на своем высоком троне за скамьей Совета и смотрел вниз, ожидая оправданий обвиняемого. Высокий головной убор из тщательно выращенных блестящих органических пластин, внушительное одеяние из переплетенной проволоки, с вышивкой из полосок углерода и пластика подчеркивали его могучую фигуру и делали еще более угрожающим строгое выражение, создаваемое охладительными сосудами под подбородком и термальной раскраской металлических плоскостей лица. Прислужник, стоящий за его креслом, держал органически выращенный жезл из желтых и красных спиральных полос, украшенный

орнаментированным шаром, символ высокого положения, а слева и справа от него с достоинством восседали другие жрецы, держа в стальных пальцах свои, менее значительные, символы.

Загремели тяжелые цепи, это в центре зала Совета нервно встал обвиняемый - Лофбайель, Создатель-Карт. Стражники по обе стороны от него стояли неподвижно, он на несколько мгновений тоже застыл, смущенный и испуганный. Потом Гораззоргио, капитан королевской гвардии, командовавший солдатами, которые арестовали Лофбайеля, с садистским удовольствием толкнул его в спину концом своего копья с острием из карбида.

- Говори, когда приказывает Прославленный! - приказал он.

Лофбайель пошатнулся и ухватился за прут перед собой, чтобы удержаться на ногах.

- Я совсем не хотел противоречить Святому Писанию, - запинаясь, торопливо заговорил он. - Я вообще не думал о Писании. Потому что...

- Ага! - Рекашоба, обвинитель Верховного Совета, резко повернулся и грозно указал на обвиняемого пальцем. - Он уже сознался. Разве не написано: "Во всех словах и делах помни Писание?" Его обвиняют его собственные слова.

- Святотатство отмечено, - холодно сказал со своего трона Френнелеч. И бросил Лофбайелю: - Продолжай!

Матрицы картографа, воспринимающие образы, отчаянно замигали.

- Я давно уже собираю записи и рисунки путешественников, штурманов, исследователей, солдат и ученых как нашей страны, так и других стран, объяснил он и добавил: - Чтобы лучше служить Его Верховному Величеству королю.

- Да хранит Жизнетворец короля! - выкрикнул сзади Гораззоргио.

- Да будет так! - хором отозвались со скамьи жрецы, все, за исключением Френнелеча, которого ранг освобождал от такой обязанности.

Лофбайель продолжал:

- Эти данные я собирал много дюжин яркостей и заметил странное, но повторяющееся явление: как бы далеко, например, на восток ни ушел путник, всегда он говорит, что дальше на восток есть еще земли... и постепенно появляются места, в которых побывали путешественники, ушедшие на запад. И то же справедливо относительно севера и юга, они тоже превращаются в свою противоположность. У меня есть доказательство, что это касается пути в любом направлении, начатом из любого места. - Лофбайель оглядел застывшие лица жрецов. - Размышления об

этих фактах - конечно, если это факты, позволило мне предположить, что любое путешествие, если оно продолжается достаточно долго, не встречает преград, и, если путник не отклоняется в сторону, заканчивается там, где началось.

- И поэтому ты решил, что наш мир круглый? - недоверчиво и возмущенно спросил Френнелеч. - Ты считаешь, что в твоих праздных мечтаниях содержится истина... опровергающая Писание, источник всякого истинного знания? Какая дерзость!

- Я... это всего лишь задача, которую я сочинил для учеников. Они приходят ко мне, желая научиться искусству расчетов и графики, - ответил Лофбайель. - Мы спрашиваем: "Какая фигура не имеет центра, но имеет центры повсюду, ограничена в размерах и не имеет границ протяженности?" Размышления и наблюдения показывают, что такими противоречивыми свойствами обладает только поверхность сферы, только она отвечает условиям задачи, и отсюда вытекает следующий вопрос: "Если мир обладает такими свойствами сферы, разве отсюда не следует, что у него шарообразная форма?"

Обвинитель Рекашоба фыркнул и презрительно отвернулся, показывая, что он слышал достаточно и терпение его кончилось. Он выпрямился, поднял голову и обратился к Совету:

- Прежде всего, чтобы опровергнуть мысль, что в утверждениях обвиняемого может содержаться какая-то истина, я представлю три независимых доказательства того, что мир не может быть круглым. Во-вторых, я покажу, что утверждения обвиняемого - вовсе не невинная игра в задачи, как он пытается доказать, а принципиальная попытка бросить вызов представителям власти Жизнетворца в этом мире, отравить сознание молодежи и вызвать сомнения в божественно вдохновленном Писании. И потому строгое наказание не только справедливо, но и обязательно.

Рекашоба помолчал, картинно обвел взглядом аудиторию и взял целлюлозный шар и кубок с метаном.

- Мое первое доказательство основанно на факте, известном всем робосуществам, и займет у нас немного времени. - Он налил небольшое количество жидкости на шар и смотрел, как жидкость тонкими струйками стекает на пол. - Жидкость не может удержаться на поверхности шара, заметил он. - Отсюда следует, что мир в форме шара не может иметь океаны из метана. Но океаны существуют, разве не так? Или я не прав? Или тысячи путешественников и моряков обманывают себя? - Он пронзительно взглянул на Лофбайеля. - Чем ты ответишь на это, Отрицатель-Океанов?

- Ничем, - с несчастным видом сказал Лофбайель.

Рекашоба поставил кубок и отбросил в сторону шар, недостойный больше занимать внимание Совета.

- Но если шар достаточно велик, - беззаботно продолжал он, - можно подумать, что океаны удержатся в его верхней части. Это приводит нас к моему второму доказательству: в таком утверждении содержится логическое противоречие. - Рекашоба повернулся и указал на одну из карт Лофбайеля, которые были вывешены на стене, как улика. - Как нам сказали, на этой карте изображен весь мир, хотя отдельные его части не ясны и лишены подробностей. Взгляните: разве океаны не составляют большую его часть? Но если это действительно весь мир и если этот мир шар, океаны, ограниченные в своем размещении, как было показано в моем первом доказательстве, должны занимать только его верхние районы и покрывать только небольшую часть его поверхности. Таким образом, либо мир не шар, либо эта карта не содержит изображения всего мира. Если мир не шар, мое доказательство справедливо. Если карта не изображает весь мир, обвиняемый противоречит фактам, и так как его свидетельства ошибочны, ошибочен и сам факт, который он доказывает. Таким образом, получается, что все равно мир не имеет шарообразную форму. Поскольку третьей альтернативы не дано, доказательство строго логично.

Рекашоба торжественно посмотрел в лицо членам Совета.

- Мое третье доказательство следует из священной доктрины. - В голосе его появились зловещие нотки, и он немного помолчал, чтобы все восприняли серьезность его слов. - Если бы дело не имело серьезных последствий, я бы посчитал его простой глупостью и невежеством. Но оно отрицает самые основы истины, данные нам в Священном Писании, отрицает доктрину Временного Представления и Последовательности. - Он снова помолчал, поднял руку и обратился ко всем присутствующим:

- Мир создан в форме, придуманной Жизнетворцем, чтобы служить постоянным напоминанием, чтобы постоянно напоминать: церковь и государство - орудия божественной власти, а их главы представляют воплощение Его воли. Так прочный небесный покров, за который смертным не позволено заглянуть, символизирует Верховного Архижреца, - обвинитель повернулся и почтительно склонил голову в направлении Френнелеча, - который занимает высшее положение, доступное робосуществам. Небо лежит на неприступных вершинах Пограничного Барьера, который окружает весь мир, точно так же, как Верховного Архижреца окружают церковные и мирские владыки цивилизованного мира, которые избраны пребывать на не доступных обычным робосуществам высотах. Это прежде всего

Его Верховное Величество.

- Да хранит Жизнетворец короля! - выкрикнул Гораззоргио.

- Да будет так! - ответила скамья.

Рекашоба продолжал:

- Меньшие вершины поддерживают большие, подножия подпирают меньшие вершины, точно так же как младшие жрецы и чиновники государства поддерживают своих руководителей. А еще ниже свое законное место в этом плане занимают равнины и пустыни - таковы массы населения. - Он предупреждающе вытянул палец. - Но массы не должны допускать ошибки, считая, что жребий несправедлив к ним. Напротив! Точно так же как низины защищены горами от бурь и питаются стекающими с гор ручьями и реками, массы защищены и получают духовное пропитание Жизнетворца от тех, кому Он предназначил стоять выше.

Снова посмотрев на Лофбайеля, Рекашоба заговорил строго:

- Но круглый мир несовместим с таким понимаем Святого Писания. Так как в Писании усомниться нельзя, круглый мир существовать не может. - Он подождал немного, чтобы его слова были записаны, и продолжал еще более громким голосом: - Больше того. Всякое противоположное утверждение тем самым означает отрицание Писания. А такое отрицание не что иное как... ересь! - Ропот пробежал по помещению. Лофбайель отчаянно вцепился в прут; казалось, он вот-вот упадет. Наказание за ересь - если она будет доказана - выжигание глаз, а потом погружение в чан с кислотой. Глаза Гораззоргио блеснули в радостном предвкушении: офицер, арестовавший преступника, сам осуществляет смертный приговор. Члены Совета начали совещаться негромкими голосами.

За чиновниками и писцами у стены видна была выглядящая ржавой фигура, одетая в простую груботкануюю медь, перепоясанная тяжелым черным плетеным поясом, в тускло-красном плаще из переплетающихся керамических пластин. Тирг, Задающий-Запретные-Вопросы, глубоко вдохнул азот, чтобы охладить перегревшиеся эмотивные контуры, и приготовился. Давний друг Лофбайеля, вместе с ним искавший истину, много раз наслаждавшийся его гостеприимством, когда приходил из своего одинокого жилища в горах, Тирг пообещал жене Лофбайеля, что вступится за него на суде. Тирг был далек от оптимистической надежды достигнуть чего-то полезного, он видел ревность Рекашобы и опасался, что сам факт его выступления сделает его на будущее отмеченным, подвергнутым постоянной слежке и притеснениям. Но обещание есть обещание. К тому же он даже подумать не мог о том, чтобы не попытаться

помочь другу. Тирг внутренне напрягся и вцепился в край сидения.

Френнелеч осмотрел помещение.

- Хочет ли обвиняемый сказать что-то, прежде чем будет объявлен приговор?

Лофбайель попытался заговорить, но страх лишил его дара речи. Френнелеч перевел взгляд на старшину суда.

- Хочет ли кто-нибудь выступить в защиту обвиняемого? - сказал старшина. Тирг снял свою шляпу из алюминиевой сетки и, сжимая ее, медленно встал.

- Кто выступит в защиту обвиняемого? - спросил Френнелеч.

- Тирг, отшельник из леса, он называет себя другом обвиняемого, ответил старшина.

- Говори, Тирг, - приказал Френнелеч.

Суд и члены Совета ждали. После недолгого замешательства, вызванного отыскиванием подходящих слов, Тирг осторожно заговорил:

- Прославленные члены Высшего Совета и члены суда, нельзя отрицать, что кое-что из сказанного здесь сказано поспешно и необдуманно; если бы была возможность взвесить и поразмыслить, они не были бы сказаны. Правда и правосудие - это дело суда, и каков бы ни был приговор, я не буду его оспоривать. Но почтительно замечу, что обвинение в ереси нуждается в дальнейшем рассмотрении, и мудрейшие и старейшие кроаксийцы со мной согласятся. - Он посмотрел на лица судей и слегка приободрился, убедившись, что его слушают.

- Ибо по определению, как нам сказано, ересь есть отрицание истины Святого Писания. Но нужно показать, какое утверждение Святого Писания отрицалось? Мы таких утверждений не слышали, и никто таких утверждений обвиняемому не приписывал. Напротив, и обвиняемый и обвинитель просто задавались вопросами. Поскольку вопрос сам по себе не предполагает ответ, никаких утверждений не было сделано, и обвинение в ереси не может быть доказано.

Некоторые члены Совета вопросительно поглядывали друг на друга, другие негромко переговаривались. Похоже, по крайней мере некоторые из них увидели дело в новой перспективе. Впервые ощутив искру подлинной надежды и приободрившись, Тирг поставил свою шляпу, сделал просительный жест и продолжал.

- Далее, с разрешения суда, я представил бы не третью альтернативу двум предложенным - ученый обвинитель заверил нас, что третьей альтернативы быть не может, - а скорее предположение, что вторую альтернативу можно разделить на два

варианта, а именно: либо мир круглый, либо на рассказы путешественников нельзя опираться. Таким образом, доводя доказательства до абсурда, давая возможность своим ученикам выбирать, обвиняемый на своих уроках показывал относительность истины и невозможность опираться только на данные чувств.

На некоторых жрецов это произвело впечатление, даже выражение Френнелеча чуть смягчилось. Тирг продолжал:

- Последнее мое замечание о том, что в своей должности королевского картографа обвиняемый оказал ценные услуги Его Ве... - Тирг уловил недовольное выражение Френнелеча и тут же поправился: - народу Кроаксии, которые особенно важны в наши дни, когда нам угрожают враги из-за рубежа. Если Жизнетворец в своей бесконечной милости послал нам картографа, мы должны хорошо подумать, прежде чем оказываться от Его дара.

С этими словами Тирг сел и обнаружил, что дрожит. Совет погрузился в обсуждение и после долгих разговоров и покачивания головами Френнелеч призвал всех к тишине и провозгласил:

- Приговор Совета: обвиняемый виновен в безответственности, неуважении и святотатстве, недопустимых у простого робосущества и тем более нетерпимых у учителя. - Он помолчал. - Обвинение в ереси, однако, отвергнуто. - Лофбайель покачнулся и облегченно вздохнул. В комнате послышались возбужденные возгласы, Рекашоба гневно отвернулся, а Гораззоргио злобно взглянул на Тирга. Френнелеч продолжал: - Суд решил проявить снисходительность и приговорил обвиняемого к конфискации четверти его имущества; две яркости обвиняемый должен предаваться покаяниям в общественном месте; вслед за тем он навсегда лишается права преподавать, писать материалы для публичного распространения и вообще распространять свои идеи, мысли и мнения в обществе и во всех связанных с этим видах деятельности. Заседание закрывается.

- Встать! - приказал старшина. Все стояли, пока Френнелеч спускался со своего трона и выходил из помещения в сопровождении своих помощников и служителей. После почтительной паузы с молчаливым достоинством стали выходить остальные члены суда. Когда его уводили, Лофбайель коротко кивнул и умудрился благодарно улыбнуться другу. Вокруг заговорили, присутствовавшие поодиночке и группами направились к выходу.

Гораззоргио подошел к Рекашобе, который собирал свои документы, глядя вслед уходящему Тиргу.

- Кто это? - негромким угрожающим голосом спросил

Рекашоба. - Что ты о нем знаешь?

- Боюсь, что мало, - ответил Гораззоргио. - Он живет вдали от города, в лесу под горами. Но я слышал, что он занимается Черным Искусством и колдовством. Я порасспрашиваю.

- Да, - проворчал Рекашоба. - И следи за ним. Собери все факты и свидетельства. Нужно быть уверенным, что его-то уж красноречие не спасет, когда он предстанет перед судом Совета.

6

Карл Замбендорф родился в 1967 году в городе Верфен на севере Австрии. Он был третьим ребенком в семье, у него было два брата и две сестры, и тогда его фамилия была Заммершниг. Отец его всю жизнь проработал книготорговцем, мать - учительницей. В сравнительно раннем возрасте Замбендорф понял, что хоть его родители честны, умны, изобретательны и вообще образцовые носители всяких других добродетелей, они никогда не будут богаты, как того заслуживают, и их тяжелый труд не принесет им общественного признания и благодарности. Постепенно он понял, что эта аномалия является частью более обширного обмана, осуществляемого обществом в целом: общество прославляет на словах знания и учение, но награждает богатством и славой совсем не мыслителей и творцов, но тех, кто поддерживает его суеверия и закрепляет предрассудки. Знание - если позволить себе говорить правду, а это позволялось редко, - на самом деле враг человека: оно угрожает разоблачить миф, на котором основаны предрассудки и вымыслы общества.

В девятнадцатилетнем возрасте он покинул дом и присоединился к некоему перебежчику русскому, который вызвал немалый шум в Европе, утверждая, что был свидетелем важнейших экспериментов советских военных с медиумами. За последующие несколько лет - они оказались очень выгодными и полезными в смысле образования - юный Заммершниг разобрался в собственных способностях и талантах и почувствовал неудержимое стремление натянуть нос всей системе правил и стандартов, которым скучные унылые легковерные люди хотели бы подчинить всех. Но русский оказался не способен по-настоящему использовать возможности коммерциализованной западной культуры и средств массовой информации. Поэтому Заммершниг сменил фамилию и сам занялся своей карьерой с помощью влиятельного западногерманского издателя журналов. Через пять лет Карл Замбендорф превратился в знаменитость.

Дорога к всемирной славе открылась перед ним, когда в Гамбурге его представили доктору - неизвестно каких наук - Осмонду Перейре, исследователю паранормального и убежденному уфологисту, который написал несколько

бестселлеров, утверждая, среди всего прочего, что грубо круглый по очертаниям Северный Ледовитый океан на самом деле - гигантский кратер, вызванный падением космического корабля из антиматерии; что некогда здесь находился континент с высокоразвитой культурой ("Полантида", а не Атлантида: легенда исказила действительность); и что передвижение полюса и климатические изменения, связанные с этим, лежат в основе всех мифов и легенд. Отрицательное отношение научной общественности только укрепило желание Перейры остаться в истории в качестве Зигмунда Фрейда парапсихологии; и после своего "открытия" Замбендорфа он проявил пыл и экстаз бродячего аскета, который наконец отыскал своего гуру. Какими бы нелепыми они ни были, книги Перейры приносили деньги, а это означало, что у него есть возможности вывести Замбендорфа на более высокую орбиту; и соответственно Замбендорф принял приглашение Перейры вместе с ним оправиться в Соединенные Штаты.

Научная общественность США не проявила никакого интереса, а "эксперты", которых находил Перейра и которые подтверждали его утверждения, принадлежали к самым легковерным представителям науки. Замбендорф продолжал извлекать информацию из надежно запечатанных конвертов, воздействовать на точные измерительные инструменты своей мозговой энергией, изменять период полураспада радиоизотопов, читать мысли, предсказывать события и совершать множество других подвигов, которые профессиональные американские продавцы сновидений превратили во всемирную сенсацию. Всякий раз как эксперты вываливали самосвалы своих мнений, уверенность Замбендорфа возрастала.

В немалой степени своим успехом он был обязан странной группе индивидуумов, которые за эти годы присоединились к нему. Особенно он зависел от них в сборе информации, и общей чертой всех этих людей, несмотря на все их различие, являлось умение инстинктивно оценивать информацию с точки зрения ее полезности Замбендорфу и добывать такую информацию - законно, честно, этично... или другими способами. Постоянная, никогда не прекращающаяся деятельность команды заключалась в установлении, какая информация может понадобиться в дальнейшем.

Атмосфера у бассейне на вилле Замбендорфа вблизи Малибу, несмотря на декорации, была деловой: команда обсуждала последние сведения, добытые в САКО, в том числе список участников марсианской экспедиции.

- Нужны биографии и характеристики как можно большего

числа людей из этого списка, - сказал Замбендорф. Он сидел в шезлонге у стола, уставленного охлажденными напитками и фруктами. Тельма, в пляжном пледе поверх бикини, делала в тени навеса заметки в блокноте у другого стола, заваленного книгами о Марсе, истории исследований планет и о САКО, которые она собирала уже несколько дней. - Сделайте отдельный список ученых. У Клариссы есть полезные контакты в большинстве профессиональных организаций - она займется ими.

- Хорошо... Ладно... Хорошо... Кларисса занимается учеными. Я поговорю с ней об этом, когда она завтра вернется, - говорила Тельма, проверяя список дел у себя в блокноте. - Как насчет европейцев?

- Гмм... - Замбендорф задумался на несколько секунд. - Лучше оставь их Отто и мне. - Он вопросительно взглянул на Абакяна, который сидел в другом шезлонге и слушал, прихлебывая пиво. Он коротко кивнул в ответ; казалось, его занимает что-то другое. - Да, мы сделаем несколько звонков в Европу, - подтвердил Замбендорф. - И пусть Дрю поговорит со своими друзьями в газетах о тех политиках, кто будет участвовать в экспедиции. Такие источники нельзя недооценивать. - Он снова взглянул на Абакяна. Все ли мы учли, Отто?

- Все, кроме Мейси, - ответил Абакян.

- А, да, - легко согласился Замбендорф. - В хорошенькую историю ты нас впутал, Отто. - Абакян молча поднял брови и игнорировал его укол. Именно он первым выразил озабоченность, когда имя Мейси было упомянуто в списке участников. По данным САКО, он в экспедиции должен исполнять обязанности "психолога-наблюдателя". Это означало, что в САКО кто-то решил, что дело зашло слишком далеко и пора вводить тяжелую артиллерию. Замбендорф продолжал: - Однако мы бывали в таких переделках и раньше и всякий раз успешно из них выходили. Прежде всего нужно убедиться, что он здесь по тем причинам, которые мы подозреваем.

Абакян поднял руки.

- Убедиться?.. Карл, мы прекрасно знаем, зачем здесь Мейси! Во-первых, он опытный фокусник и иллюзионист. Во-вторых, он известный разоблачитель, который принимает контракты на расследование деятельности медиумов. В-третьих, он работал для САКО и раньше... вспомни этих охотников за черепами из Лонг Бич, которые считали, что им удастся всучить САКО этот психометрический испытательный вздор. В-четвертых, в списке есть и Вернон Прайс, а он действует как партнер Мейси... сколько еще доказательств тебе нужно, Карл? Он здесь, чтобы подложить бомбу, на которой большими буквами написано твое имя.

- Весьма вероятно. Но давай все же не делать ошибку, принимая наши предположения за доказанный факт. Вдобавок ты должен согласиться: в-пятых, экспедиция действительно имеет отношение к психологическим исследованиям. В-шестых, он психолог. И в-седьмых, до сих пор САКО поручала ему исключительно научные исследования. Так что его включение может быть совершенно естественным.

Абакян встал, подошел к краю бассейна и посмотрел в воду.

- Какая разница? - спросил он, поворачиваясь после недолгой паузы. Если ты здесь и он здесь, он не упустит возможности. Неважно, официально или нет посылает его разоблачителем САКО, - если он сможет причинить нам неприятности, он это сделает.

- Верно, но сможет ли он это сделать? - ответил Замбендорф, раскачиваясь в кресле. - Будет ли он действовать самостоятельно, или ему будут помогать работники САКО, со всеми их возможностями? Если это только он и Прайс, мы можем рассчитывать на успех, но если это они плюс САКО, нам потребуется помощь со стороны ГКК. Понимаешь: мы должны знать, чего следует ожидать и к чему готовиться.

Абакян смял пивную банку и бросил ее в урну. Тельма откинулась на спинку кресла и посмотрела на Замбендорфа.

- Верно, - согласилась она. - Но как нам это узнать? Вряд ли САКО сделает публичное заявление по этому поводу.

Замбендорф ответил не сразу, он затянулся сигарой и с отсутствующим видом посмотрел на бассейн. Немного погодя Абакян, почти разговаривая сам с собой, сказал:

- Нужен ли был САКО просто психолог или именно Мейси? Ответ на этот вопрос дал бы нам кое-что... В сущности дал бы очень много.

Снова наступило молчание. Затем Тельма сказала:

- Допустим, кто-нибудь выскажет очень серьезную причину, чтобы исключить Мейси из экспедиции и заменить его кем-то другим...

- Какую причину? - спросил Замбендорф.

Тельма пожала плечами.

- Сразу не могу сказать, но это дело техники. Мы не можем выдвигать такую причину, она должна исходить от ГКК. У корпорации достаточно юристов и политиков, чтобы что-нибудь придумать.

- Но даже если это так, неужели САКО исключит Мейси, если он им нужен? - с сомнением спросил Абакян.

- Нет, но в том-то и дело, - ответила Тельма. - Их реакция даст нам нужный ответ.

Абакян с любопытством взглянул на Тельму, казалось, хотел возразить, потом отвернулся и задумался. Озорное выражение появилось во взгляде Замбендорфа, он лежал, обдумывая предложение.

- Действительно, почему бы нет? - сказал он наконец. - Мы не будем пассивны, запустим небольшую бомбочку прямо им в середину... Как говорит Тельма, это не приведет, вероятно, к отстранению Мейси, но немного подпалит его бороду. Значит, надо каким-то образом сообщить наше желание ГКК. - Замбендорф снял темные очки и начал протирать их, думая, как осуществить замысел.

Тельма потянулась и принялась рассматривать пальцы ног.

- Один путь - через Осмонда, - предложила она через несколько секунд. - Можем сказать ему... что в такой ситуации, когда эксперимент проводится впервые, желательно свести к минимуму отрицательные влияния и другие факторы, пока Карл не приобретет опыт во внеземной среде... что-нибудь в таком роде.

- А Осмонд убедит Хендриджа поставить этот вопрос на Совете директоров, - закончил Абакян. Говорил он с сомнением. Замбендорф взглянул на него, потом на Тельму. Они покачали головой. Им не понравилось. Если команда хочет быть партнером ГКК, а не зависеть от корпорации полностью, нужно не прятаться за Хендриджем, а дистанцироваться от него.

- О, ради Бога, да это же очевидно! - Замбендорф сел и погасил сигару в пепельнице. - Мы поговорим с Каспаром Лангом и расскажем, что у нас проблемы с Мейси, объясним, почему. Мы все согласны, что у Ланга нет никаких иллюзий относительно истинной ситуации. И если он отправляется на Марс как старший представитель ГКК, чем скорее мы начнем разговаривать с ним откровенно, тем лучше.

Две недели спустя Уолтер Конлон получил по каналам САКО известие, что ГКК выразила озабоченность в связи с включением Мейси в состав экспедиции на Марс. ГКК обратила внимание на то, что Мейси известен как скептик и разоблачитель паранормальных способностей, и на тот факт, что Карл Замбендорф включен в экспедицию именно для проверки этих способностей. И хотя Мейси был включен в экспедицию в качестве психолога, ГКК выражала опасения, что его личные склонности и известная предрасположенность могут выйти на первый план, отодвинув официальные обязанности, с пагубными последствиями для работы, которую он должен осуществить. В свете таких соображений не может ли САКО пересмотреть это назначение?

Конлон сочинил ядовитый ответ, в котором сообщал, что в обязанности Мейси входит наблюдение и отчеты о поведении, взаимоотношениях, эмоциональных стрессах и других психологических особенностях в экспериментальном сообществе. Если Замбендорф участвует в экспедиции, он составляет часть этого сообщества и тем самым будет подвергнут объективным наблюдениям, как и все остальные. Получение объективных данных требует подготовленных наблюдателей, а подготовка Мейси как нельзя лучше соответствует ситуации. Нет, САКО не намерена пересматривать свой выбор.

Через несколько дней Уоррен Тейлор, директор Северо-Американского отделения САКО, сказал Конлону, что хотел бы, чтобы тот пересмотрел свое решение; при этом он не скрывал, что состоялся обмен мнениями между высшими руководителями САКО и ГКК. Конлон не мог игнорировать распоряжение своего непосредственного начальника и согласился без дальнейших возражений и споров, чем немало удивил своих коллег в САКО.

В тот же день Конлон передал Алану Брейди для распространения заявление, в котором сообщалось об исключении Мейси из состава экспедиции и объяснялись причины. Включение известного разоблачителя мошенников посчитали опасным для участвующего в экспедиции супермена-медиума, которого поддерживает влиятельная корпорация. Брейди попятился, и Конлон пригрозил, что сам займется распространением заявления. Брейди отправился советоваться с начальством. Наконец поступило распоряжение не распространять заявление. Конлон отправился к Тейлору и выразил протест против неконституционного и незаконного запрета на распространение информации, не связанной с национальной безопасностью, и пригрозил, что обратится непосредственно к прессе.

И неожиданно все стихло. Снова был подписан приказ о назначении Мейси, Конлон порвал свое заявление, и все перестали говорить о законах, конституции и угрозах отставки.

Вскоре Мейси получил приглашение дать частное представление "...для развлечения гостей на банкете в честь мистера и миссис Бертон Реймелсон в Делавере". Естественно, будут оплачены все расходы, а вопрос об оплате остается открытым: Мейси будет выписан чек, в котором он сам укажет сумму. Между прочим, семья Реймелсонов владела контрольным пакетом акций множества взаимно переплетающихся предприятий, среди которых была и ГКК, и поддерживающие ее банки.

- Поразительно! - воскликнула женщина в толпе, собравшейся вокруг Мейси в обеденном зале поместья Реймелсонов. - Поистине поразительно! Вы уверены, что не обманываете нас, утверждая, что не обладаете подлинными паранормальными способностями, мистер Мейси?

Мейси, великолепный со своей роскошной бородой поверх смокинга и черного галстука, покачал головой.

- Я никого не обманываю. Здесь я только для развлечения. И не претендую на то, чем не обладаю.

- Не дадите ли автограф? - спросила полногрудая женщина, увешанная драгоценностями поверх сиреневого вечернего платья. - Вот здесь, на карточке с меню.

- Конечно. - Мейси взял карточку и, казалось, раскрыл ее, когда другой голос заставил его обернуться.

- Не уверен, что я вам верю, - заявил высокий представительный мужчина с редеющими волосами и короткими усиками. - Вы, конечно, искренни, Мейси, но вы сами не осознали своих возможностей. Так бывало и раньше, знаете ли. Множество несомненных, подтвержденных свидетелями случаев.

С явно отсутствующим видом Мейси вернул карточку меню женщине в сиреневом. Можно заранее поручиться, что на таких приемах кто-нибудь попросит автограф на меню, и Мейси всегда в таких случаях припрятывал несколько карточек.

- Я был бы крайне удивлен, - искренне сказал он представительному мужчине.

- Мне нужно знать, как вы проделали этот номер с конвертом, - сказала привлекательная девушка лет двадцати. - Ну, дайте хоть намек. Я хочу сказать... ведь это же невозможно.

- О, не следует просить о таком, - укоризненно сказал Мейси.

- Но вы ведь к нему не прикоснулись.

- Неужели?

- Конечно, нет. Мы все это видели.

- Нет. Вы просто считаете, что видели.

- Подлинные ли способности у Карла Замбендорфа? - спросил низкорослый полный мужчина. Он чуть покачивался и выглядел изрядно выпившим.

- Откуда мне знать? - ответил Мейси. - Но я знаю, что могу повторить все, что он делает.

- Но ведь это ничего не доказывает, - сказал низкорослый. - Вы всегда говорите одинаково... Если бы Замбендорф прошел по Чизапикскому заливу отсюда до Вашингтона, вы бы сказали:

- О, да, это старый трюк хождения по воде. - Если вы можете что-то сымитировать, это совсем не значит, что в первый раз был обман.

- Когда он пройдет по заливу, я выскажу свое мнение, - пообещал Мейси.

- Мистер Мейси, вы согласились подписать мне карточку меню, неуверенно сказала женщина в сиреневом.

- Я так и сделал.

- Но карточка у меня, и я...

- Вы меня не поняли. Я уже подписал.

- Не думаю, чтобы я поняла...

- Загляните внутрь.

- Что? О, но... О, мой Боже, вы только поглядите. Вы ведь к ней не притронулись! Как там оказалась ваша подпись?

В этот момент за Мейси показался улыбающийся Бертон Реймелсон с бокалом бренди в руке. Он небольшого роста, почти лысый, и даже безупречно сшитый вечерний костюм не в силах скрыть его худобу; но проницательные глаза и выступающий вперед подбородок вызывали невольное уважение. Толпа гостей расступилась, пропуская его.

- Великолепное представление! - сказал он. - Мои поздравления, мистер Мейси. Я уверен, что говорю от лица всех, если добавлю: благодарю вас за то, что вы придали такое великолепие моему приему. - Его слова были встречены одобрительным гулом и аплодисментами. Он повернул голову, обращаясь к гостям. - Я знаю, вы хотели бы долго разговаривать с мистером Мейси, но думаю, после выступления нужно дать ему возможность немного отдохнуть и расслабиться. Обещаю, что постараюсь уговорить его позже присоединиться к вам. - Снова повернувшись к Мейси, он сказал: - Не хотите ли посидеть с несколькими моими друзьями в библиотеке за стаканом бренди?

Они прошли через обеденный зал, через помещения, украшенные деревянными панелями, портретами в позолоченных рамах и богатыми занавесами, и Реймелсон рассказывал о доме и участке. Дом был построен для железнодорожного магната в двадцатые годы двадцатого века, а в конце века его купил отец Реймелсона. Со слов Конлона Мейси знал, что семья Реймелсонов располагает многими сотнями миллионов, но они распределены между многочисленными членами семьи, наследниками и семейными фондами таким образом, чтобы избежать подозрительного сосредоточения вкладов. Большая часть богатства была создана во время угольного бума, последовавшего за антиядерной кампанией семидесятых и восьмидесятых годов, после чего Америка обратилась к девятнадцатому столетию, в то время как другие нации устремились в двадцать первый век. Частичным следствием этого стало уменьшение конкурентоспособности американской промышленности и ее

устремленность на внутренний рынок, чтобы поддержать свою платежеспособность.

В библиотеке их ждало человек шесть, и Реймелсон представил тех, с кем Мейси еще не встречался. В их число входили Роберт Фейрли, племянник Реймелсона, возглавляющий совет нью-йоркского банка, тесно связанного с ГКК; Сильвия Фентон, отвечающая за связи корпорации с общественностью, Грегори Бул, главный менеджер ГКК; и Каспар Ланг, заместитель Була.

Реймелсон наполнил стакан из открытого шкафа у очага, добавил содовой и протянул Мейси. Предложил коробку с сигарами; Мейси отказался.

- Я очень рад, что вы согласились приехать, - сказал Реймелсон. - Вы обладаете великолепным мастерством. Особенно я ценю проникновение в мысль человека, которое вам дает ваша профессия. Это редкая и очень ценная способность. - После короткого колебания он добавил: - Надеюсь, она достойно оценивается в нашем мире.

- Хорошее представление. - Бул похлопал Мейси по плечу. - Я всегда был циником, но могу откровенно сказать: вы меня почти обратили.

Мейси слегка улыбнулся и отхлебнул бренди.

- Я вам не верю, но все равно приятно слышать. - Кое-кто рассмеялся, все улыбнулись.

- Но ведь это только ваше хобби, не правда ли? - спросил Роберт Фейрли. - Большую часть времени вы профессор человеческого поведения или еще чего-то.

- Психология познания, - подсказал Мейси. - Я изучаю, во что люди предпочитают верить и почему. В этом большую роль играют обман и самообман. Так что, как видите, хобби - это продолжение моей работы, но в другом облике.

- Интересное занятие, - заметила Сильвия Фентон.

- Бертон прав: это ценный талант, - сказал Бул. - Мало кто умеет отличить нечто имеющее смысл от нелепости. Большинство не знает, с чего начать... их никто не учил. В наши дни в бизнес-школах учат только механике финансов.

- Интересная мысль, - заметил Реймелсон. Он несколько секунд подумал. - Не приходило ли вам в голову, мистер Мейси, что ваши специальные познания могут быть применены за пределами академических интересов? Мейси не ответил, и после паузы Реймелсон продолжал: - Мне не нужно долго распространяться, что значит иметь в своем распоряжении ресурсы и возможности такой корпорации, как ГКК. И мы все знаем, что такая корпорация может вознаградить услуги, которые

она считает особо ценными... скажем, исключительно щедро.

Все остальные молчали. Мейси медленно прошел к центру комнаты, остановился, отпил немного бренди и повернулся лицом ко всем.

- Перейдем к делу, - сказал он. - Вы хотите заплатить мне, чтобы я не участвовал в Марсианской экспедиции.

Реймелсон, казалось, ожидал такой прямоты и оставался дружелюбно настроенным и любезным.

- Если хотите сформулировать таким образом, - согласился он. - У всех есть своя цена - изношенная старая фраза, но тем не менее я считаю, что в ней истина. Так какова же ваша цена, Мейси? Назовите. Исследовательское оборудование? Штат? Практически неограниченные ассигнования? Пресса?... Такому человеку, как вы, не нужно расписывать подробности. Но все ваши предложения будут обсуждаться.

Мейси нахмурился, глядя на стакан в своей руке, перевел дыхание, потом уклончиво ответил:

- Не понимаю. Вы отлично знаете, что Замбендорф мошенник. Допустим, этот трюк с Марсом хорош для бизнеса - но не вижу, почему это так существенно. Логично сейчас отказаться от Замбендорфа, потому что теперь он способен принести больше неприятностей, чем выгоды. Но этого не происходит. Какое дело людям вашего положения до того, сможет ли он сохранить свой облик или нет? Так в чем истинная причина?

- Вы сами только что сказали, - ответил Бул, пожимая плечами и вслед за Реймелсоном переходя на прямой тон. - Это хорошо для бизнеса. Чем более популярной станет идея колоний, тем скорее она сможет получить финансирование и будет приносить прибыли. Да, нам нравится делать деньги. А кто этого не любит?

Ответ звучал скорее как оправдание, а не объяснение и оставил Мейси неудовлетворенным. Но инстинкт говорил ему, что всякая попытка углубиться в проблему тщетна.

- Ничего не имею против популяризации колоний, - сказал он. - Но если вы собираетесь это сделать, то почему бы не использовать обучение и разум? Зачем распространять невежество и неразумие?

- Потому что они действенны, - просто ответила Сильвия Фентон. - Это единственное, что вообще действует. Не мы создали людей такими, каковы они есть. Когда в истории обучение и разум приносили пользу, кроме как небольшой части населения? Никто и слышать об этом не хочет.

- Некоторые хотят, - ответил Мейси. - На нашей планете миллионы людей голодали, и пока их дети увядали и мерли как

мухи, они молились коровам, бродящим по улицам. А теперь эти самые люди строят атомные станции и запускают в космос корабли. Могу сказать, что образование кое-что им дало.

- Но на такие изменения требуются столетия, - возразил Фейрли. - У нас их нет. Никогда массовое движение не зарождалось в лаборатории или лекционной аудитории. Обдумывание занимает у большинства слишком много времени. Сильвия права: взгляните на тех, кто быстро добивался результатов, от Христа до Карла Маркса. Как они этого достигали?

- А чего стоили результаты? - спросил Мейси. - Столетиями миллионы людей покупали костыли, потому что их убедили, что они калеки.

Бул несколько мгновений изучал содержимое своего стакана, потом поднял голову.

- Благородное утверждение, мистер Мейси, но кого винить в том, что люди привыкли приспосабливаться к условиям?

- Общество, которое не научило их мыслить самостоятельно, верить своему разуму и суждениям, опираться на свои способности, - сказал Мейси.

- Но большинство людей совсем не этого хочет, - настаивала Сильвия Фентон. - Они хотят верить, что есть кто-то умнее и сильнее их, он знает все ответы и позаботится о них Бог, правительство, глава культа, волшебник... да кто угодно. Если люди изменятся, то только в свое время. А до тех пор нужно воспринимать мир таким, каков он есть, и использовать его возможности.

- Возможности для чего? - спросил Мейси. - Чтобы убедить простых людей, что желание лучшей жизни - всего лишь отвлечение от более высоких материй, которые только одни и имеют значение, накачать их суевериями, убедить, что свое они получат позже, когда-нибудь, в каком-то другом измерении - если только они поверят и будут работать еще больше и лучше? Это я должен делать?

- А чем вы им обязаны? - спросил Бул. - Тот, кто может, своего добивается. А остальные разве стоят усилий?

- Судя по тому, чем кончает большинство из них, нет, - откровенно согласился Мейси. - Но начинают-то они с хорошими возможностями. Наиболее плохо используемые ресурсы этой планеты - это ресурсы человеческого мозга, особенно молодежи. Да, я верю, что усилия, направленные на высвобождение этого потенциала, не напрасны.

Беседа продолжалась еще некоторое время, но исходные позиции оставались неизменными. Каждая сторона изложила

свои взгляды, и никто не хотел переходить в противоположную веру. Наконец появилась миссис Реймелсон с просьбой показать гостям экспромтом что-нибудь новое, и после заключительных любезностей Мейси вместе с ней пошел в обеденный зал.

После их ухода наступила тишина. Наконец Реймелсон добродушно заметил:

- Ну, по крайней мере мы знаем, где находимся. Если мы поднимем свой флаг на корабле Замбендорфа, Мейси постарается его торпедировать. Не могу сказать, что я удивлен, но мы все согласились, что нужно попробовать... Он взглянул на угрюмого Каспара Ланга, заместителя главного управляющего ГКК, который почти все время после прихода Мейси молчал и теперь о чем-то думал в кожаном кресле у двери. Ланг поднял свою бугристую коротко остриженную голову и, уловив взгляд Реймелсона, ответил ему своим, вопросительным. - Итак, если наш корабль пускается во враждебные воды, надо обеспечить ему хороший конвой, - продолжал Реймелсон. Он закрыл глаза и коснулся рукой лба. - Что-то говорит мне, Каспар, что работа вас ждет нелегкая... Позаботимся, чтобы у вас хватило вооружения.

- Не болтай вздор, шлюха!

- Какого черта? Ты как смеешь меня называть проституткой? Ты... ты самый низкий...

- Ради Бога, перестань орать хоть на две секунды и послушай себя! Какая женщина так орет?

- Я? Я? Я не ору!

- Черт возьми!

Спор кончился криком и резким звоном разбитой посуды. Джо Феллбург отключил звук. Сел и вопросительно взглянул на Замбендорфа.

- Как ты считаешь? - спросил он.

Замбендорф кивнул и с уважением взглянул на набор электронных и оптических приборов, которые Феллбург установил на небольшом столике на втором этаже виллы Замбендорфа. Этот набор "выпал" с грузовика ЦРУ и добрался извилистым путем до Феллбурга; путь этот включал прежних приятелей Джо по работе в военной разведке, а также одного специалиста по связи, любителя азартных игр. В комплект входил миниатюрный инфракрасный лазер, чей луч толщиной в иглу в данный момент был нацелен на оконное стекло дома на удалении в милю. Звуковые волны в комнате заставляли оконное стекло этого дома колебаться; лазерный луч улавливал эти колебания; из принятого сигнала демодуляторная система извлекала звуковые волны и подавала их в громкоговоритель, который и воспроизводил звук. Чрезвычайно полезное устройство.

- Поразительно, - сказал Замбендорф. - Знаешь, Джо, этот мир никогда не перестает удивлять меня. Повсюду есть глупцы, которые бродят кругами в поисках чудес, и в то же время они слепы к чудесам прямо у себя под носом. - Он махнул рукой. - Я и в сто лет ничего подобного не придумал бы.

Феллбург пожал плечами и наклонил стул, чтобы снова положить ноги на подоконник.

- Я вчера говорил об этом с Дрю. Он считает, что колебания влажности кожи меняют ее электрическое сопротивление, и это тоже улавливает луч лазера.

Замбендорф несколько секунд смотрел на него.

- К чему ты ведешь? Этой штукой можно на расстоянии замерять сопротивление кожи?

- Не знаю... может быть, как детектором лжи. Можно замерить стрессовую реакцию человека в группе, скажем, через улицу. Можно использовать и по-другому.

Замбендорф заинтересовался.

- Конечно... А когда сможешь сказать определенно?

- Ну, дай мне пару недель повозиться. Я должен...

Его прервал вызов с терминала связи. Замбендорф отправился к экрану. Говорила снизу Тельма.

- На линии Каспар Ланг из ГКК. Он хочет поговорить с вами, - сказала она.

- Соедини, Тельма. - Замбендорф повернулся и довольно улыбнулся Феллбургу. - Ты думаешь то же, что я? - спросил он.

Феллбург поднял брови.

- Наверно. Ну, скоро узнаем.

Шумиха в САКО несколько недель назад сказала Замбендорфу и его команде, что они хотели узнать: почему Джералда Мейси посылают на Марс и почему САКО так на этом настаивает. Странно поэтому, что когда пыль улеглась, Бертон Реймелсон зачем-то пригласил Мейси на банкет в своем доме в Делавере. Единственное объяснение, пришедшее Замбендорфу в голову, заключалось в том, что ГКК решила подкупить Мейси. Хотя всем должно быть совершенно очевидно, что такая попытка - напрасная трата сил и времени. Замбендорф также заключил, что независимо от исхода этой попытки руководители ГКК будут и дальше действовать, как наметили, и поспорил с Абакяном, что в течение двух дней после встречи с Мейси Ланг позвонит ему и расскажет о том, чего, как он полагал, Замбендорф не знает.

- Каспар, добрый вечер, - сказал Замбендорф, когда осветился экран. Какое у вас время на востоке? Вы что там, никогда не спите? И чем могу быть полезен?

- Привет, Карл, - ответил Ланг. Как всегда, он оставался

серьезен и сразу перешел к делу. - Послушайте, произошло кое-что связанное с Мейси. Вы должны это знать.

Замбендорф постарался выглядеть обиженным.

- О, Боже, Каспар, иногда мне кажется, что на самом деле вы мне не верите. Вы думаете, я этого не знаю?

Лицо Ланга раздраженно дернулось.

- Карл, пожалуйста, это дело. Давайте серьезно.

- Но я абсолютно серьезен. Вы с коллегами попытались подкупить Мейси, отговорить его от участия в экспедиции, обещали ассигнования на исследования и всякие прочие соблазны, но он не заинтересовался. Вы это хотели мне сказать, или у вас есть кое-что еще? - С такими догадками Замбендорф чувствовал себя уверенно. На мгновение Ланг, по-видимому, действительно был ошеломлен. - Но мои впечатления могут быть смутными, продолжал Замбендорф с улыбкой. - Пожалуйста, Каспар, расскажите, что произошло.

Ланг кратко передал содержание разговора с Мейси, глаза Замбендорфа сузились, он внимательно слушал. И после того как Ланг отключился, еще несколько минут оставался задумчивым и молчаливым. Феллбург молчал и набрасывал заметки об испытании подслушивающего устройства. Когда он почувствовал, что Замбендорф хочет что-то сказать, он поднял голову.

- Джо, неужели мы так важны для этой экспедиции... Я хочу сказать, важны для ГКК? - спросил Замбендорф.

Феллбург нахмурился и погладил пальцем рот.

- Ну, я думаю, мы об этом уже говорили: если больше людей тронутся на космосе, это хорошо для бизнеса.

- Да, но разве главная цель экспедиции - не сбор материала для будущего создания колоний?

Феллбург кивнул.

- Да... наверно.

- Цель важная... а мы важны для нее?

- Нет... Наверно, нет.

Замбендорф кивнул, нахмурился и отошел к дальней стене. Снова наступило молчание. Потом Замбендорф вернулся.

- Не получается, Джо. Зачем таким людям, как Бертон Реймелсон и Грегори Бул лично заниматься этим делом? Все должно быть предоставлено чиновникам корпорации. И САКО не стала бы сопротивляться, и с этим делом справились бы обычные менеджеры, и вообще корпорация давно бы отказалась от этой мысли. Собственно, этого САКО и ожидала. Но не получилось. Как это понять?

Феллбург смотрел на стол, потом с тяжелым вздохом покачал головой.

- Я пас, - сказал он.

- Дело в экспедиции, - сказал Замбендорф, медленно отходя к окну. Что-то в этой ситуации очень необычное. Знаешь, я начинаю подозревать, что здесь что-то гораздо большее, о чем никто не говорит. Это больше чем подозрение, Джо. Я абсолютно уверен.

Феллбург поджал губы, размышляя над его словами.

- Есть какие-нибудь идеи? - спросил он наконец.

Замбендорф нахмурился.

- Не на этой стадии. Но если что-то относительно экспедиции замалчивается, то что-то очень большое. Подумай только, какое золотоносное поле для нас открылось бы, если бы мы объявили об этом публике до того, как все узнают. - Глаза Замбендорфа блестели. - Чутье говорит мне, что тут можно кое-что разузнать и использовать в своих целях. Нужно немедленно засадить за работу всю команду.

8

Чтобы сравнить эффективность различных сил, приложенных к телу, физики используют понятие импульса. Импульс определяется результатом воздействия силы на тело и временем действия этой силы. В случае космического корабля главный его показатель есть импульс на единицу массы, или "специфический импульс", который измеряется в единицах времени и обычно выражается в секундах. Значительный специфический импульс возникает в результате действия двигателей, которые выбрасывают продукты сгорания с большой скоростью. В водородно-кислородной ракете молекулы вылетают со скоростью три километра в секунду, составляя в лучшем случае специфический импульс в 450 секунд. Именно поэтому межпланетные путешествия в таких ракетах давно прекратились. Атомный реактор выбрасывает продукты плазмы в три тысячи раз быстрее и позволяет получить специфический импульс порядка ста тысяч секунд. Вот почему ракета с атомными двигателями необходима для основания базы на Марсе и вот почему расчетное время полета "Ориона" до Марса только пятнадцать дней.

"Орион" состоит из двух главных частей: передней и задней секций, связанных структурной стрелой в четверть мили длиной. Хвостовой конец открывается в пространство и представляет собой нагромождение балок, распорок, ферм и поперечин, которые образуют четыре незамкнутых цилиндрических помещения, скрепленных вместе, как клетки белок. В этих помещениях расположены двигатели. Замороженные комки дейтериево-тритиевой смеси дважды в секунду вбрасываются в эти камеры и взрываются в полете направленными лучами ускоренных ионов. Тем самым производится непрерывная серия

атомных микровзрывов - своего рода миниатюрных водородных бомб. Заряженные высокоэнергетические частицы, высвобождающиеся в этом процессе, задерживаются системой магнитных полей, в то время как незаряженные нейтроны и рентгеновские лучи, для которых магнитные зеркала прозрачны, могут свободно уходить в пространство. Магнитногидродинамические обмотки на корме превращают часть энергии выхлопа в электрическую и поставляют в ускорители ионов и полупроводниковые генераторы полей. Остальная часть задней секции, за защитным радиационным щитом, содержит все другие элементы двигательной системы, помещения для вспомогательных и разведывательных судов и посадочных аппаратов, запасные части наземных машин, строительные материалы и тяжелое оборудование.

Передний конец соединительной стрелы переходит в большое примерно круглой формы помещение, которое на характерном для САКО бесцветном языке называется служебным модулем; здесь находится главная установка по регенерации воздуха и другие системы жизнеобеспечения плюс независимый химический мотор и подсоединенные к нему баки с горючим; в крайнем случае можно сбросить хвост корабля и на вспомогательных химических двигателях вернуть экспедицию домой.

Жилые помещения располагаются в четырех меньших сферах - с I по IV, они находятся перед служебным модулем; сферы расположены симметрично относительно центральной осевой линии и образуют квадрат, лежащий в плоскости, перпендикулярной главной оси. Вращение всего корабля вокруг этой оси плюс дополнительное вращение каждой сферы позволяют соединить центробежный и линейный компоненты силы в результирующий вектор, так что независимо от ускорения корабля в нем всегда поддерживается нормальная сила тяжести. Пятая сфера - командный модуль - содержит контрольный и коммуникационный центры и образует нос "Ориона"; она соединена с остальными сферами и главным корпусом целой системой балок и коммуникационных туннелей.

- Ничего уродливее в жизни не видела! - сказала Кларисса Эйдстадт, когда шаттл Европейского отделения САКО приблизился к "Ориону" в десяти тысячах миль над Землей. - Что это - увеличенная взбивалка для яиц? Команда Замбендорфа должна была лететь с космопорта в Эль-Пасо, Техас, но в последний момент ее направили в Куру, в Гвиану, потому что чиновники САКО решили не вызывать дополнительного раздражения у демонстрантов, осаждавших космодром в Техасе.

Было установлено, что химическое соединение, содержащееся в выхлопе ракеты, вызывает рак у мыши - если подвергать мышь его действию в течение шести месяцев и в концентрации, в десять тысяч раз превышающей ту, что бывает на стартовой площадке в момент старта.

- Ну, я не думаю, Кларисса, - сказала Тельма со своего места, наклонив голову и рассматривая изображение на экране. - Мне кажется, он прекрасен.

- Да? Тогда я знаю, что тебе покупать в подарок. Взбивалку для яиц! Возьмешь ее в рамку и повесишь на стену.

- Я говорю не о том, как он выглядит, - сказала Тельма. - А о том, что он представляет... Когда-нибудь люди отправятся к звездам в корабле, который будет происходить от этого.

- Как чудесно! - сказала Кларисса, глядя холодными глазами на изображение на экране через свои очки в форме бабочки. - Знаешь что: теперь моя кухня после твоих слов никогда не покажется мне прежней.

Осмонд Перейра, сидевший в ряду перед ними, повернул голову.

- Я все думаю, сумеем ли мы повторить полеты чужаков, которые побывали на земле в середине голоцена. Весьма вероятно, они летали с помощью психосимпатических лучей, настроенных на спектр их умственной энергии. Геометрические рисунки многочисленных древних монолитов можно интерпретировать как серию математических символов, соответствующих психическому резонансу.

- Ну, теперь можно уснуть, - сухо шепнула Кларисса на ухо Тельме. - А то мне это геометрическое расположение монолитов не давало покоя.

- Очень интересно, - громко сказала Тельма Перейре. - Поэтому пирамиды всюду одной и той же формы?

Прежде чем Перейра смог ответить, Джо Феллбург, сидевший в переднем ряду вместе с Замбендорфом и Отто Абакяном, повернулся и хмуро уставился на экран. На нем продолжало расти изображение "Ориона".

- В чем дело, Джо? - спросил Дрю Вест со своего сидения рядом с Тельмой.

Феллбург еще несколько секунд смотрел на огромный корабль, окруженный шаттлами, вспомогательными и грузовыми судами, а также облаком контейнеров, труб, баков, цистерн и разнообразным оборудованием, которое постепенно за оставшиеся на околоземной орбите три дня будет размещено внутри "Ориона".

- Видите три шаттла, припаркованных у грузового трюма

кормовой части... и еще один, ждущий своей очереди? - спросил он наконец.

- Ну и что? - спросила Тельма.

- Это не стандартные модели САКО. Два из них - военные транспорты из Ванденберга или Тревиса, а один их оставшихся похож на английский военный перевозчик живой силы. Какого дьявола они здесь делают?

Замбендорф повернул голову и вопросительно взглянул на Абакяна. Тот в ответ зловеще поднял брови. Необычное поведение Реймелсона и его коллег было подкреплено впечатлениями тренировочного курса в центре САКО в Шарлотте, Северная Каролина. Там учили основным навыкам и умениям, необходимым участникам космического полета: как надевать космический скафандр и действовать в нем, каковы правила безопасности в полете и во внеземном окружении, как действовать в случае тревоги и так далее. Но участники экспедиции, которых они там встретили, относились к младшему персоналу: инженеры, ученые, техники, врачи, администраторы. Старшие руководители, офицерский корпус, те, что составляют верхние ветви организационного дерева, не только отсутствовали, но их имена даже не упоминались. И это было крайне подозрительно. К тому же Дрю Вест заметил, что та смесь специалистов, которая проходила через курсы и отражалась в списках состава, не очень соответствует представлению о космической колонии. В основном тут были ученые: бактериологи, вирусологи, биологи, физики, химики, социологи, психологи... даже лингвисты и один криминалист. Разумеется, космическая станция представляет большие возможности для академической науки: автобусы на Марс не ходят ежедневно и даже еженедельно, но так много? А где специалисты по сельскому хозяйству, где промышленные рабочие, чиновники, обслуживающий персонал - все те, кого можно ожидать в больших количествах в проектируемой колонии? Их не было. И это тоже казалось странным.

И вот оказывается, что в экспедиции участвует и большое количество военных. Об этом никогда не сообщалось. Глядя на экран, Замбендорф думал, что все эти странности как-то связаны друг с другом. Он по-прежнему не может уложить все части головоломки, но больше не сомневается: за всем этим что-то очень необычное.

Последний в серии своих прототипов, "Орион" первоначально предназначался для проверки осуществимости управляемого полета на ядерных двигателях и отработки различных инженерных концепций, касающихся длительных космических

полетов. Подобно первым экспериментальным викторианским паровым кораблям, которые предшествовали изящным океанским лайнерам последующих лет, на нем не предусматривалась роскошь или слишком большие удобства для участников полетов. Мейси подумал, что лабиринт кают, производственных помещений, лестниц, переходов и коридоров больше всего напоминает внутренности подводной лодки. Он сел на свою койку и посмотрел на диск Земли, который передавался на экран, расположенный на одной из переборок. Им с Верноном придется жить в каюте еще с двумя участниками полета, которых они знают по подготовительному курсу: Грэмом Спирменом, биологом, специалистом по вопросам эволюции из Калифорнийского университета в Лос-Анжелесе, и Малькольмом Уэйдом, канадским психологом. Вернон и Спирмен отправились знакомиться с кораблем, а Уэйд еще не прилетел. Поэтому Мейси воспользовался возможностью, чтобы сразу по прибытии на борт расслабиться, передохнуть и распаковать вещи.

Из сферы П вся поверхность Земли - континенты, океаны, атмосфера казалась единым самостоятельным биологическим организмом; границы и различия в окраске стран на карте отсюда кажутся такими же незначительными, как и невидными. То, что в течение полувека повторяют все космонавты и другие ветераны космоса, правда, но нужно самому испытать это, чтобы понять. Всего лишь два дня назад Мейси в последний раз навестил Уолтера Конлона в Вашингтоне, куда стекались проблемы людей всего земного шара, где своими срочными неотложными делами занимались тысячи и тысячи правительственных чиновников и специалистов. Но сейчас все это превратилось в точку, едва заметную на поверхности, которая практически не изменилась с жизни самого Вашингтона и которая будет существовать, когда о Вашингтоне давно забудут.

Мысли Мейси прервал звук открываемой двери, и чуть позже вошел Малькольм Уэйд, держа в руках две сумки и бриф-кейс и толкая ногой по полу чемодан.

- Ну, кажется, я нашел свое место, - сказал он, спиной прикрывая дверь. - Привет, Джерри. Остальные двое уже здесь?

- Привет, Малькольм. Да... отправились бродить. Эта верхняя койка ваша. Как полет?

Уэйд снял пальто и повесил в шкаф у двери.

- Хорошо - если не считать, что занял на полдня больше, чем предполагалось. Пришлось лететь на европейскую базу в Гвиане. - Он с благодарным вздохом опустился на противоположную койку. Высокий тощий человек с длинными волосами и светлыми глазами, в которых блестела какая-то внутренняя страсть.

- Я слышал об этом, - сказал Мейси. - Эй, я думаю, у Грэма тут есть бутылочка. Хотите выпить?

- Ммм... позже, может быть. Но спасибо.

- Хорошо. А кто еще был с вами в шаттле?

- Сейчас посмотрим... Сьюзан Калтер, геолог, специалист по электронике из Денвера, с которым мы как-то завтракали в Шарлотте... Дэйв Крукс.

- Угу.

- Карл Замбендорф со своей группой. - И Уэйд с интересом взглянул на Мейси.

- Ага. - Мейси постарался говорить обычным тоном. Он совсем не хотел пускаться в длинный спор. Хотя он не говорил о своем особом интересе к этой экспедиции, вопрос о включении команды Замбендорфа постоянно обсуждался в тренировочном центре, и Мейси неоднократно приходилось высказывать свое мнение. Уэйд рекомендовался как ученый и, очевидно, был советником ряда правительственных комитетов, но воспринимал Замбендорфа очень серьезно. Мейси было интересно, какие именно советы он дает своему правительству.

- Мне кажется, я знаю, почему он здесь, - сказал Уэйд после недолгого молчания. Он подождал, чтобы Мейси спросил его, для чего здесь Замбендорф. Мейси не спросил. Тем не менее Уэйд продолжал: - Хорошо известно, что Советы уже много лет ведут исследования в области паранормальных феноменов - и получают хорошие результаты. - Мейси с трудом глотнул, но промолчал. Есть множество анекдотов и предположений, но ни одного доказательства. Уэйд достал из внутреннего кармана трубку и принялся размахивать ее черенком. - Считается, что им удалось совершить значительный прорыв, и многие эксперты полагают, что главный советский центр таких исследований расположен на их марсианской базе в Солис Лакус. Понимаете, важно, что он далеко от земных влияний. - Уэйд замолчал и начал набивать табак в трубку.

- Ну, вы, наверно, знаете, как я к этому отношусь, - неопределенно сказал Мейси, с ужасом думая, не предстоят ли ему такие разговоры в ближайшие пятьдесят дней.

- Но ведь все совпадает, - сказал Уэйд. - Я знаю, вы к таким вещам относитесь скептически, Мейси, но ведь научный подход предполагает непредвзятость. Другими словами, нужно признать наличие явлений, которые мы не можем объяснить. Можем мы это объяснить или нет, необходимо признать, что Замбендорф обладает паранормальными способностями. - Он взглянул на Мейси, словно остальное слишком очевидно. - Ну, я считаю, что Замбендорф - участник закрытой западной программы, цель

которой - догнать Советы в исследованиях паранормальных феноменов... а может, и помешать этим исследованиям. Поэтому Замбендорфа и посылают на Марс. - Мейси смотрел на него пустыми глазами, но прежде чем он смог что-то сказать, Уэйд торжествующе добавил: - Это объясняет присутствие здесь военных. Они должны защитить проект от возможного вмешательства Советов с их базы в Солис Лакус. Вы об этом слышали?

Мейси кивнул.

- Нам сообщили, что военные будут тренироваться в неземных условиях... что в последний момент Пентагон затребовал какое-то количество мест на корабле.

Уэйд покачал головой.

- Это для прикрытия. Знаете, сколько их здесь? Когда я прилетел, разгружались три шаттла: части особого назначения США, английские коммандос и французские парашютисты. Это не несколько мест, запрошенных в последний момент. Все это давно спланировано... И разгружались они на корме. Значит, с ними тяжелое вооружение и оборудование. - Он достал зажигалку и, закуривая, посмотрел на Мейси. - В сущности, я бы не удивился, если бы была запланирована провокация и уничтожение базы Советов в Солис Лакус. Может, наши люди вышли на такое, что вам и не снилось.

Мейси осел и в отчаянии посмотрел в сторону. Да в Пентагоне никто всерьез не воспринимает эту чепуху... Но ведь в правительстве и в частном секторе преобладают политики и экономисты, не способные отличить науку от псевдонаучной чепухи; однако в их руках власть, совершенно не соответствующая уровню их компетентности. Если они прислушиваются к таким типам, как Уэйд, то могут поверить во что угодно. Но ведь нельзя безумное соперничество, которое парализовало прогресс на Земле уже в течение нескольких поколений, переносить на другие планеты! Тем более из-за такой нелепости, как паранормальные феномены.

Мейси снова посмотрел на сине-зеленое изображение Земли, с его движущимся покровом облаков. Как вложить в коллективную голову человечества убежденность, что нельзя полагаться на волшебство или на всемогущего хранителя, чтобы защититься от собственной глупости? Человеку нужно верить в собственный разум, в способность самостоятельно заботиться о себе. Решение в его руках. Если он решит самоуничтожиться, остальная часть биосферы Земли - гораздо более стойкая, чем считает большинство, едва ли заметит его отсутствие, да и то ненадолго. А что касается остального космоса, уходящего на

миллиарды световых лет за пределы Земли, то исчезновение человечества будет не более заметно, чем, скажем, гибель колонии микробов, когда высыхает лужа где-нибудь во Внешней Монголии.

9

- Ну-ка, дайте подумать... Я был тогда мальчишкой, лет шестнадцати. "Пат, - говорил самому себе мой отец, - теперь американцы ходят по Луне и запускают в небо гостиницы. Где же должны расти твои сыновья?" И мы собрались и переехали в Бруклин. Там жил мой дядя Симус, да и сейчас они все там живут. - Сержант Майкл О'Флинн, из отряда технического обеспечения наземных машин САКО, снова положил ноги на заваленный металлический стол в своей каморке в самом тылу огромного грузового люка и поднес ко рту бумажный стаканчик в бренди. Бренди налил ему из своей фляжки Замбендорф. У сержанта приземистое крепкое тело, казалось, одинаковое в длину и в ширину, розовое мясистое лицо и чистые голубые глаза, прячущиеся за густыми косматыми бровями, а прядь волос, в которой светлые и темные рыжие участки борются друг с другом, все время вылезала на новом месте. Ослепительно белыми зубами сержант сжимал деревянную зубочистку, и в его хриплом голосе отчетливо звучал ирландский акцент, сохраненный за более чем тридцать лет.

- Из какой вы части Ирландии? - спросил Замбендорф со своего металлического стула, который был прикреплен к стене между стойкой и шкафом с инструментами. Стул гораздо удобнее, чем кажется, особенно учитывая, что расположен на самой центральной оси корабля и сидящий на нем почти ничего не весит.

- Округ Корк, на юге, недалеко от городка Гленмайр.

Замбендорф погладил бороду и на несколько секунд задумался.

- Примерно в сторону Уотерграссхилла, если я правильно припоминаю? спросил он.

О'Флинн удивился.

- Вы знаете это место?

- Был там несколько лет назад. Мы за несколько дней все объездили... вверх до самого Лимерика и вниз до Килларни и озер. - Замбендорф улыбнулся своим воспоминаниям. - Прекрасное было время.

- Будь я проклят, - сказал О'Флинн. - И вам там понравилось?

- Деревни красивые, как в Австрии, жители приветливые, а крепкий портер гиннес, когда к нему привыкнешь, совсем не плох. Но вот эти горы. Как вы их там называете? Макгли что-то...

- Скалы Макглилликадди.

- Да. Неужели кто-то может это запомнить? Ну, это ведь не настоящие горы. Вам там не помешали бы Альпы. Но кроме этого... - Замбендорф пожал плечами и отхлебнул бренди.

- А что такое эти ваши Альпы? - возразил О'Флинн. - Наши горы имеют все, чтобы называться горами, только не нужно столько сил тратить, чтобы подняться на вершину.

- Чем выше поднимешься, тем больше увидишь, - сказал Замбендорф. О'Флинн может понять это замечание как угодно. - Это справедливо не только о горах, но и вообще о жизни, верно?

Глаза О'Флинна сузились, он пожевал зубочистку.

- Да, но чем дальше человек уходит, тем меньше видит, пока вообще ничего не может различить, - ответил он. - Мир полон людей, которые считают себя всевидящими и всемогущими, но на самом деле они ничего не видят. - Казалось, это общее наблюдение, а не ответ на слова Замбендорфа.

- Я вижу, сильные и великие этого мира не вызывают у вас благоговения и почтения.

- А кто они такие? Они считают, что должны заниматься делами всего мира, а мир вполне может сам о себе позаботиться. Только те, у которых нет ничего своего, вмешиваются в дела других. Человеку хватает в жизни дел, он должен сам стать лучше, прежде чем пытаться улучшить мир.

Странная оболочка для философа, подумал про себя Замбендорф.

- Ну, так всегда было, - заметил он, потягиваясь и глядя по сторонам, словно в поисках новой темы. - Кто знает? Может, на Марсе будет по-другому.

О'Флинн несколько секунд молчал, потирая нос мясистыми розовыми пальцами, как будто что-то взвешивая про себя.

- Значит, вы уверены, что мы летим на Марс? - наконец спросил он.

На лице у Замбендорфа ничего не изменилось, но он мгновенно насторожился.

- Конечно, - ответил он, стараясь говорить небрежно. - А вы что скажете, Майк? Куда еще мы можем лететь?

- Ну, разве не вы великий ясновидящий? Ведь вы предсказываете будущее? - Улыбка О'Флинна лишь на мгновение стала насмешливой. - Я надеялся, вы мне скажете.

Замбендорф выдерживал и не такое.

- А вы что говорите? - снова спросил он. - Почему вы считаете, что мы летим в другое место?

О'Флинн жевал зубочистку и с любопытством секунду-две смотрел на Замбендорфа, потом смял стаканчик и бросил в

мусоросборник. Встал и кивнул в сторону двери. - Пойдемте. Я вам кое-что покажу. - И полетел к выходу длинными медленными прыжками - наиболее экономный способ передвижения при почти полном отсутствии тяготения. Замбендорф выпрямился и последовал за ним.

О'Флинн провел его между двумя рядами упаковочных контейнеров и остановился там, где в специальных рамах до самого потолка были нагромождены машины для передвижения по поверхности. Дальше работали у открытого люка одной из машин техники САКО, еще один стоял на подвижной платформе вверху, они не обратили никакого внимания на вошедших. О'Флинн указал на самый нижний экипаж перед ними - машину для перевозки людей, примерно пятнадцати футов высотой, с шестью большими колесами, окрашенную в желтый цвет. Две трети ее длины впереди занимала закрытая кабина со множеством антенн и выступов, а сзади находилось большое количество решеток, труб и баков.

- Посмотрите на колеса, - указал О'Флинн. - Сила сцепления очень большая, сила трения минимальная. На Марсе такие совершенно ни к чему. Он прошел вперед и указал на два сопла, выступающие снизу в передней части машины. - Знаете, что это такое? Плазменные резаки и факелы. Не очень обычно для мира песков, а?

- А для чего такая штука может использоваться? - спросил Замбендорф, внимательно приглядываясь.

- Для льда, - ответил О'Флинн. - Должно быть много льда. - Он ткнул пальцем в корму. - А там масса паровых шлангов и труб для перегретого вещества. Именно это может потребоваться, если вас окружает лед. А где этот лед на Марсе? - Он выпрямился и постучал пальцами по корпусу кабины. - Эти стены выдерживают четыре атмосферы - снаружи, не внутри. А на Марсе низкое атмосферное давление.

Замбендорф несколько секунд смотрел ему в лицо, потом снова взглянул на машину. О'Флинн сделал шаг назад и указал на фюзеляж флаера, способного переносить пятнадцать человек. Эта машина была укреплена на самом верху груды.

- Видите вон тот флаер наверху? У него сейчас убраны крылья, их не видно, но они слишком короткие и маленькие для разреженной атмосферы. Либо я ошибаюсь, либо Марс сильно изменился с тех пор, как я последний раз читал о нем.

- Но... это невероятно! - Замбендорф постарался придать своему голосу подобающее недоверчивое звучание, в то же время напряженно раздумывая в поисках объяснения. - Вы кого-нибудь расспрашивали об этом?

О'Флинн пожал плечами.

- Не мое это дело. Если бы хотели, чтобы я знал, мне бы сказали. - Он сунул пальцы за пояс и отступил. - Ну, все равно мы уже почти все погрузили. Скоро начнут задавать вопросы. Понимаете, я сам не ясновидец, но у меня такое чувство, словно очень скоро мы получим и ответ.

- Ух ты! Две водородные бомбы каждую секунду! Вы не шутите? - Тельма широко раскрытыми глазами смотрела через стол на молодого капитана в хорошо подогнанном аккуратном мундире. Оставалось два дня до старта "Ориона", и атмосфера в заполненном баре зоны отдыха сферы IV очень напоминала вечеринку.

Ларри Кемпбелл, гордый своим недавним переводом в штат генерала Ванца, командира "Ориона", прихлебнул джина с тоником и уверенно улыбнулся.

- Ну, они на самом деле совсем небольшие и полностью контролируются. Не бойтесь. Мы о вас позаботимся.

- Но это очень страшно. То есть я хочу сказать, как можно такое контролировать? Наверно, вы очень умны. А под каким знаком зодиака вы родились? - Под столом Тельма протолкнула бриф-кейс Кемпбелла вдоль стены, так, чтобы дотянуться до него рукой. Она слегка передвинулась, подняла стакан с мартини, в то же время незаметно передвигая чемоданчик.

Кемпбелл немного задумался, потом вздохнул и снисходительно улыбнулся.

- Ну, скажем так. Моя подготовка в физике термоядерных процессов не имеет ничего общего со временем моего рождения. Вот это, - он указал на свои капитанские нашивки, - не получишь, если будешь слишком интересоваться знаками зодиака.

- Правда? - удивленно спросила Тельма. - Но ведь вы должны знать, в какую сторону поворачивать корабль. А разве можно это делать, не зная все звезды и планеты? - В это время в соседней будочке Дрю Вест допил свой стакан, встал и, прикрывая полой пиджака бриф-кейс, неторопливо направился к выходу из бара.

Кемпбелл неловко прикусил губу.

- Послушайте, я... мне совсем не хочется говорить, как школьный учитель, но астрология и астрономия - это совсем разные вещи.

- Да, конечно, все это знают, - легко согласилась Тельма. Астрономия - это то, что видно в телескопы, а астрологии доступно гораздо большее, потому что она связана с мозгом, верно? Я читала об этом в "Ежемесячном дайджесте мыслящей женщины".

- Ну, не совсем... Если хотите, я вам расскажу, в чем разница.

Но должен предупредить вас, что, возможно, вам придется изменить кое-какие мысли, с которыми вы выросли.

- О, Ларри! Только подумайте! Настоящий офицер звездного корабля старается мне объяснить! Сестра сойдет в ума от зависти, когда я ей расскажу.

В мужской уборной Дрю Уэст открыл замок бриф-кейса и начал отбирать документы. Он передавал их через перегородку Джо Феллбургу, тот сидел в соседней кабинке и фотографировал. Пять минут спустя, когда Феллбург вошел в бар, неся в дорожной сумке с двойным дном бриф-кейс Кемпбелла, будочка, в которой раньше сидел Уэст, оказалась занятой. Поэтому Феллбург прошел сквозь толпу и остановился у сигаретного автомата, считая мелочь, и в это время незаметно поставил сумку возле Тельмы. Отходя, он ногой протолкнул сумку по другую сторону столика Тельмы, причем проделал это так искусно, что Кемпбелл вообще не заметил, что кто-то подходил к их столику. Он продолжал горячо описывать чудеса и загадки неба.

Кларисса Эйдстадт постучала ручкой по столу Германа Торинга в административной секции сферы 1, подчеркивая свои слова.

- Послушайте, мистер, я должна выполнять свою работу. Я в команде занимаюсь связями с общественностью и прессой. Это означает, что мне нужна информация для передачи публике. А как мне получать информацию без оборудования связи? Так что сделайте что-нибудь.

Торинг, защищаясь, поднял руки.

- Хорошо, Кларисса, я вас слышу и сделаю, что смогу. Но вы должны понять, что у меня много других обязанностей и забот. В экспедиции много других участников. - Торинг старался выглядеть достойным своих нелегких обязанностей. Загорелый купол его головы отражал свет в полукольце темных пушистых волос, а глаза за очками в массивной оправе. сидящей на массивном носу, казались вареными яйцами. Рукава рубашки он закатал, жилет расстегнул и галстук чуть-чуть приспустил над расстегнутым воротничком.

Кларисса рукой сделала резкий жест.

- Ну, если у вас нет полномочий что-то изменять, я напрасно трачу время. Я думала, вы здесь старший. С кем мне поговорить?

Как и ожидалось, замечание попало в цель. Костяшки Торинга побелели, на висках выступили вены.

- Вы в нужном месте, - надменно сказал он. - Я старший исполнительный директор отделения Всемирной Информационной Сети и отвечаю за все связи с прессой. Это очень важный пост, и я вам уже сказал, что постараюсь сделать

все возможное.

- Да? Фью! Важный пост? Кто это сказал? И вообще что такое связи с прессой? Я хочу поговорить с капитаном.

- С каким капитаном?

- Вент? Вант? Ну, как зовут нашего водителя?

- Вы имеете в виду генерала Ванца? - с ужасом спросил Торинг.

- Его самого. Где он?

Торинг покачал головой и в отчаянии застонал.

- Послушайте, Кларисса, поверьте мне, нельзя просто так обращаться к генералу Ванцу. Да и он вам ничего не скажет. Это дело руководителя отдела связи экспедиции, а я подчиняюсь непосредственно ему. Понятно?

- Ну, тогда я хочу поговорить с руководителем отдела связи.

Торинг поднес руку ко лбу, закрыл глаза и несколько секунд поправлял очки на носу. Потом снова покачал головой и посмотрел на Клариссу. Прежде чем он смог что-то сказать, женщина из его секретариата за стеной крикнула:

- Я связалась с Нью-Йорком, мистер Торинг. К сожалению, у Хепперстайна в данный момент совещание. Может он перезвонить вам завтра?

Торинг вздохнул, встал, обошел стол и подошел к открытой двери.

- Нет, я не могу ждать до завтра, - сказал он раздраженно. - Он должен связаться со мной сегодня. Убедитесь, что ему об этом сообщат. Он должен знать, что это лично от меня.

- Хорошо.

- Кого вы пытаетесь обмануть? - спросила Кларисса, когда Торинг вернулся за свой стол и сел. В то же время в голосе ее появилось сомнение и он стал чуточку уважительнее. - Бьюсь об заклад, вы даже не знаете, кто руководитель отдела связи. Зачем вам с ним иметь дело?

Торинг задрал подбородок и позволил себе торжествующе улыбнуться.

- Ну, вы будете удивлены, леди. К вашему сведению, уровень моей ответственности дает мне право работать с совершенно секретными материалами, о которых вы и понятия не имеете. Вы можете мне поверить, что у меня есть возможность помочь вам. Но это все, что я вам скажу. Поверьте, у меня хватает о чем думать, кроме ваших забот.

Воинственность Клариссы испарилась. Она наклонилась вперед, украдкой взглянула на открытую дверь и заговорщицки прошептала.

- Что?

Торинг тоже инстинктивно понизил голос.

- Послушайте, Кларисса, вы ведь понимаете, - произнес он, постукивая себя по носу.

- Но я хочу знать, - настаивала Кларисса, возбужденно раскрыв глаза. - Будет эксперимент по групповому сексу в космосе? Или мы перейдем в другое измерение? Можете мне сказать. Разве я похожа на болтуна... особенно если новость сообщил мне сам директор по связям с прессой?

Торинг нахмурился, поджал губы и прошептал:

- Не могу... но если я скажу вам, что это очень большое дело, отстанете вы от меня и дадите возможность заняться работой?

- Конечно. Я не стану вмешиваться в то, что задевает интересы национальной безопасности.

- Ну, вы почти угадали, - сказал Торинг, заметно трезвея. - В том-то и дело. И вы можете поддержать нас.

- А насколько большое? - спросила Кларисса, отворачивая лицо и говоря краем рта. - Неужели на Марсе нашли космические энергетические пирамиды? И мы будем воевать за них с КГБ?

- Ничего подобного. Но вот что я вам скажу: руководитель экспедиции Дэниэль Лехерни, заместитель главы Совета национальной безопасности США. А второе лицо в экспедиции - Шарль Жиро, член французского правительства. Они вместе со своими помощниками уже на борту, прилетели вчера в тайне от общественности. Это скажет вам достаточно.

- Никогда о них не слышала, но, кажется, это важные шишки, - сказала Кларисса. - Замечательно. А что еще?

Торинг неожиданно откинулся и покачал головой.

- Даже это я не должен был говорить. Больше ничего не могу сказать, Кларисса... но теперь отвяжитесь от меня, пожалуйста.

- Никогда бы не подумала... Должно быть, у вас и правда много забот.

- Я вам все время пытаюсь это сказать.

- Ну, хорошо, я поняла. Не волнуйтесь, я никому не расскажу. Знаете, я всегда хотела быть шпионом, агентом ЦРУ или что-нибудь такое. У меня получилось бы. А вы... у вас есть такие люди? - Кларисса с надеждой посмотрела на Торинга.

- А? О, нет, боюсь, что нет.

- Плохо. Ну, может, вы хотите передать тайное сообщение руководителю связи или что-то такое? Дайте мне знать.

- Что? А, да, конечно. Если что-нибудь понадобится, я вам позвоню.

- Хорошо. Наверно, мне пора уходить. - Кларисса встала и осторожно пошла к двери. Чуть приоткрыла ее, выглянула, затем через плечо оглянулась на Торинга. - Просите, что беспокоила вас своей чепухой.

- О, ничего. У нас это часто бывает... но вы никому не рассказывайте, понятно?

- Конечно. - Кларисса кивнула, сделала большим и указательным пальцами знак О и исчезла. Торинг, не веря своим глазам, долго смотрел на дверь. Потом замигал, возвращаясь к реальности, покачал головой и снова занялся бумагами на столе.

- Данные о количестве горючего на борту, запасы химического горючего на случай неожиданностей, шкала дальности на экранах радаров - все это говорит о значительно большем расстоянии, чем до Марса, - говорила Тельма остальным членам команды, которые проводили совещание в тесной каюте Замбендорфа, Веста, Абакяна и Феллбурга. Тельма указала на фотографию, лежащую среди других бумаг на столе. - Полетное расписание Кемпбелла также указывает на длительность в три месяца, а не в пятьдесят дней.

- Я по-прежнему считаю, что возможны астероиды, - сказал Дрю Вест с одной из верхних коек. - В последние годы много говорилось о нашей уязвимости из-за нехватки стратегических минералов. В сущности, об этом говорят с конца столетия.

Несколько секунд длилось молчание. Потом Джо Феллбург скорчил гримасу.

- Слишком многое не укладывается, - сказал он. - К чему вся эта таинственность? И военные?

- Защита наших внешних интересов, - ответил Абакян. Он сидел на полу спиной к двери.

- От кого?

- Ну, только от Советов, - сказал Вест.

- В астероидах? - Кларисса вопросительно посмотрела на Тельму и Феллбурга. - А у них есть что-нибудь равное "Ориону"?

Феллбург покачал головой.

- Еще нет. Они сосредоточились на околоземных работах. А японцы больше интересуются Меркурием и Венерой.

- Советы разработали атомный двигатель, как часть своей марсианской программы, - сказала Тельма. - Но если бы у них было что-то такого масштаба, как "Орион", мы бы об этом знали.

Кларисса кивнула, словно это подтверждало ее мысли.

- К тому же Лехерни и Жиро никак не укладываются, - сказала она. Лехерни был постоянным председателем комиссии по иностранным делам и одно время работал американским послом в Бразилии; Жиро - член французского кабинета министров. Такие парни не возглавляют исследовательские экспедиции.

В каюте снова наступила тишина. Все смотрели друг на друга. Никаких новых предложений не поступало. Наконец Замбендорф встал, переступил через ноги Абакяна, чтобы налить себе кофе у раковины умывальника. Помешал ложечкой сахар и повернулся лицом к остальным.

- Значит, все должно быть, как я говорил, - сказал он. - Никакая другая гипотеза не объясняет все факты. Низкая сила тяжести, низкие температуры, много льда... Спутник одной из внешних планет.

- И не только обладающий атмосферой, но с высоким давлением, сказала Тельма, кивнув.

Феллбург несколько секунд тер нос указательным и большим пальцами, потом тоже медленно кивнул.

- Вряд ли мы ошибаемся... И знаете что еще? Два года назад была европейская экспедиция. Сообщалось, что все спускаемые аппараты перестали действовать на поверхности. Мне всегда эта история казалась очень странной.

Абакян поднял голову и посмотрел по сторонам.

- Из всего этого следует - Титан. Согласны?

- По крайней мере он наиболее вероятен, - сказал Замбендорф. - Но по-моему более интересный вопрос - зачем?

Зачем западные державы готовят большую экспедицию, набирают в нее ученых самых разных специальностей и экспертов во многих областях, обеспечивают военной защитой от - все на это указывает - от Советов? Почему возглавляют эту экспедицию известные политики, искушенные в международных делах и дипломатии? И почему - вероятно, это самый главный вопрос - почему в экспедиции так много лингвистов и психологов, специалистов в установлении контактов и связей? Короче, что именно нашли европейские аппараты под туманной непроницаемой атмосферой Титана, загадочного спутника Сатурна, равного по размерам Меркурию?

И особенно интересовало людей, собравшихся в каюте, почему кто-то очень хотел, чтобы в экспедиции оказался Замбендорф?

10

В самом сердце командного модуля "Ориона", над главным контрольным щитом, нервным центром корабля, Дон Коннел,

репортер из команды Джисиэн, сопровождающей экспедицию, видел на экране монитора картинку, которую снимала камера 1 и которую в живом эфире передавали на Землю. Камера медленно поворачивалась, показывая многочисленных членов экипажа, экраны компьютеров, на которых появлялись все новые данные об изменениях в состоянии корабля, потом остановилась на изображении Земли на главном экране. Коннел кивнул режиссеру, сообщая о своей готовности; режиссер стоял у возвышения, с которого генерал Ванц и три старших офицера руководили последними этапами отсчета. Коннел повернулся к камере 2. На ней загорелся огонек, сообщая, что он в эфире.

- Вы только что видели Землю, какой видим ее мы, с "Ориона", с высоты в десять тысяч миль, именно в данный момент, - начал он. - Знаете, это действительно проблема - найти подходящие слова, чтобы вы, друзья, почувствовали то же, что я в этот момент. Лично все еще приходится убеждать себя, что это изображение реально. Я смотрю не на какой-то объект, удаленный от меня на тысячи миль и переданный через космическое пространство, не запись, не фильм. Если бы стены и сооружения вокруг меня были бы стеклянными и я мог бы видеть сквозь них, я собственными глазами увидел бы то, что у нас сейчас на экране. Знаете, неожиданно это стены кажутся мне такими хрупкими, а "Орион" - таким крошечным по сравнению со всем остальным. Это пространство вполне способно проглотить Землю. Ну, приходится верить, что инженеры САКО и все остальные, кто соорудил этот корабль, так хороши, как нас уверяют.

Со своего места сразу под возвышением Ванца инженер привлек внимание Коннела и поднял пять пальцев одной руки и один - другой. Он тем самым показал, что отсчет вступает в последний этап - шестьдесят секунд. Лицо Коннела стало серьезным, он придал голосу напряженное звучание.

- Начался отсчет последней минуты. В хвосте корабля генераторы поля, о которых нам рассказал капитан Мэтьюс, включены и огромные ускорители готовы заработать. Последние мгновение перед началом исторического путешествия "Ориона" на Марс. - Коннел подождал, пока огонек не переместится на камеру 1, потом сел, чтобы наблюдать за происходящим.

- Главная последовательность задействована. Вспомогательная последовательность задействована, - доложил главный инженер рядом с Ванцем. - Проверочный пункт ноль минус два, функции положительные. наземный контроль - подтверждение.

- Как тихоокеанский контроль? - спросил Ванц.

- Наземный контроль дает подтверждение, - ответил другой голос. Тихоокеанский контроль - подтверждение.

- Двухсекундный след в выхлопном отверстии, - еще чей-то голос.

- Главное поле: шесть, восемь, готовность зеленая; семь семь зеленая, девять пять - синхронизация.

- Выравнивание в норме.

- Фокусировка поля в норме.

- Двигатели готовы. Десять-десять, все в порядке.

- Контрольный пункт - ноль минус один.

Наступила тишина. Генерал Ванц бросил последний взгляд на информационный дисплей перед собой. Он кивнул и сказал в микрофон:

- Начало фазы один.

- Фаза один главной последовательности приведена в действие. Ноль ноль плюс семь точка три секунды.

Коннел почувствовал, как сидение под ним мягко качнулось. "Орион" вышел из состояния свободного падения. Путешествие, которое превратит шар на экране в точку и заменит его другим шаром, началось. По жестам и улыбкам инженеров видно, что все как будто идет хорошо. Коннел откинулся в кресле и прикончил свой кофе, а камера в это время снова показала Землю, потом контрольный экран, а также кадры, сделанные со служебных кораблей с расстояния в десять миль. Коннел сверился со временем и пришел к выводу, что пора ослабить напряжение, сменить тему и настроение. Он встал и прошел в сторону, где в ожидании с помощником режиссера разговаривал Замбендорф. С ним был доктор Перейра, которого в глубине души Коннел считал свихнувшимся, а также такая же свихнувшаяся матрона средних лет, ведавшая в группе Замбендорфа делами прессы. Именно она заставила Германа Торинга отвести Замбендорфу ценное время передачи, которую будет смотреть весь мир. Прямо перед ними группа техников устанавливала камеру 2.

- Готово? - спросил Коннел, присоединяясь к ним. - Сейчас пойдет реклама. А сразу вслед за ней мы.

- Отлично, - сказал Замбендорф.

Коннел указал на листок бумаги в руке Замбендорфа.

- Подходят ли эти вопросы? Или вы хотите, чтобы я кое-что опустил?

- Нет, все в порядке. Я мог бы сберечь ваше время, заранее предсказав их. - Коннел не был уверен, шутка это или нет. Он вообще скептически относился к паранормальным способностям, хотя ему часто приходилось спорить об этом с друзьями. Он улыбнулся, скорчил гримасу и предоставил Замбендорфу

размышлять над значением своего ответа. - Вы не убеждены? спросил удивленно Замбендорф, пристально глядя на него.

Коннел легкомысленно пожал плечами.

- Ну... Я никак не могу забыть, что "Орионом" движет атомная энергия, а не паранормальные силы. По-моему, это о чем-то говорит.

- Верно, - согласился Замбендорф. - А первые океанские корабли двигал ветер.

- Двадцать секунд, - предупредил техник. Остальные отошли, а Коннел и Замбендорф заняли места; на камере вспыхнул огонек, они в эфире.

- Снова с вами Дон Коннел, на этот раз на пути на Марс. Ну, еще до этой суматохи со стартом мы разговаривали с генералом Ванцем и несколькими его офицерами, а также с некоторыми учеными. А теперь я приветствую еще одного участника экспедиции, который стоит рядом со мной. Здравствуйте, Карл Замбендорф!

- Здравствуйте, Дон.

- Карл, мне кажется, у вас такое испытание тоже первое в жизни. Я прав?

- Ну, для моего материального тела... да.

- Как полагают, вы умеете делать сверхъестественно точные предсказания будущего. Так как насчет Марса? Хотите ли сейчас сказать что-нибудь об экспедиции, о том, что случится с нами на Красной планете, об ожидающих нас сюрпризах?

- На Марсе?

Коннел удивился.

- Ну... да, конечно. Хотите что-нибудь предсказать о нашем прибытии туда?

- Ммммм... Если не возражаете, Дон, я бы предпочел не отвечать на этот вопрос по причинам, которые вскоре станут совершенно ясны.

- Эй, звучит достаточно зловеще. Что вы пытаетесь сказать, Карл?

- О, ничего тревожного. Давайте скажем, что я опасаюсь быть обвиненным властями в разглашении государственной тайны. Как я сказал, причина вскоре станет ясна. А причин для тревоги нет. Для осторожности может быть, но не для тревоги.

- Хотел бы я знать, что это значит. Ну, наверно, придется просто подождать и посмотреть. Надеюсь, наши зрители запомнили это. Карл, я хотел вас спросить также о всех этих ученых и специалистах на борту корабля. Они вас беспокоят?

- Конечно, нет. Как они могут меня беспокоить? Мы все ученые в каком-то смысле.

- Может быть, но большинство специалистов... скажем, в наиболее ортодоксальных областях знания скептически относятся к вашей сфере... исследования. Не беспокоит ли вас, что вы на корабле с таким количеством неверующих?

- Факты не изменяются от интенсивности человеческой веры или от количества верующих, - ответил Замбендорф. Он хотел сказать еще что-то, но в этот момент помощник режиссера кивнул кому-то за дверью и поманил. Мгновение спустя появился Джералд Мейси. Замбендорф резко повернул голову и удивленно взглянул на Коннела. До сих пор Мейси и Замбендорф избегали встреч и показывали, что знакомы друг с другом, только кивая мимоходом.

Эту встречу Коннел сделал неожиданной по прямому приказу Патрика Уайттейкера из Всемирной Информационной Сети.

- Карл, все пытаются застать вас врасплох, верно? - дружелюбно сказал он. - Я взял на себя смелость пригласить к нам одного из таких скептиков, потому что мне сказали, что он готов бросить вам вызов. Я уверен, что зрителям это будет интересно. - Прежде чем Замбендорф смог ответить, помощник подтолкнул Мейси вперед, и Коннел жестом сосредоточил на нем внимание камеры. - Друзья, я рад представить вам Джералда Мейси. Джерри один из психологов у нас на "Орионе", но вдобавок он отличный фокусник и иллюзионист. Я прав, Джерри?

- Да, меня интересует эта область, - ответил Мейси, подходя к ним.

- И вы не верите в существование сил и способностей за пределами ортодоксальной науки, - сказал Коннел. - В частности, вы утверждаете, что можете воспроизвести на сцене все, что Карл приписывает своим паранормальным способностям. Это так, Джерри?

Мейси глубоко вздохнул. Чтобы сказать все, что ему хочется, потребуются часы.

- Вы правы. Уже довольно давно я пытаюсь убедить герра Замбендорфа продемонстрировать его так называемые способности в условиях, когда я мог бы осуществить их контроль. Это самое малое, чего можно требовать от любой отрасли науки. Но он постоянно уклоняется от прямого ответа. Мое предложение очень простое. Мы довольно долго будем находиться в пути, потом еще на Марсе, и это предоставляет идеальную возможность и достаточно времени для решения вопроса раз и навсегда. У меня с собой расписание первых тестов, но я готов выслушать любые другие предложения

Коннел повернулся и вопросительно взглянул на Замбендорфа. Сохраняя внешне полное спокойствие, Замбендорф

в то же время лихорадочно размышлял. Он должен был догадаться, что Мейси выкинет что-нибудь такое, нужно было внимательней следить за ним. Но группа была слишком занята, у них было мало времени.

- О, мы все это уже слышали, - без колебаний ответил он. - То, что фокусник может повторить что-либо, совсем не доказывает, что в первый раз это было достигнуто таким же способом. Я уверен, что мистер Мейси умеет очень убедительно доставать кролика из шляпы, но он вряд ли на этом основании будет утверждать, что таково же происхождение всех кроликов.

- Я никогда не утверждал, что это что-то доказывает, - ответил Мейси. - Но если факты допускают простое объяснение, нет необходимости прибегать к более сложным.

- Простейшее объяснения движения планет и звезд в том, что они вращаются вокруг Земли, - заметил Замбендорф. - Тем не менее мы принимаем более сложное. - Если повезет, Мейси позволит увлечь себя в область философской логики, совершенно смутив девяносто процентов слушателей, которые затем все это позабудут, как академический вздор.

- Да, поскольку оно объясняет больше фактов, - ответил Мейси. - Но это не имеет к нам отношения. Вы сказали, что вас не беспокоит присутствие многих компетентных ученых. Хорошо, тогда принятие моего предложения великолепно продемонстрирует этот факт. Вы говорите, что вера не изменяет факты. Я согласен с вами. Так давайте установим эти факты.

Мейси явно невозможно отвлечь. Полмира смотрит и ждет ответа Замбендорфа. Если он согласится, Мейси не спустит его с крючка.

- Ну, Карл, - сказал Коннел после нескольких секунд напряженного молчания. - Что скажете? Примете вызов Джерри Мейси?

Замбендорф в отчаянии огляделся. По всему "Ориону" офицеры и члены экспедиции с любопытством наблюдали за ним. Если бы эти проклятые люди из ГКК делали свою работу, Мейси и подойти к нему не смог бы. Есть отчего прийти в ярость. Мейси сложил руки и бесстрастно ждал. Замбендорф колебался. Потом их глаза встретились, и Замбендорф увидел во взгляде Мейси торжество. И решился.

Замбендорф на мгновение отвернулся, напряг плечи и несколько раз глубоко вдохнул, потом посмотрел на потолок, как бы призывая силы сверху. Когда он снова повернулся к камере, лицо его, казалось, потемнело от гнева, а в глазах горело библейское негодование. Коннел с опасением взглянул на него. Даже Мейси, казалось, удивился.

- В такое время?.. Когда происходят такие исторические события?.. Вы хотите, чтобы я играл с вами в игры? Что за детство? - загремел Замбендорф. Конечно, драматично, но ситуация: или - или. - Мы, человечество, вот-вот встретимся со жребием, уготованным нам судьбой миллионы лет назад, и вместо того чтобы готовиться к этому, вы отвлекаетесь на всякие мелочи. - Коннел и Мейси в замешательстве взглянули друг на друга. Замбендорф повернулся к Мейси и обвиняюще указал на него пальцем. - Я бросаю вам вызов! Видите ли вы хоть какой-то намек на то, куда приведет нас путешествие и что откроет? Видите ли вы хоть что-нибудь? Или вы подобны остальным слепцам, которые верят только в ту часть вселенной, которую могут потрогать пальцами?

Это блеф, чтобы заставить меня перейти к обороне, подумал Мейси. Нужно удержать инициативу.

- Театрально, - ответил он. - Всего лишь театрально. Вы ничего не говорите. Вы собираетесь что-то предсказать? Если да, то что именно? Давайте перейдем к чему-нибудь конкретному, прямо сейчас, а не после нашего прибытия на Марс.

- Марс? - В голосе Замбендорфа звучала жалость. - Вы считаете, что мы летим на Марс? Вы слепец. Неудивительно, что вы не можете поверить.

- Конечно, мы летим на Марс, - нетерпеливо ответил Мейси.

- Глупец! - взорвался Замбендорф.

Неожиданно Мейси потерял уверенность. Он почувствовал, что каким-то образом ситуация ускользает от него. Как-то все неверно поворачивается. Замбендорф не должен вывернуться. У него, Мейси, на руках все козыри. Коннел удивленно смотрел на них.

- Что такое вы говорите, Карл? - спросил он. - Что мы летим не на Марс? А куда же мы летим? И почему?... Что вы хотите нам сказать? Большинство зрителей уже вообще забыли о вызове Мейси. Они хотели знать, что увидел Замбендорф.

А Замбендорф вернулся в свою стихию - теперь это был шоумен, контролирующий свое шоу. Он широко развел руки и воздел их к потолку. На миллионах экранов Коннел и Мейси, казалось, съежились. Замбендорф прижал кулаки к вискам, постоял так несколько секунд и потом посмотрел на Коннела со странным, отсутствующим выражением.

- У меня нет названия, которое используют астрономы, но я вижу, что это не Марс... это гораздо дальше от Земли, чем Марс.

- Где это? - выдохнул Коннел. - На что похоже?

- Дитя гиганта, увенчанного кольцом; у этого гиганта семнадцать детей, - звенящим голосом произнес Замбендорф. - Не

знаю, где я нахожусь... но под непроницаемыми облаками красно-коричневого цвета, плывущими в воздухе, который не воздух... под этими облаками холодно и темно. Там ледяные горы и огромные пустыни... И... - Голос его стих. Челюсть отвисла, глаза раскрылись еще шире.

- Что? - со страхом спросил Коннел.

- Живые существа!.. Не люди. Они вообще не с Земли. Но у них есть разум! Я чувствую их прямо сейчас...

- Отключите его! - рявкнул генерал Ванц в своей контрольной рубке.

- Кончайте! Отключите его! - приказал руководитель отдела связи. Инженер щелкнул переключателем на консоли. Со всех сторон послышались возбужденные выкрики.

- Наплевать! Скажите что угодно! - кричал Герман Торинг по вспомогательному каналу связи на студию Всемирной Информационной Сети в Нью-Йорке. - Скажите, что у нас технические помехи. Нет, я не знаю, что происходит, но у нас тут настоящий ад.

В сфере 2 Вернон Прайс ошеломленно стоял в своей каюте у экрана, на котором уже снова появилось изображение Земли.

- Ну? - вызывающе спросил Малькольм Уэйд, попыхивая трубкой на противоположной койке - Значит, он мошенник? А как вы все это объясните?

В своем доме в пригороде Вашингтона Уолтер Конлон яростно ударил кулаком по столу.

- Он с этим не уйдет! Ни за что на свете! Мейси его уничтожил!

- С тобой хочет поговорить Уоррен Тейлор, - сказала его жена Марта.

Конлон встал и затопал к терминалу связи. Лицо управляющего Североамериканским отделением САКО побагровело от гнева.

- Что случилось? - спросил он. - Я считал, что у вас там специалист, который может справиться с этим фигляром!

В своем кабинете в имении в Делавере Бертон Реймелсон смотрел на экран, на ошеломленное лицо Грегори Була, который позвонил из главной конторы ГКК.

- Боже мой! - недоверчиво воскликнул Реймелсон. - Может, мы вообще неверно оценили всю эту историю? Может, в этом Замбендорфе действительно что-то есть?

В кабинете руководителя экспедиции в сфере 2 Каспар Ланг качал головой. Он мрачно взглянул на Дэниэля Лехерни.

- Разумеется, это розыгрыш, - настойчиво сказал он. - Мы просто недооценили Замбендорфа и его людей. Приняли их за

простых фокусников, но, очевидно, они не так просты. Хорошо поставленный сбор информации, шпионаж - не больше и не меньше.

- Придется все объявить экспедиции, - сказал Лехерни. - Неважно, как сделал это Замбендорф - результат тот же. Придется всем на корабле рассказать правду.

- Но ее все равно вскоре пришлось бы рассказать, - напомнил ему Ланг. - Мы уже в пути, а это главное. Я знаю: плохо, что Советы узнают сейчас, а не гораздо позже, когда на Марсе нас не окажется. Но вы должны согласиться, Дэн, что с тем количеством людей, которые вовлечены в этот проект, служба безопасности сработала лучше, чем мы надеялись.

Лехерни нахмурился, но потом с тяжелым вздохом кивнул.

- Вероятно, вы правы. Ну, хорошо, перекройте все каналы неофициальной связи с Землей - приказ должен вступить в силу немедленно - и объявите, что через несколько часов я обращусь ко всем участникам полета. И, пожалуйста, этого медиума немедленно ко мне. Мне кажется, нам пора с ним потолковать.

В Москве представитель Министерства иностранных дел заявил послам Соединенных Штатов и европейских стран протест. В нем говорилось, что если "Орион" послан для установления контакта с чуждым разумом, в этом должны принять участие все государства земли. Он потребовал отзыва корабля. Требование было отклонено. В ответе государств Запада указывалось, что советское правительство излишне поддалось слухам и ненаучным рассуждениям.

В тот же день на борту "Ориона" Дэниэль Лехерни обратился ко всем участникам полета и объявил - впрочем, большинство об этом уже догадалось, - что корабль действительно направляется к спутнику Сатурна Титану. Были показаны записи, переданные европейской ракетой, приземлившейся на Титане два года назад. На записях было видно, как приближаются странные машины, и потом - ничего. Очевидно, посадочные аппараты были уничтожены. Ракета, выпустившая эти аппараты, находилась по-прежнему над Титаном, но о поверхности больше ничего узнать не удалось из-за густых непроницаемых красно-коричневых облаков из азота и гидрокарбонов.

Те службы правительств США и европейских стран, которые готовили экспедицию, совсем не намерены были заставлять участвовать в ней против воли. Естественно, первая реакция большинства при таком сообщении - страх и нервозность. Предполагалось первоначально сообщить правду, когда "Орион" уже на несколько недель уйдет от Земли, и у всех будет около месяца, чтобы обдумать информацию и принять решение. Затем

"Орион" должен был встретиться с транспортным кораблем САКО, идущим с Марса, и все, кто не согласится остаться, улетят на этом корабле. Ожидалось, что после должных размышлений большинство персонала решит продолжать полет и участвовать в экспедиции, и Лехерни выразил надежду, что так оно и будет. К сожалению, сохранение тайны и обман были необходимы, чтобы "...обезопасить интересы Соединенных Штатов и их европейских союзников", - сказал он.

Семь недель спустя дрогнуло только несколько слабых душ, когда транспортный корабль САКО встретился с кораблем экспедиции. "Орион" еще более ускорил свой полет и лег на курс к внешним областям Солнечной системы.

11

Тирг, Задающий-Запретные-Вопросы, жил в лесу к югу от Пергассоса в стране Кроаксии, там, где поднимаются основания гор, ограждающих Великую Меракасинскую пустыню.

Жил он скорее в хижине, чем в доме, и предпочитал одиночество, хотя его жизнь нельзя было вполне назвать отшельнической. Дом его размещался на небольшой поляне в прекрасной роще машин, производящих медную и алюминиевую проволоку, формовочных впрыскивателей, многопозиционных прессов и стройных пилонов энергетических линий и информационных кабелей. В лесу росло также множество клепальных станков, изящных сварочных машин; проходящие изредка медлительные трубогибочные машины смягчали фон непрерывного звона, стука, шипения и грохота; этот фон защищал отшельника от смертных и их мирских дел и оставлял наедине со своими мыслями. Полянка оканчивалась невысоким ледяным утесом, за которым местность начинала круто подниматься; линия гор в одном месте разрывалась ручьем жидкого метана, который весело журчал меж ледяных булыжников, образуя пруды, к ним подходили выделяющие цинк электролизеры и извергающие калий испарители, они погружали свои тонкие заборные хоботки в жидкость. Обычно это происходило в середине каждой яркости.

Тирг сам вырастил свое жилище; он научился этому мастерству у своего старого друга, строителя в Пергассосе. Очистив площадку от мертвых решеток и структурных балок, корпусов трансформеров, которые упрямо цеплялись за свое бетонное основание, и различного металлического подлеска, он подготовил участок гидрокарбоновой почвы под утесом, удобрил азотистым суглинком, собранным на берегах ручья, и посадил семена наружной стены в ряд в десяти шагах от основания утеса. Стена изгибалась, создавая замкнутое пространство. Потом он

заложил основания внутренних перегородок, выделив столовую, гостиную, мастерскую и библиотеку. Основания стен он обильно поливал метаном из ручья и предусмотрел в стенах окна и двери. Стены быстро росли и смыкались в купол вверху, а Тирг тем временем увеличил свое жилище, добавив сзади вторую мастерскую и кладовку. Когда стены стали достаточно устойчивы и приобрели нужную форму и размер, Тирг высадил вторичные культуры. Эти семена мебели он купил в городе. Трубопровод из лесных труб поставлял в дом свежий метан из ручья, а силовая линия, проведенная от ближайшей мачты, давала возможность удобно подзаряжаться дома. Чтобы придать дому деревенский вид, который ему особенно нравился, Тирг выложил стены полированными плитами из металлических сплавов; плиты он снял с прокатного стана в миле от ручья; двери он выложил керамическими плитами и решетками с частично размонтированной литейной, на которую наткнулся, бродя как-то по лугу. Уставленный стогами луг начинался сразу за конвейером на склонах к северу от реки.

Однажды утром Тирг сидел на стальном пне и думал о тайнах жизни. При этом он наблюдал, как небольшой коллектор фосфора и бронзы деловито жужжал в подлеске на дальней стороне поляны. Один из друзей Тирга, натуралист, всю жизнь описывал и классифицировал такие коллекторы - разумеется, втайне, потому что такая любознательность могла вызвать недовольство властей и привлечь зловещее внимание жрецов. Подобно остальным разновидностям, коллектор собирал только один тип металлической композиции, которую получал, расплавляя металл крошечным лазером, а потом втягивая раскаленный газ. Причем делал это только на растениях определенного размера и формы. Затем коллектор доставлял свою добычу на ближайший транспортер, который переносил ее в другие районы леса. Друг Тирга провел много часов, наблюдая за доставкой материалов, обработкой, кончая тем моментом, когда после сборки новые животные начинали свою жизнь; он следил, как печи пожирают негодные части и выдают чистые материалы, из которых собираются новые компоненты животных; он чертил сотни подробных схем, изображающих пути прохождения материалов и сборки; он разобрал сотни мертвых животных и других машин в попытках проследить, откуда происходят их отдельные части и органы, какими маршрутами и как именно происходит преобразование сырья. Но даже учитывая достижения многих предшествующих поколений натуралистов, он только начинал свою работу. Сложные, переплетающиеся, взаимозависимые способы, с помощью которых природа

производит обработку материалов и постоянное обновление живого мира, настолько сложны и трудны для познания, что Тирг иногда начинал подозревать, что, несмотря на все усилия, познание еще только начинается и познанное еще должно быть осознано. Поразительно думать, что материалы, которые сейчас собирает коллектор, могут дюжину яркостей спустя оказаться в корпусе ротора какой-нибудь центрифуги во многих милях отсюда или в подшипнике засохшего побега по другую сторону Кроаксии.

Хотя сам он так и не завел семьи, природная любознательность часто приводила его в места, куда приходили робосущества - уникальный вид, обладающий разумом, к которому принадлежит он сам, - для сборки потомства. Он зачарованно следил, как зародыш приобретает форму, а заботливые родители торопливо ходят взад и вперед, проверяя, все ли части на месте, удовлетворительного ли они качества; и он разделял их возбуждение, когда новое робосущество наконец активировалось и уходило с гордой парой в свой новых дом, чтобы там начать изучать язык, правила поведения, обычаи и все остальное, что необходимо для жизни в обществе.

Процесс сборки, естественно, в общих чертах тот же, что и у животных и других форм жизни. Натуралист, друг Тирга, заверил его, что все формы жизни, включая робосущества, происходят из одних и тех же материалов; замечательно, что один из видов сумел развить способность к мышлению и тем самым резко выделился среди остальных. Все это как будто подтверждает утверждение ортодоксальной религии, что из всех живых существ только робосущества обладают душой и тем самым являются уникальными представителями жизни; что эта душа должна вернуться к Жизнетворцу после прохождения земного испытательного периода; или же она попадет в Печи Переплавки, расположенные внизу, под слоем льда; именно от этих Печей происходят вулканы жидкого льда. Но ученые, разбиравшие и тщательно изучавшие тела мертвых робосуществ, не нашли в них ничего отличного от других живых существ: то же самое поразительное переплетение труб, нитей, кронштейнов и подшипников; те же бесчисленные кристаллы сложного строения, причем подробности их устройства невозможно разглядеть в самые сильные протеиновые линзы. Где же в таком случае душа? Если она существует, то почему никаким способом себя не проявляет? Правда, никто не может объяснить способность робосуществ мыслить, но, с другой стороны, невозможно объяснить и то, почему животные ведут себя именно так, а не иначе, откуда они знают, как им поступать. Нуждается ли само

возникновение робосуществ в чем-то настолько "отличном" для своего объяснения, как душа? Тирг не был в этом уверен. Ему казалось, что "душа" просто изобретена, чтобы подходить к ответу; а сам ответ не получен так, как должна получаться научная истина. Истина достигается по определенным правилам. И при всех испытаниях и проверках эти правила ни разу еще не подвели Тирга.

Резкий скрежет, доносящийся с противоположного края поляны, прервал его мысли. И сразу Рекс обнажил свои резцы и возбужденно забегал взад и вперед по тропе, ведущей в лес. Тирг встал и увидел высокую фигуру в проволочной одежде и темном плаще из углеродных пластин. На робосуществе была шляпа из шкуры ледяного бульдозера, а в руке - прочный посох из дюралюминиевой трубы.

- Лежать, Рекс, - сказал Тирг. - Это всего лишь Грурк. Не часто он к нам приходит. Но ты должен его помнить. - И громче сказал: - Здравствуй, брат, Слушающий-Голоса. Привели ли тебя ко мне твои голоса или ты принес мне новости из мира?

Грурк вышел на поляну и пошел между ваннами для отложения солей металлов с одной стороны сада Тирга и рядом декоративных миниатюрных лазерных сверл и измельчающих головок - с другой. Сверла и головки деловито вырезали эстетичные узоры на использованных газовых цилиндрах и старых кожухах насосов. Радиаторные охладители Грурка заметно светились от быстрой ходьбы, и он выдыхал облачка охлаждающего пара.

- В небе в последнее время много новых голосов, - объявил он. Раньше я таких не слышал. - Он не улыбнулся в ответ на приветствие Тирга; но ведь он мистик и вообще ничему не улыбается. - Это предвестник великих происшествий. Меня эти голоса призывают в Меракасинскую пустыню, там я отыщу наконец Откровение. Ибо написано...

- Да, да, я знаю, - торопливо сказал Тирг, поднимая руку из серебряного сплава с сложными соединениями-суставами. - Отдохни. Ты, по-моему, хочешь пить. Глоток освежающего горного метана - вот что тебе нужно. Не понимаю, как ты выдерживаешь этот отравленный смог в городе.

Тирг провел его в дом, и Грурк с благодарностью опустился на диван у стены столовой. Пока Тирг наливал в чашку охладитель, Грурк выбрал одну из выросших на трансформаторе розеток - каждая предназначалась для определенного напряжения и силы тока, - вставил свой конец провода и щелкнул переключателем у себя под подбородком. - Ах, вот так гораздо лучше, - сказал он через несколько секунд.

Тирг передал Грурку чашку, потом посмотрел на его руки и ноги в сандалиях из колесной кожи. Показал на свое электролитическое оборудование.

- Если ты голоден, пожалуйста.

- А ты уже поел?

- Да, съел немного. Могу порекомендовать новое блюдо из хрома и ванадия. Попробуй. Или сливки машинного масла.

Грурк покачал головой, и его образные матрицы лихорадочно заблестели.

- Я пришел не для того, чтобы предаваться удовольствиям, Тирг. Мне нужно ответить на более важный призыв. И я действительно принес тебе новости - плохие новости, о брат, предавший свою душу Черным Искусствам. Твоя ересь стала известна! Королевский советник издал приказ. Тебя должны арестовать, и ты в начале следующей яркости предстанешь перед Советом жрецов по обвинению в отрицании Святого Писания. Солдаты королевской стражи уже вышли из города и еще до конца яркости будут здесь. Беги немедленно и спаси свое злополучное тело, пока оно еще живо, ибо душа твоя навечно предана Темному Хозяину и никогда не воскреснет!

- О!... и что такого я говорил? - спросил Тирг. Несмотря на тон Грурка, термальный рисунок лицевых поверхностей свидетельствовал, что его тревога искренняя.

- Неужели тебе отказала память? - спросил Грурк. - Разве это не первый симптом безумия, которое заставляет пораженных им богохульников бежать в пустыню и искать новых откровений в проклятой земле неверующих?

- Я сказал бы, что они делают это, чтобы спастись от жрецов и избежать погружения в кислоту, - ответил Тирг, потом спросил: - А что такого я говорил?

- Разве не ты в присутствии целой толпы на рыночной площади отрицал Священную Доктрину Божественной и Непознаваемой Сущности Жизнетворца? прошептал Грурк, как бы опасаясь произносить эти слова вслух.

- Конечно, нет. Просто я говорил, что логика Писания кажется мне ненадежной. Разве там не утверждается, что само существование жизни является доказательством, что ее сотворил Жизнетворец? Если пробраться через всю путаницу и нагромождение слов? - Тирг пожал плечами и, чтобы поддержать компанию, тоже сделал глоток. - Но в мире повседневных дел мы вряд ли примем такой довод. Допустим, я скажу, что существует некий всеобщий сотворитель окон. Не могу же я утверждать, что доказательство его бытия - само наличие окон? Известно, что окна выращиваются из семян, посаженных строителями. Это

порочный круг: существование чего-либо доказывается тем, что оно существует.

Грурк, который поднял руки в попытке заткнуть уши, с тяжким стоном опустил их.

- Богохульство! - воскликнул он. - Что это за ложная вера?

- Это не вера, а процесс постижения истины путем наблюдений, - сказал Тирг. - Я свел этот процесс к набору простых правил, которые можно записать в языковой форме. И результаты поистине поразили меня. Показать тебе пример?

Грурк в ужасе посмотрел на него.

- Ты хочешь навязать правила самому Жизнетворцу? Ты смеешь ограничивать Его в Его изобретательности? Полагаешь, что Его труды доступны оценке простых смертных? Какое высокомерие овладело тобой? Что это за...

- Ну, замолчи, - устало сказал Тирг. - Никаких изобретенных мною правил я никому не навязываю. Я просто наблюдаю мир таким, каков он есть, и пытаюсь понять правила, которые в нем уже заложены. Мне кажется, что если Жизнетворец решил наделить нас разумом, Он хотел, чтобы мы им воспользовались. А что может быть полезнее, чем разработка надежного способа постижения истины?

- Есть вещи, которых мудрым лучше не касаться, и загадки, которых не разгадать даже святым, - резко процитировал Грурк. - Существует нечто такое, чего мы не должны знать, Тирг!

- А откуда ты это знаешь?

- Так написано в Писании.

- А откуда знал тот, кто написал Писание?

- Ему это было внушено. Правду не найти на путях лжи. Вся истина, которую нам положено знать, изложена в Писании.

- А где об этом говорится? - вызывающе спросил Тирг. - В Писании. Снова мы видим замкнутый круг.

Грурк в отчаянии отвернулся и увидел шар, покрытый незнакомыми знаками и надписями. Шар стоял в углу рабочего стола Тирга.

- Тебя околдовали круги, - сказал он. - Тебя поразило то же безумие, что и Лофбайеля. Я слышал, он в безумии утверждал, что наш мир круглый.

- Я внимательно изучил доказательства, и они очень убедительны, ответил Тирг. - После суда Совета Лофбайель доверил свои карты и записи мне для сохранности. - Он указал на большую карту, висящую на стене за рабочим столом, - карту, подобной которой Грурк никогда не видел. Смотри: вот мир, в котором ты живешь. Много еще незаполненного, как видишь, но Лофбайель заверил меня, что основные черты переданы точно.

Видишь, какой крошечной кажется Кроаксия?

- Но у него прямые края, - возразил Грурк, протестующе поглядев на карту. - В Писании сказано, что мир подобен блюду, окруженному непроницаемым Пограничным Барьером, на который опирается небо. Ты говоришь о правилах разума, но ни один безумец в самом диком затмении рассудка не примет этого.

- Края листа, на котором изображена карта, не искажают изображение; так рама не может привести к обезглавливанию того, кто нарисован на портрете, - сказал Тирг.

- Значит, мир обезглавлен с четырех сторон, - ответил Грурк. - Тут нигде не видно Барьера. Поэтому карта не может изображать наш мир. Твои ложные слова разоблачены.

- Во всех своих изысканиях Лофбайель не смог найти ни одного надежного доказательства существования Барьера, - сказал Тирг. - Высокие горы - да, страшные пропасти, проходы через которые выше самых больших вершин Кроаксии, - да, горы, вершины которых вечно скрыты в тумане, поднимающемся в начале каждой яркости, - да. Но горы, на которых лежит твердое небо? Их нет. Всегда по ту сторону гор есть другая местность, как по ту сторону океана обязательно есть берег.

- Ты опять ставишь пределы Жизнетворцу, - обвинил Грурк. - На этот раз ты указываешь Ему, каким по размерам должен быть созданный Им мир. Расстояние до Барьера в Писании не указано. Оно неизвестно и потому недоступно познанию.

- Но есть и другая причина, почему оно не указано. Барьера попросту не существует, - заметил Тирг.

- Написано, что он существует!

- Как может быть написано что-то о том, чего никто не видел?

- Но как может не существовать Барьер? Мир должен иметь границы.

- Только потому что твое воображение ограничено и не может представить себе альтернативу? - спросил Тирг. - Так кто же накладывает ограничения на Жизнетворца? На этой карте изображен весь мир, и на ней нет никакого Барьера. Где же он тогда, если Барьер существует?

- Карта не может изображать весь мир, - сказал Грурк.

- Но больше ему негде существовать. - Тирг взял шар и показал его. Вот наш мир, Грурк! Всего на одну минуту забудь свои священные тексты, давным-давно записанные писцами в подземельях; эти писцы никогда не видели океан, тем более не пересекали его, они не поднимались ни на одну гору. Эта форма, и только она, соответствует всем известным фактам; никакое блюдо не может им соответствовать. Неужели мы не должны выбрать форму, наиболее полно отвечающую фактам и

реальности?

Грурк отключился от трансформатора и протестующе покачал головой.

- Твои факты ошибочны. Ты ведь сам говоришь, что они получены от путешественников, побывавших далеко на севере, юге, востоке и западе. Но ни один путешественник не может далеко уходить по этому, - он указал на шар. - Он просто упадет с него, да и метан всех океанов стечет. Но океаны существуют. Это факт, брат Тирг, а ты предпочитаешь его не замечать.

- Меня это какое-то время сильно беспокоило, - признался Тирг. - Но одной яркостью я бродил по лесу, и мне неожиданно в голову пришел возможный ответ. Я задержался на одной полянке, где собрались спектрометры, и достал из кармана магнит, чтобы насладиться их запахом. И вот металлические частички, которые магнит извлек из зарослей, заставили меня подумать: а может, шарообразный мир притягивает к себе все, как магнит - железо: со всех направлений. Ведь любая линия, притягивающая зерно к магниту, по отношению к нему направлена "вниз", и поэтому в любом месте шарообразного мира притяжение тоже направлено "вниз", то есть к поверхности. Метан океанов поэтому искал бы наиболее близкое к центру шара положение и оставался бы в самых низменных районах; как мы знаем, так оно и есть на самом деле. Как видишь, это объясняет все факты.

Тирг замолчал, но Грурк ничего не ответил. Тирг поднял шар, несколько мгновений разглядывал его и продолжил более спокойным голосом:

- Тот факт, что никто никогда не видел Барьер, на который опирается твердое небо, заставляет меня усомниться с том, что небо действительно твердое. А может, это всего лишь пары. И если это так, то как далеко они простираются? Бесконечно? Если нет, то что за ними? Может, существуют и другие миры? Этот вопрос очень занимает меня. С тех пор как я ознакомился с результатами Лофбайеля, я начал наблюдать за сменой циклов яркостей и полуяркостей, как они сменяют друг друга, передвигаясь по миру. Если признать, что мир шарообразен, а небо - пар, то смена яркостей и полуяркостей может быть приписана передвижению двух ярких объектов сложным, но повторяющимся образом. Где в твоем Писании можно найти ответ на такие вопросы, а, Грурк?

Грурк резко встал и жестом отбросил все эти рассуждения.

- Я пришел не для того, чтобы слушать, как ты нагромождаешь еретические утверждения вдобавок к тем, какие уже сделал, - сказал он. На этот раз Верховный Совет не будет к тебе снисходителен. Его терпение истощилось. Да простит

Жизнетворец мою слабость, но я не могу бросить брата в его безумии. Собери вещи, которые хочешь унести, Тирг, и в течение этой яркости мы пойдем вместе. Но в горах я должен буду пойти одинокой тропой к цели, которая мне еще не открыта. Торопись. Времени мало.

Тирг печально смотрел на него.

- Сомневаюсь, чтобы ты когда-нибудь понял, Грурк, даже если все оставшееся время я буду объяснять. Твои верования восприняты без вопросов и сомнений, в то время как мои знания получены в ответ на многие вопросы. Что можно сказать о вере, которая не выдерживает критического рассмотрения и не допускает никаких возражений? Мне кажется...

И в этот момент снова снаружи послышались возбужденные звуки Рекса. Грурк подбежал к двери.

- Поздно! - простонал он, поворачиваясь испуганным лицом к Тиргу. Они здесь. Солдаты короля прибыли. - Тирг подошел к двери и выглянул. По тропе, ведущей через поляну, приближался ряд всадников.

12

Тирг несколько секунд смотрел на них, потом жалюзи, прикрывающие его вентиляционные отверстия, изумленно поднялись.

- Это не солдаты, - сказал он Грурку, когда всадники стали видны отчетливее. И вышел из двери, Грурк осторожно последовал за ним.

Всадники были вооружены, но одеты в грубое одеяние горцев, с тяжелыми плащами из гибкой пластинчатой кольчуги, в доспехи из нерастворимой в кислоте и поглощающей высокую температуру органике, в высоких сапогах из тяжелых полимеров. Предводитель, рослый широкоплечий робот, с резкими обветренными чертами лица и густой бородой из пропитанных углеродом пластин, пересек поляну и остановил своего усталого железца перед Тиргом и Грурком. Остальные выстроились полукругом сзади.

- Разбойники, если не ошибаюсь, - прошептал Тирг Грурку. Он поднял голову, взглянул на предводителя и более громким голосом спросил: - Мне оказали честь гости или просто предоставлено удовольствие приветствовать прохожих?

- О, тебе действительно оказана честь, - ответил предводитель. Голос у него оказался глубокий и решительный, но тон не резкий, а веселый. - Я полагаю, ты Тирг, который задает запретные вопросы. И много ответов на них ты нашел?

- Во-первых, это действительно я. А это мой брат Грурк - слышатель. А во-вторых, каждый новый ответ неразрывно связан с

новым вопросом о том, справедлив этот ответ или нет. Таким образом число вопросов никогда не уменьшается, сколько бы ответов ни было найдено. - Тирг окинул взглядом всадников. - Но кто оказал нам честь своим посещением и что привело вас сюда, в жилище мыслителя и искателя ответов? Если вы пришли в поисках добычи или рассчитываете на выкуп, боюсь, будете разочарованы. Если, с другой стороны, вы хотите отдохнуть и поразмыслить над тайнами природы, принять участие в философской беседе, тогда я кое-что мог бы вам предложить. Однако не советую: солдаты короля уже выступили из Пергассоса, как мне сообщили, и едут сюда с самого начала яркости.

- Мы знаем о них, - ответил предводитель. - Король сберег бы средства, если бы покупал информацию у нас, а не платил своей разведке. Но солдаты обнаружат, что мост через ущелье блокирован, и это замедлит их продвижение. - Он помолчал и перевел взгляд с одной фигуры перед собой на другую. - Я Дорнвальд, многие называют меня Освободителем-Порабощенных, а другие - Совратителем-Восставших, в зависимости от того, платите ли вы королю или он платит вам. Мы составляем твой эскорт в поездке через горы и пустыню в город Менассим, столицу Картогии.

- А почему ты думаешь, что я хочу поехать в Картогию? - спросил Тирг.

- Я не сказал, что ты хочешь, - ответил Дорнвальд. - Я сказал, что ты поедешь.

- Чтобы спастись от жрецов?

- А разве ты не хочешь спастись?

- А почему это интересует разбойников?

- Нас это не интересует. Но мы пользуемся свободным проездом через границы Картогии и другими привилегиями, а в ответ оказываем определенные услуги Клейпурру, правителю Картогии. Похоже, Клейпурр ценит твой корпус больше тебя самого. Я не спрашиваю его о причинах, но другие волшебники, сбежавшие в его королевство, хорошо отозвались о твоей магии, Тирг. И потому нам поручили много шестерок яркостей следить за тобой, чтобы уберечь от опасности.

Тирг задумчиво потер оболочку своего подключателя к энергии, он обдумывал ситуацию. Картогия когда-то была частью соседнего государства Серетгина, страны, гораздо большей по размерам, чем Кроаксия. Теперь ею правит бывший генерал, по имени Клейпурр, который возглавил успешное восстание против законного правителя Серетгина, изгнал консервативное дворянство и церковников и установил деспотическую военную тиранию. Различные коалиции остальной части Серетгина,

Кроаксии и ряда других государств несколько раз начинали войны, чтобы освободить беспомощный народ Картогии от угнетения, но не устояли против картогианской армии. Небольшая по численности, она сражалась отчаянно, в ней господствовала строгая дисциплина, и солдаты пользовались новейшим оружием, которое создавали порабощенные мастера, прикованные к своим рабочим столам.

По крайней мере такова официальная версия, распространяемая жрецами и учителями Кроаксии. Но Тирг слышал и другое: общество Картогии терпимо относится к сомневающимся, таким, как он сам, и позволяет им открыто задавать свои вопросы; это общество лишено рабства, и даже крестьяне владеют собственностью и большую часть плодов своего труда оставляют себе; армия состоит из свободных робосуществ, которые сражаются, чтобы защититься именно от того рабства, которое в Кроаксии считается нормальным и естественным; а жрецы и учителя утверждали, что все это ложь, распространяемая агентами Картогии, чтобы подорвать веру народа.

Тирг не знал, чему верить. Но он знал, что многие его друзья бежали в Картогию, и хоть время от времени о них доходили сведения, никто их них не вернулся; с другой стороны, Тирг никогда не слышал, чтобы кто-нибудь бежал из Картогии. Означает ли это, что они нашли там свободу и терпимость, как иногда подозревал Тирг? Или их похитили и удерживают насильно, как утверждают жрецы Кроаксии?

Почему-то ему казалось, что бежать добровольно от жрецов значило бы предать все, во что он верит. Но если его заставляет уйти банда вооруженных разбойников - это ведь совсем другое дело, верно? Он снова посмотрел на Дорнвальда и спросил, чтобы оправдаться перед собой:

- У меня есть выбор, Похититель-Мыслителей?

- Разумеется. Разве я не представился как агент Страны-Несущей-Свободу? - искренне ответил Дорнвальд. - Ты можешь свободно сесть верхом и ехать рядом с нами или мы посадим тебя насильно и свяжем. Ты совершенно свободен в своем выборе.

- В таком случае я еду с вами, - сказал Тирг.

- Несомненно, это мудрый выбор, - серьезно согласился Дорнвальд.

Тирг взглянул на Грурка, потом снова посмотрел на Дорнвальда.

- Мой брат идет в пустыню, где будет искать свои голоса, - сказал он. - Наши дороги на какое-то время пролегают рядом. К тому же мы не можем оставить его беспощадным слугам короля,

которые будут разочарованы исчезновением добычи и выместят зло на нем.

- У нас есть запасные животные, - ответил Дорнвальд, взглянув на Грурка. - Поедешь с нами до деревни Ксерксеон, Слышатель, хотя должен тебя предупредить, что я слышать не желаю святых слов.

- Агррхх! - Грурк спрятался за дверью и прикрыл свои образные контуры руками. - Ты хочешь осквернить меня своим присутствием, Предводитель-Неверующих? Я пойду свое дорогой в одиночестве, потому что твой путь ведет не вверх, к Жизнетворцу, а вниз, в пропасть судьбы.

Дорнвальд пожал своим плечевым покрытием.

- Как хочешь. Но сомневаюсь, чтобы твои голоса обеспечили тебе такую же безопасность, как наше присутствие. - Он снова посмотрел на Тирга. Вот вьючное животное для твоего имущества. Клейпурр дал специальное указание, чтобы были сохранены все карты, принадлежавшие картографу Лофбайелю. Если у тебя есть укромное место, советую спрятать туда все ценное. Кто может предсказать, когда приведут тебя назад странные пути судьбы?

- Клейпурр знает о картах? - удивился Тирг.

- Дело Клейпурра - знать многое, - ответил Дорнвальд.

Тирг быстро отобрал личные вещи, прихватил несколько наиболее ценных книг и журналов. С помощью разбойников Дорнвальда, после того как отобранное им вместе с картами Лофбайеля было надежно упаковано, остальные свои книги, образцы, инструменты, завернутые в промасленную обертку, он положил в сундуки, и разбойники перенесли их в укромную яму под камнем у подножия утеса на небольшом расстоянии от дома.

Тирг в последний раз взглянул на свой сад, а разбойники, помогавшие ему, сели верхом. К нему подвели стройное сильное верховое животное, с темным кожухом цвета меди, с титаново-белыми пятнами на голове и шее. Тирг с опаской взглянул на него: езда верхом не его любимое развлечение; потом его образные контуры вспыхнули от любопытства: он увидел выгравированный на крупе животного королевский герб. Дорнвальд заметил его взгляд и рассмеялся.

- До недавнего времени оно принадлежало экстренному посыльному его величества; но посыльный отправился в такое место, куда верхом не доедешь. Однако нам нужно торопиться, Собиратель-Книг-И-Предметов-Которые-УдивляютМеня, или слуги его величества постараются вернуть ему его собственность.

Тирг осторожно сел верхом, один из разбойников держал в это время животное под уздцы. Всадники выстроились в колонну

с Дорнвальдом во главе, Тирг ехал рядом с ним, Рекс побежал следом. Грурк выбрался из укрытия за домом и посмотрел им вслед. Разбойники оставили одно животное; по приказу Дорнвальда его привязали к столбу на краю поляны.

- Кто возглавляет солдат? - спросил Дорнвальд у Гейнора, своего лейтенанта. - Встречались мы с ним раньше или знаем по слухам?

- О, конечно, знаем, - ответил Гейнор. - Капитан Гораззоргио, от гнева которого дрожат даже его собственные солдаты. Так я слышал.

- Не тот ли это Гораззоргио, который известен изобретением новых пыток и мучений?

- Тот самый. Говорят, он медленно расплавляет еретиков, начиная с пальцев ног.

- Правда? Это ужасно!

Колонна выехала с поляны и углубилась в ущелье, по которому тек ручей. Потом двинулась по тропе, ведущей вверх, в горы. Всадники проехали совсем немного, когда Феньиг, замыкающий, окликнул Дорнвальда. Ниже на тропе, на почтительном удалении появился одинокий всадник. Увидев, что колонна остановилась, всадник тоже остановился. Донесся голос Грурка:

- Твои демоны прокляли тебя, Тирг. Ты добровольно идешь со слугами Тьмы, чтобы вечно поработить свою душу. Запомни мои слова. Быть тебе расплавленным в Печах Переплавки.

Тирг про себя улыбнулся, а Дорнвальд приказал двигаться дальше. Тирг смотрел на вершины, увенчанные коронами из заледеневшего метана, которые маячили впереди. Теперь будущее его за этими горами, и только туда он и будет смотреть.

13

Титан, второй по величине спутник Солнечной системы, уступающий размерами, и то лишь немного, только Ганимеду Юпитера, буквально с самого своего открытия в 1655 году Христианом Гюйгенсом был постоянным источником загадок для астрономов и специалистов по физике планет. Первым возник вопрос, обладает ли он атмосферой. Если да, то это делает его совершенно уникальным среди спутников планет. Когда на этот вопрос в начале 1940-х годов ответили утвердительно, возникли другие вопросы. Из чего состоит его атмосфера и каковы физические условия на разных высотах? В течение более тридцати лет все попытки установить оптический, инфракрасный и радиоспектры Титана приводили к неудовлетворительным и часто противоречивым результатам. В 1980 году близко пролетевший американский "Вояджер 1" некоторые основные

проблемы разрешил. Атмосфера Титана оказалась состоящей в основном из азота, со значительными примесями аргона, метана и водорода, плюс следы многочисленных углеводородных и азотистых соединений. Поверхностное давление примерно 1,5 атмосферы, что при оценке температуры на поверхности Титана в -179 градусов по Цельсию и при тяготении в 0,14 означало примерно в десять раз больше объема газа на единицу площади, чем в атмосфере Земли. Как и предполагали многие специалисты, густые красноватые облака, закрывающие всю поверхность, оказались аэрозольной суспензией на высоте в двести километров, состоящей из обломков молекул, появившихся в результате разложения газов в верхних слоях атмосферы под воздействием ультрафиолетового излучения. По самым распространенным моделям, эти аэрозольные частицы должны постепенно объединяться в большие молекулы и оседать, образуя значительные отложения на поверхности, но это не было доказано, так как проникнуть сквозь облака не удавалось. Из-за плотного облачного слоя и удаленности от Солнца дневная освещенность поверхности Титана, как полагали, примерно равна земной лунной ночи.

Данные как будто свидетельствовали, что условия на поверхности Титана соответствуют тройной точке метана, то есть такой температуре, при которой уравновешены газообразное, жидкое и твердое состояния. Возникла интригующая возможность: если метан находится в атмосфере в газообразном состоянии, а на поверхности в жидком, он тем самым может играть роль, аналогичную роли воды на Земле. Соответственно на Титане возможны метановые океаны, материки из метанового льда, покрытые азотисто-гидроуглеродной почвой, а из аэрозольных облаков проливаются метановые дожди. Возможно даже, что высвобождение внутреннего радиоактивного тепла может создавать под поверхностью резервуары воды, которые прорываются "ледяной лавой" и, возможно, создают скользящее основание, необходимое для горообразования и других тектонических процессов. Но так как основные ассигнования шли на гонку вооружений, а не на исследования планет, новых сведений не поступало, пока европейская ракета не вылетела на Сатурн менее чем за три года до "Ориона".

Радары "Дофина" действительно показали наличие океанов, островов, материков и гор под непроницаемыми облаками Титана, и о подробностях географии этого спутника широко сообщалось. Однако, как узнали обитатели "Ориона" только после того, как оставили Землю, радар установил наличие объектов с высокой отражательной способностью, возможно, искусственных

металлических конструкций, которые покрывали обширные пространства и располагались так густо, что зафиксировать отдельные образования оказалось невозможно. Все упоминания об этом из открытых публикаций были устранены, так же как и сообщения о машинах, которые увидели недолговечные посадочные аппараты "Дофина", и о, возможно, создавшей из высокоразвитой цивилизации. Во всяком случае размер конструкций, обширность территорий, которые они покрывали, указывали на высокоразвитую цивилизацию. Однако в течение трех лет наблюдений с орбиты европейская ракета не обнаружила никаких признаков деятельности в космосе вокруг Титана или искусственных аппаратов в нижних слоях атмосферы; за исключением нескольких точечных источников на поверхности, радиоспектр оставался совершенно пустым.

Больше ничего не было известно, пока "Орион" не вышел на околотитановую орбиту и не начал посылать аппараты под аэрозольный слой и нижние пласты метановых облаков для наблюдений за поверхностью. Полученные записи сначала ставили в тупик, потом ошеломляли, когда ученые постепенно поняли, что они означают. На снимках видны были чуждые города, состоящие из странных зданий, больше напоминающих растения, а не сооружения, сделанные каким-то технологическим способом, что оказалось тем труднее объяснить, поскольку рядом виднелись сложные инженерные конструкции. Если чужаки обладают технологией, позволяющей строить фабрики, почему они не строят свои города? Может быть потому, предположил кто-то, что у них совершенно иная шкала ценностей и совершенно другая эстетика.

Потом появились первые указания, что, возможно, чужаки совсем не так уж и профессиональны в управлении своей технологией. Кадр за кадром показывали хаотические картины, в которых индустриальные комплексы, казалось, переросли свои границы, выплеснули механизмы и оборудование в окружающую местность, разрастания из разных центров вторгались друг в друга и безнадежно смешивались. В некоторых местах разбитые машины и обломки оборудования тянулись на многие мили, но некоторые из них каким-то образом продолжали функционировать. Если инженеры чужаков способны создавать такие машины - а некоторые из этих машин казались необыкновенно сложными и совершенными, - как можно было довести их до такого состояния? Это просто не имело смысла.

Потом автоматические аппараты спустились ниже и стали делать кадры крупным планом, как в инфракрасных, так и в обычных световых волнах с помощью вспышек и прожекторов, и

ученые на "Орионе", затаив дыхание, принялись отыскивать чужаков. Но ничего не нашли. Видны были тысячи изобретательно сконструированных свободно передвигающихся машин, некоторые из них проявляли исключительно высокую степень разносторонности и поведенческой приспособляемости, но были и специализированные, предназначенные для выполнения буквально любых заданий... однако нигде ни следа чужаков, которым как будто должны служить все эти машины. Кое-кто из ученых предположил, что чужаки слишком малы по размерам, чтобы быть заметными на записях. Но если так, зачем им такие большие машины? Не получается. Может, чужаки живут под поверхностью и никогда не выходят наружу, предоставив поверхность машинам. Может, они все время проводят в своих домах-растениях... Может быть... но ни одна из этих гипотез не удовлетворяла ученых.

Потом ученые, продолжая изучать записи, сделанные по всей поверхности Титана, заметили нечто примечательное у одной "разновидности" вертикальных двуногих отдаленно гуманоидных по фигуре роботов, которые в большем или меньшем количестве оказывались представленными повсюду. Все в этих роботах казалось удивительно знакомым. То, как они заходили в дома и выходили из них, как ходили по городам в одиночку и группами, как останавливались иногда, встречаясь друг с другом, повторялось повсюду; эти роботы ухаживали за плантациями странно выглядящих растений, чем-то напоминавших странные органические дома; на них было что-то вроде одежды; они гнали стада механических "животных" и - что еще поразительней - часто ездили на них верхом; они собирались толпами, была запись двух групп таких роботов, сражающихся друг с другом; и один или два раза, когда аппараты спускались особенно низко, реакция роботов полностью соответствовала страху и панике. Короче, насколько можно судить по записям, эти роботы вели себя совершенно как люди.

Разумеется, это объясняло, почему никому так и не удалось обнаружить чужаков, по крайней мере не чужаков из плоти и крови, о которых годами рассуждали биологи.

Титан населен машинами. Он обладает электромеханической биосферой, которая, очевидно, включает доминирующий вид обладающих разумом, самосознанием и культурой роботов. Ученые окрестили их талоидами, по имени Талоса, бронзового человека, созданного Гефестом, богом-кузнецом, сыном Зевса и Геры. Но совершенно очевидно, что на Титане из ничего такая система не могла возникнуть. Как же тут оказались машины? Должно быть, они продукт высокоразвитой цивилизации, которая

привезла или прислала их сюда. Когда? Для чего? Почему именно на Титан? Где сами чужаки? Ни у кого не было ответов. Как всегда, Титан предложил массу новых загадок, как только были разгаданы прежние. И, очевидно, запас этих загадок у него кончится еще очень не скоро.

- Не только чужаки, не только разумные чужаки, но разумные чуждые машины - плюс невиданная технология буквально в неограниченном изобилии и целый новый геологически активный мир! - Джералд Мейси отвернулся от стены, занятой кабелями и коробками переключений в генераторном отсеке внутри служебного модуля "Ориона" и энергично развел руки. - Вероятно, самое поразительное открытие столетия, а может, и за все время развития науки. Ну, это стоило времени и усилий... Но Марса не получилось. А здесь нет места для паранормальной чепухи.

Замбендорф, прислонившийся к кожуху статора, стоял со сложенными руками. Он бросил на Мейси презрительный взгляд.

- Вы слишком самоуверенны, Мейси. К тому же вы говорите о том, чем я зарабатываю на жизнь. Должен сказать, что я нахожу свое занятие стимулирующим, крайне интересным и вполне себя оправдывающим. На него стоит потратить время и усилия.

- А как же остальные люди, которые тратят свои жизни, надеясь превратиться в суперменов? У них вы спрашивали?

- Мне не нужно, - ответил Замбендорф. - Они уже показали, чего стоят - выбрав способ затратить время и деньги. Они свободные индивидуумы в свободном обществе. Почему вы считаете, что их благополучие - ваше дело?

- Когда приходится жить в окружении слабоумных, которых вы порождаете массами, это мое дело, - возразил Мейси. - Наши ученые эмигрируют толпами. Половина того, что осталось от нашей промышленности, питается энергией японских станций. Этого корабля не было бы, если бы не европейцы... Я хочу сказать - Боже! - неужели вам не все равно, что вы делаете?

- Почему вы выделяете именно меня? - Замбендорф выпрямился, голос его прозвучал неожиданно гневно. - Вы считаете, что я сделал людей такими? Я просто принял их такими, каковы они есть, и если они не умеют пользоваться своим разумом, если общество не научило их им пользоваться, почему нужно винить меня? Почему не вините нашу так называемую систему образования, или кукольников из масс медиа, или политических марионеток, которые читают сведения об опросе общественного мнения как гороскопы, вместо того чтобы воздействовать на это мнение? Защищая дураков от их глупости, вы их умнее не сделаете, Мейси. Это просто спасает их от сознания, что они дураки. Согласитесь, что вряд ли это средство

излечения. Я не смогу зарабатывать на жизнь, когда люди поумнеют. А пока не ждите от меня никаких извинений.

- Ага... вы наконец признаете, что мошенничаете? - спросил заинтересованно Мейси.

Замбендорф сразу успокоился и раздраженно ответил:

- Не говорите глупости. Я ничего такого не признавал.

- Интересно все-таки, зачем ГКК послала вас сюда? - сказал Мейси, не обращая внимания на это отрицание. - Потому что я знаю - и знаю, что вы знаете, - что Реймелсон и все остальные важные шишки в ГКК, от кого зависят решения, никаким паранормальным вздором не интересуются. Поэтому их истинная цель не имеет никакого отношения к вашим так называемым способностям, не правда ли? - Он несколько секунд подождал ответа Замбендорфа; но Замбендорф либо сам не знал ответа, либо вообще не хотел говорить. - Хотите знать, что я думаю? - спросил Мейси.

- Да, поскольку вы все равно намерены мне сказать.

Мейси шагнул вперед и сделал открытый жест руками.

- В нашей так называемой демократической системе Тот, Кто Формирует Общественное Мнение, вовсе не должен называться королем. Обществом можно управлять скрытно, манипулируя массовым голосованием. Поэтому с самого рождения людям поставляют определенные точки зрения, как рекламируют дезодоранты или патентованные лекарства. Для этого существуют телевизионные модели и знаменитости, которых тщательно готовят, чтобы ими легко было управлять.

- Гмм... - Замбендорф фыркнул, сделал несколько шагов по стальным плитам пола и остановился перед лестницей, ведущей на мостик вверху. То, что говорил Мейси, очень совпадало с тем, что он понял между строк в словах Каспара Ланга, с которым разговаривал после отправления "Ориона" с Земли.

Мейси продолжал.

- Вот таким я вас и вижу: дубинкой общего назначения, с помощью которой формируют общественное мнение значительной части телезрителей. Вы помогаете официальной политике США, а сама эта политика призвана служить интересам ГКК.

- Понятно. Очень интересно, - заметил Замбендорф.

- Подумайте об этом, - посоветовал Мейси. - Они по записям "Дофина" знали о существовании здесь чуждой цивилизации, хотя никто не знал, какого типа эта цивилизация. ГКК оценила конкурентную ситуация в масштабах всей планеты. Запад по-прежнему в тупике после десятилетий холодной войны... Только подумайте, что означает для корпорации доступ к чуждой

передовой технологии! Другими словами, ответ правительства Соединенных Штатов и европейских правительств на открытия здесь на Титане может привести к самым крупным приобретением за всю историю человечества... и все это решают наши чиновники. Не бюрократы, а психократы!

- Вы нервнобольной, - нетерпеливо сказал Замбендорф. - Каждое поколение убеждено, что присутствует при начале конца. Таблички из раскопок в Ираке говорили то же самое 3000 лет до Рождества.

- Не только я, - возразил Мейси. - Очень многие в САКО испытывают то же самое. Зачем иначе они послали бы меня? Они достаточно знают, чтобы прийти к такому же заключению.

Замбендорф снова повернулся и махнул рукой, отбрасывая слова Мейси.

- Вы все идеологи. Все беды мира вызваны благородными и праведными идеями о том, как должны жить люди. Я забочусь только о себе и предоставляю всему миру делать то же самое. И как он сам захочет. Это моя единственная идеология, и она хорошо мне служит.

Мейси несколько мгновений с сомнением смотрел на него.

- В самом деле? - спросил он. - Сомневаюсь.

- А это что должно означать?

- Чьим интересам вы служите - своим собственным или интересам ГКК?

- А разве они не могут совпасть? В правильных деловых отношениях выигрывают обе стороны.

- Когда у них есть свободный выбор, конечно. Но вас даже не ввели в суть дела.

- Откуда вы знаете, что мне сказали, а чего нет? - спросил Замбендорф.

Мейси фыркнул.

- Совершенно очевидно по реакции на ваш трюк сразу после старта, что вы не должны были ничего знать. И готов поручиться, что с тех пор вас держат на коротком поводке. Каково себя чувствовать просто еще одной строчкой в списке собственности корпорации? Вас используют, когда это целесообразно. Так чьи же интересы, по-вашему, на первом месте?

- Не понимаю, о чем вы говорите, - напряженно ответил Замбендорф.

Но про себя он заключил, что Мейси прав. Так как он ничего не приобретал, вызывая вражду ГКК, так как он всегда искал новых возможностей, Замбендорф в пути вел себя осторожно и избегал представлений. Теперь, когда путешествие подошло к концу, пора снова заняться своим положением, решил он.

- Это невозможно. Во всяком случае не в ближайшем будущем, - сказал Каспар Ланг в своем кабинете в сфере 1. - Персональные списки уже давно составлены. К тому же на этой стадии у вас нет определенной функции.

- Мне нужен полет на поверхность, - снова твердо сказал Замбендорф. Спуски уже начались, и я хочу быть в одном из шаттлов. Я не для того пролетел восемьсот миллионов миль, чтобы смотреть из иллюминаторов.

- Пока в пустынные местности отправляются только небольшие научные группы, чтобы проверить условия на поверхности и собрать образцы, ответил Ланг. - Вот и все. Вы в такую группу не вписываетесь.

- В следующие несколько дней организуется большая экспедиция, чтобы установить первый контакт с талоидами, как только будет найдено удобное место, - спокойно возразил Замбендорф.

Ланг был потрясен.

- А вы откуда это знаете?

Замбендорф широко развел руки и скорчил гримасу, которая означала, что Лангу об этом не стоит спрашивать.

- Неважно... Но возможность будет идеальная. Это хорошо для меня, для моей известности. Следовательно, хорошо и для ГКК.

Ланг перевел дыхание и покачал головой.

- Не мне это решать, - сказал он. Про себя он все еще сердился на Замбендорфа за то, что тот открыл истинную цель экспедиции сразу после старта. Ланг чувствовал, что на его репутации это отразилось.

- Послушайте, не говорите мне этого, Каспар, - сказал Замбендорф. Даже если это правда, вы можете поговорить с Лехерни. Так что сделайте что-нибудь. Мне все равно как... но сделайте.

Ланг снова покачал головой.

- Простите, но в настоящее время никакой возможности. Может, позже... я не забуду.

Замбендорф еще несколько секунд смотрел на него, потом со вздохом встал.

- Ну, что ж, я не собираюсь больше спорить, - сказал он. - Поскольку это связано с общественностью, я предоставлю дело своей сотруднице, которая такими вопросами занимается. Она позвонит вам попозже. - С этими словами он направился к выходу.

Ланг про себя застонал.

- Это ничего не изменит, - сказал он вслед Замбендорфу. - Я

уже дал вам ответ, и он окончательный. Вы не полетите на поверхность, и Кларисса Эйдстадт тут ничего не добьется.

14

- У меня уже давно стало обычаем не верить ничьим пересказам чужих слов, и это всегда хорошо мне служило, - сказал Дорнвальд ехавшему рядом с ним Тиргу. - Говорит ли Жизнетворец со своими жрецами и слышателями, я не знаю: это дело Его и их. Но мне кажется, что если бы Он потребовал от меня службы, то вполне мог бы Сам сказать об этом. - Отряд двигался по хребту, направляясь к высокогорному переходу. На открытой местности колонна разбилась надвое, к тому же разведчики были посланы на небольшое расстояние вперед и в стороны. Леса южной Кроаксии теперь лежали сзади и внизу.

Тирг был удивлен и поражен. Хотя большую часть времени Дорнвальд вел себя просто и прямо, в разговоре он проявил удивительную способность к мышлению, проницательность и наблюдательность, какие Тиргу редко приходилось встречать. По-видимому, разбойник так же не склонен был ничего принимать на веру, как сам Тирг. Но Тиргу это стоило напряженной работы. Может, разбойничья жизнь приучает не доверять внешности, думал Тирг, или разбойники становятся разбойниками именно потому, что начинают сомневаться? Во всяком случае беседа позволяла отвлечься от монотонности поездки.

- Не стану спорить с таким предположением, - согласился Тирг. - Итак, природа ли создала мир таким сложным, чтобы робосущества не могли его постичь, или робосущества недостаточно прилагают усилия своей мысли к природе. Иными словами, Жизнетворец ли создал робосущества или, как я начинаю теперь подозревать, робосущества создали Жизнетворца, чтобы тем самым не утруждать свои головы мыслями о сути мира?

- У меня нет ответа на это, - сказал Дорнвальд. - Но не кажется ли тебе, что ты заменяешь одно неизвестное другим. Круглый мир, миры за небом - странные предположения, но наше воображение может себе их представить. Но разве не представляется еще большей загадкой сама жизнь? Разве жизнь не представлена только машинами, которые собраны другими машинами, в свою очередь собранными машинами, и так далее, насколько позволяет наше воображение? Но как бы далеко оно ни уходило, мы неизбежно приходим к выводу, что должна была существовать первая машина, собранная не машиной. Даже если твой круглый мир не нуждается в Барьере, такой Барьер неизбежен для нашего воображения. Или ты и из времени тоже сделаешь круг?

- И снова не могу спорить с твоими рассуждениями, - ответил Тирг. Как, кстати, и с жрецами, потому что в их рассуждениях тоже есть логика. Не стану спорить с тем, что должна была существовать немашина, собравшая первую машину. потому что если бы первая машина была собрана машиной, она не была бы первой в соответствии с предпосылкой. И не стану спорить с тем, как назвать эту немашину: машиной-сборщиком или Жизнетворцем, потому что это все равно. Но я не согласен с тем, что это вопрос выходит за пределы разума и не подлежит обсуждению. Вот существование такого барьера я готов оспорить.

Отряд цепочкой преодолел узкое ущелье по ледопаду, с одной стороны вниз уходила пропасть, с другой поднималась вертикальная стена. За ледопадом местность снова стала открытой и продолжала повышаться; всадники поехали свободным строем, и Тирг подъехал к Дорнвальду.

- На этот вопрос нет ответа, как и на другие, Сомневающийся-В-Существовании-Барьеров, - сказал Дорнвальд, очевидно, все время размышлявший над этим. - Ибо теперь мы должны спросить себя, а кто сделал Жизнетворца и Создателя Жизнетворца. Мне кажется, что ты просто передвинул барьер в другое место. Он такой же высокий, как и раньше, только теперь нужно больше проехать, чтобы добраться до него. Выигрыш плохая награда за усилия. К чему он привел вас? Только к усталым ногам.

- Если барьер отодвинут, значит мир знаний расширился, - возразил Тирг. - А если мир не замыкается в себе, а тянется бесконечно, тогда и выгода не ограничена, хотя мы никогда не достигнем барьера. Поэтому барьер в нашем сознании не более материален, чем тот Барьер, на который опирается твердое небо.

Дорнвальд некоторое время обдумывал это предположение.

- Но что же в известной нам вселенной, помимо машин, может собирать машины? - спросил он наконец.

- Я ничего такого не знаю... в этом мире, - ответил Тирг. - Но если действительно существуют миры за небом, если они доступны познанию, разве не нужно включать их в общую картину вселенной, о которой ты говоришь? И разве удаление барьера на такое огромное расстояние не дает возможности существовать жизни, которая, не будучи машинами, может создавать машины?

- Ну, теперь ты говоришь загадками, - сказал Дорнвальд. - Как может существовать жизнь без машин, если жизнь и машины - это одно и то же?

- Неужели жизнь должна принимать только известные нам формы? спросил Тирг. - Если так, то по какому закону? Я не могу представить себе такого закона, который был бы превыше всех

вопросов.

- Ну, ты должен сам решать свою загадку, - сказал Дорнвальд. - Потому что тут мы подошли к моему барьеру. И для меня он непреодолим. Как может существовать жизнь и нежизнь, так как она не машина, если машина - это всегда жизнь?

- Я тоже не могу представить себе такое, Возвращающий-Загадки, ответил Тирг. - Но я никогда не утверждал, что границы, окружающие крошечную область моего понимания, и барьер, окружающий вселенную знания, совпадают. За пределами моей области расположены огромные территории. В них достаточно места для целых полчищ ответов - не только на этот вопрос, но и на вопросы, которые мне даже в голову не приходит задать.

Они смолкли, и образные контуры Дорнвальда стали задумчивы. Наконец он поглядел искоса на Тирга и сказал:

- Возможно, твои мысли не такие уж и странные, Думающий-О-Жизнетворцах. Есть рассказы о летающих зверях, которые спускаются с неба.

- Я их слышал, - ответил Тирг. По слухам, загадочное существо спустилось с неба в отдаленном районе на севере Кроаксии примерно двенадцать яркостей назад. Его будто бы пожрали болотные саблезубые резцы. Говорили о таких же происшествиях в более отдаленных местах, но всегда кто-то знал кого-то, кто на самом деле видел. - Но у нас много веков существуют предания о загадочных существах. И миф не перестает быть мифом, даже если его часто рассказывают.

- Если это миф, - сказал Дорнвальд.

- Я не могу доказать, что это миф, - ответил Тирг. - И не могу доказать, что сказочные существа, которыми дети населяют леса, тоже миф, так как оба предположения основываются на отрицании. Но невозможность доказательства тем не менее не основание для веры в тот и другой миф. Как Жизнетворец никогда не говорит с тобой, точно так же я никогда не видел летающих зверей. И не знаю я свидетелей, чьи утверждения заставили бы меня отбросить все другие объяснения.

Снова наступило молчание. Потом Дорнвальд сказал:

- Я видел такого зверя.

Тирг заставил себя говорить тоном, не слишком недоверчивым, но в то же время и сомневающимся.

- Ты видел летающее существо? Оно действительно спустилось с неба?

- Так заверил меня один из тех, кто оказался там раньше меня, ответил Дорнвальд. - Но я видел его останки, и во всех моих странствиях по этому миру я никогда ничего подобного не встречал. В этом я могу поклясться.

Тирг вздохнул. Всегда одно и то же. Он и сам видел такое. Частично разобранный узел, который показал ему друг-натуралист. Узел якобы принадлежал небесному зверю. Да, узел не походил на внутренности никакого известного Тиргу животного, он был очень грубо сооружен, детали его казались неуклюжими и плохо обработанными. Странное доказательство мастерства Жизнетворца, которое Он решил послать с неба в знак Своего существования, заметил Тирг. И, конечно, натуралист своими собственными глазами не видел, как зверь спускается с неба... но торговцы, у которых он купил этот узел, взяли его у охотника, который видел. Тирг так и не знал, что подумать обо всем этом. И до сих пор не знает.

К концу яркости, усталый и голодный, отряд преодолел переход и спустился в долину по другую сторону гор. Проехав пустынной холмистой местностью, разбойники прибыли в Ксерксеон, последнее поселение перед пустыней. Небольшой крестьянский поселок с бедными хижинами, сооруженными из титановых и стальных растений, в центре несколько устаревших служебных машин и генераторов, от которых кормились жители поселка и их животные. Металлический кустарник поблизости от деревни расчистили и превратили в небольшие поля, на которых росли одомашненные части и механизмы, производящие телесные жидкости. Крестьяне трудились долгие часы, чтобы снабдить свои поля материалами и компонентами.

Дорнвальд, которого жители деревни, очевидно, знали по предыдущим посещениям, заплатил за продовольствие, и так как уже стемнело, разбойники решили отдохнуть и очиститься от ржавчины, оставив на всякий случай часовых. Позаботившись о своем верховом животном и о Рексе, Тирг почти падал с ног, когда пришла его очередь ложиться в отсеке обслуживания. Он подключился к розетке, которая дезактивирует его контуры и на какое-то время отправит его в благословенное забытье. Проснулся освеженным и заряженным, с обновленными втулками, фильтрами, электрическими контактами и жидкостями; на стертых поверхностях сверкали свежие пластины. Тирг чувствовал себя прекрасно и готов был встретить то, что принесет ему новая яркость. До следующей темноты отдыха не будет, потому что, помимо редких сливов с дикорастущих водородистых ячеек, всадники не найдут пищи, пока не переберутся через пустыню.

Прежде чем Тирг полностью проснулся, с улицы вбежал Гейнор.

- Хорошо, что ты встал. Нам нужно быстро уходить. Пошли!

- Что? Пришли солдаты?

- Некогда объяснять.

Тирг пошел вслед за Гейнором и увидел, что вся деревня охвачена паникой. Двери и окна домов были прочно закрыты. Тут и там виднелось несколько испуганных лиц; на центральной площади староста деревни и несколько старейших роботов окружили Дорнвальда и его разбойников, которые явно в спешке готовились к отъезду. По другую сторону площади стояли на коленях другие робосущества и пели гимны. Перед ними возвышался Грурк, просительно вытянувший руки, глядя в небо. Все было охвачено призрачным фиолетовым светом, который, казалось, идет сверху.

Тирг сделал три шага на площадь и тут же застыл, подняв голову, в недоумении. Стройное гладкое длинное существо с жесткими неподвижными членами и столбами света, исходящими из нижней части, неподвижно висело в восточной части неба, словно наблюдая за деревней. Невозможно было на расстоянии определить его размер или удаленность, но у Тирга сложилось впечатление, что оно недалеко. Он стоял и смотрел.

- Жизнетворец послал к нам своего гневного ангела! - простонал староста деревни, ломая руки. - Изыди от нас, Дорнвальд, Приносящий-Горе-и-Общающийся-С-Проклятыми. Ты видишь, какое наказание ожидает нас за то, что мы поддались твоему предательскому подкупу?

- Забери с собой всех своих последователей! - закричал другой. Правда, что ты живой мертвец, собранный из частей в разграбленных могилах!

- Не убоюсь я Его гнева,

Не буду дрожать перед Его приходом,

Не задрожу перед зверем тьмы,

Ибо ноги мои ступили на тропу праведности.

Я не усомнился... - цитировал на площади Писание Грурк.

- Садись! - Один из разбойников подвел к Тиргу его верховое животное.

Тирг с трудом вышел из состояния транса и сел верхом.

- Но что же будет с Грурком? - спросил он у Дорнвальда, который уже поскакал на соединение с отрядом, собравшимся у выхода с площади.

- Он слышит только свои голоса и разговаривает только с небесным драконом, - крикнул в ответ Дорнвальд. - Нам нужно уезжать.

Из-за угла показалась толпа крестьян, размахивавших палками и косами, ее вел рослый угрюмый робот, вооруженный прочной свинцовой трубой.

- Ты не уйдешь, Проклятый! - крикнул он. - Ангел требует искупительной жертвы. Пусть забирает тех, кто призвал его сюда,

а не нас!

- Вперед! - Дорнвальд обнажил меч и пустил свое животное галопом, остальные с оружием наготове последовали за ним. У Тирга сохранилось смутное воспоминание о том, как по обе стороны от них расступались и падали робосущества, вокруг все кричали, и вот уже все осталось позади... дорога, ведущая из деревни, свободна, последние дома исчезают из вида. Всадники галопом проскакали поля и замедлили ход, только когда снова оказались в дикой местности.

Оглянувшись, они увидели, что летающий зверь изменил свое расположение и последовал за ними, теперь он спустился ниже и приближался к ним сбоку. Потом быстро облетел их по кругу, освещая всадников своим фиолетовым светом, словно рассматривая их со всех сторон. Колонна осторожно продвигалась дальше, а дракон некоторое время оставался впереди. Наконец снова облетел их, повис сзади, поднялся выше и исчез в направлении деревни. Проходило время, но он не возвращался. Постепенно страх Тирга и его товарищей рассеялся.

- Что ты теперь скажешь о мифических о небесных существах, Искатель-Ответов? - спросил Тирга Дорнвальд, когда тот достаточно пришел в себя, чтобы разговаривать. - Есть у тебя ответ на этот вопрос?

- Нет, - покорно ответил Тирг. Он вспомнил предупреждение Грурка, что небесные голоса предвещают великие события. Может, он вообще ошибся в соей оценке этих голосов? До конца яркости Тирг почти не разговаривал. Постепенно холмы, окружавшие выход из последней долины, сгладились, и впереди открылось обширное пространство, покрытое песчаными дюнами, разбросанными камнями. Пустыня уходила вдаль, насколько хватал глаз.

15

В небольшом углублении у основания скального выступа на краю одной из пустынь Титана в оазисе света дуговых ламп, расставленных по периметру, стоял большой посадочный корабль. На склонах двигались огоньки. Это занимали свои скрытные позиции отряды сил особого назначения США и английских морских пехотинцев.

В шлюпке Замбендорф и Абакян, со шлемами в руках, неуклюжие в космических скафандрах, пробирались к выходу между других таких же фигур, сидящих и стоящих в тесноте кормовой каюты. Они остановились у двери, ведущей в контрольную рубку посредине корабля. Шарль Жиро, заместитель руководителя экспедиции, разговаривал в изображением Лехерни на экране. Лехерни следил за происходящим с борта "Ориона". На

других экранах видна была окружающая местность. На один экран изображение передавалось с летящего на большой высоте аппарата; видны были движущиеся точки. Компьютер создал изображение в неестественных цветах - изображение приближающихся всадников-талоидов. Именно они были избраны для первого контакта - отчасти из-за своего небольшого числа, отчасти из-за изолированности. Все считали, что это уменьшит возможные осложнения.

- Я вижу, здесь все психологи, - заметил Замбендорф, увидев Мейси, Вернона Прайса и Малькольма Уэйда, сидящих поблизости.

- Ну, у нас для этого есть причина, - ответил Вернон. - А какого дьявола тут оказались вы двое?

Замбендорф укоризненно покачал головой.

- Если вам удалось успешно разоблачить несколько любительских трюков, - сказал он, - вы совсем не должны предполагать, что ничего подлинного не существует. Не слишком опирайтесь на обобщения, основанные на личном опыте. Это не научный подход, знаете ли.

- Хорошее замечание, - сказал Уэйд. - Именно это я им и говорю все время.

- А что, вы считаете, что талоиды телепаты? - с любопытством спросил кто-то.

Замбендорф позволил себе снисходительно улыбнуться, как человек, у которого есть что сказать, но который не имеет права говорить.

- Допустим, я здесь по личной просьбе руководителя научной части экспедиции.- Можно сказать и так. Мейси раздраженно отвернулся.

Тем временем Абакян негромко разговаривал с одним из офицеров в контрольной рубке. Замбендорф сделал шаг вперед и посмотрел через плечо Абакяна. Как раз вовремя, чтобы услышать вопрос Лехерни с экрана:

- По вашему, это меняет ситуацию, Шарль? Если хотите снова погрузить людей и подождать лучшей возможности, я разрешаю это.

Жиро покачал головой.

- У нас достаточно огневой силы на случай враждебных действий. Будем продолжать. Полковник Уоллис согласен со мной. Мы решили оставить дуговые лампы, чтобы известить о своем присутствии.

Предыдущие наблюдения показали, что талоиды обладают ограниченной способностью видеть в нормальной части спектра.

- Что происходит? - спросил Замбендорф.

Абакян указал на экран, на котором видны были приближающиеся талоиды.

- Вторая группа талоидов преследует и быстро догоняет первую, сказал он. - Примерно тридцать... и с этими ходячими повозками. - Было известно, что талоиды обладают невероятными ходячими экипажами, которые перетаскиваются машинами на колесах.

- Вторая группа хочет присоединиться к первой?

Абакян покачал головой.

- Никто не знает, Карл. Но первая не торопится. Либо им все равно, либо они не подозревают о преследователях.

- Первая группа талоидов остановилась, - объявил оператор. На экране точки достигли дальнего конца широкого плоского углубления за подъемом. Отсюда им должны быть видны наши лампы.

Жиро несколько мгновений изучал изображение, потом повернулся к капитану корабля, стоявшему рядом.

- Остальной персонал - наружу, - приказал он.

Капитан щелкнул переключателем и заговорил в микрофон.

- Внимание. Наземному персоналу надеть шлемы и собраться у выходного шлюза. Все оставшиеся члены наземного персонала - к выходному шлюзу.

Пять минут спустя Замбендорф и Абакян вышли на платформу из шлюза и остановились, гладя на непроницаемую стену тьмы за дуговыми лампами. Не обращая внимания на лестницу, Абакян сделал шаг с платформы и позволил двадцати двум фунтам своего веса поплыть к поверхности внизу. Замбендорф последовал за ним. Все новые фигуры появлялись из шлюза. Еще мгновение - и Замбендорф коснулся почвы чужого мира. Несколько мгновений они с Абакяном смотрели друг на друга сквозь прозрачные лицевые пластины шлемов. Оба молчали. Потом повернулись и пошли к группе встречающих, которая собралась в пятидесяти ярдах, на краю освещенной площадки.

16

- Во всех своих путешествиях по пустыням я ничего подобного не видел, - сказал Дорнвальд - Это такая же загадка, как небесный дракон. Что посоветуешь, Искатель-Ответов-На-Вопросы? Мой опыт здесь бесполезен.

- Мой тоже, - ответил Тирг. - Но мне кажется, что дракон и эта новая загадка связаны друг с другом, потому что одно появилось сразу за другим. И разве мы не видим снова сияние, которое говорит о более высокой температуре, чем та, при которой плавится лед? Мы видели дракона, а сейчас, мне

кажется, мы нашли его логово.

Колонна остановилась среди скал и ледяных глыб на краю невысокого металлического кустарника, дальше местность переходила в неглубокую долину, потом снова повышалась, образуя седло, по обе стороны которого возвышались крутые утесы. Очевидно, дорога проходит через это седло, но странный фиолетовый свет, которое испускало летающее существо, виднеется над этом проходом и как будто исходит откуда-то сзади него. Сварочные машины и лазерные резцы в лесу производят такое же освещение, а также печи некоторых существ, приспособленных к высоким температурам.

- Как встречают драконы незнакомцев, приближающихся к их логову? спросил Дорнвальд. - Свет их помогает приблизиться путникам или наоборот предупреждает их, что не стоит приближаться? Должны ли мы презреть их угрозу или не обратить внимания на приглашение? Мы не знаем, какое действие покажется им более оскорбительным.

Тирг некоторое время смотрел на странное свечение.

- Насколько я помню, мы больше опасались в Ксерксеоне своих соплеменников, чем дракона, - сказал он. - И мне кажется, что любой дракон, способный расплавить сталь, давно бы избавился от нас, если бы захотел. Но слова не решат загадки. Поэтому, с твоего разрешения, Не-Желающий-Оскорблять-Драконов, я хотел бы один поехать вперед и решить проблему.

- Ага! - воскликнул Дорнвальд. - Твое стремление к поиску ответов влечет тебя неудержимо даже сейчас, когда расплатой за ошибку может служить раскомплектование разгневанным драконом.

- Я просто хочу узнать, каким путем нам следовать, - ответил Тирг. А разве всем нам не угрожает раскомплектование, если мы будем действовать слепо? Риск не так уж велик. Какой уважающий себя дракон набросится на одинокого всадника, если не тронул целый отряд?

- Гм. - Дорнвальд обдумал предложение. - Ты не должен этого делать, Искатель-Драконов. Разве не я привел тебя сюда? У любого уважающего себя атамана есть своя гордость. Пойду я.

- Если мое заключение ошибочно, ты больше меня будешь нужен здесь, возразил Тирг. - Кто больше нужен этим робосуществам за нами: предводитель, за которым они верно следовали, или искатель ответов на загадки, который не знает даже направления в пустыне? Пойду я.

- Чума окисления на вас обоих! - воскликнул Гейнор, приближаясь к ним. - Один нужен, чтобы разгадывать загадки, другой - чтобы вести. Пойду я.

Прежде чем они смогли продолжить спор, сзади послышался стук копыт. Несколько секунд спустя показался Феньиг, который ехал замыкающим на некотором удалении от отряда. Он подскакал к всадникам впереди колонны и остановился.

- Солдаты короля! - объявил он. - Под знаменем Гораззоргио. Их больше двух дюжин. С колесницами.

- Далеко? - спросил Дорнвальд.

- Около мили, и быстро приближаются. Должно быть, шли в темноте не останавливаясь.

- Как они вооружены?

- Тяжело. Не меньше трех пускателей огненных шаров.

- Похоже, жители Ксерксеона решили все-таки получить свои жертвы, сказал Дорнвальд. - Они рассказали, куда мы пошли. - Он быстро посмотрел вперед. Справа и слева на открытой местности не спастись, потому что колесные тракторы, везущие колесницы с пускателями огненных шаров, перегонят на такой местности всадников. Кроме того, тут достаточно места для маневра превосходящих сил королевских солдат. Единственный шанс добраться до неровной местности за подъемом, там колесницы пойдут медленнее, а вырвавшихся вперед всадников можно будет захватить в засаду. - Итак, у нас выбор: с одной стороны Гораззоргио, с другой - дракон, сказал Дорнвальд. - Одного демона я встречал и хорошо знаю, другого не знаю совсем. Я бы предпочел встретиться со вторым.

- Я согласен, - проговорил Гейнор.

- Значит решено, - сказал Дорнвальд, переводя взгляд с Гейнора на Тирга. - Пойдем все. - И громче, в тыл: - Вперед к тому подъему и на полной скорости! Тому, кто боится света в небе, место не рядом со мной, а среди пресмыкающихся крестьян Ксерксеона. Если дракон преградит нам путь, пусть так и будет, но мы первые не обнажим оружия. Вперед!

- Все заняли позиции, готовы к открытию огня, - доложил по радио английский лейтенант полковнику Уоллису. - Бронепрожигающие снаряды подготовлены, система слежения включена.

- Как установки на корабле? - резко спросил Уоллис.

- Готовы к запускам, сэр, - сообщил другой голос.

- Оборона готова, - доложил Уоллис Жиро, который тоже вышел из корабля и стоял в центре ожидающей группы.

Наступило молчание. Потом изнутри корабля послышался голос капитана:

- Корабль Один к Поверхности Один. Не похоже на нападение. Я вообще не убежден, что они знают о нашем присутствии. Только что к ним присоединился их замыкающий, и они двинулись вперед. Похоже, они просто стараются уйти от преследователей.

- Поверхность два к передовому наблюдательному пункту. Видите ли вы оружие или признаки враждебности?

- Нет, сэр.

- Подождем, - послышался голос Жиро. - Не стрелять.

- Всем: не стрелять, - приказал Уоллис.

На миниатюрном экране у себя на запястье Замбендорф видел приближающихся к верху подъема талоидов. Невероятно. Роботы в одежде на скачущих четырехногих машинах всего в нескольких сотнях ярдов.

- Ты их видишь? - спросил Тирг у оглянувшегося Дорнвальда. Тирг с трудом удерживался на скачущем животном, и ему некогда было смотреть назад.

- Мы выбираемся с равнины, - крикнул Дорнвальд. - По крайней мере впереди не открытая местность. Теперь мы сможем от них уйти.

- Над нами с обеих сторон тепловой свет, - крикнул Гейнор с другой стороны от Дорнвальда.

- Вижу.

- А что это за штуки так блестят в пустыне?

- Кто знает, что охраняет логово дракона?

Дорнвальд, Тирг и Гейнор одновременно достигли верха подъема и перевалили через него. Рекс возбужденно скакал в нескольких шагах за ними. Мгновение спустя они ошеломленно застыли, их животные встали на дыбы и попятились. Остальные разбойники, появлявшиеся из-за подъема по одному и по двое, тоже в смятении останавливались.

Перед ними в кольце ослепительного драконьего света лежал король драконов, окруженный склонившимися подобострастными слугами. Дракон был гладкий и длинный, с заостренными конечностями, очень похожий на того дракона, что появлялся над Ксерксеоном, только гораздо больше. Глаза его сверкали как фиолетовые огни, но он не шевелился, стоял и молча смотрел. Тирг мог только ошеломленно смотреть на него, Дорнвальд и Гейнор тоже застыли от удивления. Рекс медленно пятился, а сзади несколько разбойников спешились и упали на колени.

Но тут Тирг понял, что один из слуг дракона медленно машет им, делает такие движения, словно пытается их успокоить. Слуги не робосущества, как он подумал вначале. Они все примерно одинаковой формы, но сооружены не из металла, а из какого-то мягкого гибкого вещества, напоминающего искусственную органику с плантаций ремесленников... как детские куклы. Но что это за искусственные существа? Неужели король драконов сконструировал их для своих нужд? Какие же невероятные силы и знания в его распоряжении?

Слуга снова поманил. Тирг еще несколько секунд колебался. Потом понял тщетность даже малейших попыток не повиноваться:

кто может сопротивляться такой силе? Не вполне осознавая, что делает, Тирг медленно пустил свое животное вперед и вошел в круг фиолетового света. Ничего ужасного не произошло, и Дорнвальд и Гейнор, обменявшись взглядами, последовали за ним. Остальные следили за ними, некоторые осмелели и постепенно тоже приближались. Потом Феньиг, державшийся в тылу, оглянулся и крикнул:

- Моли дракона защитить нас, Дорнвальд. Солдаты внизу, они почти догнали нас.

И не успел он сказать это, как первый снаряд из пускателя огненных шаров перелетел через край подъема и разнес на куски ледяной булыжник. Второй попал во вьючное животное, и оно с криком упало, охваченное пламенем. На подъеме Феньиг и другие метались под градом снарядов снизу, один из разбойников упал с разъедающей стрелой в плече. Посыпались другие огненные шары, и один из них задел что-то металлическое на склоне.

- Попадание в огневую позицию у прожектора номер два, - послышался голос по радио. - Жертв нет.

- Промах по желтому сектору. Оборудование воспламеняется от зажигательной жидкости.

Еще один шар упал прямо перед группой встречающих, которые в тревоге отступили к кораблю.

- Чуть не попал по кораблю! - крикнул кто-то.

- Полковник Уоллис, огонь максимальной силы по зоне приближения, приказал Жиро.

- Всем - огонь на поражение! Наземные установки - огонь по противнику ниже пункта три семь сто!

Тирг повернулся, услышав громовой рев внизу под подъемом; рев смешивался со звоном, свистом, поверхность под ногами дрожала. Сверху тоже слышался грохот. Тирг поднял голову. В небо поднимались два маленьких дракона, они испустили огненные фиолетовые стрелы и скрылись из виду, а мгновение спустя земля снова дрогнула и снизу послышался новый гром. Тирг никогда в жизни не испытывал ничего подобного. Чувства его смешивались. Он сидел, застыв, его тело и мозг парализовал ужас.

И вдруг все стихло. Тирг со страхом огляделся. Дорнвальд и Гейнор неподвижно сидели там, где их застал гром. Еще дальше виднелись неподвижные разбойники, среди них Феньиг. Все они молча смотрели вниз. Тирг взглянул на Дорнвальда. Тот ошеломленно поворачивал голову. Через несколько секунд он спросил:

- Что тебя так испугало, Феньиг? Что случилось?

Вначале Тиргу показалось, что Феньиг не услышал. Но вот он медленно повернул голову, указал туда, откуда они пришли, и неустойчивым голосом ответил:

- Королевские солдаты уничтожены, Дорнвальд... Все солдаты уничтожены, разорваны на части драконьим огнем... в мгновения.

- Дождь огненных стрел, - хрипло сказал другой разбойник рядом с Феньигом. - Мы видели это. Вся королевская армия не прошла бы здесь, даже дюжина дюжин армий. - Он посмотрел на Тирга. - Куда ты привел нас, колдун?

Слуги, которые для защиты отступили к дракону, теперь снова продвинулись вперед, а ошеломленные разбойники медленно приходили в себя. Сверху, из укрытий, появилось много новых слуг. Их гораздо больше, чем вначале решил Тирг. Все еще потрясенный, он чувствовал, что худшее позади, словно они благополучно прошли какое-то испытание. Они видели ужасный гнев дракона, но дракон пощадил их. Может быть, только те, кто вызывает его гнев, должны его опасаться, подумал Тирг. Он снова посмотрел на дракона. Тот продолжал спокойно смотреть, как будто ничего не случилось. Неужели уничтожение целого отряда королевских солдат для него настолько легкое и незначительное дело?

Остальные разбойники, по-видимому, пришли к такому же заключению. Дорнвальд спешился и осторожно вел свое животное к центральной группе слуг, а Гейнор шел в нескольких ярдах за ним. Слуги как будто жестами подбадривали их. Тирг уловил движение сбоку, повернулся и вздрогнул, увидев совсем близко от себя слугу. Другой стоял невдалеке и наблюдал. Тирга охватило отвращение при виде мягких поверхностей, видневшихся под лицевой пластиной головы, которая не похожа на голову. Уродливая пародия на лицо, бесформенная масса, дрожащая и колеблющаяся, как желе в чане ремесленника для выращивания культур. Светящееся желе, которое удерживается прочным гибким корпусом! Может, король драконов таким способом наказывает своих слуг? Тирг надеялся, что слуги не смогут прочесть его мысли и чувства.

Замбендорф пораженно смотрел на серебристо-серого колосса, возвышающегося в своем неудобном седле. У него две овальные матрицы, предполагающие наличие органов зрения; они защищены тонкими растягивающимися металлическими лопастями, две вогнутых плоскости, вероятно, коллекторы звуковых волн, множество отверстий в нижней части лица, вероятно, входные и выходные отверстия для охлаждающих газов. Ничего похожего на рот, но участок под головой, которая расположена на шее из многочисленных скользящих

перекрывающих друг друга соединений, продвинут назад и на нем размещается множество различных клапанов и крышек. На роботе одежда, сплетенная как будто из проволоки, тяжелый пояс из переплетенных черных металлических полос, сапоги из чего-то похожего на прорезиненную ткань и просторный тускло-красный плащ, сделанный из тысяч переплетающихся жестких пластинок. На руках три пальца, противопоставленных четвертому, они состоят из множества гибких суставов, у оснований пальцев и у запястья болтовые соединения. Другая машина, меньше по размерам, во всех отношениях нелепо напоминающая собаку, держалась подальше, пряталась за всадником.

Замбендорф не знал, что за мозг у этого создания, но понимал, что за ним стоит технология, даже отдаленно не напоминающая то, что доступно земной науке. Но как ни парадоксально, культура талоидов имеет все признаки отсталости по земным стандартам - чего-то средневекового, в сущности. Так как же воспримет средневековый мозг недавнее проявление армейской мощи? Замбендорф рассматривал лицо робота в поисках признаков замешательства или ужаса, но не увидел ничего такого, что смог бы истолковать. Лицо казалось вообще лишенным выражения.

- Не могу поверить, Карл, - послышался в шлеме голос Абакяна; на этот раз Отто был по-настоящему ошеломлен. - Что это за машины? Откуда они?

Замбендорф сделал шаг вперед.

- Он, кажется, хочет что-то сказать, - проговорил он, не отводя глаз от робота. - Но не шевелится. Он боится нас, Отто?

- А ты бы не боялся, после того что произошло с той толпой? - более нормальным тоном отозвался Абакян.

С одной стороны, в попытках успокоить, Шарль Жиро и Конрад Зельцман, лингвист, жестикулировали, обращаясь к двум спешившимся роботом, но, очевидно, без всякого успеха. Может, роботы еще не поняли, что им больше не грозит опасность от преследователей: некоторые продолжали оглядываться, словно опасались нападения. Замбендорф решил, что может кое-что сделать относительно этого. Он настроил экран у себя на запястье, чтобы он принимал картинку с камеры армейского наблюдательного пункта на самом верху подъема. Камера давала крупномасштабное изображение всей окружающей местности. Замбендорф поднял руку, так чтобы робот мог видеть экран. Робот одну или две секунды смотрел на его руку, потом повернул голову, чтобы взглянуть на лицо, потом снова посмотрел на руку. Замбендорф указал на экран у себя на запястье.

Зачем у слуги этот маленький овощ на руке, и зачем он на

него показывает? подумал Тирг. Может, это знак его положения. Нет, слуга хочет, чтобы он на него посмотрел. Тирг посмотрел. На квадратике фиолетового света видны какие-то черточки, очень слабые, их трудно разглядеть. Тирг приспособил свое зрение, как мог, к драконьему свету и некоторое время смотрел, пока не догадался, что видит. Вид на открытую местность, которую они пересекли перед подъемом. Груды обломков разбросаны повсюду, видны поломанные и изогнутые части машин, они еще светятся фиолетовым светом, и от них поднимается дым... Тирг ахнул, поняв, что это означает. Он понял, какую опустошительную силу пытался описать Феньиг. Несколько коротких секунд... и ничего не осталось. Постепенно Тирг понял, что слуга пытается сказать ему: дракон им помог.

Но что за волшебный овощ, который может видеть сквозь холм? Тирг поглядел на слугу, потом несколько раз повернул голову назад, на возвышение, чтобы его поняли.

Замбендорф ощутил подъем. Какой-то обмен мыслями все-таки произошел между ним и роботом.

- Он понял! - возбужденно сказал он. - Это коммуникация, пусть еще несовершенная Это начало, Отто!

- Ты уверен?

- Я показал ему вид с холма. Он понял. Он просит меня подтвердить, что видит именно это.

Абакян знаком попросил робота спешиться, и после недолгого колебания тот послушался. Потом снова указал на запястье Замбендорфа и начал указывать на экран спереди и сзади, а в промежутках - на холм.

- Он не понимает, - сказал Абакян. - Не понимает, как можно видеть сквозь холм.

Робот заинтересовался. И неожиданно он перестал казаться таким чужим и странным. Замбендорф чувствовал, что робот начинает ему нравиться.

- Прости, но как я объясню тебе эту технологию, мой друг? - сказал он. - Боюсь, что пока тебе придется принять это за волшебство.

- Попытайся донести до него идею камеры, - предложил Абакян. - По крайней мере он поймет, что на самом деле мы сквозь холм не смотрим.

- Мммм... может быть. - Замбендорф переключился на другой канал, на этот раз на экране появилось изображение корабля и его ближайшего окружения, передача шла с аппарата, висящего над площадкой.

Тиргу понадобилось некоторое время, чтобы сообразить, что теперь он смотрит сверху на короля драконов. Потом он

неожиданно понял, что точки по обе стороны дракона - это слуги и робосущества; что одна из этих точек он сам! Он посмотрел на слугу и указал сначала на землю, потом на небо. Слуга подтвердил, повторив его движения. Тирг посмотрел вверх и после нескольких секунд разглядел висящую в небе точку фиолетового света. Неужели колдовство слуги видит через глаза летящего дракона? Но это значит, что простой слуга с таким овощем может заглянуть в любой конец мира, даже не тронувшись с места. Если слуги дракона обладают такой властью, то какой неимоверной властью обладает он сам?

Замбендорф ощутил благоговение робота, когда тот наконец понял, что показывает экран. Он переключился на низкое разрешение, вид с более широкого угла. Теперь на экране изображался гораздо больший участок местности, в центре его едва различимой точкой виднелся корабль. После разглядывания и обмена жестами робот понял, что это такое. Замбендорф переключился на разведывательный корабль, находящийся высоко в атмосфере, под самым слоем аэрозольных облаков; его камеры охватывали несколько сотен миль окружающей пустыни и большую дорогу, ведущую в горы за пределами изображения. И тут робот начал делать возбужденные жесты, показывая все время вверх. "Выше! Выше!" Это очень важно. Робот как будто сильно волновался.

Замбендорф нахмурился и повернул голову внутри шлема к Абакяну. Абакян ответил ему недоумевающим взглядом и пожал плечами. Замбендорф посмотрел на робота, наклонил голову, чтобы посмотреть, куда он указывает пальцем, потом снова взглянул на робота. И неожиданно понял.

- Конечно! - воскликнул он и переключился на изображение, передаваемое с орбиты "Орионом"; это изображение через спутник посылалось вниз направленным лучом.

Жиро и остальные заметили, что тут что-то происходит, и с любопытством окружили их.

- Что с этим парнем? - спросил кто-то из группы.

- Для них то, что за облаками, полная загадка, - ответил Замбендорф. - Он спрашивает меня, оттуда ли мы прибыли и каким кажется его мир из-за облаков. Они ведь никогда не видели небо, не забудьте, не могли наблюдать движение планет и звезд.

- Вы хотите сказать, что поняли это по нескольким жестам? недоверчиво спросил Конрад Зельцман.

- Конечно, нет, - легко ответил Замбендорф. - Такие грубые методы мне не нужны.

А Тирг в этот момент почти забыл о стоящих рядом слугах дракона. Потому что впервые в жизни увидел, как выглядит его

мир с неба.

Это был шар.

А за ним, на расстояниях, которые он не мог оценить, столько сияющих миров, что и сосчитать невозможно.

17

Дэйв Крукс нажал клавишу на консоли лаборатории цифровых систем и обработки изображений на борту "Ориона" и смотрел на картинку на экране. Запись была сделана двадцать четыре часа назад. На ней изображен был талоид, он обменялся несколькими жестами с стоявшим рядом землянином, потом повернул голову и посмотрел на другого талоида, стоящего в нескольких футах от него. Мгновение спустя второй талоид быстро повернул голову, вначале к первому талоиду, потом к человеку.

- Вот! - сказал Леон Кихо, один их специалистов по сигнальным системам; он стоял за креслом Крукса. Крукс коснулся другой клавиши, и изображение застыло. Кихо через плечо оглянулся на двух инженеров у приборов. - В этот момент робот в коричневом плаще как будто что-то сказал другому. Проверьте сканирование еще раз.

- Никаких изменений, - ответил один из инженеров, щелкая несколькими переключателями и глядя на экран перед собой. - Ничего на сверхнизких частотах и на низких тоже. Ничего вплоть до сверхвысоких частот в миллиметровой полосе... Никакой корреляции Фурье.

- Подтверждение наличия звуковых волн, - сказал второй инженер. Короткие ультразвуковые импульсы... частота колебаний примерно сто десять тысяч в секунду, продолжительность от двадцати до сорока восьми микросекунд. Повтор частот варьируется и совпадает с модуляциями вплоть до тридцати семи килоциклов. Образцы анализируются на экране три.

Кихо вздохнул и покачал головой.

- Кажется, это установлено, - согласился он. - Талоиды общаются, обмениваясь высокочастотными звуковыми импульсами. Никаких указаний на использование радио. Поразительно: я был уверен, что эти передающие центры на поверхности окажутся радиостанциями или чем-то в этом роде. Наблюдения с "Ориона" подтвердили данные "Дофина", нашедшего на поверхности Титана несколько источников радиосигналов, правда, работавших нерегулярно и с перерывами. Аппараты, посланные под аэрозольный слой, показали, что эти источники обычно находятся вблизи центров сооружений, вокруг которых расположена мощная индустриальная механизированная

зона. Но сами по себе сигналы никак не коррелировали ни с чем на поверхности.

Джо Феллбург, сидевший на стуле между консолью Дэйва Крукса и переборкой, задумчиво потер подбородок.

- Вы согласны с идеей Анны Вулинк относительно фабрик чужаков? спросил он, глядя на Кихо.

- Ну, такую возможность нельзя отвергать, - ответил Кихо. - А что.

Анна Вулинк, голландка, работавшая в одном из научных институтов САКО, участвовала в разработке проекта саморегулирующейся автоматической фабрики на Меркурии, которая поставляла бы на Землю различное сырье и промышленные продукты. Анна доказывала, что машинная цивилизация на Титане могла возникнуть таким же образом из фабрики, оставленной цивилизацией чужаков, возможно, несколько миллионов лет назад. Каким-то образом машины мутировали, и началась эволюция. Но что вызвало мутацию, почему чужаки избрали именно Титан и что случилось с ними самими, - на эти вопросы никто не пытался дать даже предположительный ответ.

Феллбург оперся локтем о край консоли и неопределенно указал на экран.

- Мне вот что пришло в голову: если там все развилось из сверхпродвинутой версии того, что САКО собиралась установить на Меркурии, может, исходным методом коммуникации в те прежние дни было радио. Но если чужаки действительно были хорошие инженеры, они должны были предусмотреть и какой-то вспомогательный способ, верно? - Он перевел взгляд с Кихо на Крукса. Крукс ущипнул себя за нос, подумал несколько секунд, потом кивнул.

- Имеет смысл, я думаю, - согласился Кихо.

Феллбург развел руки.

- Так может, ответ в том, что первичная система вышла из строя из-за неблагоприятной мутации или чего-то в этом роде, а вторичная, вспомогательная стала общераспространенной? А то, что мы ловим из этих центров, рудименты, остатки, уже не имеющие смысла. Они исходят из нескольких участков, где еще окончательно не вымерли.

- Мммм... интересная мысль, - сказал Кихо.

- Интересно, способны ли еще талоиды воспринимать сигналы. - Крукс несколько секунд обдумывал это предположение.

- Вероятно, это зависит от того, откуда приходят их "синьки" - их "генетика", - сказал Кихо.

Феллбург снова потер подбородок.

- Ну, если эта способность функционально больше не важна и если эволюция развивалась по тем же законам, что у нас, я думаю, особенно жесткого отбора в ту или другую сторону не было. Одни, вероятно, могут воспринимать радиосигналы, другие - нет. Так что по-прежнему могут воспроизводиться чувствительные образцы.

Дэйв Крукс про себя улыбнулся.

- Если это правда, интересно, как подействовала на них вся наша радиошумиха за последние дни, - сказал он.

- Какая у вас подготовка, Джо? - спросил небрежно Крукс примерно час спустя в транзитной капсуле, в которой он и Джо Феллбург направлялись в сферу 2.

- Как это? - спросил Феллбург.

- Ну, я имею в виду техническое образование. Вы явно кое-что знаете об электронике и технике пульсирования.

- А что?

- Ну... просто любопытство.

- Мичиганский университет - диплом магистра. Шесть лет в промышленности, в основном занимался компьютерной физикой в Ай-Би-Эм. Десять лет службы в армии, работах техническим специалистом в разведке. Хватит?

Капсула пролетала мимо иллюминатора в трубе, на мгновение стали видны окрестности "Ориона" и Титан на заднем фоне, частично скрывавший величественное зрелище Сатурна и его колец. Крукс неуверенно несколько секунд смотрел на Феллбурга.

- Могу задать личный вопрос? - спросил он наконец.

- Конечно. Если я решу, что это не ваше дело, так и скажу, ладно?

Крукс поколебался и спросил:

- Что у вас общего с этим Замбендорфом?

- А что?

Крукс неловко поерзал. Очевидно, он дошел до возможных для него пределов откровенности.

- Ну... я хочу сказать... вы же зря тратите свои способности.

- Неужели? А знаете, сколько мне бы платили, если бы я после армии вернулся в фирму?

- Разве только это имеет значение? - спросил Крукс.

Феллбург потрогал подбородок.

- Нет, но это демонстрирует шкалу ценностей нашего общества. У меня уже достаточно бойскаутских значков, на всю рубашку хватит, только они ничего не стоят.

Крукс покачал головой.

- Но когда продукт бесцелен...

- Рынок решает, чего стоит продукт, - через спрос, через цену, ответил Феллбург. - Если пластиковая имитация продается сегодня дорого просто потому, что люди слишком глупы, чтобы увидеть разницу, кто же выигрывает: я, принявший условия игры, или тот парень на улице, который продает реальную вещь?

Когда Феллбург вернулся в каюту группы, Тельму и Дрю Веста он застал на прежних местах: они смотрели на экран, показывавший развитие событий на поверхности. Кларисса Эйдстадт сидела в углу за столом, просматривая стопку листков с записями.

- Где вы были? - спросила Тельма, когда Джо вошел.

- В секции электроники с Дэйвом Круксом и другими ребятами, мы просматривали записи талоидов, - ответил Феллбург. - Становится интересно. Похоже, они вообще не пользуются радиосвязью. Используют высокочастотные звуковые импульсы. Инженеры уже начали их компьютерную обработку. А вы знаете, что лица у них - совсем не кочерга?

- У инженеров? - спросил Вест, не отрывая взгляда от экрана.

- У талоидов, придурок.

- Как это?

- У них есть выражение лица - тепловой рисунок пластин на лице непрерывно меняется во время разговора. Парни Крукса уже набрали целую библиотеку таких выражений в инфракрасном.

- Ну, и что? - спросила Тельма.

- И сколько еще времени пройдет, пока расшифруют эти их звуковые сигналы? - подхватил Вест. - Карл и Отто добились гораздо большего. Они уже практически обменялись рассказами о своей жизни с талоидами. Феллбург взглянул на экран.

На поверхности в круге света теперь рядом с первым кораблем стоял второй, а вся окружающая территория была покрыта огоньками от фар наземных машин и фонарей: люди в скафандрах исследовали окрестности. Грузовой люк первого корабля был разгерметизирован, лишен обогрева, в него впустили атмосферу Титана, и теперь он служил убежищем для талоидов. Замбендорф, отдохнувший в течение нескольких часов в корабле, снова находился снаружи и разговаривал с талоидами, приняв на себя роль посла Земли. И талоиды, очевидно, приняли это, потому что отвечали ему гораздо охотнее и свободнее, чем другим. На корпусе корабля виднелись ярды рисунков белым: многочисленные чертежи, формы, символы, стрелы и линии, и среди них причудливые изображения талоидов и раздутых купологоловых людей в скафандрах. Самым главным способом общения в этот исторический момент первого контакта между

цивилизациями двух миров оказался мел и доска, причем в качестве доски использовался корпус корабля.

- Я заставила Германа Торинга передать на Землю информацию, что Карлу удалось установить контакт с чужаками, - сказала Кларисса, не поднимая головы.

Феллбург рассмеялся и ближе придвинулся к экрану.

- Каковы же последние новости снизу? - спросил он.

Вест повернул регулятор громкости, чтобы не был слышен голос офицера, который прослушивал все сообщения снизу и комментировал их для экипажа:

- Видишь талоида, который машет Карлу? Он в красном плаще. Это Галилей. Его все интересует. А тот, что рядом с ним, сэр Ланселот. Он как будто предводитель отряда.

- Отлично, - сказал Феллбург.

- Талоиды сопоставили свои чертежи местности с нашими картами, так что теперь мы знаем, куда они направляются, - сказал Вест. - В большой город в промышленной области за пустыней. Они как будто направляются к королю, который правит всей той областью. Как будто Ланселот и остальные работают на этого короля, но мы не совсем уверены относительно места Галилея в этой картине.

- Карл назвал короля Артуром, - сказала Тельма.

Феллбург застонал.

- А чего ты еще ожидал? - спросил Вест. - Тот отряд, который уничтожила армия, был из другого государства за горами, которое воюет с Артуром по какой-то причине. И если эти талоиды - рыцари Артура, мы можем получить приглашение.

- Что же предстоит? Посадка в окрестностях этого города, если Артур согласится? - спросил Феллбург.

Вест кивнул

- Угадал.

- А сколько придется ждать, пока Ланселот и его парни доберутся туда? Это мы знаем?

- Никто еще не знает, как они измеряют время, - Вест кивнул на экран. - Но если Карл добьется своего, это не будет иметь значения. Он пытается сказать талоидам, что мы можем перенести их по воздуху. И знаешь что, Джо? Мне кажется, они могут это принять.

18

Когда всадники достигли вершины перевала, за которым местность опускалась к реке, обозначавшей границу Картогии, сзади послышался гул, и все оглянулись. Небесный дракон, который пронес их над миром, поднялся, вначале медленно, потом из-под него показались столбы фиолетового света, он

задрал голову вверх, набрал скорость, превратился в точку и вскоре исчез. Дорнвальду потребовался весь его авторитет, чтобы уговорить разбойников оставшуюся часть пути до Картогии преодолеть в одном из драконов небесных существ. Зайти под крышу в пустыне - одно дело, но оказаться закрытым со всех сторон, как в западне, - совсем другое. И если посмотреть, как беззаботно небесные существа входят в дракона и выходят из него, можно ли поверить, что они уверены: условия в его огненных печах выдержат и стальные и титановые корпуса простых роботов?

- Странные они, это усмирители драконов. В мгновение превращают в ничто целый отряд королевских солдат, а потом просят милости у Клейпурра, - сказал Гейнор, когда всадники возобновили движение. - Если хотят встретиться с Клейпурром, почему им просто не полететь в город Менассим и не приказать ему явиться? Мне кажется, они любого могут убедить, что нужно им покориться.

- Кажется, они предпочитают, чтобы жители Менассима были предупреждены об их появлении, - ответил Дорнвальд.

Гейнор удивленно покачал головой.

- Они обладают такой невероятной силой, но просят нашего согласия. Разве это не подлинное благородство духа? Мне кажется, Гораззоргио мог бы спастись, если бы не так торопился и больше внимания уделял манерам.

- И все же кто знает, какие непостижимые тонкости и правила составляют кодекс рыцарского поведения небесных существ? - спросил Дорнвальд. - Означает ли их просьба для нас свободу ответа или это просто чуждая манера выражать приказание?

Гейнор некоторое время размышлял над этим вопросом, потом ответил:

- Если последнее, то наш отказ мог бы рассматриваться, как не меньшее оскорбление, чем нападение королевских солдат. И в наказание нас могли бы так же разбросать по пустыне...

- Ага! - воскликнул Дорнвальд. - Теперь ты меня по крайней мере понял, твои слова подтверждают и мое заключение.

- Будем надеяться, что Клейпурр поймет эту логику, - сказал Гейнор.

- Ну, в этом не сомневайся, - ответил Дорнвальд.

Тирг рядом с ними был необыкновенно молчалив. Очень показательно, думал он, что разбойники называют теперь загадочные купологоловые существа небесными; по-видимому, они тоже, как и сам Тирг, больше не считают их слугами. Купологоловые действуют не как слуги. Приходят и уходят и вообще ведут себя свободно. А вот два дракона, наоборот, во все

время переговоров покорно лежали, и создавалось впечатление, что единственное их назначение - переносить эти странные создания и их живых слуг, которые возят их по поверхности и удовлетворяют все другие их нужды. По-видимому, драконы живут в мире за небом, где живут и купологоловые, и те научились приручать их. как робосущества приручили своих верховых животных, энергетические генераторы, грузоподъемники и пищевые машины. Но что это за форма жизни, которая не является машиной, но которой служат машины? По ее приказу волшебные существа смотрят сквозь горы, сообщают о далеких событиях и без колебаний уничтожают тех, кто вызвал недовольство их хозяев. Тирг размышлял над этими вопросами и почти не разговаривал, пока отряд спускался в долину за перевалом и двинулся по дороге, ведущей к реке.

Ниже склоны выровнялись и превратились в широкие дамбы, покрытые башнями химической обработки, отрастившими целые кроны труб, баками-хранилищами и живописными рощами трансмиссий и распределительных трансформаторов, за которыми тропа соединялась с большой дорогой, ведущей к мосту. Отряд выехал на дорогу, и в это время группа всадников в мундирах Картогии показалась впереди, на полном скаку приближаясь со стороны моста. Тирг подготовился к встрече с жестокими фанатиками, о которых рассказывали в Кроаксии; потом увидел, что Дорнвальд остановил свое животное и сидит спокойно, с широкой улыбкой на лице. Всадники сзади подтянулись и тоже остановились.

- Майор Вергаллет, если не ошибаюсь, - сказал Дорнвальд Гейнору, который прикрывал свои образные контуры.

- Да, это он, - подтвердил Гейнор. Посмотрел на Тирга и объяснил: Из пограничной картогианской крепости за мостом.

Тирг кивнул, продолжая смотреть. Картогиане хорошо одеты, проворны, дисциплинированы, а их предводитель в этот момент приветливо улыбался, совсем не как фанатик. Он остановился рядом с Дорнвальдом и четко отсалютовал.

- Приятно снова увидеть вас, сэр. Надеюсь, вы успешно справились с заданием. - Тирг помигал крышками своих контуров, потом посмотрел на Дорнвальда. Сэр?

- Да, спасибо, майор, - ответил Дорнвальд. Повернулся и показал на Тирга. - Это Тирг, вопрошающий, он устал от духовной духоты Кроаксии и решил насладиться более свежим воздухом среди мыслителей и умельцев Картогии. Тирг, познакомься с майором Вергаллетом.

- Мы считаем своей честью иметь гостем спутника генерала, - сказал Вергаллет.

Генерала? Тирг снова помигал и покачал головой.

- Для меня честь быть принятым в такое общество, - запинаясь ответил он, отряд снова двинулся, солдаты выстроились с двух сторон.

Дорнвальд рассмеялся замешательству Тирга.

- Ты найдешь офицеров Картогии в самых неожиданных местах и в самой разной одежде, - сказал он. - Такой маленький народ, как наш, должен жить своим умом и знать о врагах больше, чем они знают друг о друге.

- И больше рассчитывать на искусство и знания изобретателей, чем на размер армии, - добавил Гейнор, увидев, что Тирг с любопытством смотрит на длинные стальные трубы на спинах картогианских солдат. - И в этом, Вопрошающий-И-Отвечающий, одна из причин того, что тебя привезли сюда.

Отряд отдохнул в пограничной крепости, и уже к концу этой короткой остановки Тирг отказался почти от всего, что слышал о Картогии. Все это в лучшем случае невежественные суеверия, в худшем - сознательно спланированная лживая пропагандистская кампания, с помощью которой правители других стран хотели уберечься от воздействия на свои народы социального эксперимента Клейпурра.

- Покорность и послушание, любое сомнение в которых, по словам жрецов, ересь, конечно служат дворянам и князьям, - говорил Дорнвальд Тиргу за едой. - Но почему капризы и причуды простых смертных должны так заботить всемогущего Жизнетворца, это понять гораздо труднее. И разве не подозрительно, что вечное спасение, о котором мы знаем только со слов жрецов, достигается тяжелым трудом и послушностью немногим набожным, которые проявляют странное пристрастие к земной жизни? - В разговорах ни Дорнвальд, ни его спутники не упоминали небесных существ, и Тирг следовал их примеру.

Когда группа снова выступила в путь, командир гарнизона выделил отряд, который будет сопровождать путников до города Менассима, очевидно, потому что в местности, через которую им предстояло проехать, снова начали причинять беспокойство васкориане. Дорнвальд объяснил Тиргу, что васкориане - это религиозные фанатики-экстремисты, которые провозгласили свободы, полученные в правление Клейпурра, грешными и развратными и стремились свергнуть Клейпурра, чтобы вернуть страну к старому. Правители Кроаксии и Серетгина пользуются их фанатизмом, снабжают оружием и всячески подталкивают к враждебным действиям. Свобода собственных верований, казалось, эту секту не удовлетворяет; она считает, что все остальные должны перейти в ее веру.

Остальная часть пути, однако, прошла без происшествий, по-видимому, из-за сильного эскорта. Постепенно позади осталась пустынная приграничная местность, ее сменили холмы, заросшие тонкими трубопроводами, силовыми кабелями и густыми решетками, которые выше сменялись голым льдом. За холмами начался густой лес, который тянулся на многие мили, и уже начинало темнеть, когда показались первые жилища робосуществ. Вначале отдельные дома, потом появились и деревни; в то же время местность стала гораздо более аккуратной, вырабатывающие смазочные масла колонны росли ровными рядами, повсюду видны были тщательно обработанные посевы гаек, болтов, подшипниковые сады и богатые поля электролитических ванн. Дорнвальд сказал Тиргу, что они приближаются к окраинам Менассима.

Тирг уже не удивился, что население при виде солдат не проявляло страха и ненависти, как подобало бы угнетенным рабам при появлении угнетателей; напротив, солдат приветствовали улыбками, махали им руками, дети в деревнях выбегали на улицу, чтобы посмотреть на них. Взрослые казались здоровыми, их поверхностные плиты в хорошем состоянии; все аккуратно одеты; дома тоже аккуратные и ухоженные. Странная картина для жизни "в постоянном ужасе", думал про себя Тирг.

Город тоже, хоть и обширный и многонаселенный, казался аккуратным и процветающим. Магазины и киоски торговцев забиты товарами, и все товары хорошего качества; улицы вымощены и очищены от мусора; таверны и столовые забиты посетителями. Поражало отсутствие таких явлений, которые Тирг, не любивший города, считал их обязательными признаками. Не было нищих и калек, просящих подаяние или роющихся в мусорных коллекторах, не проезжали по улицам высокомерные дворяне и жрецы в высоких головных уборах в шестиколесных экипажах в сопровождении слуг, размахивающих дубинками. Не видно было обгоревших и частично растворившихся трупов на площадях, которые должны были служить предостережением против ереси и богохульства; не видно и более мелких преступников, выставленных на поругание на торговых площадях; не видно кающихся в наждачных одеяниях на углах улиц; не стоят аскеты-монахи, прикованные к столбам до конца яркости, - вообще никаких следов той священной и набожной деятельности, которая всегда казалась Тиргу самым нелепым способом доказать свою ценность в глазах всемогущего и всеведущего Жизнетворца, который не должен был бы обращать внимание на подобные глупости.

Ближе к центру города здания стали больше и выше,

органически выращенные сооружения уступили место соединенным сваркой блокам льда. В Кроаксии тоже есть здания из льда, но они казались грубыми и жалкими по сравнению с размахом и изобретательностью архитекторов Кроаксии. Тирг узнал, что эти достижения стали возможны благодаря изобретению способа искусственного синтезирования подъемных и режущих металлических инструментов, которые обладают многими функциями естественных живых машин. Эти открытия также объясняют сравнительную малочисленность армии Кроаксии. Странные трубы, которые несли на спинах солдаты, оказались на самом деле оружием, которое посылало с помощью расширяющихся газов снаряды, способные пробить на расстоянии в сто шагов ледяную плиту толщиной в палец.

Тирг был поражен. Чтобы развить свой мыслительные способности, он часто рассуждал о возможности создания искусственных машин, но никогда не думал, что увидит их в действительности. Он вспомнил одного своего друга, который носился с нелепой идеей использовать парообразный метан, чтобы поворачивать колеса. Его обвинили в ереси и колдовстве, и он должен был предстать перед судом Совета жрецов, но неожиданно исчез, и Тирг почти забыл их нескончаемые споры. Однако ему сказали, что его друг жив и здоров, он живет недалеко, на окраине Менассима. И занимается усовершенствованием созданной им установки, в которой парообразный метан вращает колеса.

Новость о прибытии Дорнвальда опередила отряд, и вскоре показался вестник, сообщивший, что Клейпурр ждет их в своей официальной резиденции, которая оказалась элегантным, но не очень большим зданием из ледяных блоков, окруженным оградой. Располагалась она недалеко от бывшего королевского дворца, который теперь служил резиденцией правительства. По прибытии всадников проводили в помещения для гостей, предложили принять ванну и переодеться, после чего, освежившийся и значительно более уверенный в себе, Тирг оказался в теплом ярко освещенном и красиво убранном зале Совета на первом этаже, выходящем на широкую террасу с видом на двор. В дальнем конце зала за большим столом сидел Клейпурр в окружении своих советников; присутствовали также Дорнвальд, Гейнор и Феньиг в мундирах картогианской армии. За столом видна была еще одна фигура спиной к двери. К мольберту была прикреплена одна из карт Лофбайеля, еще несколько карт лежали на столе.

И тут сам Лофбайель повернулся, радостно улыбнулся, видя изумленное лицо Тирга, и встал, чтобы энергично похлопать его руками.

- Добро пожаловать в Картогию, Тирг! Я рад видеть тебя в безопасности. Не сомневайся - ты найдешь здесь свой истинный дом. Я гарантирую это.

- Ты з... здесь? - запинаясь, спросил Тирг. - А как же Керсения и вся твоя семья? Они...

- Все в Менассиме и здоровы. Если согласен, мы сегодня ждем тебя в гости.

- Но как? Я думал, за тобой все время следят.

- Еще один подвиг Дорнвальда, о чем ты в свое время, несомненно, услышишь. Но познакомься с Клейпурром, и не будем задерживать решение более важных дел.

Клейпурр, который оказался моложе, чем представлял себе Тирг, был в одежде из блестящих золотых пластин и в коротком плаще из королевских синих керамических звеньев. Он вторично приветствовал Тирга в Картогии. Не совсем обычное приглашение, сказал он, но Тирг должен понять необходимость таких методов. Не очень высокий и тяжелый, Клейпурр держался с неторопливым достоинством и благородством, которые произвели на Тирга большое впечатление; действовали скорее уважение и почитание, которыми окружали его подданные, чем какие-либо внешние признаки достоинства и власти. Говорил он с солдатской прямотой и целенаправленностью, но беспристрастность, дисциплина рассуждений и склонность к ним выдавали в нем мыслителя. Он представил двух своих спутников: Лиоканора, старшего офицера из той части армии Картогии, которую Клейпурр назвал разведкой, и Пеллимиадеса, директора службы военных изобретений и вооружений.

Тирг сказал, что рад оказаться в Картогии; никакие извинения не нужны. С ним обращались хорошо и вежливо, несмотря на трудные условия, и больше всего ему понравилось общество умных и вызывающих новые мысли робосуществ.

- С самого выхода из Ксерксеона это стало для меня загадкой, - сказал он в заключение. - Что это за разбойник, который справляется с моими философскими вызовами не менее искусно, чем с верховым животным?

Дорнвальд рассмеялся.

- Я удивлен, что тебя оказалось так легко обмануть. Я все время отчаянно цеплялся своими философскими пальцами, чтобы не упасть.

С вступительными любезностями было покончено, и Клейпурр повернулся к картам.

- Мне не нужно объяснять, насколько для нас ценна эта информация, сказал он. - Лофбайель сказал мне, что ты тоже веришь, что наш мир круглый, Тирг: странное предположение, и

должен признать, что оно скорее тревожит, чем успокаивает... но тем не менее я готов это допустить, учитывая, что вы, конечно, думали об этом гораздо больше меня. Можно ли проверить это утверждение? И если можно, то как? Если в моей власти помочь тебе, это будет сделано, ибо я предпочитаю знать истину о мире, чем заблуждаться.

Это утверждение настолько отличалось от того, что ожидал услышать Тирг от представителя власти, что он несколько секунд молча недоверчиво смотрел на Клейпурра. Потом спохватился и ответил:

- Похоже, еретикам нечего бояться в этой стране.

- Факты не меняются от веры, - ответил Клейпурр. - Тот, кто готов изменить свои верования в соответствии с новыми фактами, не может быть еретиком, а тот, кто настаивает на своей вере, вопреки фактам, не еретик, а дурак. И я был бы дураком, если бы боялся этого. Поэтому слово "еретик" не имеет отношения ко мне.

- Такова вера новой нации, которую вы создаете? - спросил Тирг.

- Философия, а не вера, - ответил Клейпурр. - Так как мы признаем, что не существует ничего непознаваемого, у нас не остается места для веры без разума. Я не могу создать такой народ, но я могу помочь ему самому создать себя.

- И это страна, которую Кроаксия поклялась освободить от цепей и оков? - спросил недоверчиво Тирг и обвел глазами собравшихся. остановившись наконец на Лофбайеле.

- Теперь ты сам видишь, какая страна больше нуждается в освобождении, - ответил Лофбайель.

Тирг с легким беспокойством спросил:

- Значит, теперь Картогия клянется освободить Кроаксию?

- Цепи кроаксийцев в их сознании, - ответил Клейпурр, качая головой. - Может ли быть освобождено робосущество, которое не хочет свободы? Разве насильственное освобождение не содержит в себе внутреннего противоречия? Кроаксийцы могут увидеть истину, как увидел ты, - каждый своим путем и в свое время. Только тогда может быть освобождено сознание, иначе просто одни цепи будут заменены другими.

- Благородная мысль, - с сомнением согласился Тирг. - Но не забудем, что мои глаза открылись, только когда меня насильно привезли в эту страну.

- Это не так, - возразил Дорнвальд. - Мы только привезли тебя в такое место, где твои глаза смогли увидеть правду. А открыл ты их сами, и давно.

Тирг еще некоторое время подумал, потом удовлетворенно кивнул.

- В таком случае мы оба будем помогать созданию вашего народа, сказал он Клейпурру. Клейпурр кивнул; он, казалось, не удивился. В этот момент Тирг понял, почему Клейпурр является прирожденным вождем, лидером. Молчаливое принятие заявления Тирга сделало больше, чтобы связать их взаимным уважением и доверием, чем любые многословные речи.

- Перейдем к делу, - резко сказал Клейпурр. Он посмотрел на Дорнвальда. - Какие новости ты принес из Кроаксии? Мне сообщают, что серетгинцы собирают и вооружают наемников повсюду, вплоть до Корбеллио. Они готовят новую войну против нас, но в их лагере раздоры, и я сумел их использовать. А какие новости за Меракасином?

Наступило короткое молчание. Два офицера Дорнвальда взглянули друг на друга. А сам Дорнвальд сказал:

- Хоть новости эти и серьезны, произошли события, после которых они кажутся незначительными. Мы действительно принесли новости, странные новости, но не из-за Меракасина, а из самой пустыни.

Клейпурр, нахмурившись, посмотрел на Лиоканора, на Пеллимиадеса, потом снова на Дорнвальда.

- Объяснись, Дорнвальд, - сказал он. - Что за новости?

Дорнвальд кивнул Феньигу, который достал небольшой плоский пакет, на первый взгляд похожий на еще одну карту, и положил его на стол. Но когда развернул, оказалось, что внутри не нарисованная вручную карта, а толстые гладкие листы, а на них изображения с невероятным количеством подробностей. Феньиг выбрал несколько листов и протянул их Клейпурру, тот стал рассматривать, помощники его тоже наклонились с удивленными лицами. На листках видны были пятна и фигуры, расположенные ровными рядами и группами вдоль неправильной сети линий. После короткого молчания Дорнвальд вытянул руку и провел вдоль линии на листке, который рассматривал Клейпурр.

- Разве ты не узнаешь улицу Императоров в нашем собственном городе Менассиме? - спросил он. - А разве вот это не твоя собственная резиденция, в которой мы сейчас сидим?

Лиоканор ахнул от неожиданности.

- Это Менассим! Смотрите, вот река и мосты. А вот дворец... за ним здание суда. Да здесь все улицы и дома!

- Что за художник это сделал? - спросил Пеллимиадес с дрожью в голосе. Он взглянул на Тирга. - Неужели это образец картографического мастерства, какого мы еще не встречали?

- Это не мое мастерство, - ответил Тирг. - Вообще до этой яркости я никогда не видел Менассима.

Клейпурр медленно поднял голову.

- Откуда это?

Лицо Дорнвальда стало серьезным.

- Были ли еще какое-то новости в последнее время, Клейпурр? - спросил он. - Может быть, сообщения о странных существах в небе?

Клейпурр удивленно посмотрел на него.

- Да...

- О небесных существах, таких же, как дюжина яркостей назад?

- Да, - снова сказал Клейпурр и нахмурился. - А ты откуда об этом знаешь? Тоже видел их? А какое отношение они?... - Он замолчал, неожиданно поняв. Снова посмотрел на рисунок, потом на Дорнвальда.

Дорнвальд серьезно кивнул. Достал еще один листок из пакета, но держал его изображением к столу.

- Они существуют, Клейпурр. Мы встретили их в Меракасинской пустыне. Они с другого мира, который за небом. Они несут в себе небесные существа, которым служат, и что еще более странно... эти небесные существа в форме роботов, но они не роботы... они даже не машины. Небесные существа владеют неизвестным нам искусством, они могут сохранять точные изображения. Дорнвальд указал на листок в руке Клейпурра. - Это не работа художника или картографа. Просто сохраненная картина, увиденная глазами пролетевшего по небу высоко над Картогией существа. И эти существа могут видеть на расстоянии, даже из далеких земель, даже из-за океана.

Клейпурр ошеломленно смотрел на Дорнвальда. Покачал головой, словно прочищая ее, поднял руку и помассировал защитные крышки контуров.

- Другие миры?.. Животные, которые служат существам - не машинам?.. Что это такое? Если бы это говорил не ты, Дорнвальд, один из моих самых доверенных офицеров...

- Все так, как сказал Дорнвальд, - подтвердил Тирг. - Я тоже там присутствовал. Мы летели в одном из драконов - мы все - к холмам на границе Картогии.

- Это правда, - подтвердил Феньиг. Гейнор кивнул, но промолчал. Клейпурр по-прежнему недоверчиво снова повернулся к Дорнвальду.

Дорнвальд перевернул листок, который держал как последнее доказательство. Клейпурр и его два помощника молча смотрели. На листке Дорнвальд, Тирг, Гейнор и еще несколько робосуществ стояли с группой неуклюжих коротеньких и толстых купологоловых фигур перед огромным гладким зверем с

короткими заостренными конечностями. Феньиг достал еще изображения. На одном Дорнвальд и Тирг стояли, положив руки друг другу на плечи, а купологоловый указывал в воздух пальцем; на другом купологоловый неуклюже сидел на верховом животном Тирга, а на заднем фоне на него подозрительно смотрел Рекс.

- Нас преследовала королевская гвардия Кроаксии, - сказал Дорнвальд. - Небесные существа уничтожили ее. Они разговаривали с нами знаками и перенесли нас сюда. Они друзья и хотят прийти в Менассим и встретиться с его правителем. Это они просили нас передать. Они будут с неба ждать выложенных на поверхности сигналов. Это и будет ответ.

Тирг смотрел на картинки, на изображения небесных существ, странных животных, которые им служат, и вспоминал посылающие снаряды трубы картогиан и приспособления их строителей. Все это примеры начала нового искусства - повторения процессов жизни. Может быть, оружие и звери небесных существ - результат того же самого искусства, только гораздо более развитого?

Результат?

Могли ли небесные существа создать свое оружие и драконов? Но оружие и драконы - это машины. Первая машина должна быть сооружена чем-то, не являющимся машиной. Так, может, небесные существа и есть Жизнетворец? Конечно, нет. Сама мысль об этом нелепа.

И тут Тирг вспомнил, какой нелепой казалась ему мысль о том, чтобы с помощью парообразного метана поворачивать колеса.

19

- О, никаких сомнений, я уверена, - сказала за завтраком Пенелопа Реймелсон. - Бертон с радостью с ним поговорит. - Она повернула голову и взглянула на мужа. - Когда тебе будет удобно, дорогой? - Двоюродная сестра Пенелопы Валери из Массачусетса, проводившая у них затянувшийся уик-энд, в ожидании улыбнулась.

Бертон Реймелсон, понял, что отвлекся. Он думал о буре протестов в ООН, когда державы Запада заявили о своем намерении установить односторонние отношения с Титаном.

- Что? - спросил он, мигая и вытирая рот салфеткой. - Прошу прощения. Мне кажется, я еще не проснулся.

Пенелопа вздохнула.

- Валери говорила о Джереми, - сказала она, имея в виду старшего из двоих сыновей Валери. - Теперь, после женитьбы на Джиллиан, он считает, что должен начать работать... ну, понимаешь, это психология, я думаю... Я хочу сказать, что он

должен что-то делать сам... зарабатывать.

- Я надеялась, что для него найдется подходящее место в ГКК, сказала Валери, переходя прямо к делу.

Реймелсон нахмурился, отхлебывая кофе. Он завтракал с женщинами. Позже ему предстоит деловой завтрак с Булом и несколькими другими руководителями корпорации.

- Гм, понятно... А что ты считала бы "подходящим"? Что он может делать? Я хочу сказать, что они с Джиллиан после женитьбы все время развлекаются на Ближнем Востоке и на Ривьере... а умеет он еще что-нибудь, кроме этого? Или только плавать на яхте?

- О, не будь таким старым ворчуном, Бертон, - сказала Пенелопа. - Они молоды и пользуются свой молодостью. Что в этом плохого? Ты всегда говоришь, что тебе не хватает способных менеджеров. Ну, Джерри всегда казался мне очень талантливым и способным. И я считала, что есть достаточно мест... В конце концов, для начала не обязательно очень ответственный пост.

- Мне нужны хорошие руководители инженерных проектов и программ, сказал Реймелсон, не в состоянии сдержать резкий тон. - Может ли Джереми руководить специалистами на десять лет старше него и с двадцатилетним опытом? Что он знает о допплеровых радарах и небесной механике? Вот какие люди мне нужны.

- Ну, теперь ты рассердился. Я только...

- О, ничего подобного я не предлагала, - торопливо вмешалась Валери. - Но, может, что-то менее ответственное... что-нибудь в административной области, без этих трудностей. - Она широко раскрыла глаза и улыбнулась Реймелсону. - Что-нибудь живое, соответствующее его темпераменту маркетинг или реклама... Неужели ничего такого для него не найдется? А, Бертон?

Реймелсон доканчивал кофе, кривясь за чашкой. Он может поговорить об этом с Пенелопой позже, когда его не будут заставлять принять поспешное решение. К тому же его уже ждут, и он не хочет пускаться в объяснения.

- Я поговорю сегодня об этом с Грегом Булом, - пообещал он. Поставил чашку и сидел, всем своим видом показывая, что вопрос решен и говорить больше не о чем. Пенелопа взглянула на Валери и едва заметно кивнула. Итак, что же вы запланировали на сегодня? - спросил Реймелсон. - Что-то возбуждающее и экзотическое?

- Мы хотели полететь шаттлом в Нью-Йорк и поездить по магазинам, ответила Пенелопа. - Я звонила Дженни и Полу, и они пригласили нас пообедать.

- Ага. Значит, вернетесь поздно.

- Вероятно.

- А почему бы и не переночевать там и не прилететь завтра утром?

- Наверно, можно и так... Да, почему бы и нет? Я позвоню тебе, когда мы решим.

Реймелсон посмотрел на Валери.

- Тебе как будто нравится у нас. Я рад. - Он посмотрел на часы, сложил салфетку, положил ее перед собой и встал. - Ну, меня уже ждут, так что, боюсь, я должен попросить прощения. Приятного путешествия в Нью-Йорк, и передайте мой привет Дженни и Полу.

- Конечно, - сказала Пенелопа, когда Реймелсон повернулся, собираясь уходить. - Да, и не забудь поговорить с Грегом о Джереми.

- Не забуду, - со вздохом ответил Реймелсон.

Тридцать секунд спустя, выйдя из комнаты для завтраков, он уже забыл об этом. Все внимание его занимала ситуация с Титаном. Весть остальной сир, особенно Советы, охватил приступ гнева, когда после нескольких месяцев рассуждений, обвинений и отрицаний, последовавших за внезапным объявлением Замбендорфа в самом начале экспедиции, истинная ее цель была наконец раскрыта. Но теперь выяснилось, что выступление Замбендорфа не имело таких катастрофических последствий, как казалось вначале. Напротив, оно подготовило мир к восприятию новости. Не будь его, могла бы взорваться гораздо более мощная бомба. Конечно, резкую реакцию ожидали, но что могут сделать Советы? Только поднять шум и произнести несколько угроз. Правда, они могут начать войну, считали лидеры западных стран; но аналитики Пентагона убеждали, что не начнут. По той же причине, по какой никто после 1945 года не решался на большую войну... Во всяком случае компьютеры давали 92,4% вероятности, что войны не будет.

С другой стороны, учитывая, чем на самом деле оказался Титан, исключительный доступ к передовой технологии чужаков может сразу решить все проблемы Запада: и военную угрозу Советов, и торговое соперничество с остальным миром. Запад решил вступить в игру, и пока, похоже, его надежды оправдываются. Единственным пострадавшим до сих пор был Каспар Ланг. Реймелсон видел его в последней видеогамме с Титана: Каспар все еще страдает от того, что прямо у него под носом служба безопасности допустила такой промах. Но лучше получить реалистическое представление о Замбендорфе сейчас, чем потом, когда пойдут серьезные дела, думал Реймелсон,

спускаясь в библиотеку. А к тому времени Каспар оправится.

В библиотеке ждали Грегори Бул с двумя другими руководителями ГКК, а также Джулиус Гоше из государственного департамента и Кевин Уолли, помощник президента. Первым пунктом повести дня было сообщение Гоше о последних отчетах Лехерни с "Ориона". Гоше сказал, что после высадки землян вблизи "Генуи" диалог с талоидами продолжился. По первому впечатлению культура талоидов представлена большим количеством независимых городов-государств, враждующих друг с другом, объединяющихся в непрочные союзы. Все это отдаленно напоминает города-государства Италии Средних Веков, и поэтому земляне дали им соответствующие названия. Никаких стычек с "падуанцами", кроме самой первой, больше не происходило, и вся эта история не отразилась отрицательно на конструктивных взаимоотношениях с Генуей. На окраинах Генуи основана постоянная база, и земляне открыто передвигаются по городу; и хотя среди туземцев по-прежнему заметен страх и стремление избежать встреч, в целом землян принимают приветливо.

- По крайней мере одна наша тревога оказалась необоснованной, заметил Реймелсон, когда Гоше кончил. - Мы не встретились с высокоразвитой чуждой цивилизацией, способной угрожать Земле. - Он посмотрел на Була. Итак, что же мы имеем, Грег? Перед нами целый мир нетрадиционной высокоразвитой технологии. Может ли он послужить для нас потенциальным источником? Оправдаются ли наши усилия? Если да, то что мы можем получить?

- Не все сразу, Бертон, - ответил Бул, проглядывая свои записи. Ученые заняты по уши. Они работают круглосуточно, но сам объем новых сведений поразителен, не говоря уже о их сложности. Отдельные специалисты представят свои отчеты со временем, но через несколько дней я попытаюсь подготовить предварительный общий отчет, ладно?

- Хорошо, - сказал Реймелсон.

Бул продолжал:

- Ответ на главный вопрос утвердительный: да, на Титане есть технологии и процессы, которые на столетия опережают современную земную технологию, есть и концептуально совершенно новые подходы. Мы уже установили существование массового ядерного преобразования элементов, основанную полностью на синтезе обработку материалов, молекулярную электронику, самообучающиеся автоматические системы, искусственный оптронический разум... и, несомненно, там еще много такого, что нам и не снилось. - Он поднял руку. - Наиболее вероятное предположение: все это вначале была автоматическая

саморегулирующаяся фабрика чуждой цивилизации, которая миллионы лет назад почему-то перестала функционировать нормально. Но верна эта догадка или нет, не может быть никаких сомнений в том, что первоначально это была высокоэффективная система, предназначенная для добычи и обработки, а затем для массового производства индустриальных материалов и продуктов. И несмотря на все происшедшее, система продолжает функционировать, выполняя первичную задачу.

- Иными словами, если разгадаем ее загадки и создадим необходимую базу, система сможет обеспечивать Землю всем необходимым в течение многих столетий, - сказал Ричард Снелл, один из старших администраторов ГКК.

Уолли выглядел заинтересованным.

- Вы хотите сказать, что снова сделаете нас конкурентоспособными... и, может, дадите еще значительное преимущество?

Снелл невесело улыбнулся.

- Эти слова можно назвать самой крупной недооценкой года, Кев. - Он пожал плечами. - Тот, кто завладеет Титаном, не будет иметь ни конкурентов, ни стратегических противников. Все проблемы решаются навсегда.

Наступило короткое молчание. Все обдумывали услышанное. Затем Уолли спросил:

- А что же талоиды? Возникнет ли проблема по поводу "прав собственности" или чего-нибудь подобного? Я хочу сказать, получат ли они от этого что-нибудь или им вообще ничего не нужно?

- Мы надеемся выработать основание для совместных действий, - ответил Бул. - Во всяком случае их опыт и знание местных условий составляют ценный вклад, и нам желательно добиться их сотрудничества.

Фредерик Метерс, другой руководитель ГКК, заметил:

- Несмотря на сложную форму, культура талоидов достаточно примитивна. У них нет концептуальной возможности использовать даже малую часть своего потенциала. Но под нашим руководством, с использованием их рабочей силы, мы можем достигнуть значительных совместных успехов.

Уолли секунду или две с любопытством смотрел на него.

- Понимаю, - сказал он. - А что получат от этого талоиды?

Метерс развел руки.

- А что всякое отсталое племя хочет получить, когда встречается с передовой культурой? Доступ к большему богатству и силе, безопасность, знания... все, что угодно.

- Это справедливо и по отношению к талоидам? - удивился

Уолли.

- Я бы поставил на это, - ответил Метерс.

Гоше кивнул.

- К тому же Генуя - относительно небольшое государство, на него непрерывно нападают более сильные враги, и Падуя - один из них. И я подумал, что генуэзцы высоко оценят любую помощь, которая позволит им защититься. А инцидент с падуанцами показал им, какую помощь мы можем предоставить.

Реймелсон осмотрелся. Все выжидающе смотрели на него, ждали одобрения предложенной политики. Откинувшись, он забарабанил пальцами по ручке кресла, обдумывая услышанное. Наконец кивнул.

- Во всяком случае дело стоит дальнейшей разработки. Могу ли я вас понять так, что другие специалисты согласны с таким планом?

Гоше кивнул.

- Это в основном рекомендации Дэна Лехерни, одобренные президентом, сказал он.

Реймелсон удовлетворенно повернулся к Булу.

- Передайте Каспару секретный меморандум, излагающий основы нашей политики, - сказал он. - Чем скорее он узнает, что нам нужно, тем быстрее мы увидим результаты.

- Это я и хотел обсудить дальше, - сказал Бул, доставая из своего бриф-кейса бумаги. - Я уже подготовил черновик. Может, просмотрим его, раз уж мы тут все вместе?

По другую сторону Вашингтона Уолтер Конлон и Патрик Уайттейкер завтракали в ресторане Ховарда Джонсона.

- Представляю себе, каково Джерри Мейси, - сказал Уайттейкер. - После всей работы... То есть они с Верноном теперь в состоянии разоблачить буквально все сказанное и сделанное Замбендорфом с начала полета.

- Верно, - согласился Конлон над тарелкой с жареный мясом с яйцами и картошкой. Но выглядел он не очень обеспокоенным.

Уайттейкер удивился.

- А разве это не напрасная трата времени?

- Почему?

- Ну... кому это теперь интересно? - Уайттейкер пожал плечами. - По сравнению с тем, что случилось на Титане, все остальное - мелочи. Всякий, кто сейчас попытается доказывать, что Замбендорф - фокусник, сам будет выглядеть ослом, и Мейси достаточно умен, чтобы понимать это. Я думаю, именно поэтому Мейси и Вернон ничего не предпринимают.

Конлон покачал головой.

- Они наблюдали за Замбендорфом, вероятно, просто чтобы

заполнить время в пути, - сказал он. - Мейси достаточно умен и для того, чтобы понять: я отправил его не с тем, чтобы он разоблачал фокусника и мошенника... после того как он узнал об истинном назначении экспедиции.

Уайттейкер нахмурился.

- Вы хотите сказать, что его задание - не разоблачение Замбендорфа?

- Только если он этого захочет, - сказал Конлон, не поднимая головы от тарелки. - Нет, у ГКК была своя легенда, должны была быть легенда и у меня. Мейси давно догадался об этом. Еще до отлета я организовал для Мейси доступ к моему закрытому личному каналу, по которому он может связываться с моим кабинетом в САКО в Вашингтоне без всякой цензуры и подслушивания... главным образом в качестве предосторожности. Мейси об этом не знал, пока корабль не ушел достаточно далеко.

- Так зачем же он там на самом деле? - заинтересованно спросил Уайттейкер.

- Не знаю, - ответил Конлон. Уайттейкер выглядел совершенно сбитым с толку. Конлон объяснил: - Я не совсем уверен, зачем ГКК послала Замбендорфа, но явно не для развлечения офицеров в кают-компании. Я заподозрил, что они хотят использовать его воздействие на общественное мнение, чтобы подтолкнуть правительство в интересах корпорации.

Уайттейкер с ужасом сказал:

- Вы шутите, Уолт.

- Гм... - Конлон покачал головой. - Его выходки могут стать важным фактором в формировании большой политики.

- Но конкретно? Чего конкретно они хотят добиться с его помощью?

- У них не было определенных планов, пока ситуация на Титане не прояснилась, - сказал Конлон. - Но с тех пор они узнали многое, чего не знали раньше. И я чувствую, что скоро Замбендорфу будут переданы более точные указания. А когда Замбендорф узнает, для чего он там, вот тогда начнется настоящая работа и для Мейси.

20

Грэм Спирмен всматривался в окно холодильной камеры одной из биологических лабораторий "Ориона", в которой автоматические манипуляторы срезали образцы коричневой резиноподобной поверхности одного из причудливых ходячих экипажей, уничтоженных в столкновении с падуанскими талоидами. Холодильная камера была необходима, потому что большинство псевдоорганических материалов талоидов при комнатной температуре превращались в дурнопахнущие

жидкости. Вокруг Спирмена на дисплеях и обработчиках данных была представлена информация электронных и протонных микроскопов, газовых и жидкостных хроматографов, изотопных отражателей, рентгеновских отражателей, ультразвуковых отражателей и самых разнообразных спектрометров. Спирмен уже установил состав зажигательного вещества, которое выбрасывали катапульты, установленные на экипажах падуанцев: это вещество состояло из комбинации кислорода с углеродом и в атмосфере Титана было легковоспламеняющимся, воспламенение происходило в результате химической реакции, когда снаряд соприкасался с металлической поверхностью цели. А катапульты тоже оказались органическими и напоминали огромные овощи, которые выбрасывали снаряды либо благодаря накопленной механической энергии натяжения, либо газом под высоким давлением.

Лет тридцати с небольшим, в очках с толстой оправой, со свисающими усами, в клетчатой рубашке и джинсах, Спирмен был самым добродушным из всех знакомых Тельме ученых, и с ним она не рисковала подвергнуться идеологической обработке. Она поняла, что в общении с учеными возникают серьезные проблемы: интеллектуальные успехи и достижения в одной области заставляют их переоценивать свои мнения во всех остальных областях, и потому в разговорах с ними любая тема превращается в минное поле. Спирмен представлял собой утешительный контраст, политических убеждений у него вообще не было, не было и любимой экономической теории, позволяющей в мгновение ока разрешить все трудности мира, не было убеждения, что все остальные должны посвятить свою жизнь усовершенствованию мира.

- Никогда ничего подобного не видел, - сказал он, оборачиваясь и указывая на образец за стеклом. - Разумеется, он способен расти по указаниям больших сложных направляющих молекул, но его нельзя назвать в подлинном смысле живым. Это что-то среднее между живым и неживым. У него примитивная биохимия, но ничего напоминающего жизнь на уровне молекулярного метаболизма. Вообще никаких клеток.

Тельма выглядела заинтересованной, она раскачивалась в кресле перед консолью микроскопа, а Дэйв Крукс слушал со своего места у двери.

- Из чего же оно сделано? - спросила Тельма. - И как оно может расти без клеток?

Спирмен вздохнул.

- Для точного ответа понадобятся, вероятно, годы исследований, но в данный момент можно представить себе нечто

вроде органического кристалла... с вариантами в структуре, которые в кристаллах не встречаются. - Он указал на образец в холодильной камере. - Это часть одной из ног. Имеет рудиментарную сосудистую систему, поставляющую питание, целый ряд сокращающихся тканей-мышц, которые дают возможность передвигаться, а также что-то напоминающее нервную систему, передающую приложенный механический импульс. И все. Короче, это такое устройство, которое приходит в движение, когда его толкнут.

- Органическое колесо, - сказала Тельма.

Спирмен улыбнулся.

- Ну, конечно. Примерно так оно и действует.

- Но не может ли оно делать еще что-нибудь? - спросил Крукс. Например, воспроизводить себя?

Спирмен покачал головой.

- Никоим образом. Как я сказал, оно может двигаться и частично регенерироваться - по крайней мере восстанавливать отдельные свои части. Но никак нельзя сказать, что оно живое.

Тельма нахмурилась.

- Но как же может такая штука возникнуть в процессе эволюции, если у нее нет способа воспроизводства?

- Не может, - просто ответил Спирмен.

- Откуда же она взялась?

- Единственное предположение: ее создали талоиды.

Тельма и Крукс обменялись удивленными взглядами.

- Но как они могли? - спросил Крукс. - То есть я хочу сказать, что у них средневековая технология. Вы говорите, что это устройство грубое по сравнению с жизнью, но все равно это поразительное достижение биоинженерии.

- Поразительное, - подтвердил Спирмен. - Вообще не думаю, чтобы земные генетики и биоинженеры смогли сделать что-нибудь подобное. У них нет для этого необходимых макромолекул.

- В том-то и дело, - сказала Тельма. - Как же могли это сделать талоиды?

Спирмен прошелся по лаборатории, потом повернулся и развел руки.

- Мы уже обнаружили в почве много сложных гидрокарбонатов и азотистых соединений, очень похожих на молекулы, из которых, как полагают, возникла жизнь на Земле. Но, очевидно, на Титане этот процесс не зашел далеко, может, из-за низкой температуры и отсутствия сильного ионизирующего излучения и других мутагенных стимулов. Ну, мы полагаем, что талоиды каким-то образом научились использовать такие

соединения и со временем создали то, что вы видели. - Он снова махнул рукой в сторону холодильной камеры. - Я хочу сказать: изготовили. Такое не создается естественно. И это относится и к их странным домам и ко многому другому.

Джон Вебстер, англичанин, генетик, консультант по биоинженерии Кембриджского института молекулярной биологии, кивнул со своего места у рабочего стола, заставленного рядами бутылок и электронным оборудованием.

- Так это выглядит. Это наша культура, перевернутая навыворот. Мы выращиваем нашу пищу и потомство и делаем искусственные предметы из металла, который получаем из почвы. Пища и потомство талоидов создаются на сборочных линиях, а вещи они выращивают - из органических веществ, которые они добывают в почве. Кстати, это объясняет, что такое "плантации", которые нас ставили в тупик. Это фабрики талоидов.

- Верно, они делают то же, что и мы, только наоборот, - сказал Спирмен. - Люди научились создавать механические приспособления, подражающие живым организмам: поднимать вес, перемещать его и так далее. Талоиды тоже научились создавать артефакты - органические, чтобы подражать единственной известной им форме жизни.

- Хорошая точка зрения, - согласился Крукс. - Но она не объясняет, как талоиды могли действовать на молекулярном уровне, когда их культура на много столетий отстает от нашей. - Он указал на ряды инструментов и оборудования. - Нам пришлось изобрести все это, прежде чем мы поняли, что такое протеин, не говоря уже об операциях на генах и плазмоидах. Талоиды не могут сделать ничего даже отдаленно похожего на эти приборы.

- А им это и не нужно, - сказал Спирмен. - Они и так окружены ими.

Тельме понадобилось несколько мгновений, чтобы понять смысл его слов.

- Вы шутите, - недоверчиво сказала она.

Спирмен покачал головой.

- Люди научились использовать энзимы и бактерии для изготовления вина и сыра за тысячи лет до того, как что-нибудь узнали о связанном с этим химическом механизме. А почему бы талоидам не научиться одомашнивать формы жизни, которые они видят вокруг себя? Мы срезаем шерсть с овец, чтобы делать костюмы; они снимают проволоку с проволокоделательных машин. - Он пожал плечами. - То же самое.

- Все в них то же, что у нас, только наоборот и на три-четыре столетия назад, - сказал Вебстер. - Мы сначала были ремесленниками, а потом уже развили инженерию и физическую

науку. А биохимия пришла гораздо позже. Талоиды вначале развили ремесленную биологию, без всякого представления о биологической науке, и только сейчас начинают подходить к физике.

- Странно, - заметил Крукс. - Можно было бы подумать, что сложное устройство их самих гораздо раньше дало бы им представление о науке.

- Почему? - спросил Спирмен. - Люди - очень сложные биологические системы, но это не дает им понимания того, как работает их мозг или тело. Такое знание приходит поздно, когда появляются необходимые инструменты... и знания эти еще далеко не совершенны. Человеческое сознание действует на гораздо более высоком уровне, чем нервная сеть, снабжающая мозг впечатлениями о мире. Мы не представляем себе мир состоящим из волн тяготения, давления, фотонов, сил и так далее, но из людей, мест и предметов. Наше восприятие зависит от абстрактных символов, которые далеки от первоначальных физических стимулов. И мы не видим, как взаимодействуют неврологические и психологические процессы. И потому можем думать о важном и главном, не задумываясь о том, что делают в нашем мозгу триллионы нервных клеток; мы даже можем вообще не подозревать об их существовании.

Крукс нахмурился.

- То есть вы хотите сказать: хотя сами талоиды представляют собой сложные электронные системы, это не дает им интуитивного знания, как они действуют. Их сознание оперирует на более высоком, абстрактном уровне.

- Совершенно верно, - ответил Спирмен.

Тельма кивнула, когда поняла, что это означает.

- Итак, хоть талоиды компьютеры, это совсем не означает, что у них точность и абсолютная память машин, верно? Они не способны запомнить дословно вчерашний разговор или всякий раз вести себя одинаково в аналогичных ситуациях... точно так же, как мы.

- К этому и ведет Грэм, - сказал Уэбстер. - В своей основе человеческий мозг так же механичен и предсказуем, как электронный компьютерный чип. Нейрон либо отвечает, либо не отвечает на определенный стимул. Он не проходит через состояние нерешительности, не обращается к какому-то крошечному мозгу за решением. На этом уровне мозга вообще нет. "Мозг" появляется при соответствующей организации на гораздо более высоком уровне... Точно так же одна молекула не обладает, скажем, свойством "слоновости"; но большое количество молекул, да еще нужным образом упорядоченных,

этим свойством обладают. Мозг талоидов, несомненно, точно так же относится к более низким уровням их программы.

Спирмен вернулся к холодильной камере, наклонился, чтобы посмотреть, что происходит внутри, на клавиатуре контрольной панели сформулировал новую команду.

- Если показать талоиду голоптроническую деталь компьютерного процессора, он будет в таком же недоумении, как какой-нибудь житель Средних Веков, пытающийся объяснить работу мозга кролика, - сказал он через плечо. - Мы разбираемся в машинах, потому что начинали с простых и постепенно перешли к сложным, от блоков и рычагов через паровые двигатели и динамо к компьютерам, атомным электростанциям и космическим кораблям. И потому можем объяснить каждую деталь их устройства и их цель, вплоть до последнего болта в "Орионе". Но понимание биологических процессов пришло к нам не так легко, потому что начинали мы не с простого; напротив, нас сразу окружали результаты миллиардолетней биологической эволюции. Не зная, что такое ДНК, как происходит протеиновый обмен, чем различаются клетки, невозможно объяснить целое - кролика, откуда он взялся и как функционирует. - Спирмен ввел новую команду, подождал ее исполнения и снова повернулся лицом к остальным. - У талоидов та же проблема. Их окружает результат долгого развития чуждой технологии плюс, вероятно, миллионы лет последующей эволюции, а ведь они не посещали школы и технические колледжи, в которых учились инженеры чужаков. Поэтому физическая наука остается для них тайной. А вот до работы с биологическими ресурсами они могли додуматься сами.

Тельма задумалась на несколько секунд.

- Вы хотите сказать, что они не экспериментировали с простейшими инструментами, какие мы знаем? Им хватало материалов в окружающем? Странная мысль.

Спирмен слегка улыбнулся.

- Причины совершенно очевидны, когда подумаешь, - сказал он.

- Что? - спросила Тельма.

- Инструменты, какими мы их знаем, делаются из обработанных материалов: металла, стекла, пластика и так далее - сказал Спирмен. Иными словами, из того, что естественным образом производится повсюду на Титане. Искусственные инструменты долго не продержатся. И с их помощью трудно что-то сделать.

Крукс удивленно нахмурился.

- Как это?

Уэбстер развел руки.

- Все это для них представляет собой "пищу". Кто догадается делать инструменты и строить дома из леденцов и пиццы?

В кают-компании, расположенной в большем из двух сборных куполов генуэзской Базы N 1, было жарко, душно и многоголюдно. Мейси взял в раздаточном окне чашку кофе и пончик и отошел от короткой очереди неуклюжих фигур в скафандрах, решивших перекусить перед очередным выходом в город. Так как он прилетел с "Ориона" тридцать шесть часов назад и только что проснулся, на самом деле это завтрак, подумал он. Талоиды сохраняли непрерывную активность примерно десять земных суток во время максимальной светимости: Титан на своей шестнадцатисуточной орбите получал свет от Солнца и отраженный - от Сатурна. Так как Титан постоянно обращен одной стороной к Сатурну, на этой стороне происходили перемены как в прямом свете, так и в отраженном, зато другая сторона подвергалась только прямому освещению Солнцем, и существовали промежуточные области, где было и то, и другое. Таким образом цикл чередования света и тьмы был очень сложен и менялся от места к месту.

- Как поживает наш рационалист? - услышал Мейси веселый голос. Вероятно, сейчас не подходящее время года для разоблачений.

Мейси, даже не оглядываясь, узнал Замбендорфа. Хотя в начале пути большинство ученых демонстрировали определенное презрение и отчужденность по отношению к Замбендорфу и его команде, положение за три месяца существенно изменилось. Теперь Замбендорф, Абакян, Тельма и все другие члены группы воспринимались как нормальные участники повседневной жизни "Ориона". Может, этот психологический эффект - следствие того, что все делят тесные каюты и коридоры корабля в сотнях миллионов миль от Земли. Мейси не знал, но он чувствовал в своих коллегах заинтересованное уважение к Замбендорфу и его людям: все признавали теперь, что это мастера своей профессии. И презрение ученых теперь было направлено на тех, кто преклонялся перед командой Замбендорфа.

Мейси обернулся и увидел Замбендорфа в скафандре. Тот улыбался над металлическим кольцом крепления шлема.

- Ну, еще несколько дней можете существовать, - грубовато ответил он.

- Надеюсь, - сказал Замбендорф. - Теперь даже вам, Джерри, должно быть ясно, что есть более важные дела, чем разные мелочи. Их нужно оставить там, где им место, - в миллиарде миль отсюда, на Земле.

Мейси с любопытством взглянул на него. Замбендорф и его команда проявили действительно искренний интерес к самому серьезному делу экспедиции - и удивили большинство ученых тем, как много они знают. Возможно ли, чтобы Замбендорф действительно изменился?

- В чем дело, Карл? - спросил Мейси. - Или у вас выработался комплекс вины, когда вы познакомились с серьезной наукой?

- Не говорите глупости, - фыркнул Замбендорф. - К тому же, даже если бы это было правдой, неужели вы думаете, что я вам скажу? Вы психолог. Это вы должны мне говорить.

Другими словами, Мейси может понимать отношение Замбендорфа как угодно. Это прежний Замбендорф: готов смутить любого и всегда на шаг опережает остальных.

- Вы наконец-то делаете что-то стоящее, - сказал Мейси. - Вам удалось установить контакт с талоидами, и они вам доверяют. Это ведь лучше, чем все время дурачить людей, верно?

- Ну, это не одно и то же, - ответил Замбендорф. - Я помогаю тем, кто сам пытается помочь себе. Талоидам предстоит еще долгий путь, но они ценят знания и мастерство. Они хотят учиться. Они готовы работать над этим. Но люди? Ба! Они вырастают окруженные библиотеками, университетами, учителями, показывающими им открытия и мудрость тысячелетий, - и им не интересно. Они предпочитают превращать свои жизни в хлам. Можно ли украсть что-то у человека, который уже все выбросил?

- Ну, может, людей просто нужно научить думать, - предположил Мейси.

Замбендорф покачал головой.

- Все равно что вести лошадей к воде. Если люди готовы думать, они будут думать. А подгонять их бесполезно. Им нужно только показать, где вода, и подождать, пока они захотят пить. - Он указал на Осмонда Перейру и Малькольма Уэйда. Они стояли у входа, обсуждая предположение Перейры, что космический корабль из антиматерии, создавший своим взрывом Северный Ледовитый океан, прилетел с Титана. - Послушайте этих двух придурков, негромко сказал Замбендорф. - Вы можете потратить целый год и разработать превосходное доказательство нелепости их рассуждений. Думаете, это их чему-то научит? Нисколько. Через неделю они придумают что-то не менее нелепое. Так что лучше сэкономьте время для чего-то действительно полезного. Я берегу свое для талоидов.

- Осторожней, Карл, - предупредил Мейси. - Похоже, вы начинаете сознаваться в своем мошенничестве.

- Не говорите глупости, - сказал Замбендорф. - Но даже если это правда, думаете, люди чему-то научатся из ваших доказательств? - Он покачал головой. - Тоже не научатся. Через неделю найдут что-нибудь еще... точно как мой друг Перейра и тот второй с ним.

В этот момент по громкоговорителю объявили, что машина, которая отвезет людей в город, ждет у выхода из грузового люка.

- Дело в том, что в глубине души вы ученый, - сказал Мейси, когда они направились к выходу. - Но вы считаете, что ниже вашего достоинства в этом сознаваться.

Через полчаса они смотрели, как мимо машины в лучах прожекторов скользят окраины Генуи. Впереди и позади шли военные машины эскорта. Повсюду у дороги талоиды наблюдали за процессией странных животных, внутри которых находятся

существа из другого мира. Некоторые выбегали вперед, в лучи света; по-видимому, считали, что они обладают чудесной исцеляющей силой; некоторые отшатывались или даже совсем убегали в переулки.

Всадник в тяжелом плаще, с лицом, закрытым капюшоном, незаметно наблюдал из тени у городских ворот, запоминая каждую подробность. Когда экипажи землян проехали, всадник выехал из укрытия и направился по дороге в противоположную сторону. Дорога приведет его к границам Картогии, а потом через Меракасинскую пустыню. У Скериллиана, Шпиона-С-Тысячью-Глаз, будет о чем доложить своему хозяину Эскендерому, королю Кроаксии.

21

- Можешь представить себе расстояние, в двенадцать раз большее, чем Картогия в самом широком месте? - спросил Тирг у Мораяка, сына Лофбайеля, который сидел спиной к столу, усеянному картами и листками с расчетами, в комнате, которую в доме Лофбайеля отвели Тиргу.

- Наверно, да, хотя я и части это расстояния не проехал, - ответил Мораяк. - Должно быть, это даже больше, чем тот странный шарообразный мир, о котором говорили вы с отцом.

- Не совсем так, Молодой-Вопрошающий-Который-Станет-Мудрее-Задавая Вопросы, - сказал Тирг. Он взял глобус небесных существ, который подарил ему Носящий-На-Руке-Овощ, и посмотрел на него. - На самом деле это расстояние чуть меньше половины диаметра нашего мира, который правильно, как мне сказали, представлен на этом шаре. - Он поставил глобус и снова посмотрел на Мораяка. - А как насчет расстояния, в двенадцать раз большего? Такого, в котором можно разместить рядом шесть наших миров? Может твой мозг представить себе это?

Мораяк нахмурился и посмотрел на глобус.

- Не знаю. Представить себе длину Картогии можно, используя свой опыт, но как представить себе расстояние не по миру, а сквозь мир? А теперь ты хочешь, чтобы я представил себе шесть миров.

- Тогда вместо миров, чья поверхность изгибается в пространстве, подставим в нашу модель время, тут не будет затруднений с направлениями, предложил Тирг. - Если ширина Картогии представлена одной яркостью, тогда расстояние, о котором я говорю, в двенадцать на двенадцать раз большее, будет представлено двенадцатью на двенадцать яркостей. Можешь представить себе такое?

Мораяку потребовалось на размышления несколько секунд, но потом он кивнул и в то же время нахмурился.

- Большое расстояние, но теперь, когда ты так его представил, я могу себе его вообразить. Мозг мой в напряжении, но думаю, такое расстояние я себе представляю.

- А если еще в двенадцать раз больше?

Мораяк с напряженным выражением смотрел на Тирга, потом безнадежно улыбнулся и покачал головой.

- Невозможно!

Тирг прошел по комнате, повернулся и широко развел руки.

- А что же тогда сказать о расстоянии, еще в двенадцать раз большем, и еще в двенадцать раз, и снова в двенадцать раз?..

- Остановись, Тирг! - воскликнул Мораяк. - Какой смысл повторять слова, если они потеряли всякое значение?

- Но у них есть значение, - возразил Тирг. Он сделал шаг вперед и показал рукой. Мораяк повернулся и увидел на стене большую карту, которую начертил Лофбайель по записям, сделанным Тиргом в разговорах с небесными существами. В центре была изображена большая плавильная печь - небесные существа говорили, что она такая большая, что может мгновенно расплавить целый мир, - а вокруг по своим тропам бесконечно кружат девять миров, некоторые их них сопровождаются собственными мирами, которые, в свою очередь, вращаются вокруг них. Для всех было шоком открытие, что Робия так Клейпурр назвал мир роботов - даже не принадлежит к девяти самостоятельным мирам, а просто один - правда, самый большой - из семнадцати слуг, следующих по стопам гиганта. Дорнвальд заметил, что этот гигант, несомненно, король среди миров: не зря он увенчан кольцом-короной. Но Тирг указывал не на этого гиганта, а на третий от печи мир, внешне очень скромный и маленький, с единственным сопровождающим его слугой. Этот мир Лофбайель назвал Лумия, потому что на небе его сияет яркий свет. Именно на этом мире живут небесные существа, или лумиане, как их теперь правильней называть. Тирг медленно провел пальцем по карте. - Это расстояние отделяет нас от мира лумиан, Мораяк, такое расстояние они преодолели, чтобы прилететь на Робию.

Мораяк недоверчиво смотрел на него.

- Не может быть! - Тирг кивнул. Мораяк снова посмотрел на карту, потом на Тирга. - Но такое путешествие требует много дюжин дюжин жизней.

- Нас заверили, что хватило двенадцати яркостей. Большой дракон, который сейчас кружит в небе, еще быстрее, чем те, что спускаются к городу. - Тирг несколько секунд смотрел в лицо Мораяку, потом удовлетворенно кивнул. - Мне кажется, теперь ты понимаешь, с какими удивительными существами тебе скоро

предстоит встретиться, - сказал он.

Мораяк еще долго смотрел на Тирга, словно не знал, воспринимать ли его слова всерьез, потом снова посмотрел на карту, на этот раз с новым уважением. Тирг и Лофбайель вскоре должны были отправиться в резиденцию Клейпурра для участия в переговорах с лумианами, и Мораяку удалось уговорить отца взять и его с собой. Он, конечно, уже видел те странные растения, в которых живут лумиане на окраине города - отец сказал, что лумиане создали их, - и видел на расстоянии неуклюжие купологоловые фигуры, которые на самом деле совсем не лумиане, а их внешние оболочки. Лумиане надевают их на Робии, потому что должны быть все время погружены в горячий крайне разъедающий ядовитый газ; но ведь это совсем другое, таким не похвастаешь перед друзьями. - Каков же их мир? - задумчиво сказал он, глядя на карту.

- Его невозможно представить в самом удивительном сне, - ответил Тирг. - В небе его видны бесчисленные миры, они уходят в бесконечность, потому что Лумию не закрывают плотные тучи. Этот мир так горяч, что его поверхность покрыта океанами расплавленного льда. Метан там может существовать только как газ. Твое тело на нем было бы гораздо тяжелее, чем на Робии.

- А какая у него поверхность? - спросил Мораяк. - Есть ли там горы и леса? Есть ли у лумиан стада формовочных машин, охотятся ли они на плитосварщиков на своих равнинах? Есть ли у них дети, которые собирают втулки и сальники под сборочными линиями или устраивают ловушки, чтобы поймать проволокогибочные машины?

Тирг нахмурился, не зная, как объяснить разницу.

- Детей там собирают в миниатюрной форме, - сказал он. - Они постепенно растут, принимая внутрь вещества, растворенные в жидкостях.

Мораяк удивленно смотрел на него.

- Но как эти жидкости знают, куда им поместить вещество? - спросил он. - Ведь так утратится всякая форма.

- Этот процесс недоступен моему пониманию, - признал Тирг. - Может, именно поэтому лумиане существуют в виде желе и вынуждены надевать внешний корпус, чтобы сохранить свою форму. Но естественная сборка на Лумии невозможна, потому что там нет машин... кроме тех, которые не живые и созданы лумианами.

- Значит, это правда? Лумиане умеют создавать искусственные машины?

- О, да! Это единственные известные им машины. У них есть и животные, и леса, но это все не машины. Они сделаны из... ну,

лучше всего я могу это назвать "естественно возникшей органикой" - так же возникли и сами лумиане.

Мораяк выглядел ошеломленным.

- Но чтобы создать органику, нужны ремесленники. Как может существовать "естественная органика?"

- Я ведь тоже учусь, - напомнил ему Тирг. - У нас обоих много вопросов, которые испытывают наше терпение.

- Но органические леса и животные... целый мир, полный невероятным? Мораяк скорчил гримасу. - Звучит так уродливо, неестественно... Как там можно жить? Может, поэтому они явились на Робию? Сбежали? Но как...

Вошла жена Лофбайеля Керсения.

- А, я так и думала, что застану тут вас обоих, - сказала она. Лофбайель поймал повозку и ждет вас у выхода. - Мораяк встал и вслед за Тиргом и Керсенией пошел к выходу. - И помни, не мешай отцу, - сказала Керсения Мораяку, когда тот надевал пальто. - Тебе повезло, что тебя пригласили во дворец Клейпурра. Не компрометируй отца.

- Не буду, - пообещал Мораяк.

- Я уверен, тебе не о чем беспокоиться, - сказал Тирг.

Тирг и Мораяк вышли из дома и сели рядом с Лофбайелем, а Керсения стояла у выхода и смотрела вслед повозке, повернувшей к городу. Приятно видеть семью, живущую свободно и без страха, подумал Тирг. Лофбайель свободно занимается своими изысканиями и учит молодежь. Именно этого ему всегда хотелось. Тирг подумал: может, это предвестник того, что будет со всеми народами робосуществ? Ибо лумиане как будто уважают свободу и знания и разделяют понимание истинных ценностей, которые, по мнению Тирга, символизируют Клейпурр и его Картогия. Может, лумиане предоставляют всем робосуществам возможность нового будущего, как Картогия предоставила такую возможность Тиргу, Лофбайелю и его семье? Уйдут ли в прошлое и будут ли забыты обычаи Робии, точно так же как в его сознании уходит в прошлое и забывается Кроаксия?

И может, в конечном счете жрецы и Писание все же оказались правы, подумал Тирг. Если лумиане действительно и есть Жизнетворец, тогда именно Жизнетворец предлагает спасение от тяжестей и беспросветности земной жизни... но не в каком-то потустороннем мире, а здесь, сейчас, просто ликвидировав тяжелый труд и беспросветность. Это в высшей степени разумный и простой способ достижения такой цели. Зачем Жизнетворцу, особенно если он мудрый и всемогущий, как описывают его жрецы, действовать более сложными способами?

Но Тирг научился на своем долгом и горьком опыте не

поддаваться легко надежде. Слишком многое может пойти неладно, и обычно так и случается. И он подумал, знакомы ли такие проблемы творящим жизнь небесным существам.

- То, что он делает, несовместимо с политическими целями, утвержденными Землей, - сказал Дэниэль Лехерни Каспару Лангу на борту "Ориона". - К тому же ко мне поступают жалобы, что он мешает персоналу, которому поручено устанавливать контакт с туземцами, эффективно исполнять свои обязанности. Можно ли надеяться, что вы урегулируете ситуацию?

- Короче говоря, у Жиро вырабатывается комплекс неполноценности, потому что туземцы больше обращают внимания на Замбендорфа, чем на него, Зельцман считает, что не получает всей славы, которая ему положена, а кто-то из руководителей ученых, вероятно, Вейнербаум, ревнует и думает, что затронуто его достоинство, - сказал Ланг. Он уже устал оставаться все время на корабле, занимаясь чужими проблемами.

Лехерни выпустил воздух и выпалил:

- Слушайте, этот медиум уже у всех в печенках; он ведет себя так, словно вся экспедиция должна быть фоном его представления. Ваша корпорация прислала его, Каспар, и в вашей ответственности держать его под контролем. Как хотите, но я хочу, чтобы вы этим занялись.

Час спустя, еще более рассерженный несдержанностью Лехерни, Ланг мрачно смотрел на Осмонда Перейру.

- Где расписание экспериментов, которые вы должны были проводить с Замбендорфом? - спросил он.

Перейра выглядел смущенным.

- Что? Ну... Я думал, это часть марсианской легенды. Мне казалось...

- Корпорация платит вам не за то, чтобы вам казалось, - вскипел Ланг. - Вы себе представляете, сколько стоит перевезти человека на такое расстояние? Я полагал, что вы здесь для проведения серьезного научного эксперимента.

- Да, это несомненно, но...

- Сколько же еще ждать, пока вы начнете? - спросил Ланг. - Ведь вы отвечаете за организацию программы экспериментов? Пора вам начать организовывать что-то. Не мне ведь за вас это делать?

- Нет, конечно, нет, но я... Дело в том... Он внизу, на генуэзской Базе N 1.

- Тогда заберите его с генуэзской Базы N 1! - крикнул Ланг. - Я согласился, чтобы он посмотрел поверхность. Хорошо, он ее посмотрел. А теперь возвращайте его и принимайтесь за работу, для которой вас сюда привезли. И никто - повторяю: никто из его

команды не спустится вниз, пока мы не получим результатов. Понятно?

Перейра глотнул и быстро кивнул.

- Да, да, конечно.

- Хорошо. - Ланг вызвал по своему терминалу секретаршу. - Оформите это приказом по экспедиции, Кэти. Карл Замбендорф отзывается на корабль, ему и его команде отказано в полетах на поверхность без специального разрешения.

22

Эскендером, король Кроаксии и боговдохновенный защитник истинной веры Жизнетворца, опирался локтем на поручень трона и, слушая, смотрел сверху вниз. Скериллиан, королевский шпион, стоя на одном колене перед троном, театрально взмахнул рукой.

- В прирученных драконах длиной в весь дворец летают они - много дюжин зараз. В странных, размером с дом, животных на колесах ездят они по улицам Менассима. Они тайно совещаются с Клейпурром, а на окраинах города совершают среди машин леса свои ритуалы с прирученными животными и волшебными овощами. Они состоят из горючих жидкостей, заключенных в корпуса, и обмениваются мыслями на любом расстоянии, хотя при этом не испускают звуки.

Эскендером размышлял над услышанным, потом поднял голову и вопросительно посмотрел на Гораззоргио, который ждал у ступеней трона. Одна из образных матриц Гораззоргио была закрыта пластиковой повязкой, а дыру на месте левой руки прикрывала приваренная пластина.

- Самих существ и животных, которые им служат, я не видел, - сказал Гораззоргио. - Но такие же драконы были в Меракасинской пустыне, были и меньшие драконы-шпионы, один из них устремился на нас, плюясь огнем и молниями. И фиолетовое свечение тоже было.

- О чем могут сговариваться эти существа с Клейпурром? - спросил Френнелеч со своего сидения справа и чуть ниже королевского трона.

- Мои информаторы слышали среди советников и офицеров Клейпурра много разговоров о запретных искусствах и нечестивых силах, которые привлекают еретиков и проклятых, - ответил Скериллиан. - Картогия предоставила себя в распоряжение Хозяина Тьмы, она стала убежищем для его слуг, оттуда он надеется поработить весь мир. Многие поклонники зла служат теперь земному помощнику Хозяина Тьмы, среди них Лофбайель, Изготовитель-Карт, и Тирг, Задающий-Запретные-Вопросы. Они прибыли недавно. - Единственная матрица Гораззоргио при этих именах гневно сверкнула. - А теперь

Темный Хозяин как будто предоставил Клейпурру новую помощь, чтобы компенсировать малый размер и слабость Картогии, - заключил Скериллиан.

Король посмотрел на Френнелеча.

- Итак, Хозяин Тьмы посылает небесных драконов в помощь Клейпурру. Я вижу, как жрецы Кроаксии, Серетгина и других членов Священного Союза тратят много сил, проклиная еретиков; я слышу бесконечные молитвы, пение и упрашивания. А где же драконы Жизнетворца?

- Перед лицом Врага вера победит, - процитировал в ответ Френнелеч. Это посланное всем нам испытание. Мы не должны дрогнуть.

- А помогает ли вера васкорианам в их борьбе против ярма Клейпурра? Я щедро вооружил их и послал наших лучших офицеров в качестве инструкторов, но солдаты Клейпурра в последней схватке разгромили их. Новое оружие картогиан, которое посылает снаряд втрое дальше любого лука, кажется эффективнее горы скучных книг и вечных молитв.

- Оружие драконов, - проговорил Гораззоргио, бессознательно трогая плечо. - Я его хорошо запомнил.

Френнелеч выглядел неуверенно, но прежде чем он смог ответить, Морморель, старший советник короля, который, слушая, медленно прохаживался взад и вперед по залу, неожиданно повернулся, остановился прямо перед троном и поднял руки, чтобы привлечь к себе внимание. Скериллиан встал и почтительно отошел в сторону, все с любопытством повернули головы.

- Возможно, мы рано тревожимся, - сказал Морморель. - Что может подтвердить предположение - до сих пор его никто не оспоривал, - что эти драконы действительно посланы Темным Хозяином? Что они обладают силами, нам неизвестными, мы знаем; что они из областей, до которых не добирались наши самые отважные путешественники и исследователи, мы знаем. Но о том, откуда они действительно явились и зачем, мы строим предположения, но точно не знаем. Может, это не представители сверхъестественных сил, а тоже исследователи, явившиеся издалека; они вступили в переговоры с Клейпурром, потому что хотят узнать у него то, зачем прилетели.

Наступило молчание; все обдумывали слова Мормореля.

- Сообщение, что Клейпурр получает сильную иностранную помощь, может способствовать вдохновению и решительности наших солдат, - сказал Гораззоргио. - Их давно уже удивляет неспособность армий Союза покорить крошечную упрямую Картогию.

- Но что могут эти существа искать в наших землях? - с сомнением спросил Эскендером.

- Никакие догадки нам тут не помогут, - ответил Морморель. - Но каков бы ни был ответ, разве не может то, что дает Картогия, предложить и Кроаксия, с ее большей территорией и более многочисленными рабами и рабочими? И мы можем предложить владельцам драконов не только то, что дает Клейпурр, но и гораздо больше.

- Мммм... - Эскендером откинулся и задумчиво потер подбородок. Его образные контуры блеснули. - Если помощь драконьих существ так важна для маленькой Картогии, то Кроаксию она сделает...

- Непобедимой, - закончил Френнелеч.

Морморель увидел, что его поняли. Он медленно удовлетворенно кивнул и провел взглядом по лицам собравшихся.

- Непобедимой не только по отношению к Картогии... но, если возникнет необходимость, и относительно Серетгина, Корбеллио, Мунаксиоса - всех!

Снова наступило молчание. Затем Френнелеч голосом, неожиданно обретшим уверенность, провозгласил:

- Очевидно, это предначертано божеством! Сам Жизнетворец посылает своих драконьих существ из-за Барьера, чтобы нести Истинную Веру во все углы мира роботов. Мы избраны пользоваться этим инструментом Истинной Веры, а Клейпурр, вдохновляемый своим Темным Хозяином, пытается перехватить его у нас. Мы должны вступить в контакт с драконьими существами и узнать от них, что Жизнетворец приказал им искать. Так Он решил открыть нам Свою волю.

Эскендером посмотрел на Скериллиана.

- Ты увидел или услышал что-нибудь о том, что нужно этим драконьим существам от Клейпурра?

- Нет. Но это не было моей целью.

- Тогда пусть отныне это станет твоей целью, - объявил Эскендером. Ты должен немедленно вернуться в Картогию и выяснить, что требуют драконьи существа в обмен на свою помощь. Ты наделяешься полномочиями говорить от имени кроаксийской короны и должен выразить наше желание к прямому диалогу. Ты имеешь право делать любые предложения, чтобы обеспечить такой диалог.

- Я немедленно начну подготовку, - сказал Скериллиан.

- Один из твоих офицеров тоже должен отправиться, - сказал Эскендером Гораззоргио. - Скериллиану может понадобиться помощь опытного военного. К тому же я хотел бы услышать

мнение профессионала-солдата, который смог бы лично увидеть этих драконьих существ.

- Прошу королевского разрешения самому сопровождать Скериллиана, сразу ответил Гораззоргио. Эскендером нахмурился, взглянул на недостающие глаз и руку. Гораззоргио заметил это. - Я смог вернуться из Меракасинской пустыни, один и раненый; конечно же, я выдержу, когда буду не один, верхом и после выздоровления. И Скериллиан не будет подвергаться опасности: мой личный интерес в этом деле придаст мне духовных сил, чтобы возместить потерю физических.

Эскендером некоторое время смотрел на него, потом сказал Скериллиану:

- Решай сам, потому что рисковать придется тебе, а не мне. Внушает тебе Гораззоргио уверенность в качестве спутника? Говори свободно, шпион. Сейчас не время, чтобы личный страх мешал принятию разумных решений.

- Шпиона не должны видеть и слышать, - ответил Скериллиан. - В этом деле склонность к безрассудной смелости не помощь, а помеха. Но у Гораззоргио есть все основания быть осторожным. Я вполне верю в успех нашего сотрудничества.

Король еще недолго смотрел на него, потом кивнул.

- Да будет так. - Он встал, спустился по ступенькам с трона, потом остановился и взглянул на верховного жреца. - Тебе следует молиться об их успехе, - сказал он, повернулся и вышел.

23

Все равно что оказаться в могиле, подумал Каспар Ланг, или в ледяной пещере в глубине ледника, куда не проникает свет.

С отлетом Замбендорфа и его команды на корабль стало просторнее, дипломатическая деятельность Жиро в Генуе упорядочилась, и Ланг получил возможность побывать на поверхности и лично ознакомиться с происходящим. Он видел невероятную путаницу машин и заброшенных сооружений, окружающих базу и уходящих за пределы освещенного пространства; видел призрачные очертания странных выращенных городских домов и больших зданий из льда вдоль дороги к резиденции Артура - кстати, она была названа, конечно, Камелот; видел закутанных в проволочную одежду двуногих роботов и другие машины, которые собирались на краях освещенного пространства и смотрели на базу. Теперь он неудобно сидел в просторной ледяной комнате в Камелоте, в которой даже находился большой стол, правда, не круглый. Похожие на гигантских вставших вертикально насекомых в слабом свете двух ламп, установленных инженерами САКО, Артур и несколько других талоидов сидели напротив, а Жиро, Зельцман

и остальные земляне выглядели так же сверхъестественно и гротескно в своих гладких машиноподобных скафандрах. Мебель странной формы, это все псевдоовощи талоидов, а стены, далекие и еле видные, увешаны плетенными из проволоки занавесями и причудливыми рисунками из металла и пластика. Переговоры продолжаются уже несколько часов.

- Скажите им, что они неправильно поняли, Конрад, - услышал Ланг в своем шлеме голос Жиро, доходивший на местной радиоволне. - Мы не собираемся их эксплуатировать или платить слишком дешево за их работу. Всякий, кто стремится к экономическому процветанию, должен работать для этого, как мы на земле. Ничего бесплатного не бывает.

Зельцман щелкнул переключателем, переводя его слова в другой аудиоканал, который был соединен с забитым электроникой ящиком на столе перед ним.

- Простите, - сказал он, - вы не поняли. Земляне не хотят эксплуатировать труд талоидов. Титан должен трудиться для своего процветания, как трудится для этого Земля.

В течение нескольких секунд микропроцессор в ящике совещался с большим компьютером в коммуникационном центре генуэзской Базы N 1. Затем на дисплее перед Зельцманом появилась надпись:

НЕТ СООТВЕТСТВИЯ ДЛЯ ВЫРАЖЕНИЯ "ЭКСПЛУАТИРОВАТЬ ТРУД ТАЛОИДОВ". ПОЖАЛУЙСТА, РАВНОЦЕННОЕ ВЫРАЖЕНИЕ.

Зельцман несколько секунд подумал.

- Выгода от работы талоидов, за которую не платят, - сказал он.

ПРОЦВЕТАНИЕ = БОГАТСТВУ В ЭТОМ КОНТЕКСТЕ? - спросила машина.

- Богатству для всех талоидов, - ответил Зельцман.

На дисплее появилось:

ПРОСТИТЕ. ВЫ ПО-ПРЕЖНЕМУ НЕ ПОНИМАЕТЕ. ЗЕМЛЯНЕ НЕ ХОТЯТ ПОЛУЧАТЬ ВЫГОДУ ОТ НЕОПЛАЧЕННОЙ РАБОТЫ ТАЛОИДОВ. ТИТАН ДОЛЖЕН РАБОТАТЬ РАДИ БОГАТСТВА ДЛЯ ВСЕХ ТАЛОИДОВ, КАК РАБОТАЕТ ЗЕМЛЯ ДЛЯ ТАЛОИДОВ.

Зельцман вздохнул.

- Убрать последнее слово. Вставить "землян". - Машина исполнила. Хорошо, - одобрил Зельцман.

"Переводчик", который соорудили и продолжали совершенствовать Дэйв Крукс, Леон Кихо и еще несколько инженеров, на самом деле не переводил, он только помогал двум группам, чьи родные языки были не только непонятны, но взаимно совершенно не слышны; "переводчик" приказывал компьютеру записать сказанное и понять его смысл. Машина

сравнивала узнаваемые ею последовательности звуковых сигналов человеческого голоса с записанными в компьютерной памяти последовательностями ультразвуковых сигналов талоидов. Эта библиотека непрерывно пополнялась. Найдя нужный талоидный эквивалент, машина синтезировала соответствующий ультразвуковой ответ, изменяя и частоту, и время сигнала, необходимые, чтобы перейти от одного языка к другому. Машина совершала и противоположный процесс. И управлялась не сложным набором правил грамматики, а просто взаимным согласием, достигнутым методом проб и ошибок. Система эволюционировала, и начало у нее было очень примитивным.

- Плохо сказать, - произнес говорящий овощ. - Лумиане не хотят добра от базз-базз клаг-зззипп робосуществ даром. Бакка-бакка Робиа трудно работать и получить много хороших вещей для робосуществ виии чирррр как лумиа много работать для хорошевещных чикка-валла-чаг-чаг-чог лумиан.

Тирг сосредоточенно размышлял.

- Мне кажется, они нас не поняли, - сказал он. - Они считают, что мы боимся порабощения.

- Их овощ, кажется, преувеличивает нашу озабоченность, - согласился Клейпурр. - Я возражаю не против того, что они сделают наших роботов рабами: они явно могут это сделать, если захотят. Они считают, что робосущества - моя собственность, и я могу их продавать или обменивать. А они должны сами свободно решать свою судьбу.

- А что это за "хорошие вещи", ради которых мы должны работать, как работают они? - спросил Лофбайель.

- Вероятно, оружие и другие приспособления для уничтожения, которые они хвалят с такими затратами времени и усилий, - сказал Дорнвальд.

Клейпурр покачал головой.

- Защита Картогии для меня важна, это верно, но эти торговцы уничтожением, по-видимому, считают, что мне недоступны более высокие стремления - только страсть к завоеванием и желание завладеть всей Робией. Да, эти лумиане очень не похожи на Носящего и его товарищей. - Он взглянул на Тирга. - Скажи лумианам, что нам гораздо полезней было бы их жизнетворное искусство; с этими знаниями мы могли бы и защищать своих граждан, и обучать их. Если лумиане хотят только нашей помощи в приручении лесов, чтобы еще больше развить свои способности к сотворению жизни, с нашей стороны справедливо просить понимания того, что они делают.

Тирг протянул руку и нажал кнопку, раскрывающую уши

говорящего овоща. Загорелся слабый огонек: значит овощ слушает.

- Знание жизнетворного искусства лумиан для нас ценнее, чем количество оружия, большее, чем необходимо для защиты Картогии, - сказал он. - Если лумиане хотят, чтобы робосущества помогли им приручить леса, робосущества хотят, чтобы лумиане помогли им понять леса.

Переводчик превратил поток импульсов в цифры, передал их компьютеру, который разбил цифры на группы и сравнил с имеющимися образцами со скоростью миллион сравнений в секунду. Когда были отобраны подходящие образцы, начало разворачиваться дерево решений. Чуть позже компьютер сообщил через "переводчика":

- Неясно базз-базз габба-габба, что значит "жизнетворное искусство", - сообщил говорящий овощ. - Хочу виии-фуу альтернативу.

Тирг задумался, но ничего не мог придумать.

- Дай новое слово, - сказал он. Овощ уже знал, что это команда попросить у лумиан замены одного слова другим. Внутри машины началась обычная процедура сравнения импульсов и выработки дерева решений.

ТРЕБУЕТСЯ ЗАМЕНА АНГЛИЙСКОГО СЛОВА, появилось на экране перед Зельцманом.

- Пусть опишет, - сказал Зельцман.

- Просим описать, - сказал овощ Тиргу.

- Знание, искусство, мастерство, сила, - ответил Тирг. - Создание, изобретение - изготовление машин. Понимание того, как действуют машины. Происхождение первой машины. Как стало возможным существование первой машины?

На экране появилось:

ФУНКЦИИ СУБЪЕКТ ДОБАВОЧНЫЕ ДАННЫЕ

Знание Машины Первая машина

Изобретательность Операции/ее источник?

операционные принципы?

Понимание Конструирование Происхождение машины?

(Господство?) Сооружение Невозможно?

Зельцман несколько секунд изучал дисплей и ответил:

- Наука и технология. - Он решил, что в метафизические дебри добавочных данных углубляться не будет.

- Базз-виии лумианское слово вовумпоккапокка добро, хорошо, - сказал овощ Тиргу. - Нужно упростить лучше вуш вов.

Тирг вспомнил свои слова и ответил:

- Знание жизнетворного искусства для Картогии важнее оружия.

- Теперь попробую говорить-читать базз-базз бакка-бакка, - ответил овощ.

Зельцман прочел на экране:

НАУКА И ТЕХНОЛОГИЯ НОУ-ХАУ ВАЖНЕЕ ГЕНУЭЗЦАМ, ЧЕМ БОЛЬШОЕ КОЛИЧЕСТВО ОРУЖИЯ. ЕСЛИ ЗЕМЛЯНЕ ХОТЯТ ПОМОЩИ ТАЛОИДОВ В УПРАВЛЕНИИ МАШИННЫМ КОМПЛЕКСОМ, ТАЛОИДЫ ХОТЯТ ПОМОЩИ ЗЕМЛЯН В ПОНИМАНИИ МАШИННОГО КОМПЛЕКСА.

- Мы все в том же тупике, - сказал Ланг. - Не думаю, чтобы сейчас нам удалось пройти дальше. По крайней перевод приобретает смысл, так что мы не совсем зря трудимся. Я за перерыв на сегодня.

- Я тоже, - послышался другой голос по радио. - Возвращайтесь на базу. Пора обедать.

Жиро пожал плечами.

- Хорошо. На сегодня все, - согласился он. - Передайте им, что мы поняли их позицию, но у нас есть некоторые сложности, и мы должны подумать. И им стоит подумать: без соответствующей защиты никакой Генуи вообще не будет. Они должны понять, что им нужно в первую очередь. Заканчивайте обычными благодарностями и любезностями.

Когда трудный обмен завершился выражением уважения со стороны талоидов, все встали и обменялись прикосновением к рукам - этот обычай обе стороны приняли как выражение приветствия и доброй воли. Техники выключили электронное оборудование и освещение до следующего раза, французские парашютисты, размещенные снаружи зала совещаний, вместе со стражей Артура окружили земную делегацию и хозяев-талоидов, чтобы проводить их к экипажам. После заключительного обмена формальностями земляне уехали на свою базу.

- Единственная возможность оказать давление на все население - через лидеров, - сказал Жиро, с благодарностью снимая шлем в герметически изолированной кабине. Машины проходили по окраинам Генуи. - Но как это сделать, если лидер считает, что за одну ночь может шагнуть в двадцать первый век и сразу стать цивилизованным? Я хочу сказать, что их культура все еще варварская, она на столетия отстает от нашей и не способна понять технологию. Но как дать им понять это, убедить их быть терпеливыми, не поставив при этом под угрозу все, чего мы уже добились? Проблема, Каспар.

- Это результат мании величия, которую они приобрели, общаясь с Замбендорфом и его командой, - мрачно ответил Каспар Ланг. - Его нельзя было подпускать к ним.

- Я согласен, но этого уже не исправишь, - сказал Жиро. - Ну,

сейчас он по крайней мере нам не мешает. Надеюсь, вы загрузили его, и он нам больше не сможет повредить.

- Я об этом позаботился, - сказал Ланг. - Осмонд Перейра и этот свихнувшийся канадский психолог держат его связанным все время. Сомневаюсь, чтобы у него были перерывы на еду и сон.

- Значит, он не может вмешаться в наши переговоры с Артуром? - для уверенности переспросил Жиро.

- Никакой. Если бы даже у него было время, как он может что-то сделать? Даже если сумеет уйти с корабля, с базы ему не выбраться.

- Рад это слышать, Каспар, - сказал Ланг. - Ситуация и так достаточно трудная.

- Об этом не беспокойтесь, - уверенно сказал Ланг.

В резиденции Клейпурра сам Клейпурр и все остальные вернулись в зал совещаний и достали из укромного места в шкафу видящий овощ, который Носящий оставил им в качестве прощального дара, возвращаясь на большой небесный дракон за небом. Дорнвальд зажег фиолетовый лумианский фонарь, который позволяет овощу видеть, а Тирг нажал кнопку, которая открывает глаз в драконе. Все в комнате ждали, с надеждой глядя на волшебное окно.

В каюте на борту "Ориона" Осмонд Перейра и Малькольм Уэйд сидели в окружении блокнотов и листков, напряженно смотрели на экран компьютера перед собой и изредка давали команды при помощи клавиатуры. Экран показывал попытки Замбендорфа, который находился в запечатанной комнате и не имел никаких связей с окружающим миром, кроме односторонней компьютерной связи, определить содержимое запечатанных конвертов, наугад отобранных Перейрой, угадать последовательности цифр и рисунки на специальных картах, а также рисунки обоих испытателей. Такая односторонняя связь, по мнению Перейры и Уэйда, эффективно предотвращала даже малейшие возможности их невольной подсказки Замбендорфу.

На самом деле это не имело значения, потому что Джо Феллбург снабдил их каюту подслушивающими устройствами, а они не догадались проверить и слишком много разговаривали. Они не проверили также, не была ли запечатанная каюта распечатана и занята кем-то другим, делающим вид, что он Замбендорф... например, Тельмой и Клариссой: одна обычно отвечала через терминал, а вторая была тут, чтобы первой не стало скучно. Экспериментаторам даже мысль о подделке не приходила в голову: зачем это, если Замбендорф действительно обладает такими способностями?

И хоть процесс шел медленно, результаты Перейра и Осмонд

получали поразительные - во всяком случае этого хватило, чтобы они в течение нескольких дней были предельно заняты. В этом собственно и заключалась главная идея.

В своей каюте Замбендорф беспокойно расхаживал от стены к стене, а Отто Абакян и Джо Феллбург расшифровывали запись переговоров, которую сделал второй "переводчик", спрятанный в зале совета Артура. Прибор, который на прощание подарил Замбендорф талоидам, был результатом совместных усилий: сооружен Джо Феллбургом с помощью сборочных чертежей и программ, подаренных Леоном Кихо, плюс запасные части, данные Дэйвом Круксом, а также украденные Абакяном на складе "Ориона". Он давал не только запись всего, что появлялось на экране, но также всех переговоров земных политиков по радио.

- Главная проблема современного высокотехнологического общества в том, что мы позволяем править им политикам, а не людям, способным его понять, - раздраженно говорил Замбендорф. - У политиков по-прежнему менталитет девятнадцатого века. Как они могут справиться со сложной экономикой, если недостаточно компетентны, чтобы управлять одним магазином? Что они могут сделать там, где нужны гораздо большие знания и интеллект?

Дрю Вест в углу пожал плечами.

- Население позволяет им это, - сказал он. - Если люди избирают тупиц и недоучек, у них, конечно, будут проблемы. Но сами тупицы в этом не виноваты. Конституция никогда не гарантировала умное правительство: она гарантировала репрезентативное правительство. И так оно и получается: правительство таково, каково население.

- Беда системы в том, что она отбирает те навыки, которые необходимы, чтобы тебя выбрали... и больше ничего. Достаточно суметь одурачить людей, чтобы они отдали за тебя голоса, - ворчал Замбендорф. - К несчастью, качества, необходимые, чтобы получить должность, обычно прямо противоположны тем, которые нужны, чтобы занимать эту должность. Если на выборах нужно лгать, вряд ли в их результате будут выбраны честные люди. Это совершенно очевидно, Дрю, и...

- Вызов из Камелота, - бросил через плечо Абакян, а Джо Феллбург коснулся клавиши терминала компьютера.

- Это Галилей, с ним Артур и еще несколько, - сказал Феллбург. Замбендорф замолчал и подошел к экрану, Вест тоже пошел через каюту.

Тирг уже привык к виду лумиан без оболочки. Как они держатся вместе и не расползаются, не говоря уже о ходьбе, оставалось для него загадкой. Очевидно, у них есть какая-то

"внутренняя оболочка", но как корпус может находиться внутри, Тирг не мог себе представить. Может, что-то похожее на укрепляющие балки, которые строители и другие ремесленники помещают в свои органические создания. Темноволосый смотрел в волшебный глаз, а Носящий и Гладколицый стояли немного сзади. После краткого обмена приветствиями Тирг начал сложный и утомительный процесс передачи вопросов и забот, которые вызвала последняя встреча с торговцами-лумианами.

Замбендорф серьезно выслушивал замечания Абакяна.

- Они поступили, как мы им советовали, но ничего не добились, объявил Абакян. - Похоже, мы догадались верно: Жиро и его люди стараются организовать массовое производство для поставки на Землю. Они хотят получить колонию, Карл. ГКК и правительство тоже участвуют в этом. Галилей передает, что Артур просит подтвердить: он поступает правильно, и все закончится хорошо.

- Они говорят, что по-прежнему нам верят, но мне кажется, нужно как-то их приободрить, - сказал Феллбург.

Замбендорф смотрел на металлические лица в ледяной комнате в тысячах миль от него. Воображение ли это или он действительно видит на них выражение доверия и мольбу не оставлять их? Почему-то такое сильное желание помочь люди никогда у него не вызывали. Замбендорф чувствовал, что остальные в команде настроены так же. И хоть никто из них прямо об этом не говорил: не было необходимости, все чувствовали одно и то же. То, что собрало вместе таких не похожих друг на друга людей, снова объединило их. - Сейчас я могу только попросить их верить нам, - сказал Замбендорф. Пока мы ничего не можем сделать. - Он понятия не имел, что вообще сможет сделать: впервые в жизни в голову ему не приходила никакая конструктивная мысль.

Феллбург повозился с экраном и клавиатурой.

- Галилею кажется, что сейчас ты говоришь, как жрец, - сказал Абакян Замбендорфу.

Замбендорф слегка улыбнулся. Если талоиды понимают шутки, все будет в порядке.

- Скажи им, что они не второсортные граждане, Джо, - сказал он. - Они должны гордиться своими достижениями, верить в себя и в переговорах с землянами участвовать только как равные партнеры.

- Галилей спрашивает, кто кого обманывает. - сказал Феллбург, глядя на экран. - Как можно быть равными с тем, кто творит чудеса?

- Мы не боги. Они должны быть уверены, что тоже научатся, -

ответил Замбендорф.

- Мы можем научить их делать чудеса? - перевел Феллбург, глядя на экран.

- Чудес не бывает, - сказал Замбендорф. - Когда знаешь, как сотворить чудо, оно перестает быть чудом. Чудеса существуют только в сознании тех, кто в них верит.

- Галилей хочет знать, откуда тебе это известно.

- О, - ответил Замбендорф, - можешь заверить его, что я специалист по чудесам.

24

В указаниях с Земли говорилось, что просьба генуэзцев о программе обучения и развития, которой нужно руководить с расстояния в миллиард миль, невыполнима; выполнение ее привело бы к банкротству западный мир, даже если бы ее приняли в принципе. Это предложение совершенно невыполнимо и неприемлемо также по идеологическим соображениям. Жиро и Ланг вернулись к переговорам и провели еще несколько длинных утомительных встреч, объясняя Артуру и его окружению, что талоидам придется оплатить все то, что они надеются получить.

Клейпурр заключил, что если робосущества согласятся сотрудничать, будут выполнять приказы лумиан и напряженно работать, чтобы приручить леса и производить вещи, которые, очевидно, высоко ценятся на Лумии, постепенно они обретут взаимопонимание. Но, очевидно, выгоду робосущества получат не сразу: лумианам потребовалось много времени, чтобы достичь такого уровня знаний. Для Клейпурра обещание спасения потом в обмен на терпение, послушание, усердие и жертвы сейчас звучало подозрительно знакомо. Продвижения не было, и Клейпурр чувствовал, что лумиане теряют терпение.

Лиоканор, глава картогианской разведки, доложил, что в Картогию вернулся Скериллиан, кроаксийский шпион, в сопровождении однорукого робосущества, предположительно Гораззоргио, который считался погибшим в Меракасинской пустыне. Клейпурр, которого интересовали намерения Кроаксии, приказал внимательно наблюдать за шпионами, но не трогать их. К несчастью, небольшой отряд, следивший за ними от самой границы, потерял их, вынужденный защищаться от нападения васкориан. Позже Скериллиана заметили на окраинах Менассима вблизи драконьего лагеря лумиан, а еще позже - с группой лумиан в лесу. И прежде чем картогиане смогли помешать этому, обоих кроаксийцев на лумианских экипажах привезли к их лагерю и ввели туда. Клейпурр, надеясь как можно больше узнать о происходящем, сообщил обо всем этом Носящему, одновременно он объяснил разницу между Кроаксией и

Картогией и всю предшествующую историю этих государств.

Замбендорф удивился, почему официально ничего не сообщалось о контакте с этими двумя талоидами - земляне назвали их Джеймс Бонд и лорд Нельсон, как узнала команда, - прибывшими из враждебного Генуе государства Падуи. Потом Джо Феллбург узнал от Дэйва Крукса, что их группа получила задание подготовить "переводчик" к восприятию падуанского варианта речи талоидов. Чиновник из штата Жиро подтвердил Абакяну, что планируется прекратить переговоры в Генуе и перевести политическую делегацию в другую часть планеты. Чиновник не знал, что это за часть, но Тельма от одного из офицеров узнала, что Бонда и Нельсона в тайне перевезли к другому городу талоидов за триста миль от Генуи, чтобы они сообщили своим правителям о присутствии землян. Артур и Леонардо, картограф и географ талоидов, подтвердили по тайному каналу связи Замбендорфа с Камелотом, что этот город - Падуя. Очевидно, переговоры Жиро с двумя падуанцами оказались для него настолько интересными и многообещающими, что он решил прервать связь с Артуром и начать где-то в другом месте.

Жиро и его дипломаты нанесли три визита в Падую, каждый раз высаживаясь в отдаленном месте, куда руководители Падуи прибывали по поверхности, очевидно, чтобы о встречах не узнало население Падуи. Об этих переговорах ничего не сообщалось на борту "Ориона"; в бюллетенях говорилось о достижениях ученых на генуэзской базе; они продолжали там трудиться, и ничего не было сказано о переносе политических усилий в другое место.

Замбендорф считал необходимым выполнять свои обещания и полностью обо всем информировал генуэзцев, хотя понимал, какие чувства это может у них вызвать. Может, это подсознательное стремление компенсировать невозможность как-то по-другому помочь им, думал он. Замбендорф обнаружил, что для него очень важно показать талоидам, что они верили ему и надеялись на него не напрасно. Впервые в жизни пожалел он о то, что способности, которыми другие его наделяли, на самом деле не существуют; иронично, но впервые эти способности не должны были бы быть ни сверхъестественными, ни сверхчеловеческими. Он продолжал изображать уверенность и непоколебимый оптимизм в присутствии команды, но внутренне никогда не чувствовал такой беспомощности и раздражения.

Потом он получил приглашение на встречу с Лехерни, Жиро и Каспаром Лангом в сфере 1. В сообщении говорилось, что приглашающие высоко оценят его готовность сохранить это приглашение в тайне. Очевидно, Лехерни наконец понял, что

приказывать Замбендорфу не лучший способ добиться его сотрудничества. Замбендорф ответил взаимностью и никому не рассказал о приглашении.

- Мы решили сообщить вам о некоторых недавно происшедших переменах, сказал Дэниэль Лехерни. помешивая кофе. Они находились в личном кабинете Лехерни. - Генуэзцы оказались упрямыми и несговорчивыми, и мы некоторое время назад прекратили переговоры с ними. Сейчас мы ведем переговоры с падуанцами, и они оказались гораздо более многообещающими...

- Гмм... Понятно, - уклончиво хмыкнул Замбендорф по другую сторону стола, на самом деле ничего не понимая. Он отхлебнул кофе и взглянул на полное, с мощным подбородком лицо Лехерни, с седыми коротко подстриженными волосами вверху. С самого ухода с земной орбиты Лехерни избегал Замбендорфа, предоставляя встречи с ним подчиненным, чаще всего Каспару Лангу; неожиданное приглашение для личной встречи, тем более по вопросу, о котором публично ничего не сообщалось, означало, что ему что-то от Замбендорфа нужно. Ни одно предположение о причинах этого вызова не казалось Замбендорфу убедительным, поэтому он отвечал осторожно, но с любопытством.

- Падуанцы оказались более практичны, они больше считаются с реальностью, - ответил Лехерни на невысказанный вопрос Замбендорфа. Генуэзцы держатся за свою абсолютно нереалистическую идеологию, которая не только мешает им в конечном счете добиться успеха, но и не соответствует нашей политике и нашим интересам.

Иными словами, падуанцы согласны на условия, которые он посоветовал Артуру отвергнуть, подумал Замбендорф. Он уже знал из разговоров с Артуром и Галилеем, что цель землян заключалась в том, чтобы получить помощь талоидов в освоении необыкновенно могучего промышленного потенциала Титана под непосредственным руководством и контролем Земли. Они собираются превратить Титан в хорошо организованную промышленную систему, которая сможет удовлетворять потребности Земли в таких масштабах, что возможности всех вместе взятых государств самой Земли покажутся ничтожными. Нет необходимости уточнять, что тот, кто возглавит эту операцию, заработает миллиарды и приобретет такую политическую власть, какой никогда не существовало в истории Земли. Но Замбендорф не видел своего места во всей этой схеме. Он перенес взгляд на Жиро, который проводил переговоры с падуанцами, как раньше с Артуром в Генуе.

Жиро, светлокожий, с высоким выпуклым лбом, с большими

сине-серыми глазами и небольшой лысиной, посмотрел на Лехерни и сказал:

- Похоже, в падуанском обществе религиозные верования и догмы играют гораздо большую роль, чем в Генуе. Во всяком случае нам так показалось.

- Да, какая-то вера у них существует, - согласился Замбендорф. У него из разговоров с Галилеем сложилось такое же представление о падуанцах. Но любые интерпретации на этой стадии будут субъективными.

- Ну, как бы то ни было, - сказал Жиро, - но, используя аналогию, можно сказать, что власть там делят церковь и мирское дворянство. Мы установили контакты с лидером последнего сословия - королем, если хотите. Мы назвали его Генрихом. Он много бы дал, чтобы отделаться от жрецов и самому полностью управлять государством.

Замбендорф медленно кивнул, начиная понимать. Генрих, несомненно, распоряжается значительной рабочей силой талоидов, к которой земляне хотели бы получить доступ.

- Но жрецы не собираются так легко уступать, - предположил Замбендорф.

Жиро кивнул.

- У них традиционно сильное влияние на население, они могут получить поддержку благодаря широко распространенным страхам и суевериям. С ними нужно считаться.

- Каков же план? Помочь Генриху избавиться от жрецов в обмен на рабочую силу талоидов на плантациях? - спросил Замбендорф, едва удержавшись от насмешливого тона. Жиро колебался. Замбендорф снова посмотрел на Лехерни.

Тот провел кончиком языка по верхней губе и нахмурился.

- Допустим, мы заменим существующую религиозную систему другой, над которой у Генриха будет больший контроль, - ответил он. - Неправильно было бы совсем устранять церковь. В конце концов она вносит свою долю, и значительную, в контроль над обществом.

- Ну, я полагаю, Дэн имеет в виду временные меры на переходный период, пока не установится современная форма государственности, торопливо вмешался Жиро.

- Конечно, - сказал Лехерни.

Теперь Замбендорф начинал видеть, где в этом плане место для такого, как он.

- Генрих уже наметил кого-то конкретно, кто возглавил бы это новое покорное жречество? - спросил он.

Жиро кивнул.

- Да, но мы с ним еще не встречались. Мы вообще со жрецами

не разговаривали - только с Генрихом и его парнями.

- Гмм... Это не должен быть нынешний верховный жрец, епископ или колдун - как они его здесь называют, - сказал Замбендорф. - Если Генрих хочет его устранить, то самое глупое было бы оставлять ему хоть часть власти, чтобы он смог выразить свое недовольство. Генриху лучше всего избавиться от него совершенно и заменить кем-нибудь менее значительным. Таким, кто после возвышения не чувствовал бы себя в безопасности и потому сохранял бы верность Генриху. Но, похоже, Генрих достаточно Макиавелли, чтобы самому знать все это.

- Это проблемы Генриха, - сказал Жиро. - Мы знаем только, что он кого-то уже вызвал. Мы назвали его Распутиным.

Замбендорф откинулся, сцепил пальцы под подбородком и посмотрел на своих собеседников.

- Конечно, Распутину понадобится несколько эффектных трюков, чтобы дискредитировать нынешних чудотворцев и самому занять их место, - сказал он небрежно. - Он должен действовать убедительно. Ему нужно привлечь на свою сторону не только простых горожан, но и хотя бы часть жрецов. Интересно, к кому вы обратились, если вам нужна помощь в создании нескольких хороших чудес?

Каспар Ланг, все время молча слушавший, заерзал в своем кресле: терпение его кончалось. Он устал от осторожных ответов и рассуждений Замбендорфа - тот всегда прибегал к такому способу, когда нужно было выиграть время для размышлений. Теперь Замбендорф начнет спрашивать, при чем тут он и какая ему от этого выгода. А Жиро поддастся на эту уловку и начнет перечислять выгоды и возможности. Ланг видел, как все это будет происходить. Но не желал слушать.

- Послушайте, - сказал он, поворачиваясь к Замбендорфу. - Вы прекрасный иллюзионист и фокусник, возможно, лучший в своем деле... - Он поднял руку, предупреждая возражения Замбендорфа. - Не будем вдаваться в вопрос, подлинные ли у вас способности или нет. У нас серьезный разговор. - Ланг подождал несколько секунд и продолжал: - С самого первого своего появления в Европе вы двигались в одном направлении - вверх, к тому, чтобы стать величайшим в своем роде. Все крупнее сенсации, все больше толпы, больше славы, больше денег. Это всегда было вашим стремлением. Вы достаточно умны, чтобы понять, что означает все это дело с Титаном - если мы с ним справимся: конец Советской империи, возвращение индустрии и торговли Запада ведущего места в мире, и при этом многие станут очень-очень богатыми людьми. Так вот, Замбендорф, вы можете попасть в этот клуб - очень закрытый клуб. То, чего вы добились раньше,

не идет ни в какое сравнение. Здесь настоящая сокровищница, здесь подлинное богатство.

- А как же талоиды? - спросил Замбендорф. - Что с ними будет?

Жиро нахмурился и удивился.

- Их положение не изменится...

- Их по-прежнему будут эксплуатировать их предводители, - подсказал Замбендорф. - Крепостные в феодальном обществе, которое не даст им возможностей для развития. Их будут сознательно держать в невежестве и кормить суевериями, потому что образование несовместимо с покорностью и страхом, на котором основана эта система. Этого вы хотите добиться?

- Что это за разговоры? - неожиданно раздраженно спросил Лехерни. Черт возьми, да ведь они только машины! А вы говорите так, словно это люди.

Замбендорф долго смотрел на свою чашку. В том-то все и дело - талоиды для него подобны людям. Он не знал как, но все время чувствовал это в разговорах с ними. Фразы, появлявшиеся на экране, могли быть неуклюжими и не совсем понятными, но это результат ограниченных возможностей коммуникационных промежуточных систем, а не свойство существ, которые осуществляют коммуникацию. Неуклюжие цепочки слов совсем не соответствуют богатству чувств, мыслей, представлений, которые - Замбендорф был в этом уверен - составляют мир талоидов, видный их глазами, как богат мир человека, если смотреть на него глазами человека. Оба мира суть иллюзии, созданные из фотонов, волн тяготения и давления и других разновидностей первичных воздействий на органы чувств, которые обрабатываются двумя видами нервной системы: у людей - биохимической, и талоидов голоптронической - и превращаются в абстрактные символы, которые сознание интерпретирует как места, их обитателей, наполняющие их предметы. Так внешняя реальность, люди, животные, места, предметы представляют собой только основания, контуры, а сознание заполняет их покровами, формой, теплом, цветом и другими свойствами, которые создает само; в каждом мозгу создается собственный иллюзорный мир, он упорядочивается какими-то определенными культурой правилами и кажется его создателю совершенно реальным. Замбендорф, опытный иллюзионист, прекрасно это понимал. Но он точно так же понимал, что никогда не сумеет передать свое понимание трем людям, сидящим в одном с ним помещении на борту "Ориона".

- Предположим, я не захочу в этом участвовать, - сказал он наконец, глядя на них. - Что тогда?

- Это ваше решение? - спросил Лехерни.

- Нет. Я только спрашиваю.

Ответил Ланг.

- Мы как-нибудь справимся - с вашей помощью или без нее. Но с вашей точки зрения, это будет не очень хорошо. Люди, пославшие вас сюда и затратившие на это большие деньги, будут очень расстроены. А у них огромное влияние в прессе... - Ланг медленно покачал головой и прищелкнул языком. - Вы окажетесь в конце своего пути, старина. А ведь жаль будет, а?

25

Гойдеруч, староста деревни Ксерксеон, Гаскведин, деревенский проситель и чтец молитв, и группа старейших робосуществ с опаской смотрели, как колонна королевской кавалерии медленно въезжает на площадь. Солдаты и их верховые животные покрыты грязью и пылью; похоже, они ехали из Пергассоса без остановок, а это значит, что дело у них срочное. Знамя капитана Гораззоргио, того самого, что пять яркостей назад проезжал через

Ксерксеон, преследуя Дорнвальда, разбойника, Привлекающего-Небесных-Драконов. Когда предводитель подъехал к ним и остановился, Гойдеруч увидел, что у Гораззоргио не хватает одного глаза и руки. Его синхронизирующий осциллятор пропустил удар пульса. Наверно, небольшой отряд Дорнвальда послужил приманкой и завлек королевских солдат в засаду в Меракасинской пустыне. Наверно, готовность, с какой Гойдеруч тогда указал направление, Гораззоргио принял за его участие в заговоре и теперь вернулся, чтобы отомстить. Гойдеруч чувствовал страх стоявших за собой и понял, что не он один так подумал.

- Да хранит Жизнетворец короля! - провозгласил Гораззоргио.

- Да будет так, - послушно отозвались жители деревни.

- Нам оказана великая честь приветствовать солдат короля в нашей скромной деревне, - сказал Гойдеруч, протягивая руки ладонями вверх. Любая помощь, какую мы можем оказать, к твоим услугам. Только скажи, что вам нужно.

Гораззоргио презрительно взглянул на жителей деревни.

- Да, - угрожающе сказал он, - вам следует вспоминать меня с почтением, крестьяне. С большим удовольствием заплачу я свой долг деревне Ксерксеон.

- Двенадцатикратное проклятие Дорнвальду, предателю! - воскликнул с дрожью Гойдеруч. - Истинно обмануло нас его коварство. О, если бы мы только знали, какая судьба ждет тебя! Поверь, мы от всей души предупредили бы тебя!

- Фа! Довольно хныканья! - фыркнул Гораззоргио. - Неужели

вы хоть на мгновение могли подумать, что сброд Дорнвальда в состоянии справиться с королевским отрядом? Раны, которые ты видишь, дело не робосуществ.

- Тогда как же?...

- Небесные драконы, которые появлялись над Ксерксеоном, - сказал Гораззоргио. - Они собрались в Картогии и помогают Клейпурру, слуге Темного Хозяина. - Эскендером, король Кроаксии, не хотел, чтобы населению стало известно, что он ведет переговоры с светящимися жидкими существами, которые прилетели на драконах из-за неба. Важно было, чтобы мистик, которым Эскендером намеревался заменить верховного жреца Френнелеча и которого солдаты должны были из Ксерксеона доставить в Пергассос, воспринимался как обладающий подлинной силой чудотворца.

- Значит, ты пришел не для того, чтобы мстить беспомощной деревне? осторожно спросил Гойдеруч.

- Мы здесь по приказу короля, - ответил Гораззоргио. - Тебе повезло, что я приказы короля ставлю выше собственных склонностей. Есть один святой робот из Пергассоса, он был здесь и пять яркостей назад. Брат Тирга, Задающего-Вопросы.

- Ты говоришь о Грурке, слышателе, который пришел в пустыню, чтобы очиститься и подготовиться к великому делу, которое послужит славе Жизнетворца, - сказал Каскведин, стоявший рядом с Гойдеручем.

- Это он самый, - ответил Гораззоргио. - Кажется, его великое дело начинается. Мы должны отвезти его в Кроаксию, во дворец Эскендерома, где были предзнаменования великих предстоящих событий.

Гойдеруч отправил Каскведина с этой новостью в дом Миркуллы, Выращивателя-Домашних-Сверлильных-Станков, где остановился Грурк. Каскведин вернулся через несколько минут один.

- Миркулла просит прощения, но он говорит, что слышатель закрылся в своей келье и предается священным размышлениям, - сообщил он. - И помешать ему - значит совершить великий грех.

- Но это приказ короля! - воскликнул Гойдеруч. - Немедленно возвращайся к Миркулле и скажи ему...

Гораззоргио устало поднял руку.

- Мы не настолько торопимся, староста; мы безостановочно едем от самого Пергассоса. И теперь нам нужно отдохнуть и подзарядиться. Так что подготовь свое лучшее смазочное масло, и пусть слышатель завершает свои размышления.

В своей комнате в доме Миркуллы Грурк лихорадочно увязывал в мешок скромные пожитки. Гораззоргио мог прийти

только по двум причинам: либо Эскендером не забыл своего плана смещения Френнелеча, верховного жреца, и установления нового жречества во главе с Грурком, либо Гораззоргио решил отомстить ему за то, что он предупредил Тирга о предстоящем аресте. В любом случае Грурк не собирался задерживаться. Он неожиданно получил божественное откровение, что Жизнетворец требует его присутствия в другом месте для осуществления своих великих планов.

В последний раз осмотрев комнату, чтобы убедиться, что ничего не забыл, Грурк открыл окно, высунул голову и посмотрел сначала в одну сторону, потом в другую. Никого не видно. Он перебросил свой мешок, взял посох и выбрался наружу. Одно из верховых животных Миркуллы было привязано за домом, оно объедало одомашненные поросли лесных трансформеров и еще не было расседлано. Грурк задумчиво посмотрел на него, взвешивая мешок, потом снова посмотрел по сторонам и назад. Служит ли это животное испытанием его честности в трудный час или это дар Жизнетворца, чтобы Грурк мог проследовать к великим делам? Он стоял, ожидая вдохновения, и тут же услышал в голове шепот, предвещающий появление небесного голоса. Он часто слышит их в последнее время.

В контрольной рубке "Ориона" на дисплее компьютера появилось сообщение:

КАРТОГРАФИЧЕСКИЙ РАДАР ЧЕТВЕРТОЙ ОРБИТАЛЬНОЙ СТАНЦИИ - СЪЕМКА НАПРАВЛЕНИЯ 23-B37 ЗАВЕРШЕНА В СЕКТОРЕ 19H, ПОДСЕКТОРЫ С 19-22 ПО 19-38. СХЕМА 7, МАСШТАБ 5. ПАРАМЕТРЫ 03, 12, 08, 23, 00, 00, 42.

Грурк поднял голову и восторженно посмотрел в небо, когда понял смысл небесного послания.

- Твоя работа в Кроаксии завершена, Грурк, - услышал он с неба. Уходи, ибо твоя дорога ведет через пустыню в Картогию.

- Значит, я должен присоединиться к васкорианам, чтобы сохранить истинную веру, перед лицом варварства Клейпурра, слуги Темного Хозяина? спросил самого себя Грурк. - Поистине Жизнетворец всемогущ и всеведущ, ибо там я найду и своего брата и верну его душу на стезю праведности. - Он снова посмотрел на животное Миркуллы. - Может ли простое робосущество спорить с волей самого Жизнетворца, посылающего ему дар, который пронесет меня по Меракасинской пустыне? - Он отвязал животное и сел ему на спину. Жизнетворец дает и Жизнетворец отбирает, - сказал он в сторону дома Миркуллы. Несколько секунд он смотрел на жилище, где нашел убежище и гостеприимство. Медленно поднял руку и начертал в воздухе знак, который принесет благословение Миркулле и всему его

семейству, его потомкам, его полям и его животным на много дюжин яркостей. - Теперь, мой друг, у тебя есть достойная компенсация, - сказал Грурк. Чувствуя себя гораздо лучше, он повернул животное и незаметно выскользнул из деревни.

26

- Вы не можете это сделать! - сказал Мейси, качая головой и расхаживая между койками свой каюты в сфере 2. Никогда таким рассерженным Замбендорф его не видел. - Талоиды не низшая раса, которая должна ни за что работать на нас. На Земле потребовались столетия, чтобы устранить последствия таких стремлений по отношению к отдельным группам населения. Но эти дни кончены навсегда. Мы не можем к этому возвращаться. Это было бы катастрофой.

- Все формы жизни, которые развили разум и поднялись над животным уровнем, имеют нечто общее, что делает биологические различия несущественными, - сказал энергично Вернон Прайс с одной из нижних коек. Слово "человек" теперь должно расширить свое значение. Оно будет обозначать особую фазу эволюции, а не просто один вид, вошедший в эту фазу.

Они находились в каюте одни, потому что Грэм Спирмен был занят в одной из лабораторий, а Малькольм Уэйд, ее четвертый обитатель, проводил статистическую обработку и перекрестные сравнения бессмысленных данных, которые они собрали с Перейрой во время "экстра" тестов. Замбендорф, сидевший на складном стуле в узком промежутке у двери, перевел взгляд с Мейси на Прайса и назад в замешательстве. Они почему-то решили, что он не только участвует в заговоре по превращению талоидов в рабов, но делает это с энтузиазмом, и это их очень расстроило. Замбендорф тоже расстроился: его обвиняют именно в том, что он пытается предотвратить.

- Ну, ладно, я знаю ваше отношение к большинству людей, - говорил Мейси, размахивая руками. - Они доросли до двадцать первого века, окруженные лучшими возможностями для обучения и образования, чем кто-либо в истории, но они слишком тупы, чтобы воспользоваться этими возможностями. Но это не ваша проблема. У них есть выбор. Я могу не разделять ваше мнение, но вашу точку зрения я понимаю. - Он помахал рукой перед лицом. Но держать талоидов сознательно в отсталом состоянии - совсем другое дело. У них даже возможности не будет. Не будет выбора. Вот что я говорю.

Замбендорф помигал и покачал головой.

- Но... - начал он.

- Вы должны видеть, что это начало той же политики, что держала в течение веков у власти богатое меньшинство, - сказал

Вернон Прайс. Настоящие знания только для элиты; массы одурманены суевериями, чепухой и надеждами на лучшее завтра. Новые технологии, которые могут привести к подлинному образованию и процветанию масс, зажимаются. Я знаю, как вы до сих пор зарабатывали на жизнь, но, как говорит Джерри, у этих глупцов есть по крайней мере выбор. Однако по отношению к талоидам это будет чистейшая эксплуатация. Вы не можете это сделать.

- ДА РАДИ БОГА! - неожиданно взорвался Замбендорф. В кающе мгновенно стало тихо. Замбендорф удовлетворенно кивнул. - Спасибо. Послушайте, можете вы вбить себе в голову, что у меня нет ни малейшего представления, о чем вы говорите?

- О, оставьте, - нетерпеливо сказал Мейси. - Именно поэтому вы прилетели на Титан. Кого вы сейчас хотите обмануть? Это же совершенно очевидно.

- Почему я прилетел на Титан? - спросил Замбендорф, сбитый с толку и искренне заинтересованный.

- Потому что такой человек, как вы, может воздействовать на общественное мнение, - сказал Прайс. - Вы рычаг ГКК в машине по формированию политики. - Замбендорф покачал головой и взглянул на Мейси.

Мейси взглянул на него. Казалось, он вдруг потерял уверенность.

- Поэтому наше общество и выносит такое количество сумасшедших культов и нелепых религий, - сказал он.

- Почему? - спросил Замбендорф.

- Политик может заработать множество голосов, если скажет что-нибудь лестное о гуру, который так промыл мозги своим последователям, что они сделают все, что он прикажет, - сказал Мейси. - Или, если он умен, то по крайней мере не скажет ничего такого, что рассердило бы их. Поэтому ребята, которые руководят культами, выходят сухими из воды после убийств, и никто их не беспокоит. А на самом деле они просто продают голоса и сформированное общественное мнение за политические преимущества и защиту. - Он проницательно взглянул на Замбендорфа, как бы показывая, что все это можно было бы не говорить, и затем прошел к концу койки, чтобы налить себе кофе.

Вернон Прайс завершил то, что говорил Мейси.

- Для многих очень влиятельных людей политические и экономические последствия эксплуатации Титана были ясны задолго до того, как экспедиция покинула Землю... - Он широко развел руки. - А мы все знаем, что такие люди умеют делать весьма привлекательные предложения, если это соответствует их интересам.

- Вы думаете, я заранее знал, какова цель экспедиции? - спросил Замбендорф.

- Вы, несомненно, знали о Титане раньше большинства из нас, - ответил Мейси. Он смотрел на пол через край чашки. - Что вам предложили? Неограниченную поддержку прессы? Полное подавление всех конкурентов, что сделало бы вас сверхзвездой столетия? - В голосе его слышалось скорее разочарование, чем презрение. - Или было наоборот: угрозы... все против вас, если вы откажетесь? Но все это было давно, и перспектива тогда была гораздо уже. Мы тогда не знали того, что знаем сейчас. Я прошу вас только увидеть всю картину сразу и все ее последствия.

Замбендорф поднес руку к лицу и долго молча смотрел в пол. Наконец устало вздохнул и посмотрел сквозь пальцы.

- Послушайте, - сказал он. - У меня такое чувство, что я напрасно трачу силы, но я знал не больше вас, куда направляется корабль, пока мы находились на орбите вокруг Земли. А узнал об этом своими собственными методами. Соглашаясь отправиться в экспедицию, я был уверен, что она летит на Марс. Я, конечно, согласился на обычную известность и материалы в прессе, но в переговорах с ГКК речь шла только о Марсе - ни о чем серьезном. Я ничего не знал о чужаках и о том, о чем вы говорите. - Он встал и направился к Мейси за кофе.

Мейси вопросительно взглянул на Прайса, пока Замбендорф наполнял чашку. Прайс только беспомощно пожал плечами.

- Странно, - сказал Мейси Замбендорфу. Помолчал и с любопытством склонил голову набок. - У меня такое чувство, что вы говорите правду. Либо вы самый изощренный лжец, каких я только встречал - а я их встречал немало, - либо во всем этом что-то подозрительное. Я хотел бы вам поверить.

Замбендорф испытал такое чувство, словно его рассматривают под микроскопом.

- А почему же не верите? - громко и раздраженно спросил он. - Какая у меня причина лгать? Если хотите знать, мне недавно предложили именно такую сделку, и я ее отверг. Это вас удовлетворяет?

- Отвергли, - повторил Мейси, не в состоянии отказаться от насмешливого тона.

Замбендорф снова повернулся.

- Отверг. - Он произнес это медленно и отчетливо и потянул себя за бороду в нескольких дюймах от лица Мейси.

- Вероятно, это лучшее предложение за всю вашу жизнь. Ничего лучше вы никогда не получите, - саркастически протянул сзади Прайс. - Все готово, и вас будут поддерживать самые нужные люди... и вы отказались. А почему вы так поступили?

- Мои причины - это мои причины, - сказал Замбендорф. - И не ваше это дело.

- Когда вы помогаете людям превратить целую расу во второсортные существа в своих интересах - причем, они будут утверждать, что сделали это ради меня и от моего имени, - это и мое дело, - возразил Мейси.

Замбендорф покраснел.

- Ради Бога, я ничего не сделал, чтобы помочь им! - закричал он. - Я отказался от их предложения. Сколько раз мне это повторять? Что с вами двумя?

- Почему вы отказались? - снова спросил Мейси.

- Что это такое? Я отказываюсь подвергаться перекрестному допросу!

- Ба!... Именно так я и думал! - фыркнул Мейси.

- Он захвачен с уликами, - сказал Прайс. - Он с ними по самое горло.

- А вам не приходило в голову, что забота о благополучии братских разумных существ - не ваша монополия? - разозлился Замбендорф. - Если хотите знать, отказался я потому, что мне не все равно, что будет с талоидами... как и вам, может, даже больше. Можете вы это понять? Что-нибудь способно проникать в ваши толстые черепа? - Он вызывающе посмотрел на Мейси, потом на Прайса. И когда заговорил снова, голос его дрожал от сдерживаемого чувства. - Я, вероятно, знаю их лучше, чем любой другой участник экспедиции. Разве не я первым обменялся с ними информацией? Разве не ко мне они обращались за разъяснениями, даже после того как им несколько раз заявили, что официальными представителями на переговорах являются Жиро и другие ходячие сборники распоряжений? Не спрашивайте меня как, но я чувствую мир талоидов за словами на экранах и этими их неподвижными металлическими лицами.

Замбендорф слегка успокоился.

- Там целый мир, знаете... не такой, какой мы способны воспринять непосредственно, может, мы даже не сможем его постигнуть... теплый, богатый, многоцветный, если воспринимать его чувствами талоидов, как Земля для нас. Я чувствую это, когда разговариваю с ними. - Двое молча слушали, а он продолжал уже спокойнее: - Талоиды знают, что я чувствую. Поэтому они мне доверяют. Они верят, когда я говорю им о мирах за пределами их мира, о новых мирах сознания, которые существуют за облаками, закрывающими сейчас горизонты их знаний. Они верят, что я могу показать им пути, как проникнуть в эти новые миры. Это больше, чем ожидали от меня все эти глупцы на Земле. - Голос его стал презрительным. - И вы думаете, что я могу променять это

на что-нибудь предложенное мне привилегированными чиновниками и дельцами? Да ведь им никогда в голову не приходила собственная мысль, они не знают, что такое вдохновение. - Замбендорф заставил себя снова взглянуть на Мейси и Пирса и покачал головой. - Нет, не учите меня смыслу слова "человечность", незначительности всяких биологических различий и прочему вздору. Потому что я сам могу вам дать хороший урок в этом.

В каюте наступило долгое молчание. Мейси допил свой кофе, потом взглянул на Прайса и вопросительно поднял брови. Прайс выглядел неуверенно, он ничего не ответил.

- Я... гм... вероятно, нам надо извиниться перед вами, - сказал наконец Мейси.

Замбендорф коротко кивнул и больше к этому не возвращался. Он с любопытством взглянул на Мейси.

- Вы все-таки не объяснили, почему решили, что я принял предложение, - сказал он.

Мейси снова взглянул на Прайса. Прайс скорчил гримасу и пожал плечами.

- Полагаю, он имеет право знать, - сказал он. Замбендорф непонимающе нахмурился.

Мейси вздохнул, на секунду-две задержал дыхание, потом резко выдохнул и согласно кивнул.

- Давайте. Верно, - сказал он. Потом повернулся к Замбендорфу. - То, что вы сейчас увидите, очевидно, не предназначено для всеобщего сведения. Не знаю, известно ли вам, что новости с Земли, прежде чем быть распространенными на "Орионе", проходят цензуру. Большая часть земных новостей относительно нашей экспедиции вообще устраняется. Но мы предвидели это еще до отлета и приготовили особый канал связи с САКО.

Замбендорф смотрел, как Прайс открывает стенной шкаф и достает оттуда небольшой металлический ящик, в котором, в свою очередь, оказалось собрание видеокассет. Прайс отобрал одну из кассет, подошел к терминалу связи в каюте и вставил кассету, в то же самое время отключив терминал от местной связи. Очевидно, то, что содержалось на кассетах, было слишком деликатно, чтобы доверять его базам данных корабля. Замбендорф удивленно взглянул на Мейси.

- Если вам тоже сказали, что мы направляемся на Марс, как же вам одновременно дали особую линию связи? - спросил он. - Зачем она вам тогда?

Мейси слегка улыбнулся.

- Я и не знал о ее существовании, пока не пришло в заранее

обусловленное время сообщение. Уже после того, как мы покинули Землю. Я полагаю, не вы один узнали, зачем именно вы здесь, после подписания контракта.

- Вы хотите сказать, что вас послали не для проведения "экстра" экспериментов на Марсе? - удивленно спросил Замбендорф.

- Не более, чем вас, чтобы участвовать в них.

- Понятно... так для чего вас послали?

- Подозреваю, что мы начинаем узнавать об этом.

Экран осветился, и на нем появилось румяное лицо, увенчанное шапкой белых, коротко подстриженных волос. Человек говорил что-то неслышно, потому что звук еще не был включен. Замбендорф пристально смотрел на него несколько мгновений, потом спросил:

- Это ведь Конлон из САКО?

Мейси удивленно поднял брови.

- Вы его знаете?

- Я знаю его лицо.

- Откуда?

- Мое дело - знать многое.

Картинка на экране изменилась; теперь на ней был виден Сатурн, надпись "Экспедиция на Титан" и логограмма Сети наземного контроля; потом появился снимок "Ориона" в пространстве на фоне диска Титана. Очевидно, это была запись обычной передачи земных новостей. Прайс включил звук, и послышался женский голос, а на экране появилось изображение груд металла в районе Генуэзской базы.

- ...сказал, что, возможно, удастся извлечь интересную информацию из остатков погибшей цивилизации, открытой на Титане, но в целом все это совершенно бесполезно. Во всяком случае стоимость экспедиции намного превосходить возможные доходы от исследований. - Появилась привлекательная рыжеволосая модно одетая женщина средних лет, она сидела за столом, глядя в камеру. - Боюсь, это разочарование для тех, кто надеялся на новую промышленную революцию, которая изменит жизнь всех нас на Земле. Но мне сказали, что все равно это величайшая свалка мусора во вселенной. Так что кто знает: может, для старьевщиков еще будут хорошие новости. Так что можете делать ставки. Но не забудьте запастись запасным баком с горючим.

Замбендорф повернул изумленное лицо к Мейси и недоверчиво покачал головой. Мейси кивнул, попросив продолжать смотреть.

Ведущая посмотрела вниз, быстро проглядывая очередной

листок.

- Новости о талоидах - человекоподобных ходячих обслуживающих роботах, которые захватили воображение землян. Профессор Массачусетского технологического института, изучивший сообщения с "Ориона", утверждает, что они воспринимают электронно усиленные оптические длины волн - иными словами, обычный свет, только усиленный, - а также инфракрасные волны, или тепло. Аналогичная система есть у земных гадюк и питонов, но, конечно, восприятие талоидов чувствительней. Через несколько минут мы поговорим об этом с профессором Мортоном Гласснером...

- Многие задают себе вопрос: "Способны ли талоиды думать?" - Лицо женщины исчезло с экрана, его сменил снимок двух американских солдат в скафандрах рядом с талоидом. Снимок был сделан на Генуэзской базе, но ни следа города не было видно, только груды металлолома. Снимок создавал впечатление, что талоид только что вышел из такой груды. Один из солдат протягивал ему руку, потом убирал ее, когда талоид тянулся к нему - словно большой металлический медведь. Было видно, как второй солдат улыбается за лицевой пластиной своего шлема. Замбендорф мельком подумал, сколько часов пришлось просматривать записи, чтобы отобрать эту.

- Ну, нельзя, конечно, отрицать, что это исключительные машины, продолжала ведущая. - Но мы и ожидали найти сложные машины, оставленные цивилизацией, достигшей уровня межзвездных полетов. Все зависит от того, что понимать под мыслью, говорит известный философ и социолог Гудмей в своей статье в свежем номере "Платона". Если вы имеете в виду способность воспринимать и обрабатывать информацию, принимать по определенным заранее заданным правилам решения на основе этой информации, то да, талоиды могут это делать. Но то же самое могут делать "умные машины" современной автомобильной фабрики, компьютерный редактор или вообще любая обучающаяся программа. По мнению доктора Гудмея, разница здесь не фундаментальная, а в степени овладения таким умением. Но если вы имеете в виду способность воображать, создавать, вдохновляться великими идеями, видеть мир сквозь чувства и эмоции и все остальное, что мы привыкли считать неотъемлемым свойством человека, то ответ, конечно, нет. Люди просто способны перенести особенности своего мышления на талоидов, как дети бывают уверены, что компьютер, который разговаривает с ними дома, на самом деле живой и умеет говорить.

Прежде чем Замбендорф успел прийти в себя от

услышанного, изображение снова изменилось, и он увидел самого себя. Они с доктором Осмондом Перейрой прошли по коридору "Ориона" и исчезли за дверью. Он не помнил, когда могла быть сделана эта запись - в любое время пути. И услышал комментарий:

- Еще один человек, который много занимается подобными проблемами, это Карл Замбендорф; вы видите его здесь с доктором Осмондом Перейрой, главным специалистом экспедиции по паранормальным наукам. - Замбендорф подавился глотком кофе. На экране он обсуждал какой-то эксперимент и кивал Перейре, который держал переносной пюпитр с записями перед консолью с огоньками и многочисленными приборами. Голос продолжал: - После успешных экспериментов по экстрасенсорному восприятию вне помех земного окружения, проведенных в пути, знаменитый австрийский медиум и другие специалисты сейчас пытаются осуществить контакт с талоидами путем так называемого психодинамического симпатического резонанса, или, короче, чтения мыслей. И снова виден Замбендорф, окутанный проводами, с приклеенными ко лбу и вискам электродами, он сосредоточенно смотрит на стену с многочисленными приборами. Это снимок из самого начального этапа пути: тогда он демонстрировал, что может изменять показания масс-спектрометра, изменяя силой мысли напряжение магнитного поля. На самом деле Тельма просто пинала ножку столика, на котором стоял прибор, в тот момент, когда внимание всех было сосредоточено на Замбендорфе. На экране появился талоид, тоже обмотанный проводами и электродами; Замбендорф узнал первую попытку Дэйва Крукса записать образцы речи талоидов. Обе записи разделяло несколько месяцев, но телемонтаж показал их как части одной и той же процедуры.

- Но это безумие! - воскликнул Замбендорф. - Я ничего об этом не знаю! Я никогда не пытался читать мысли талоидов.

Комментатор продолжал:

- Однако предварительные результаты оказались отрицательными. Замбендорф не сумел зарегистрировать никаких энергетических рисунков, которые обычно сопровождают мыслительный процесс и которые, как он утверждает, легко обнаруживаются даже у высших животных, таких, как человекообразные обезьяны, киты, а также кошки и собаки.

- Ложь! Ложь! Ложь! - закричал Замбендорф. - Я ничего подобного не говорил. Животные разумнее этой глупой женщины!

- Но ученые экспедиции не собираются сдаваться. По словам доктора Перейры, нужна новая техника эксперимента, специально настроенного на голоптронический мозг. Во всяком случае, как

считает Замбендорф, даже если на Титане нет мыслящих существ, можно настроит человеческий мозг на воспринимающие системы талоидов и использовать их как управляемые на расстоянии машины. - Ведущая опустила листок и продолжала, с улыбкой глядя на экран: - Ну разве не здорово: послать своего талоида куда угодно и видеть мир его глазами? Может, когда-нибудь это станет обычным методом изучения поверхности Титана - и без всякой необходимости в космическом скафандре... а может, и в других местах тоже. Кто знает? Что бы ни случилось, я уверена, нас ждут еще более увлекательные открытия.

Она снова взглянула на листок.

- А теперь, вернувшись с Титана, перенесемся в Сидней, Австралия, где молодой человек по имени Клайв Драммонд собирается... - Прайс выключил запись.

- Есть еще много, - сказал Мейси. - Но, думаю, суть вы поняли.

Замбендорф сидел ошеломленный и смотрел на пустой экран.

- Давно ли это происходит? - прошептал он.

- Примерно три недели, - ответил Мейси. - До этого не создавалась систематическая ложная картина событий на Титане.

- Значит, нет сомнений, что это делается сознательно?

- Нет.

- А как же этот Конлон в САКО и все, кто с ним работает? - спросил Замбендорф. - Если у вас прямой контакт с ним, он знает, что публике преподносят вздор. Вы должны были сказать им... Могут они что-нибудь сделать?

- Пытаются, - сказал Мейси. Он пожал плечами. - Но вы знаете, как это.

Замбендорф покачал головой.

- Лехерни, Ланг - они все знали. Они делали свои предложения и знали, что искажение уже происходит. Они знали, что рано или поздно я об этом узнаю.

- Вероятно, считали, что переманят вас на свою сторону, если предложат достаточно, - сказал Прайс. - Так они обычно и действуют.

- Это соответствует их образу мыслей, - согласился Мейси.

Замбендорф медленно прошелся между двумя рядами коек и повернулся, подойдя к дальней стене.

- И что же все это означает? - спросил он. - Что за всем этим? У вас есть теории?

- Ну, не знаю, насколько это ново, - ответил Мейси. - Но первый шаг к тому, чтобы превратить народ в колониальный, чтобы спокойно его эксплуатировать, всегда в том, чтобы

принизить его представителей в глазах собственного народа и...

Его прервал звонок личного коммуникатора Замбендорфа.

- Простите, - сказал Замбендорф, доставая прибор из кармана и включая его. На миниатюрном экране показалось лицо Отто Абакяна, он говорил из каюты команды. - Да, Отто? - сказал Замбендорф. Такое обращение означало, что Замбендорф не один.

- У тебя найдется минутка? - спросил Абакян.

- Давай.

- Гм, не знаешь ли, где Джо? Мне нужно поговорить с ним.

- Боюсь, что нет.

- А где он может быть?

- Не знаю.

- Дьявольщина. Это плохо! Если увидишь, пришли его ко мне. Ладно?

- Если увижу.

- Хорошо.

Замбендорф на мгновение нахмурился. Абакяна совсем не интересовал Джо Феллбург. Весь разговор был закодирован. Имела значение интонация вопросительная или утвердительная, а также начальные буквы некоторых слов. Замбендорф в его словах прочел: "КМЛТ. СРЧН". Это означало: "Камелот. Срочно". Абакян сообщал ему, что что-то поступило из Камелота и сообщение не может ждать. Мейси и Прайс подозрительно переглядывались. Они ведь тоже фокусники.

Замбендорф в неуверенности переводил взгляд с одного на другого. На одной ли стороне они теперь с Мейси? Мейси доверился Замбендорфу, не должен ли он ответить тем же? Инстинкт подсказывал необходимость закрепить союз, но жизненный опыт приучил его к осторожности.

Он видел, что те же вопросы отражаются на лице Мейси. Их различия мелки по сравнению с тем, что они оба знают и разделяют. Замбендорф должен доказать, что думает так же. Он взглянул на экран у себя в руке.

- Со мной Джерри Мейси и Вернон Прайс, - сказал он. - Произошло очень многое, но сейчас не время рассказывать. Можешь говорить открыто, Отто. В нашей команде прибавление.

Лишь на долю секунды на лице Абакяна появилось удивленное выражение. Он привык адаптироваться к ситуации быстро и без вопросов.

- Мы получили сообщение от Артура и Галилея, - сказал он. - Плохие новости, очень плохие.

Мейси недоверчиво выдохнул:

- Артур? Талоид? Но как? Откуда у вас...

- У нас тоже есть закрытая линия связи, о которой вы не знаете, ответил Замбендорф. Он снова посмотрел на Абакяна. - Что случилось, Отто?

- Фанатики-фундаменталисты с холмов, те самые, которые так много неприятностей причиняли солдатам Артура, - ответил Абакян.

- Друиды. Да, так что же с ними?

- Они уничтожили генуэзский патруль, а потом и большой отряд, посланный ему на выручку, - сказал Абакян. - Мягко выражаясь, Артур очень расстроен.

Замбендорф удивился.

- Ужасно, Отто, и, конечно, я сочувствую... но почему это так серьезно? Как это связано с нами?

- Из-за того, как они это сделали, - ответил Абакян. - Они сделали это земным оружием. Кто-то снабжает Генриха и падуанцев земным оружием, а падуанцы передают его друидам, чтобы те тревожили границы Генуи. Артур говорит, что с него хватит обещаний и слов. Ему нужно что-то для самозащиты. Если мы не можем ему помочь, ему придется принять условия Жиро.

27

Красно-коричневый, лишенный различимых черт шар Титана стал больше и расплющился; теперь, с борта двенадцатиметрового флаера "Оса" летящего над самым аэрозольным слоем, он казался сплошной пустыней. Флаер только что выровнялся после спуска с орбиты. Замбендорф, в скафандре, но без шлема, сидел в задней каюте и молча размышлял над последними событиями; напротив него Вернон Прайс зачарованно смотрел в иллюминатор на перепоясанный радужными полосами шар Сатурна за краем Титана; Сатурн казался неподвижно подвешенным в своей системе колец, тянувшейся до самого предела видимости.

Сержант Майкл О'Флинн совершенно невозмутимо и спокойно встретил вопрос Замбендорфа, как украсть машину для спуска на поверхность.

- Ну, это не совсем, конечно, такая штука, которую можно увести, если ее оставили без присмотра, - заметил О'Флинн. - К тому же даже если она попадет вам в руки, вы с ней ничего не сможете сделать. Корабль для спуска нуждается в экипаже минимум из четырех человек, хорошо подготовленных, к тому же без специальной подготовки в ангаре машина не тронется.

- Ради Бога, я не говорю о большом корабле, - ответил Замбендорф. Мне нужна среднего размера машина для перевозки личного состава. Не можете ли вы записать ее как вышедшую из

строя и отослать на ремонт или что-нибудь в этом роде?

- Но ведь они предназначены только для полетов над поверхностью. С орбиты они не спускаются.

- Могут в крайнем случае, - настаивал Замбендорф. - С низким тяготением Титана такую машину можно использовать как спускаемый аппарат... если опустить некоторые ограничения САКО и слегка расширить пределы напряжений, допустимые Комиссией по регулированию космического транспорта...

- Гммм... вы, похоже, знаете, о чем говорите. Я вот сижу и спрашиваю себя, а откуда вы все это знаете?

- Неважно. Вопрос в том, сможете ли вы это сделать, Майк?

- Может, и могу, а может, и нет... Но допустим на мгновение, что смогу. Но ведь это только железо. Вам придется еще найти себе пилота.

- Об этом я позабочусь.

О'Флинн удивился.

- Да?.. И какая у него подготовка?

- Инструктор Орбитальных бомбардировщиков военно-воздушных сил; два года специализированной подготовки в тактике ухода от слежения. Достаточно?

- Клянусь Богом, вы шутите! Кто-то в вашей команде?

- Да.

- Дайте подумать... Должно быть, Джо, большой черный парень. Верно?

- Нет.

- Кто же тогда?

- Об этом не беспокойтесь, - ответил Замбендорф, подмигивая. - Даже если бы я вам сказал, вы не поверите. Вы бы удивились, какие разнообразные таланты собрались в моей маленькой команде.

Не требовалось большого воображения, чтобы понять, что поставка земного оружия воинственным падуанцам полностью дестабилизирует ситуацию вокруг Падуи и всех соседних государств, а с течением времени и в более отдаленных районах. Другие государства Титана будут искать возможности получить такое же оружие, чтобы защититься от агрессии падуанцев - Генуя уже высказала такое пожелание, все остальные будут считать себя в опасности, пока им не удастся укрепить свою оборону. Постепенно все государства талоидов будут вынуждены встать на этот курс, а кончится все их вассальной зависимостью от Земли, которая будет на собственных выгодных для нее условиях договариваться отдельно с каждым государством. Старый знакомый рисунок, который в прошлом на Земле неоднократно повторялся.

Мейси составил сообщение, в котором кратко сформулировал все эти данные и выводы, и отправил по своему закрытому каналу связи Конлону в САКО. Восемь часов спустя пришел ответ. Конлон выступил с соответствующим заявлением перед старшими руководителями САКО, но у тех версия событий, подтвержденная официальным Вашингтоном, была совершенно другой. Конлону ответили, что падуанцы - мирный народ, склонный к западным демократическим идеалам, что по просьбе падуанских властей им оказывается ограниченная военная помощь, чтобы предотвратить вторжение генуэзцев - разбойничьего незаконного режима - и освободить религиозное меньшинство падуанцев, которое подвергается преследованиям на границах с Генуей. Решение оказать помощь является знаком доброй воли с целью установления в дальнейшем взаимовыгодных справедливых отношений. Очевидно, положение на Земле сложное, пройдет немало времени, прежде чем оно прояснится, к тому же связь с Титаном затруднена из-за задержки сигнала во времени. Замбендорф не хотел ждать.

- От них ничего разумного не дождешься, - сказал он Мейси. Оставайтесь на линии и следите за развитием событий. А я спущусь на Титан к Артуру.

- А что вы собираетесь делать, если вам удастся спуститься? - спросил Мейси.

- Не знаю, Джерри, но не могу просто сидеть и ждать.

Мысли Замбендорфа прервал вызов по интеркому из передней каюты. Говорила Кларисса Эйдстадт.

- Карл, можно тебя сюда на минутку? У нас проблема.

Прайс отвернулся от иллюминатора и с тревогой смотрел, как Замбендорф встает, осторожно обходит второй торопливо собранный "переводчик" и движется к открытой двери каюты. Кларисса оглянулась со своего капитанского места, а Отто Абакян в кресле второго пилота лихорадочно щелкал переключателями на щите со множеством шкал и циферблатов, очевидно, не очень ему знакомых.

- Плохо, - сказал Абакян. - Не могу определить расстояние до поверхности. Данные приборов не имеют смысла.

- Что случилось? - спросил Замбендорф.

- Мы теряем связь, - ответила Кларисса. Необходимо было определять положение флаера по данным спутников, выведенных на транститановую орбиту вскоре после прилета "Ориона". Кларисса предупредила, что без опытного второго пилота можно потерять согласованность между данными перемещающихся по орбите спутников и снижающегося флаера. - Мы знаем, что находимся где-то поблизости от пункта посадки, но точной

настройки у нас нет.

- Не получается? - спросил Замбендорф у Абакяна.

Тот развел руки.

- Прости, Карл. В упражнениях на борту у меня все получалось, но тут нужна практика.

- Ну, попробовать стоило, - сказала Кларисса.

- Не твоя вина, Отто. У нас просто не было времени, - сказал Замбендорф и повернулся к Клариссе. - Насколько серьезно положение? Ты справишься?

- Конечно, но не в полете. Проще всего спуститься где-нибудь, восстановить связь с поверхности, компенсировать наше перемещение. Как только мы зафиксируем свое положение в сетке, дальше сможем получать данные автоматически.

- Сколько времени тебе понадобится?

- Чтобы все сделать и перепроверить... допустим, час. Но нужно садиться немедленно, пока мы хотя бы приблизительно знаем свое местонахождение. Если задержимся еще немного, можем сесть где угодно на Титане, в полной темноте и без наземной поддержки. И тогда нам не найти дороги в Геную.

- Тогда садись немедленно, - согласился Замбендорф.

- Ладно. Возвращайся на место и пристегнись.

Замбендорф вернулся в заднюю каюту и сел напротив Прайса.

- Садимся.

- Неприятности?

- Сбита связь навигационной системы со спутниками.

Навстречу начала подниматься красно-коричневая пустыня и постепенно из ровной гладкой поверхности превращалась в путаницу рваных вершин, бездонных каньонов, разделенных полосами непроницаемой тьмы. Появились утесы и пропасти из тумана, они проносились мимо со все большей и большей скоростью... и вдруг звезды исчезли из иллюминаторов, флаер погрузился в темноту. Замбендорф почувствовал, как его прижимает к сидению: это Кларисса выровняла машину, чтобы сбросить скорость в сгущающейся атмосфере Титана. Машина задрожала, протестуя против нагрузок, на которые не рассчитана.

- Сенсоры крыла от девяти-двенадцати до десяти-трех, оранжевый два до шести, - послышался в открытую дверь голос Абакяна. - Температура поверхности быстро растет.

- Переключение на пять градусов назад и на шестнадцать градусов вниз, снизиться до высоты в три тысячи и выдержать эту высоту, - приказала Кларисса. Замбендорфа бросило вперед, но ремни удержали его. Откуда-то из-под пола доносился дребезг.

- Вперед десять, фактор высоты пять, - голос Абакяна. -

Спускаемся до одиннадцати.

- Спуск на плюс три - помягче.

- Тормоз снижения больше не три градуса.

- Сядем? - крикнул Замбендорф.

- Что за вопрос! - крикнула в ответ Кларисса. - Не волнуйтесь. Если наши парни могут доставить взбивалку для яиц к Титану, я смогу опустить эту штуку на поверхность.

Они быстро теряли высоту, флаер встал на дыбы, когда Кларисса перевела его в длинный пологий поворот, чтобы они, спускаясь, не уходили далеко от своего нынешнего места. Теперь они спустились под аэрозольный слой, и вокруг во всех направлениях темнота, и лишь изредка внизу белели полоски метана.

- Попробуй на радаре определить профиль местности, - попросила Кларисса Абакяна. - Не хочу очень долго лететь при такой видимости вслепую. Найди что-нибудь возвышенное и плоское - что-то вроде плато. Абакян поработал у консоли сбоку от себя, негромко выругался и попробовал еще. - Поставь центральную линию уровня высоты на ноль, - сказала Кларисса, искоса взглянув на него. - Потом используй широкую базу сканирования и выбери нужный профиль по указателю на с-три.

- Что?... А, да, ладно... Сделал. - Абакян прочел информацию, появившуюся на одном из экранов. - Мы как будто на высоте в тридцать пять тысяч метров, скорость по отношению к поверхности три ноль восемь пять километров в час, уменьшается на двадцать восемь метров в секунду за секунду. Под нами гористая местность с вершинами высотой примерно в восемь тысяч метров над средним уровнем поверхности.

- Есть плоские вершины? - спросила Кларисса.

- Самые высокие нет. Но есть несколько в пять тысяч метров, те выглядят получше.

- Давай координаты по радару со второго экрана.

- Даю.

Флаер продолжал терять скорость и высоту.

- Ну, хорошо, несколько тормозящих импульсов вперед, потом включи нижние прожекторы и дай мне картинку местности на экран один, - приказала Кларисса, несколько секунд разглядывавшая дисплей. - Я хочу получше взглянуть на этого парня с плоской головой между двумя высокими. Видишь, что я имею в виду?

- Вижу, - ответил Абакян, глядя на свой экран. - Передние импульсы на пять ноль и пять ноль метров. Нижние прожекторы включены. Картина передана на экран пилота номер один.

Флаер неподвижно повис во мгле, несколько секунд спустя

вспыхнули два ослепительно ярких прожектора и осветили плоскую вершину, которую радар уже нащупал своими невидимыми пальцами. Вершина относительно ровная, без трещин и щелей, не видно камней и обломков. Прожекторы нашли посадочную площадку и остановились на ней, и флаер начал медленно опускаться, перейдя на последнюю - в сотни метров - стадию посадки.

- Что это за предзнаменование? - со страхом прошептал Грурк; он окаменел и со страхом смотрел на два ярких чисто-фиолетовых шара, которые появились в небе над горной вершиной, когда стихли голоса. - Клянусь Жизнетворцем! - воскликнул он. Летающее существо, похожее на то, что он видел над Ксерксеоном, но сверкающее огнем и гораздо большее, плыло над горой выше шаров. Оно медленно опускалось, стоя на колоннах фиолетового свечения. Шары тоже медленно опускались, все время держась перед существом, словно расчищая ему путь - предвестники света, идущие перед небесным зверем, прежде чем он совершит свой спуск из священных пределов за небом. Существо скрылось из вида, и вскоре на вершине появился устойчивый фиолетовый ореол.

Что это означает? Знак ли это Грурку подняться на вершину или предупреждение, что он должен вернуться? Будет ли он уничтожен за самоуверенность и высокомерие, если пойдет вперед, или наказан за неповиновение и трусость, если пойдет назад? На краткое мгновение Грурк пожалел, что здесь нет его брата Тирга: хоть тот и святотатец, его нечестивые методы рассуждения могли бы в этом случае оказаться полезными. Но тут Грурк вспомнил, какое сообщение получил, когда уходил из Ксерксеона: скоро ему будет указана тропа, по которой велит ему идти Жизнетворец. Пути Жизнетворца бывают загадочны и темны, но никогда обманчивы и капризны.

Итак этот момент наступил.

Со смесью изумления, трепета и возбуждения, которые нарастали с каждым шагом, Грурк снова направил свое животное на тропу, по которой двигался, и начал подъем. Когда ровная местность сменилась ледяными утесами и обломками скал, он спешился в горном кустарнике, растущем у ручья, привязал животное к опоре трубопровода у рощицы трубогибочных машин и пешком пошел дальше, к загадочному свету на вершине.

- Так что может сделать Джерри? - спросил Замбендорф.

Вернон Прайс пожал плечами в своем сидении в другом конце кабины.

- Он еще сам не знает. А вы что можете сделать? Попытаться объяснить талоидам, что за всем этим стоит, и может быть...

Тогда достаточное количество их разберется и сбросит своих правителей, которые сговариваются с Жиро. Короче говоря, вы будете их образовывать, я думаю.

Замбендорф покачал головой.

- Нет, Вернон. Это не сработает.

Прайс неловко пошевелил ногами, как будто сам в глубине души понимал это.

- Почему? - спросил он.

- Потому что талоиды очень похожи на людей: они верят в то, во что хотят верить, и закрывают глаза на то, во что не хотят верить. Они хотят видеть мир не таким, каков он есть - это слишком неудобно и неприятно, - а таким, каким им хочется его видеть. Поэтому они поддаются иллюзиям.

Прайс нахмурился.

- Не уверен, что понимаю связь.

- Посмотрите на предводителей, за которыми следуют люди, чьи приказы они выполняют. Что вы увидите? По большей части эти предводители стали таковыми не из-за своих исключительных талантов и способностей - они даже не очень умны. Главное их свойство - легковерие и исключительная способность к самообману. Но люди этого не видят. В сознании последователей существует совсем другой образ предводителя. Личность, за которой идут последователи, это фантазия, созданная их собственным воображением; они проецируют свои желания на любого человека, способного сыграть такую роль. А предводителю нужно только обладать достаточной наглостью, что сказать людям, что у него есть то, что им нужно. Они верят, потому что им нужно верить.

- Им нужно верить, что они в умелых руках, - сказал Прайс, соглашаясь с Замбендорфом. - Важна не правда, важна уверенность. - Говорил он так, словно не в первый раз.

- Во всяком случае иллюзия в уверенности, - согласился Замбендорф. Если они будут знать свое место и что делать, жизнь станет удобной и простой. Чтобы чувствовать себя уверенными, им нужны сильные фигуры, представляющие власть. Без них они теряются - беспомощно, безнадежно и болезненно. Они говорят о свободе, но мысль о подлинной свободе приводит их в ужас. Они не могут с ней справиться... пока не научатся сами. - Он поднял голову и посмотрел на Прайса. - Вот почему объяснения не принесут ничего хорошего. Даже если сегодня они избавятся от одних, завтра подчинятся другим, не лучше, а скорее всего, гораздо хуже нынешних. На таком опыте они ничему не научатся.

Несколько секунд оба молчали, слышались только голоса Клариссы и Абакяна, которые называли друг другу числа в

носовой кабине.

- Так что же нам делать? - спросил наконец Прайс. - С талоидами. Мы не можем просто умыть руки и ничего не делать.

Замбендорф мрачно взглянул на пол и вздохнул.

- Прежде всего нужно принять реальность такой, какова она есть, медленно ответил он. - А реальность такова, что невозможно превратить суеверные невежественные существа за одну ночь в рациональных объективных мыслителей. Вы только зря потратите время. У них нет необходимых концепций. Единственный способ заставить их перестать слушать своих продажных предводителей - не дать им какой-нибудь наш лозунг, а дать понять и разобраться самим. Вы правы: ответ в образовании но, к сожалению, сделать это мгновенно невозможно.

Прайс задумался.

- Ну, если это так, то, может, полезнее дать им какую-то замену их суеверий на время, - сказал он. - Вы должны понимать, о чем я говорю. Ведь вы сами занимались этим многие годы.

- Ну, вам понадобилось немало времени, чтобы понять это, - проворчал Замбендорф.

Прайс потрогал пальцем зуб и с сомнением посмотрел на Замбендорфа, потом отвернулся и уставился в стену. Неожиданно он встал, пересек кабину и подошел к иллюминатору.

- Что там? - спросил Замбендорф, поворачиваясь.

- Мне показалось, что там на краю света что-то шевельнулось... А может, и нет. Не знаю.

Замбендорф тоже встал и подошел к иллюминатору, чтобы взглянуть самому. Через несколько секунд он крикнул в сторону передней кабины:

- Можешь направить передний правый прожектор вперед, Кларисса?

- Зачем?

- Мы думаем, там что-то есть.

Мгновение спустя из корпуса вырвался конус света и ясно очертил на фоне тьмы фигуру талоида. Тот неподвижно стоял на коленях, прижав руки к груди и покорно склонив голову.

28

- Арргх!

Грурк поднял руки, защищая глаза, когда бок сверкающего существа открылся и изнутри полилось еще больше фиолетового свечения. Эта встреча явно предопределена: Жизнетворец избрал это мгновение, чтобы сообщить Грурку цель, к которой он готовился всю жизнь. Из горба на спине существа гремел хор голосов, они поднялись крещендо, возвещая приход великого, потом стихли. Грурк отнял руки от лица и взглянул... и тут же в

ужасе и благоговении преклонил голову. На фоне сверкающей внутренности существа появилась едва различимая фигура. Постепенно ее очертания стали яснее широкий круглоголовый ангел с лицом, сияющим огнем, окутанный в сверкающее облако, посланный из небесного царства Жизнетворца его личный посланник к Грурку.

- Да встань ты с колен, дурак! - раздраженно сказал Замбендорф.

На экране переводчика, который он держал перед собой, появились слова: "ПОДНИМИСЬ С КОЛЕН. ТЫ ДУРАЧИШЬСЯ".

- Стереть, - со вздохом сказал Замбендорф. - Замена: встань.

- Восстань! - прогремел ангел и приблизился на несколько шагов. Перед собой он держал странное растение, которое Грурк не узнавал. За ним, в открытом боку существа, появился второй ангел.

- Вот, Вернон, - сказал Замбендорф в микрофон шлема. - Ваш первый талоид в непосредственной близости. - На талоиде одеяние их плетеной проволоки, плотный плащ и темная шапка из похожего на резину материала. Талоид медленно встал и взял в руки лежавший рядом металлический посох.

- Поразительно... - запинаясь, ответил Прайс. - Совсем не то, что смотреть записи на корабле. - Одну-две секунды длилось молчание. - Как вы думаете, что он здесь делает?

- Понятия не имею... наверно, его привлек свет и тепловое излучение флаера. Галилей мне кое-что рассказал, и я не удивлюсь, если он принял нас за богов или что-то в этом роде.

- Жутко, - сказал Прайс.

- Я Замбендорф, - сказал Замбендорф, снова включая переводчик и указывая на себя; потом приказал прибору: - Назовись.

- Я Носящий, - услышал талоид преобразованные компьютером импульсы; это соответствовало имени Замбендорфа. Носящий священные символы жизни, решил Грурк. Потом ангел спросил: - Как тебя зовут?

- Грурк, которого также называют Слышателем-Голосов, сын Метгарка и Гурскерии и брат Тирга, - ответил Грурк. Он удивился, что ангел не знает этого.

- Нет, не так длинно. Покороче, - сказал ангел.

Небесные голоса снова звучали в отдалении. Как будто говорили "Свет и страх..." Или "Шли свет и страх..."? Грурк нахмурился, пытаясь понять смысл происходящего. Ангел продолжал стоять в ожидании. Почему ангел не принял его имя? Что говорят голоса?

И тут Грурк понял. Это момент духовного возрождения, и он

символизируется новым именем, которое он отныне будет носить. Ангел хочет, чтобы он носил новое имя, данное ему Жизнетворцем. И об этом же говорят голоса.

- Просветитель! - с внезапным вдохновением воскликнул Грурк. - Меня зовут Просветитель!

ИМЯ ПОЛУЧЕНО, - появилось на экране переводчика. - ЗАПРАШИВАЕТСЯ АНГЛИЙСКИЙ ЭКВИВАЛЕНТ.

Замбендорф мгновение подумал и ответил:

- Моисей. По буквам: М-о-и-с-е-й.

МОИСЕЙ? - попросил подтверждения экран.

- Да.

- По приказу Жизнетворца я обойду весь мир и всюду буду приносить свет, - заявил Просветитель, голос его дрожал. - Я уничтожу святотатцев и смету неверующих, которые не преклонятся перед святыми словами, которые я принесу им. Я...

- Остановись! Ты говоришь непонятно. Твои слова не имеют смысла. Говори проще. И короче.

Говорил не сам ангел, а ветвь, которую он держал в руке, и Просветитель вдруг понял: ангел учит ветвь говорить. Он в благоговении смотрел. Потом решил, что это чудо - доказательство того, что ангел действительно послан Жизнетворцем. Это объясняет его вопросы: ветвь подобна ребенку, она не может сразу понять всю сложность речи.

- Моя задача сейчас, - сказал он, стараясь говорить коротко и ясно, обратиться ко всему миру. Убить врагов Жизнетворца.

- Обратиться к миру значит говорить с робосуществами? - спросила ветвь.

- Да, - ответил Просветитель.

В НАСТОЯЩЕЕ ВРЕМЯ РАБОТА МОИСЕЯ - ГОВОРИТЬ С ТАЛОИДАМИ, УБИВАТЬ ЕРЕТИКОВ, - сообщил экран Замбендорфу.

Замбендорф покачал головой.

- Нет! Нет! Убивать нельзя! Ты должен это понять!

Экран преподнес:

- УБИВАТЬ ДРУГ ДРУГА НЕПРАВИЛЬНО. ОЧЕНЬ ЖЕЛАТЕЛЬНО, ЧТОБЫ ТЫ ЭТО ПОНЯЛ.

- Черт возьми! - пробормотал Замбендорф. - Стереть. Замена: не убивать друг друга. Императив: надо понять.

(Фраза 1) НЕ УБИВАЙ.

(Фраза 2) ИМПЕРАТИВ = команда?

- О, дьявольщина... Стереть фразу два, - приказал Замбендорф.

И ветвь сказала:

- Не убий.

- Кларисса, - позвал по радио Замбендорф. - Как у вас дела?

- Мы почти кончили. А что?

- Может Отто выйти ко мне? Он лучше обращается с этим проклятым переводчиком, чем я.

- Готов. Выйду, как только надену шлем, - послышался голос Абакяна.

Тем временем Просветитель стоял, охваченный благоговением. Он слышал божественный приказ. Но какую новую мудрость открывает ему Жизнетворец? Неужели Его власть так сильна, что верные Ему не должны бояться врагов? Неужели надо не наказывать еретиков, святотатцев и неверующих? Просветитель смотрел на ветвь в руке ангела и размышлял над этим новым учением. И тут медленно открылось его внутреннее зрение. Ведь убийство другого робосущества, помимо жестокости и невежества, означает неспособность переубедить его другими средствами. Оно не требует обучения и знаний, не требует дисциплины духа и самопознания, не требует постижения высших истин. На убийство способны даже дикари из болот южнее Серетгина. Они не знают другого способа решения своих споров.

Поистине это священное мгновение, и оно будет записано в Писании, а на это святое место будут приходить паломники и кающиеся все дюжины яркостей, что остались до конца света. Это мгновение должно быть отмечено чем-то таким, что сделает его бессмертным, и место явления святого ангела тоже должно быть отмечено. Он огляделся и увидел плоскую скалу, явно помещенную здесь для этой цели. Подошел к ней и концом своего посоха медленно и торжественно написал:

НЕ УБИЙ.

Закончив, он поднял голову и увидел, что появился третий ангел.

- Что еще приказывает Жизнетворец? - покорно спросил Просветитель.

Абакян взял переводчик у Замбендорфа.

- Кажется, сообщение сильно поразило его, - сказал он. - Может, для них это совершенно новая мысль. Он хочет знать, что еще мы ему сообщим.

- Они не должны верить тем, кто говорит, что они существа второго сорта, бесполезные и ненужные, - сказал Замбендорф. - Но не должны они себя считать и превосходящими другие народы. Все народы должны воспринимать друг друга как равных партнеров и учиться сотрудничать, чтобы построить лучшую жизнь. - После короткого обмена фразами с переводчиком Абакян привел это в понятный машине вид.

И ветвь снова заговорила. Просветитель выслушал, потом

добавил номер 1 к своей предыдущей записи и под ней записал:

2. ВСЕ ТВОИ БЛИЖНИЕ РАВНЫ ТЕБЕ. ПОМОГАЙ СВОИМ БЛИЖНИМ, И БЛИЖНИЕ ТВОИ ПОМОГУТ ТЕБЕ.

Просветителя просвещают, а он подарит это просвещение всему миру. В нескольких простых словах Жизнетворец открывает перед ним картину совершенно нового мира, в котором процветают все робосущества, они помогают друг другу, в этом мире царит дух сочувствия, сотрудничества, терпимости и понимания. Все станут братьями, как они с Тиргом. Начнется новая эра, эра отказа от убийства и насилия, их заменит всеобщая любовь. Это мощная и глубокая сила, способная преобразовать мир.

- Что он делает? - спросил Пирс, когда талоид закончил своим посохом царапать второй ряд закорючек на ледяной плите.

- У него нет с собой записной книжки, - ответил Абакян. - Наверно, мы говорим правильные вещи.

Прайс еще несколько секунд смотрел на талоида.

- Сейчас вернусь, - сказал он и исчез в открытом люке флаера.

- Я кончила, - послышался голос Клариссы. - Как там наша жестянка?

- Нам нужно еще несколько минут, - ответил Замбендорф. Он переключился на местную волну, сказав Абакяну: - Они не должны слепо верить всему, что им говорят. Только факты подскажут им, где истина, а факты нельзя изменить по своему желанию.

Просветитель записал:

3. БЕРЕГИСЬ ЛЖИВЫХ ЯЗЫКОВ. ПУСТЬ СЛОВА ТВОИ БУДУТ ПОЛНЫ ИСТИНЫ, ИБО ИСТИНА НЕ ЗАВИСИТ ОТ СЛОВ.

Так продолжалось, пока талоид не записал еще несколько пунктов, а Прайс тем временем подготовил видеокамеру и легкий плазменный факел общего назначения, который взял в инструментальном ящике флаера.

- Что вы делаете? - спросил Замбендорф.

- Я хочу сберечь его время, чтобы он не возвращался сюда, если что-то забудет, - ответил Прайс. - А также собираю образцы письма талоидов. - Он с помощью видеокамеры передал изображение плиты в память компьютера флаера, потом, убедившись, что оригинал записи записан, провел факелом, углубляя надпись. Сняв несколько кадров новой надписи, он передал команду копировщику, и несколько секунд спустя у него в руках была пластинка из устойчивой на Титане пластмассы. Она быстро застывала в низкой температуре.

- Знаете, Вернон, иногда у меня складывается впечатление, что вы излишне сентиментальны, - заметил Абакян.

- Может быть, - добродушно согласился Прайс. Он огляделся, подобрал небольшой обломок льда и с помощью факела растопил его. Потом прижал поверхность пластинки к лужице и подождал, пока жидкость снова застынет. Лед и пластик неразрывно слились. Затем Прайс подобрал еще несколько кусочков льда, растопил их и покрыл поверхность пластинки тонким защитным стеклоподобным слоем. Результат оказался вполне удовлетворителен. Он протянул таблицу талоиду. - Вот, Моисей, старина. Чтоб тебе было что повесить дома на стену.

- Нам пора, - сказал Абакян. - Время поджимает.

- Отто прав, - согласился Замбендорф. - Вы довольны, Вернон?

- Да. Просто, мне казалось... это правильным.

Просветитель с благоговением смотрел на Святую Скрижаль у себя в руках. Она все еще слабо светилась. Это заповеди Жизнетворца, и ему, Просветителю, поручено донести святое Слово до всех народов робосуществ. Он не мог ничего сказать, слишком сильны были охватившие его эмоции, он даже думать последовательно не мог.

- Прощай, Просветитель, - сказала ветвь. - Нас ждет наша работа. Не оставайся здесь. Удачи тебе. - Просветитель поднял голову и увидел, что ангел с ветвью повернулся и ушел в сверкающее существо. За ним последовал второй, тот самый, что приказал вырасти Скрижали, написанной огнем и запечатанной в скале. И наконец тот ангел, что появился первым, медленно попятился к отверстию, поднял приветственно руки и был поглощен светом. Несколько мгновений спустя отверстие закрылось, и сияющий конус, который исходил из передней части существа, неожиданно исчез.

- Уходи отсюда, Просветитель, - взревело существо, - или ты сгоришь. - Как в трансе, крепко прижимая к себе Скрижаль, другой рукой держа посох, Просветитель спустился с вершины.

Только когда существо скрылось за скалами, он немного пришел в себя. По-прежнему как в тумане вернулся к ручью.

- Поистине тебе предназначено было принести меня сюда, - сказал он верховому животному, отвязывая и переседлывая его. - Теперь я спокоен: Миркулла, конечно, получит благословение за свою жертву. - Он повернул животное и начал медленно спускаться. И только почти выйдя на тропу, увидел ожидавших его капитана Гораззоргио и отряд солдат кроаксийской королевской гвардии.

По словам Клариссы, они находились между Генуей и Падуей на краю пустыни, в которой произошла первая встреча людей с талоидами; в сущности, до этого места совсем недалеко. Полет до

Генуи займет не больше пятнадцати минут. В конце концов все не так уж плохо, сказал самому себе Замбендорф, стоявший и входа в переднюю кабину и наблюдавший за процедурой подъема.

- Моисея не видно? - с любопытством спросил сзади Прайс.

Абакян привел в действие инфракрасный сканер и отыскал нижнюю часть широкого склона на той стороне горы, где исчез Моисей. Он подключил телескоп, изображение увеличилось и стало отчетливым.

- У него лошадь, - сказал Абакян. - Должно быть, оставил где-нибудь внизу.

- Он спускается с горы на лошади и держит в руках табличку, которую вы ему дали, - сказал через плечо Замбендорф. - Хотите взглянуть на него?

Прайс встал рядом с Замбендорфом и несколько секунд смотрел на экран. Моисей остановился и как будто смотрел вниз на что-то. Абакян уменьшил масштаб изображения, показалось ниже несколько точек. Крупный план показал, что это талоиды, тоже верхом.

- Интересно, кто они такие, - сказал Прайс. - Может, у Моисея там неприятности?

- Не знаю, - медленно ответил Замбендорф. Голос его звучал озабоченно. Секунду спустя он повернулся к Клариссе и сказал: - Опустись немного ниже. Надо посмотреть, что там происходит.

- Я не боюсь тебя теперь, Гораззоргио, Защитник-Ложной-Веры! крикнул Просветитель вниз с холма, голос его звучал громко и твердо, глаза ярко горели. - Я поднялся на гору и видел ангелов. Я вернулся оттуда Просветителем, я избран нести истинное Слово Жизнетворца во все уголки мира и принести новую веру любви и братства всем робосуществам. Прислушайся к моим словам, Гораззоргио, ибо поистине это слова Самого Жизнетворца. - Он высоко поднял ледяную пластинку. - Клянись в преданности новой вере, о которой я говорю, отвергни твою ложную веру, и все твои прегрешения будут прощены. Клянешься ли ты, Гораззоргио?

Не веря своим ушам, Гораззоргио был слишком поражен, чтобы ответить сразу, и в этот момент над вершиной появился небесный дракон. Контуры Гораззоргио похолодели, он задрожал всем телом. Дважды преследовал он в пустыне этих проклятых братьев, и дважды они уходили от него. И теперь, как и раньше, появился на защиту небесный дракон. Гораззоргио решил, что вторично ни за что не будет сталкиваться с драконом. Ни за что он больше не пройдет через такое...

Гораззоргио спрыгнул с животного и встал на колени.

- Клянусь, о Просветитель! - закричал он. - Гораззоргио обрел

истинную веру! Я верую! Верую! Поистине твои слова - слова Самого Жизнетворца! Чего ты хочешь от нас, Избранный? Твои слуги ждут твоего приказа.

Солдаты за ним удивленно переглядывались и перешептывались.

- Что за колдун этот слышатель?

- Гораззоргио на коленях? Поистине чудо!

- Никаких чудес я не вижу.

И тут флаер спустился ниже, вспыхнули два прожектора и осветили всю сцену. Вокруг Гораззоргио металлические фигуры падали на землю, послышался хор испуганных голосов:

- Мы веруем! Веруем!

- Смотрите на Просветителя, Избранного!

- Пощади нас, грешных, о дракон! Мы раскаиваемся! Раскаиваемся!

Даже сам Просветитель был поражен действием своих слов.

- И все это с такими ничтожными усилиями? - спросил он недоверчиво у своего животного. - Должно быть, я поистине вдохновлен.

- Что там происходит? - спросила озадаченная Кларисса. - Карл, что ты сказал этому парню?

Прайс казался встревоженным.

- Почему они все падают с лошадей? - спросил он. - Они здоровы? Что с ними?

- Они, кажется, преклоняются перед Моисеем, - недоверчиво сказал Абакян. - А он размахивает видеокопией, которую вы ему дали.

Замбендорф стоял неподвижно. Задумчиво суженными глазами смотрел он на экран. И наконец сказал отвлеченным голосом:

- Они одеты одинаково: вероятно, солдаты. И мы на территории Падуи.

- Ну и что? - спросила Кларисса.

- Галилей говорил, что конные солдаты Падуи - самые ревностные и фанатичные в этой части Титана, - ответил Замбендорф. - Но мы только что обезоружили целый отряд, и нам для этого не понадобилось оружие, которого просит Артур. Да нам было бы очень трудно его раздобыть, даже если бы мы решили, что его стоит передавать Артуру.

На несколько секунд воцарилось молчание, все размышляли над словами Замбендорфа. Наконец Прайс спросил:

- Вы думаете о том же, о чем я?

Замбендорф нахмурился, потер бороду и взглянул на экран.

- Понятия не имею, - откровенно ответил он. - Но у меня

странное ощущение, словно мы решили проблему Артура с друидами.

29

На специально расчищенной и огороженной площадке за резиденцией Клейпурра лежал сержант картогианской пехоты, прижав к плечу захваченное у васкориан оружие. Одной рукой он поддерживал его на весу. Взглянул вдоль трубы на первый из ряда красных дисков на дальней стене, тщательно прицелился и нажал пальцем свободной руки курок. Труба рявкнула и сильно ударила его в плечо, в то же время красный диск на стене исчез. Сержант быстро повторил этот процесс под мрачными взглядами Клейпурра и Дорнвальда. Они стояли в небольшой группе картогианских офицеров и военных советников. В быстрой последовательности взорвался ледяной камень, исчезла часть наружной органической стены здания и два набора доспехов картогианских солдат, надетые на манекены, превратились в осколки. Дорнвальд дал сигнал, и солдаты, стоявшие в стороне от линии огня, принялись собирать плиты целей.

- От этого нет защиты, - прошептал Лофбайель Тиргу, который оцепенело смотрел на испытания. - Солдаты, выступившие против васкориан, были обречены. Исход был известен заранее.

- Верно, - согласился Тирг. - Точно так же, как были обречены Гораззоргио и кроаксийцы, когда ступили в Меракасин. А теперь обречена вся Картогия.

Лумианское оружие, такое же, как этот образец, захваченный группой Дорнвальда в глубине территории васкориан, уже привело картогианскую армию к нескольким поражениям. Не вернулся обычный пограничный патруль, а отряд, посланный на его поиски, почти весь погиб в засаде васкориан. Затем васкориане осадили пограничную крепость, которая пала после ожесточенного сопротивления. Небольшая группа уцелевших сумела уйти и присоединилась к армии генерала Емблайена, которая шла на выручку крепости. Клейпурр приказал Емблайену остановиться и избегать стычек, пока не будет выяснена причина неожиданной неуязвимости васкориан.

Самое неприятное в неожиданных победах васкориан заключалось в том, что оружие они получали от Кроаксии, а было известно, что лумиане вступили с ней в контакт. Если нападения васкориан - лишь подготовка к крупномасштабному вторжению из Кроаксии, если армия Кроаксии вооружена этим опустошительным оружием, которое только что было продемонстрировано за резиденцией Клейпурра, тогда Картогия не продержится и одной яркости. Социальный эксперимент

Клейпурра прекратится, ночь снова опуститься над Веком Разума, который только еще начал рассветать; и все, от чего бежали Тирг и Лофбайель, снова обрушится на них.

- Каково твое мнение, Пеллимиадес? - спросил Клейпурр у своего технического советника, который острым взглядом ремесленника рассматривал другой образец оружия васкориан.

Пеллимиадес с сомнением покачал головой.

- В нашем мире такую точность деталей можно найти только в природной растительности, - ответил он. - Никакой ремесленник не может даже отдаленно к этому приблизиться. Если это работа лумиан, тогда они поистине жизнетворцы.

- Повторение, пусть даже грубое, невозможно? - спросил Дорнвальд. Или какие-нибудь средства защиты?

Пеллимиадес снова покачал головой:

- Нет, генерал.

С дальнего конца площадки подбежали два солдата, они принесли четыре плиты целей. На первой центр красный диск совершенно исчез; вторая была покрыта множеством отверстий с одной стороны диска; на третьей эти отверстия были разбросаны шире; четвертая походила на первую. Клейпур тяжело выдохнул через свои охладители и серьезно покачал головой.

- У нас нет выбора, - сказал он. - Единственный наш шанс - принять условия, которые с самого начала предложили нам торговцы-лумиане. Если у нас нет собственного оружия, нужно получить у них; и если мы должны заплатить приручением лесов, пусть будет так. Теперь это для нас вопрос выживания. - Он повернулся к Лиоканору, начальнику армейской разведки. Собери Кабинет, чтобы мы согласовали наше послание. Мы свяжемся с торговыми князьями лумиан через тех спрашивающих, что еще остались в лумианском лагере.

- Слушаюсь, сэр, - ответил Лиоканор и ушел.

- Пройдем в помещение Совета и подождем там, - сказал Клейпурр. Прежде всего нужно вооружить всех горожан на случай кроаксийского вторжения и выработать тактику, чтобы продержаться, пока не получим оружие лумиан. Боюсь, что нас ждут тяжелые времена.

Тирг чувствовал себя отвергнутым, когда он и Лофбайель вслед за остальными вернулись в дом. Клейпурр со своим обычным прагматизмом не стал тратить времени на тщетные обвинения и жалобы; он пытался разобраться в ситуации и сделать все необходимое, чтобы справиться с ней. Но именно Тирг убедил его в искренности Носящего, он уговорил его прислушаться к предательским словам. Теперь ясно, что весь этот эпизод с участием Носящего не что иное, как заговор лумиан,

чтобы Картогия оставалась в неведении и бездействии, пока идут активные переговоры с Кроаксией, которые постепенно приведут все народы робосуществ под власть самих лумиан. Подход лумиан к достижению своей цели оказался холодным, расчетливым, безжалостным и эффективным, а осуществлялся он так спокойно и гладко, что Клейпурр заподозрил: его уже не раз испробовали в прошлом и, может, с его помощью поработили дюжины или дюжины дюжин миров. Но какова бы ни была истина, сейчас этот процесс уже не остановить. Лучше государство в рабстве, чем никакого государства. Теперь главное - спасти Картогию.

Хуже всего, что Тирг сам искренне поверил Носящему, и теперь ему не остается ничего другого, как признать, что его жестоко обманули и предали. И это больше всего сбивало его с толку. Никогда в жизни он не был ни в чем так уверен, как в особых отношениях, сложившихся между ним и Носящим, отношениях, основанных на взаимном признании силы разума, которая преодолевает разницу в языке, племени, внешности и даже разницу в мирах, на которых рождаются разумные существа. Каждый распознал в другом общее свойство, которое уничтожало все различия, какими бы поразительными на первый взгляд они ни казались. Тирг надеялся, что это общее указывает на возможную связь всех бесчисленных форм разума, какие существуют на бесконечных мирах за небом. Истинно ищущий разум имеет больше общего, чем различий, и разумные существа могут сотрудничать, несмотря на разную форму, внешность и мир своего рождения, точно так же как подлинно ищущие знания из Кроаксии и Картогии могут работать вместе, не обращая внимания на границы, разделяющие эти государства. Образ жизни лумиан распространится по всей Робии и положит конец царству невежества, суеверий и страха; вера больше не будет навязываться запугиванием и устрашением... напротив, победят разум и знание.

На это надеялся Тирг.

Но Носящий обманул его и воспользовался его доверчивостью. Все его обещания и уверения оказались такими же ложными и коварными, как риторика ученого обвинителя в суде Совета Кроаксии. Кажется, обращение к разуму вовсе не так уж универсально во вселенной; возможно, оно так же редко у небесных правителей, как исключение Клейпурр среди правителей Робии, а область разума - такая же малая часть вселенной, как Картогия на Робии. Тирг должен был признать, что никакой закон природы не позволяет утверждать обратное. Поэтому, говорил он себе, может, в поисках оправдания, не стоит

винить себя в неправильном поведении: концепция "неправильности" исключительно субъективна. Это ограничения, наложенные на поведение большинства робосуществ внутри общества робосуществ, видимые их глазами, на основе обучения и опыта тех же робосуществ. Невозможно экстраполировать этот моральный кодекс на другие миры, невозможно даже сравнивать. Так что, может, Носящий не предавал его: просто поведение Тирга, с точки зрения лумиан, оказалось безнадежно наивным и детским. Но эти мысли не принесли ему утешения. Он по-прежнему испытывал горькое разочарование.

Они поднялись по пологим ступеням на террасу с тыльной стороны здания и уже собирались направиться в зал Совета, когда часовые открыли ворота и появился вестник верхом. Его животное галопом пересекло двор и остановилось под террасой. Клейпурр, который уже входил в дверь, оглянулся через плечо, повернулся и в сопровождении Дорнвальда вернулся к ступеням; свита расступилась, пропуская их.

- Говори, - обратился Клейпурр к вестнику. - Каковы твои вести?

- Сообщение от генерала Емблайена, - быстро ответил вестник. Васкориане пересекли наши границы и движутся к Менассиму.

На террасе послышались тревожные возгласы.

- Сколько их и как они вооружены? - спросил Дорнвальд. - Было ли сражение? Где? Каковы наши потери? В каком состоянии силы Емблайена?

Вестник покачал головой.

- Прошу прощения, сэр, но вы не поняли. Сражения не было. Генерал Емблайен пропустил васкориан, предоставив им свободный проход. Они согласились мирно пройти к Менассиму под охраной наших войск. Их ведет их пророк Езимбиал.

- Езимбиал... они идут мирно? - недоверчиво спросил Клейпурр. - Ты что, урановых солей нанюхался, вестник?

- Это правда, - настаивал посыльный. - У них теперь новая вера, запрещающая войны и убийства. Они говорят о картогианах как братьях и идут к лагерю лумиан, чтобы возвратить лумианское оружие. Васкориане говорят, что оружие им больше не нужно.

Лицо Дорнвальда потемнело.

- Они идут к Менассиму с оружием лумиан? Это хитрость! Какое безумие поразило Емблайена?

- Васкориане передали лумианское оружие охране, а другого оружия у них нет.

Клейпурр еще несколько секунд смотрел на вестника, потом

безнадежно покачал головой.

- Новая вера?.. Отрицание войн? Откуда это? Ты знаешь что-нибудь еще?

- Васкориане говорят о Божественном - они называют его Просветителем, - которого принесли в их землю сверкающие ангелы с неба, чтобы он передал миру заповеди Жизнетворца, - ответил вестник. - Он пришел с учениками, среди них бывшие солдаты кроаксийской королевской гвардии и жители деревни Ксерксеон, которая вся обращена в новую веру. Главный среди учеников апостол, которого называют Креститель, потому что он дает новые имена. Раньше его звали капитан Гораззоргио из кроаксийской королевской гвардии.

Дорнвальд ахнул.

- Гораззоргио Креститель? Что за чудотворец этот Просветитель?

- И правда, васкориане рассказывают об удивительных чудесах, сопровождавших появление Просветителя, - сказал вестник. - Об огнях, горящих в небе, а плавящихся скалах, о закипающих ручьях, о предметах, которые взлетают в воздух, и о святых драконах, приносящих ангелов с неба.

При упоминании о драконах глаза Дорнвальда вдруг блеснули.

- А наши наблюдатели и разведчики? - спросил он. - Что они говорят об этих чудесах и драконах?

Лицо вестника оставалось неподвижным.

- Ничего, сэр. Но мы получили несколько сообщений о появлении летающего экипажа лумиан в том месте, где происходили чудеса, и примерно в то же время.

- Понятно, - сказал Дорнвальд. Он отошел от балюстрады и перехватил взгляд Клейпурра. Клейпурр улыбался, остальные тоже. И Дорнвальд тоже улыбнулся.

И Тирг улыбался - вначале слабо и недоверчиво, потом широко, наконец он хлопнул Лофбайеля по спине и громко рассмеялся. Он понятия не имел, кто такой этот Просветитель... но думал, что знает, чей это летающий экипаж и кто подлинный чудотворец во всем этом деле.

На борту "Ориона" Джералд Мейси гневно вышел из лифта в сфере 2 и повернул, чтобы идти по коридору к каюте, которую днем использовала команда Замбендорфа. Он поговорил с большинством ученых и специалистов и сумел даже убедить некоторых выразить формальный протест Лехерни. Протест был отклонен со множеством искусно составленных возражений, отрицаний, технических подробностей и бюрократических задержек, а в требовании доступа к каналу прямой связи с Землей

было вежливо, но твердо отказано. Сделав все возможное, протестующие выразили свое сожаление Мейси естественно, все очень приличным, цивилизованным образом - и вернулись к своим разнообразным интересам и обязанностям. Еще более выводила из себя Мейси, профессионального психолога, что все происходило точно так, как предсказал Замбендорф.

- Мы оба понимаем, что движет людьми, Джерри, - сказал ему Замбендорф. - Разница в том, что я это принимаю, а вы нет.

Мейси постучал в дверь каюты и подождал, пока Тельма не посмотрит, кто это, прежде чем впустить его.

- Ничего хорошего, - сказал он ей, входя и разводя руки. - Лехерни ожидал этого. У него все было готово. И вообще, кроме Дэйва Крукса, Леона Кихо, Грэма Спирмена, Уэбстера и еще нескольких, остальные вообще не заинтересовались. Их не трогает ничто, непосредственно с ними не связанное.

Тельма, казалось, не удивилась.

- Ну, вы должны были попробовать, - сказала она. - Забудьте об этом на минуту и посмотрите. - Она подвела его к экрану, на который смотрела, когда он вошел.

Мейси встал за стулом, чтобы посмотреть через ее плечо. На экране видна была процессия талоидов, одетых в белое и носящих что-то вроде гирлянд - вероятно, куски металла на проволоке - на шее. Некоторые несли флаги с талоидскими надписями, другие били и дули в что-то напоминающее музыкальные инструменты, а все остальные ритмично покачивались при ходьбе. По обе стороны процессии двигались кавалеристы в форме, Мейси узнал в них солдат Генуи, они продвигались медленно, вели за собой вьючных животных, и каждое животное несло связку земных ружей и пулеметов, алюминиевые ящики с патронами и гранатами. По бокам дороги стояли другие талоиды и смотрели.

- Это картинка с флаера Карла? - спросил Мейси.

Тельма кивнула.

- Да. Прямой эфир.

- Что случилось? Откуда это?

- Это дорога в Геную, - сказала Тельма. - По ней идут друиды. Они направляются к Генуэзской базе, чтобы вернуть эти железки. Моисей совершил настоящее чудо.

Мейси медленно покачал головой, наблюдая, и понял, что улыбается.

- Не знаю... Никогда ничего безумнее не слышал... - пробормотал он. Я считал, что у снежка в аду больше шансов.

- Недавно связывались Артур и Галилей, - сказала Тельма. - Они очень довольны.

- А связь с флаером есть? - спросил Мейси.

Тельма кивнула и коснулась кнопки под экраном.

- Алло, "Оса"! - сказала она. - Есть кто внизу?

- Какие новости? - ответил голос Клариссы.

- О, только что зашел Джерри Мейси. Мне кажется, он хочет вас поздравить, - сказала Тельма.

- Ни за что не поверил бы, - сказал через ее плечо Мейси.

- Поэтому мы всегда вызывали у вас неприятности, - ответила Кларисса. - Вы недооценивали наши возможности.

- Может быть. А Карл там?

- Минутку.

Несколько секунд тишины. Затем послышался голос Замбендорфа:

- Привет, Джерри. Что вы думаете о нашем маленьком шоу?

- На меня оно произвело впечатление. Думаю, Артур и Галилей более чем довольны вашей помощью.

- Мы всегда стараемся как можно лучше обслужить клиентов, - ответил Замбендорф. - А как прошло с Лехерни?

- Ничего не вышло. Все, как вы предсказали.

- Гмм... жаль, - произнес Замбендорф. Но тут голос его повеселел. Ну, неважно. Я думаю, мы достаточно испытали свое секретное оружие и можем переходить к следующей фазе.

- Что за следующая фаза? Я думал, это все. Друиды больше не будут доставлять неприятностей, и Артур доволен таким исходом. А что еще вы хотите?

- Согласен, все хорошо, но у меня по-прежнему большой счет к нашим друзьям Каспару, Дэну Лехерни и всем тем достойным людям на Земле, которые сочли, что я еще одна марионетка и меня легко купить, - сказал Замбендорф. - То, что вы видели, Джерри, всего лишь костюмная репетиция. Настоящее представление скоро начнется.

- Карл, - в голосе Мейси прозвучала нотка сомнения и страха, - о чем вы говорите?

- Это опустошительнее водородной бомбы, - ответил полный возбуждения голос Замбендорфа. - Вначале Моисей, потом эскадрон падуанской кавалерии, после этого целая деревня талоидов... а теперь и все племя. Такого снежного кома я никогда не видел.

- И что же?..

- Далее мы обращаем всю падуанскую армию, которая сейчас движется на Геную, а затем переносим операцию в саму Падую, ко двору Генриха, воскликнул со смехом Замбендорф. - Представляете: весь народ Падуи говорит Лехерни, что он может сделать со своим оружием... а позже, может быть, и весь Титан. Вот будет сюрприз для ГКК, Реймелсона, политиков - для всех

них!

- Но... но у вас для этого не хватит людей, - возразил Мейси.

- Как это не хватит людей? У нас есть Моисей и лорд Нельсон со своими кавалеристами плюс множество жителей деревни... и не знаю, сколько тысяч друидов из последнего пополнения. Говорю вам, Джерри - это снежный ком.

- Да, я знаю, но у вас ведь там внизу только небольшая "Оса". Вы не сможете перенести в Падую достаточное количество талоидов, чтобы начать революцию. Понимаете, о чем я? Вам нужна критическая масса. Иначе пламя не вспыхнет.

- Ну, это все под контролем, - легко ответил Замбендорф. - Как только мы...

Его прервала Тельма.

- Карл, не пускайтесь в подробности. Джерри еще ничего не знает. Я не успела ему рассказать...

- О чем я не знаю? - спросил Мейси. Холодное ощущение в груди подсказывало, что сбываются худшие его опасения.

- Вы не захотите знать, - ответила Тельма. - Почему бы вам...

- Я хочу знать! Что происходит? О чем вы не успели мне сказать?..

- Танго Бейкер два контролю: последовательность стартовых операций завершена, частота обратной связи проверена на ноль три пять. У меня четырнадцать на бета-семь и чисто шесть-шесть. Переключаюсь на местную частоту.

- Принято, Танго Бейкер два. Вектор частоты обратной связи подтвержден и дельта повтор зеленый. Контроль "Ориона" готов. Доброго пути!

- Принято. Старт. - Энди Шварц, капитан большого посадочного корабля, начиная спуск с "Ориона", еще раз проверил показания всех приборов и откинулся в кресле. Автопилот выведет их в окно для пологого спуска с направления в семьдесят градусов на наземную базу у Падуи, корабль несет большой груз материалов и механизмов. На этот раз никаких пассажиров, кроме двух солдат сил специального назначения, которые пропустили свой рейс из-за оплошности администрации и теперь догоняли отряд.

Большинство солдат, которых Шварц со своим экипажем перевозил на поверхность, позже стали инструкторами и учили падуанцев обращаться с земным оружием. "База" вблизи Падуи представляла из себя всего лишь несколько стартовых платформ и кораблей, все это размещалось в холмах подальше от города, очевидно, потому, что предводители падуанцев не сообщали населению о землянах - в отличие от Генуи. Даже падуанская армия не знала тайны. Офицеры и солдаты учились у небольшой

группы доверенных инструкторов, которые единственные только и встречались с землянами. Шварц не знал, как все это понять.

- А есть на Падуанской базе девушки? - небрежно спросил второй пилот.

- Никаких шансов, Кленси.

- Тебе не помешает перерыв, Кленси, - сказал со своего сидения сзади Майк Глотцен, летный инженер. - Я читал, что воздержание бывает полезно для здоровья.

- А я читал, что слишком хорошее здоровье тоже плохо, - ответил Бейкер.

- Вызывает рак, а? - спросил Шварц.

- Ну, разве не всегда что-то вызывает что-то?

- А как насчет излишней умеренности? - спросил Фрейзер.

- Это связано с избытком недостатков. Вот уж что плохо, - сказал Бейкер.

Глотцен захохотал.

- Придется привыкать, Кленси. Никаких пирушек в Падуе. Только работа.

Бейкер несколько секунд смотрел на свои инструменты.

- Парни, у меня идея, - сказал он, поворачиваясь. - Как насчет моды прямо из Южной Калифорнии?

- А что это? - спросил Глотцен.

- Пирушка с обменом надувными куклами... - Бейкер смолк, увидев большого черного солдата из специальных сил в маскировочном боевом костюме, одного из двух незаконных пассажиров. Тот входил через дверь Эй, партнер, тебе нельзя здесь находиться, - предупредил он. - Оставайся на месте и пристегнись. Не вставай до самой посадки.

- Уходи отсюда, - сказал Шварц, оглядываясь. - Если хочешь увидеть посадку, ладно, я тебя позову.

Джо Феллбург вошел в кабину и нацелил автомат. Он дружелюбно улыбнулся, и его белые зубы ослепительно сверкнули на фоне черной кожи. Мгновение спустя Дрю Вест, тоже в боевом маскировочном костюме, с 45-миллиметровым автоматом в руках, вышел из-за него и направил на экипаж оружие с другого угла.

- Ну, будем разумны и дружелюбны, - предложил Феллбург. - Делайте, что я вам говорю, и все будет в порядке. Переключитесь на эйч-двадцать семь на уровне эф и на частоте двадцать восемь точка три мегагерц поймаете передачу. Перепрограммируйте профиль посадки и следуйте по направленному лучу. Ладно?

30

Рядовой пехотинец кроаксианской армии Саллакар запыхался от подъема и закашлялся, когда его охлаждающая система

попыталась отфильтровать пыль, поднятую идущими впереди. Проклиная пустыню, пыль, армию, бесконечное расстояние до Картогии, он отошел в сторону и оглянулся на длинную колонну пехоты, кавалерии, пускателей огненных шаров, боевых колесниц и фургонов обоза, уходящую назад, за край горизонта, по круглым дюнам и низким кустарникам Меракасина. На этот раз дело настоящее, мрачно подумал он. Ему пришлось участвовать в нескольких пограничных стычках с картогианами, и этот опыт не вызывал у него энтузиазма и нетерпения при мысли о новой встрече. Да, конечно, офицеры, как всегда, кажутся очень уверенными, они всех уверяют, что новое оружие позволяет быстро покончить с Картогией; но Саллакар не раз уже слышал подобные речи. Легко говорить другому "не тревожься", когда у тебя быстрое верховое животное и ты можешь уйти, если случатся неприятности. О, да, так говорить легко. Но, по казарменным слухам, капитан Гораззоргио так уже не говорил, когда вернулся после преследования группы картогианцев один, без своих солдат и без одной руки и глаза. Нет! Совсем не похоже, чтобы сопротивление было слабым.

Саллакар потрогал холодные жесткие края нового метательного орудия, которое висело у него на спине, - продукт напряженного труда лучших ремесленников и изобретателей Кроаксии, которые много дюжин яркостей в глубокой тайне трудились над ним. Да, конечно, работа прекрасная, и оружие кажется достаточно эффективным. Они прошли торопливый курс обучения, когда все оставляли, как обычно, на последнюю минуту - вероятно, по соображениям безопасности, - но что это доказывает? Только то, что кто-то изобрел способ улучшить оружие. Но у картогиан тоже хорошие ремесленники. Если это смогли сделать кроаксийцы, то почему не смогут картогиане? Конечно, смогут. Больше того, судя по всему, что видел Саллакар, картогиане как раз способны сделать это первыми. А об этом офицеры нам не скажут, подумал он про себя. О, нет, войскам никогда ничего подобного не говорят.

- Саллакар, ты что делаешь? Ты что, на прогулке? - послышался рев сержанта Берголода. - Возвращайся в строй!

- Чтоб тебе вступить в связь с самим собой! - пробормотал Саллакар, удобней передвигая оружие и возвращаясь на свое место в строю рядом с Моксеффом.

- Наверно, тебе нравится лишений наряд на дежурство, Саллакар, сказал Моксефф. - Хочешь в одиночестве поразмышлять, глядя на пустыню? Я не знал, что у тебя такое поэтическое настроение.

- Чума ржавчины и сифилиса на эту пустыню! - плюнул

Саллакар. Трижды я уже пересекал ее, и каждый раз ширина ее удваивается.

- Ну, просто, у тебя характер портится.

- А тебя что, эта жара не трогает? - спросил Саллакар.

- После душной атмосферы Кроаксии воздух тут приятно сухой и освежающий, - согласился Моксефф.

- Черт побери! Ты сам отказываешь себе в единственном оправдании твоего невыносимого характера.

- Лучше побереги свой гнев для картогиан, - посоветовал Моксефф.

- И правда, я думаю: раз уж тебе нравится воздух пустыни, должна понравиться и битва. Ты расцветаешь, когда дышишь пылью карборунда, тебе хватает одного ведра метана на целую яркость, чтобы возместить все твои жидкости и смыть грязь с соединений.

- Ну, не болтай слишком много, Саллакар.

- А ты болтаешь слишком мало. Да какой раб все это стал бы терпеть? Никакой! А я болтаю слишком много! Да разве ты не хочешь воспользоваться своими правами свободного робота?

- Должен ли я тебе напоминать, Саллакар, что наш закон - армия? Кто слышал о пехотинцах, требующих осуществления своих прав?

- А почему бы и нет? - спросил Саллакар. - В Картогии, говорят, решения принимаются большинством населения, а не теми, у кого сильные руки или благородство рождения. Достойный одобрения обычай. Почему бы не ввести его в нашей армии?

- Ты шутишь!

- Вовсе нет. Я уже много яркостей размышляю об этом. Мы должны образовать союз, Моксефф, чтобы объединить свои силы и продавать свою службу и верность в обмен на справедливые и разумные условия, которые должны быть закреплены в соответствующем контракте. Чтобы сражаться, мы потребуем численного превосходства по крайней мере два к одному или даже большего, сравнительно умеренного климата и гарантии выплаты в случае отсутствия добычи. Должны быть установлены периоды отдыха в четверть и половину яркости, одна яркость из каждых шести должна быть объявлена свободной от военных действий, а на население наложен налог, чтобы платить нам пособие в случае безработицы.

- О, какой благословенной была бы жизнь пехотинца. А не хочешь ли лично высказать эти требования нашему королю Эскендерому и его Совету? Да способствует тебе удача, Саллакар! Мы все будет вспоминать тебя с добрым чувством.

- Позор на твою голову за то, что говоришь презрительно о том, чего не понимаешь. Ты бы согласился на свою долю благ? О, разумеется. Но чтобы что-то предпринять самому для их достижения? Немыслимо! Что за... Саллакар остановился и повернул голову, чтобы увидеть причину смятения впереди. Колонна остановилась.

- Пустыня вздымается! - воскликнул Моксефф.

- Буря? - крикнул кто-то впереди.

- Буря такой не бывает! - ответил другой.

- Это какая-то хитрость картогиан!

- Земля впереди кипит! Она в огне!

- И вокруг нас тоже! Мы в западне!

Впереди поднялась стена из дыма и пламени, которая пересекла линию марша, она с каждой секундой поднималась все выше, закрывая небо, а справа и слева, на соседних холмах, появились столбы фиолетового света, окружая колонну.

- Я ПРОСВЕТИТЕЛЬ, КОТОРОГО ПОСЛАЛ К ВАМ ЖИЗНЕТВОРЕЦ! - прогремел голос, сразу отовсюду, и эхом отразился от окружающих холмов. - СОЛДАТЫ КРОАКСИИ, ПОЛОЖИТЕ СВОЕ ОРУЖИЕ, ИБО ОН ПРИКАЗАЛ: "НЕ УБИЙ!"

- Подготовиться к отражению засады! Рассредоточиться! - кричал верховой офицер, скакавший вдоль линии. - Пехоту в укрытие! Кавалерию на фланги! Держаться ближе к повозкам!

- Группа А - к скалам, группа Б - в ущелье! Группа В - за мной! крикнул сержант Берголод. Офицеры впереди и сзади выкрикивали приказы, и через мгновение колонна распалась, солдаты бежали во всех направлениях. Саллакар вместе с Моксеффом и еще несколькими пехотинцами оказался за скалой. Он посмотрел через край скалы и увидел, как вверху, среди пламени, появились фигуры в белом, неустойчивые, дрожащие, эфирные фигуры, явно нематериальные. Казалось, они приближаются.

Один из солдат поднял свое оружие и выстрелил, отдача отбросила его назад. Рядом тоже выстрелили, и через мгновение стреляла вся колонна. Саллакар. подобно всем остальным захваченный страхом, поднял, как его учили оружие, прицелился в белые фигуры и нажал курок. Оружие рявкнуло... но никакого эффекта, фигуры продолжали приближаться.

Над самым краем дымного облака висел флаер, с которого взорвали размещенные впереди баки с напалмом. Замбендорф внимательно наблюдал за происходящим. Он понимал, что солдаты могут впасть в панику, и потому не разрешал преждевременно появляться на сцене талоидам. На сплошной дымовой экран проецировалось изображение талоидов;

проекторы были заранее размещены среди скал, с обеих сторон замыкавших ущелье.

- Попробуем прекратить эту стрельбу, - сказал он Клариссе.

- План С?

- Да. Несколько взрывов в этих ледяных утесах в сопровождении пиротехники.

В пилотском кресле Абакян подготовился передавать изображение переведенного послания Моисея через громкоговорители флаера, с соответственно подобранной частотой звука, а также через ультразвуковые усилители, размещенные вокруг на скалах.

- Айее! - Один из солдат уронил оружие и встал, в ужасе указывая на небо над стеной огня. - Дракон опускается! Мы вызвали на себя гнев Жизнетворца! - Стройное гладкое существо, непохожее ни на что виденное Саллакаром, устремилось на них. Саллакар инстинктивно направил на него оружие, но потом понял всю тщетность этого и опустил руки.

- Мы обречены! - простонал рядом с ним Моксефф. Несколько пехотинцев поблизости от них побросали свое оружие и побежали назад, туда, откуда пришли. Над головой вспыхнул яркий свет, нависли светящиеся фиолетовые облака, одновременно от дракона вниз устремилось больше огненных столбов, столбы упали на скалы, и те начали трескаться. Саллакар закричал и закрыл уши... но он еще жив.

- ПОЛОЖИТЕ ОРУЖИЕ, СОЛДАТЫ! - прогремел голос Просветителя. - В ЗАПОВЕДЯХ СКАЗАНО: "НЕ УБИЙ!"

И тут над огненной стеной появился второй дракон, гораздо больше первого, он медленно и величественно пролетел над головами солдат, под ним сверкал огонь.

- Ангелы! - закричал Моксефф, выпрямляясь и показывая вверх. - Ангелы спускаются с неба!

- Смотрите, как они сияют! - кричал другой солдат. - Истинно это время чудес! - Отовсюду солдаты выбегали из укрытий и стояли, глядя в небо. Некоторые отбросили оружие, многие опустились на колени. Даже офицеры сидели неподвижно, пораженные и устрашенные происходящим. От дракона отделилось множество белоснежных фигур, на белых пушистых крыльях они величественно спускались вниз.

- ПРИГОТОВЬТЕСЬ К ВСТРЕЧЕ С ПРОСВЕТИТЕЛЕМ! - прогремел голос. - Я ИДУ В МИРЕ И НЕСУ СЛОВО ДОБРОЙ ВОЛИ ВСЕМ РОБОСУЩЕСТВАМ.

В грузовом отсеке большого посадочного корабля САКО Джо Феллбург в последний раз проверил ремни Моисея, удовлетворенно кивнул и поманил талоида к краю открытого

люка. Моисей наклонился вперед и посмотрел вниз.

- Скажи ему, что все будет в порядке. Ему нужно шагнуть, отсчитать пять и только тогда дернуть за кольцо, - закричал Феллбург Весту, который стоял рядом с ними, держа переводчик. - Смотри на остальных выпрыгнувших. У них все хорошо. - Вест заговорил в микрофон, посмотрел на появившийся на экране перевод, и машина передала сообщение Моисею. Тот доверчиво кивнул.

- Здорово, парень! - сказал Феллбург. Он наклонился, поджигая фейерверк, привязанный к длинному шнуру: он будет висеть достаточно далеко от Моисея и не заденет его, потом выпрямился, похлопал робота по спине. Джеронимо [Традиционный боевой крик парашютистов во время прыжка]! закричал он, и белокрылый робот с висящими под ним огнями шагнул в пустоту. Флаер, круживший поблизости, своим прожектором поймал фигуру под раскрывшимся парашютом, и Моисей начал медленно опускаться в плотной атмосфере Титана.

Солдаты ахали, глядя на спускающегося Учителя в огненном ореоле. Саллакар не знал, чему верить, но огромное теологическое откровение уже стало ему ясно: отказ от веры в Просветителя означает необходимость сражаться с картогианами; обращение же в новую веру - это отказ от войны.

- Аллилуйя! - закричал он, отбросив оружие и вздымая руки к небу. - Я спасен! Грешник узрел свет! Приветствую тебя, Просветитель!

Очевидно, большая часть армии Кроаксии пришла к такому же выводу. Вдоль всей колонны вставали солдаты, выходили из укрытий, бросали на землю оружие. В воздухе гремели сотни голосов:

- Я узрел свет! Я узрел свет!

- Просветитель идет!

- Слава Просветителю!

- Мы спасены! Мы спасены!

- Больше не будет убийств! Не будет войн!

- Все мне братья! Я больше не буду убивать!

Много часов Просветитель проповедовал любовь и мудрость с вершины холма, а солдаты, стоя на склонах, слушали. Когда Просветитель кончил, солдаты оставили оружие в пустыне и пошли назад в Кроаксию. А Просветителя ангелы снова подняли в небо. Он пообещал, что будет ждать новообращенных в Пергассосе, где они вместе с ним начнут строительство нового мира.

- Поразительно! Поверить не могу! - сказал Мейси Замбендорфу с "Ориона", когда флаер поднялся выше, передавая картину распавшейся падуанской армии.

- Осталась последняя фаза, Джерри, - уверенно ответил Замбендорф. Следующая остановка - Падуя. Мы подготовили массовку, все проверили, усовершенствовали технику, все нормально. Что может пойти не так?

Час спустя военный разведочный флаер пролетел над пустыней между Генуей и Падуей и послал серию изображений на "Орион". На картинках видна была вся армия Падуи, она возвращалась назад. Это произошло вскоре после того, как Каспару Лангу доложили об исчезновении посадочного корабля, совершавшего обычный рейс в Падую. Никаких сигналов о неисправностях с корабля не поступало, а экипаж был известен свой устойчивостью и надежностью; специалисты САКО, расследовавшие происшествие, пришли к единодушному выводу, что корабль похищен.

Ланг договорился с военным командованием Падуи о том, чтобы Джеймс Бонд, известный шпион короля Генриха, был перенесен по воздуху к отступающей армии. Он должен был перехватить ее и узнать, что случилось. Потом Бонд в холмах встретился с землянами, и его отвезли назад на базу в Падуе, где он и сделал свой доклад.

Новость заключалась в том, что планировавшееся вторжение Падуи в Геную сорвано. Вся падуанская армия вышла из подчинения своим командирам и возвращается домой, чтобы строить новое общество. Солдаты встретили в пустыне мессию, который обратил их в новую веру терпимости и ненасилия. Мессия спустился с неба в сопровождении летающих драконов, крылатых ангелов, небесных голосов и прочих чудес.

Ланг немедленно заподозрил истину.

- Отыщите Замбендорфа, - приказал он своему помощнику. - Он что-то слишком долго молчит. Мне нужно знать, где он и что делал последние сорок восемь часов.

Оказалось, что ни самого Замбендорфа, ни почти никого из

его команды отыскать невозможно.

- Вы должны были держать его все время под наблюдением! - кричал Ланг на побледневшего Осмонда Перейру, спустя пятнадцать минут после получения этого известия. - Его нет на корабле, нет на базе в Генуе, и два дня уже его никто не видел. Где же он?

- Я... э... думал, он с Малькольмом Уэйдом, - потрясенно ответил Перейра. - Но, очевидно, Уэйд думал, что он со мной. Не понимаю, как это могло произойти. Кажется, Тельма фальсифицировала всю нашу информацию... но ведь она только секретарша. Боюсь, мы недооценили ее способности.

- Я абсолютно уверен, что переоценил ваши! - кипел Ланг. - Неважно! Найдите его, понятно? Я хочу, чтобы его нашли!

Полчаса спустя Перейра отыскал Тельму в помещении команды в сфере 2.

- Простите, если я помешал, но очень важно, чтобы ситуация немедленно прояснилась. Мы должны знать, где он. Слушайте меня внимательно, Тельма, и сосредоточьтесь на моих словах. Знаете-ли-вы-где-Карл?

Тельма смотрела на него широко распахнутыми глазами.

- На Земле, я думаю.

- Послушайте, не говорите глупостей. Будьте разумны. Как он может оказаться на Земле?

- Он телепортировался туда, - не моргнув глазом, ответила Тельма. Вы разве не знали? Он уже несколько месяцев работал над этим.

- Не будьте глупой.

- Нет, правда.

Перейра неуверенно смотрел на нее.

- Правда? Вы не шутите?

- Неужели я буду шутить о таких серьезных вещах? Особенно с вами, Осмонд?

И Перейра доложил Лангу: он совершенно уверен, что Замбендорф овладел телепортацией и вернулся на Землю.

И когда Ланг взорвался, Перейра решил, что все администраторы лишены воображения, негибки, заскорузлы и ничего не понимают в науке.

31

В отличие от распространенного представления о высокопоставленном чиновнике корпорации, Каспар Ланг не стремился к богатству или к власти над людьми. Зарплата, которую он получал в САКО, и власть в пределах корпорации, уступавшая только власти Грегори Була, вполне устраивали его, в финансовом, психологическом и эмоциональном отношениях он

чувствовал себя удовлетворенным и не испытывал никаких опасений относительно будущего. В результате он оказывался неподкупным для конкурирующих фирм, не подверженным влиянию противоположных идеологий, все его действия были направлены на сохранение своего положения, его личные интересы совпадали с интересами корпорации, и политика корпорации заключалась в том, чтобы поддержать его в таком состоянии. Короче говоря, самое главное качество, которая корпорация превыше всего ценила с своих высших руководителях, которое она воспитывала всеми возможными способами, - этим качеством была верность. Теперь Замбендорф стал врагом корпорации, и это автоматически делало его и врагом Ланга. Личные чувства не входили в это уравнение; впрочем, Ланг никогда не испытывал приязни к Замбендорфу; теперь долг Ланга - любыми способами остановить Замбендорфа. А в такой ситуации, когда ставки огромны, приемлемы именно любые способы и средства.

- Насколько мы может восстановить события, это было цирковое представление с пролетом флаера, спуском талоидов на парашютах, различными трюками с оптикой и громкоговорителями и со множеством пиротехники, говорил Ланг Мейси в конференц-кауте "Ориона". Сидевший против Мейси Лехерни мрачно смотрел на костяшки пальцев, сжимая перед собой руки, а рядом с Лангом Жиро внимательно слушал, поджав губы и потирая переносицу. Ланг продолжал: - Падуанская армия распалась и возвращается в Падую. Офицеры, с которыми разговаривал Джеймс Бонд, говорят, что армия ждет встречи с мессией и начала Новой Эры. Мы считаем, что Замбендорф собирается повторить представление в самой Падуе.

Мейси потер нос и нахмурился. Он по-прежнему не понимал, зачем его пригласили.

- Ну, знаете, мое отношение к передаче оружия падуанцам и разжиганию вражды между ними и Генуей было достаточно очевидно. Не могу делать вид, что расстроен теперь, когда ваш план не удался. Вообще в первый раз я могу только пожелать удачи Замбендорфу.

- Ваше личное мнение относительно целей нашей экспедиции и политики руководящих ею организаций не имеет отношения к цели нашей встречи, сказал Лехерни. Голос его звучал необычно резко. Мейси пожал плечами, но промолчал. Лехерни взглянул на Ланга и кивнул, приглашая продолжать.

- Мы не можем определить, где находится их корабль, - сказал Ланг. Он может быть где угодно на площади в сотни тысяч квадратных километров. Значит, в следующий раз мы можем

надеяться увидеть Замбендорфа в Падуе, куда он привезет сфабрикованного им мессию. До того времени у нас нет возможности связаться с ним.

- Нам хотелось бы получить вашу профессиональную оценку, как ведущего психолога экспедиции: какова будет реакция Замбендорфа на наши предполагаемые действия? - сказал Жиро.

Мейси не было смысла изображать незаинтересованность. Он поднял голову и вопросительно выпятил подбородок, но молчал. Ланг немного подождал, потом продолжал зловещим голосом:

- Как мы все знаем, современные ракеты класса земля-воздух для уничтожения бронированных низколетящих целей - очень мощное оружие. У них умная электроника, которая позволяет следить за целью и ведет ракету за ней. К тому же эти ракеты сознательно сконструированы так, что они очень просты в обращении и не требуют специально подготовленного персонала. Талоиды в состоянии очень легко научиться запускать их. - Ланг поднял руку и подержал ее, привлекая внимание к своим словам. - Если... случайно окажется, что такое оружие включено в поставки королю Генриху... для всякого, кто попытается на небольшой высоте пролететь над городом, это будет дурной новостью.

Глаза Мейси сверкнули, прежде чем Ланг кончил, борода его задрожала от негодования.

- Что вы говорите? Это будет убийством! Вы не можете...

Ланг протестующе поднял руку.

- Эй, полегче, Джерри. Спокойней. Я говорю предположительно. Но, допустим, Замбендорф поверит, что у падуанцев действительно есть такое оружие... Понимаете, о чем я? Он ведь должен будет рискнуть своими людьми и еще экипажем шаттла, который они похитили... Как он поступит? Отступит и забудет все это дело относительно Падуи или рискнет? Или сделает что-нибудь еще? Как вы думаете?

Наступило короткое молчание.

- Вы хотите, чтобы я сделал предсказание? - осторожно спросил Мейси.

Ланг покачал головой.

- Нет... только ваше мнение. Как сказал Шарль, нас интересует ваше мнение как одного из ведущих психологов экспедиции. Нам предстоит принять несколько важных решений, а времени у нас мало. Мы просто хотим убедиться, что не пропустили ничего важного.

Мейси снова посмотрел на стол. Он задумался. Если они просят его мнение, если к его мнению отнесутся с уважением, возможно, он поторопился в оценке ситуации.

- А как Замбендорф об этом узнает? - спросил он, поднимая голову.

- Мы вызовем корабль и просто скажем ему, - ответил Ланг.

- Он не ответит, - возразил Мейси. - Вам нужно точно знать их месторасположение.

- Совсем не обязательно, - заметил Жиро. - Они должны получать сведения по какому-то приемнику на поверхности Титана. Их может быть даже несколько, этих приемников. Их мы можем обнаружить, но корабль найти это нам не поможет.

Мейси кивнул, раздумывая над услышанным. Должен существовать способ использовать преимущества этого положения, говорил он себе. Ланг и остальные давно должны были понять, какова истинная причина его участия в экспедиции, но они никак не могут догадаться, что у него с Замбендорфом появились общие интересы. Все их планы основаны на условии - теперь оно больше не соответствует действительности, - что им с Замбендорфом нечего сказать друг другу. Возникают интересные многообещающие возможности.

После долгой паузы Ланг сказал:

- Очевидно, ему может прийти в голову мысль, что мы блефуем. Вообще говоря, такому парню, как Замбендорф, эта мысль первой придет в голову. Но, с другой стороны, политическое и коммерческое значение этой ситуации исключительно велики, и Замбендорф отлично понимает это. Кто знает, на что мы способны, когда дело подходит к развязке? Рискнет он всеми своими людьми? Вы должны понимать ход его мысли, для этого вас и послали. Итак, я хочу знать ваше мнение.

Рискнет ли Замбендорф? Нет, если не будет точно знать, что это блеф. В этом Мейси был уверен. Но теперь, когда сложился немыслимый союз Мейси с Замбендорфом, о котором руководители экспедиции не подозревают, Замбендорф все будет знать. Поэтому всякое предположение, основанное на том, что он не знает истинного положения дел, неверно. Если Ланг основывает свою стратегию на блефе, у Мейси есть возможность подорвать самое ее основание.

Мейси поднял голову и медленно обвел глазами лица троих ждущих его ответа.

- Может, Замбендорф мошенник и пройдоха в каких-то отношениях, возможно, его представление об этике не совпадает с общепринятым, но в основе своей его побуждения справедливы и человечны. Если у него возникнут сомнения, он рисковать не будет.

- Вы уверены? - тревожно спросил Лехерни.

- Нет, это только мое мнение. Ведь вы об этом просили?

- Но вы как будто уверены, - настаивал Жиро.

Мейси нахмурился и поджал губы, затем резко выдохнул и кивнул.

- Уверен, - совершенно искренне сказал он.

Лехерни взглянул на Жиро, на Ланга, потом вновь посмотрел на Мейси.

- Если вам нечего добавить, мы не станет вас задерживать. Спасибо, что потратили на нас время.

- Вам спасибо, - ответил Мейси чуть напряженно. Лицо его оставалось равнодушным, когда он выходил, но в глубине души он широко улыбался.

После ухода Мейси Лехерни глубоко вдохнул, откинулся в кресле и достал сигару из коробки, стоявшей в центре стола. С удовольствием вдохнул запах табака и с любопытством посмотрел на Ланга.

- Ну, ладно, Каспар, - сказал он. - А теперь объясните нам, к чему весь этот фокус?

- Прошу прощения за мелодраматичность, но я не хотел вам говорить, пока мы не побеседуем с Мейси, - ответил Ланг. - Мне нужны были ваши искренние реакции. - Он замолчал на секунду, взглянул на собеседников и добавил: - Наша военная разведка абсолютно уверена, что, как это ни покажется вам невероятным, Мейси и Замбендорф действуют вместе.

На лице Жиро появилось удивленное выражение.

- Но если это так и мы пошлем Замбендорфу предупреждение, Мейси предупредит его, что это блеф.

- Так он и должен поступить, - согласился Ланг.

Жиро еще более удивился.

- Ну... а нам что это даст? - спросил он.

- Это будет противоречить информации, которую Замбендорф получит по двум другим организованным нами каналам, - ответил Ланг. - Этот капитан САКО - Кемпбелл, - который поставляет Тельме информацию, как воду через решето, с тех пор как мы вылетели с Земли, а также ряд ученых сочувствуют взглядам Замбендорфа на талоидов. Мы передадим Замбендорфу информацию через оба эти источника; сообщим, что рассказали Мейси с той целью, чтобы он предупредил Замбендорфа, чтобы нас не могли впоследствии обвинить, и что мы на самом деле передали падуанцам ракеты.

- Замбендорф не будет знать, чему верить, - сказал Лехерни. Он подумал и немного и покачал головой. - В сущности, я уже сам точно не знаю.

- Я абсолютно согласен с мнением Мейси, что Замбендорф не будет рисковать, если у него появится хоть малейшее сомнение, -

сказал Ланг. Он невесело улыбнулся, оперся руками о стол, собираясь встать, и посмотрел на Жиро. - Теперь нам нужно организовать новую встречу с Генрихом. Несомненно, он очень рассердится, когда Джеймс Бонд доложит, что произошло с армией, но если все пройдет нормально и Замбендорф не вмешается, мы легко убедим Генриха, что это лишь временная неудача. И через неделю все снова пойдет нормально.

32

Флаер скользил низко над поверхностью Титана, в темноте его вели передние радары, они прощупывали местность своими электронными пальцами и преобразовывали контуры в цифровую последовательность, которую могут понять контролирующие полет компьютеры. Справа в каюте сидел Отто Абакян, он смотрел во тьму, поглощенный своими мыслями. Длинные усы при свете огоньков панели казались разрезом на его лице.

Прошло свыше двадцати лет, как выгода, которую искали в жизни он и Замбендорф, впервые свела их вместе во Франкфурте, в Западной Германии. Абакян в то время занимался биржевыми аферами. Три месяца слишком легких побед над богатыми вдовами во Французской Ривьере привели его к самоуверенности и беззаботности, и он не проверил основательно Замбендорфа, продавая ему портфель с поддельными сертификатами; но лишь когда его связной был арестован, а сам Абакян улетел, всего на несколько часов опередив полицию, он обнаружил, что Замбендорф расплатился с ним фальшивыми банкнотами. Очень скоро Замбендорф отыскал его - по-видимому, без особого труда, - но не стал поучать или насмехаться по поводу урока, который получил Абакян. Замбендорф выразил интерес к схеме дела и поздравил Абакяна с удачным стилем работы. Они стали партнерами, а за последующие годы при различных обстоятельствах подобрались и другие члены команды.

За годы работы с Замбендорфом Абакян побывал в самых неожиданных местах, встречался с самыми разными и необычными людьми и принимал участие во многих аферах. Например, один богатый китайский промышленник заплатил им четверть миллиона долларов за установление связи с его достопочтенными предками; некое западноафриканское государство наняло их для организации военной разведки на основе "экстра" способностей; за огромные суммы они снабжали информацией известного итальянского составителя гороскопов; в обширных поместьях бразильского землевладельца искали стратегические материалы. И вот теперь самое странное из всех мест - спутник Сатурна, и самое странное дело - они создают сценическое обоснование некоему металлическому Иисусу

Христу, распространяя новую религию среди разумных роботов. И что самое странное: ничего в этой ситуации не казалось Абакяну странным. Он давно уже понял: само присутствие Замбендорфа означает изменение масштабов и оценок странного.

Посоветовавшись с Джо Феллбургом, и Энди Шварцем, капитаном неофициально заимствованного у САКО корабля, Замбендорф согласился, что выброска в городе неопытных талоидов на парашютах опасна и отказался от первоначального плана просто повторить представление, которое так успешно прошло в присутствии армии Генриха в пустыне. Вместо этого Кларисса и Абакян перенесли Моисея на окраины города, откуда он пойдет пешком и начнет проповедовать в самом населенном месте - на центральной рыночной площади. Получив условный сигнал от передатчика Моисея, флаер торжественно опустится в сердце города в сопровождении голосов, огней и спецэффектов и высадит группу специально подготовленных последователей в составе лорда Нельсона и друидов. Замбендорф с уверенностью предсказывал, что в результате начнется массовое обращение падуанцев; Генрих будет смещен; Генуя - спасена; будущее талоидов - обеспечено; война с бесстыдными магнатами и политиками с Земли выиграна. Одно из самых замечательных качеств Замбендорфа как предводителя - и источник самых больших затруднений для всех работавших с ним - то, что все в его представлении будет происходить очень легко.

Но последние происшествия вызывали у Абакяна дурные предчувствия. Во-первых, двадцать четыре часа назад позвонил Мейси с "Ориона" и предупредил, что Ланг использует блеф, чтобы помешать Замбендорфу повторить в Падуе замечательное пустынное представление.

И правда, несколько часов спустя Ланг совершенно серьезно предупредил именно о том, о чем говорил Мейси. Замбендорф прекрасно разыграл сцену: он отчаянно, но безуспешно пытается скрыть отчаяние, слушая Ланга, и пробормотал, что ему нужно время, чтобы обдумать ситуацию. Когда Ланг отключился, Замбендорф расхохотался и торжествующе сказал своей команде:

- Это было последнее препятствие. Благодаря Мейси мы перехитрили обманщиков. Ланг и остальные будут просто сидеть в "Орионе", уверенные, что мы откажемся от операции. Ничего другого они не ждут.

Энтузиазм Замбендорфа захватил и экипаж корабля, который постепенно переходил на сторону команды под воздействием магнетизма личности Замбендорфа; к тому же, новичкам объяснили истинную причину экспедиции "Ориона". Команда с радостью приняла новых четверых членов и готовилась к

заключительной стадии операции. Ситуация вряд ли могла быть более благоприятной. Все пройдет хорошо, думал Абакян. Но где-то в глубине души он ощущал что-то другое, что-то слишком слабое, чтобы подняться на уровень сознания, но инстинкт предупреждал его. Двадцать лет назад Абакян понял, какова опасность самоуверенности; предчувствие говорило ему, что настала пора и Замбендорфу получить тот же урок.

На приборном щите неожиданно загорелся огонек, на экране дисплея замигал сигнал. Кларисса, сидевшая рядом с Абакяном, взглянула на экран.

- Мы прошли над первым внешним указателем, - сказала она, еще больше сбрасывая скорость и высоту. - Проверить профиль посадочной площадки.

Абакян включил инфракрасное изображение, передал данные на другие приборы.

- Возрастание один восемь ноль. Степень пять четыре. Падение скорости до четырех двадцати, - сообщил он. - Включение программы автоматической посадки через десять секунд в фазе три.

- Как контроль посадки и все системы?

- Один - зеленый, два - зеленый... все функционирует нормально.

Флаер обогнул невидимую вершину, вышел на посадочную прямую и опустился в узкую с крутыми сторонами долину, где прятался большой корабль. Дно долины занимала масса индустриальных конструкций чужаков, спутанные механизмы, брошенные фабрики; никакой спутник здесь не разглядит очертания корабля, который к тому же в качестве дополнительной предосторожности обернут в алюминиевую фольгу и металлизированный пластик. Огни не горели, а все электронные передачи были строго запрещены, кроме низкоэнергетических местных и наземных маяков, связанных с радиорелейными станциями спутников. Абакян нажал кнопку и произнес в микрофон своего шлема:

- "Оса" к Большой Птице. Вы меня видите? Прием.

Несколько секунд спустя послышался голос Хэнка Фрейзера, связиста корабля:

- Вижу вас хорошо, "Оса". Посадочная площадка свободна. Как дела?

- Привет, Хэнк. Задание выполнено, - ответил Абакян. - Моисей в пути. Никаких происшествий. А как у вас?

Флаер повис в темноте, и Кларисса быстро взглянула на дисплеи компьютеров. Мгновение спустя машина начала вертикально опускаться.

- Мне кажется, у нас проблемы, - ответил голос Фрейзера. - С корабля позвонил Дэйв Крукс. Он как будто подслушал разговор двоих офицеров; они говорили о наземных ракетах, которые отправлены падуанцам на случай, если Замбендорф решит повторить свой трюк. Крукс не знал, как понять этот разговор, но офицеры говорили серьезно, и ему показалось, что мы должны об этом знать. Другими словами, кажется, у Генриха действительно есть это оружие.

В полутьме кабины флаера Кларисса и Абакян обменялись зловещими взглядами.

- Говорили ли они об этом с Мейси? - сквозь сжатые губы проговорила Кларисса. Снаружи стали видны верхушки стальных башен и пилонов. Двигатели флаера взревели: это компьютеры отдали приказ погасить инерцию движения.

- Карл разговаривал об этом с Мейси? - спросил Абакян.

- Он не смог его отыскать, но пытается сейчас, - ответил Фрейзер.

- Карл по-прежнему считает, что Ланг блефует?

- Он не знает, что думать.

Флаер в последний раз дрогнул, и что-то в животе Абакяна тоже дрогнуло. Двигатели стихли, на дисплеях появились сигналы послепосадочных процедур.

- Сели, - сказал Абакян. - Через несколько минут будем у вас. Тогда и поговорил. Конец связи.

Кларисса наклонилась вперед, осматривая территорию перед носом, и через несколько секунд впереди блеснул свет. Показался Джо Феллбург, в скафандре, с фонарем и автоматом через плечо. Он показывал машине путь в укрытие под решетками, очевидно, остатками какого-то здания. Появились и другие фигуры: это пришли посмотреть талоиды, последователи Моисея.

- Что думаешь? - спросил Абакян, беря свой шлем. Кларисса выключила двигатель.

- Я тоже не знаю, что думать, - сказала она, продолжая быстро выполнять послепосадочные операции.

Абакян расстегнул ремни, поднялся и надел шлем, Кларисса последовала за ним, и вскоре они вышли через главный шлюз. Снаружи их ждал Джо Феллбург.

- Как полет?

- Нормально, - ответил Абакян. - Моисей на пути в город.

- Жаль, что мы не можем его вернуть. Возможны проблемы.

- Да... ты имеешь в виду Дэйва Крукса. Хэнк нам рассказал.

- Дрю считает, что нужно отменять всю операцию.

- А как же Моисей? - голос Клариссы звучал сдавленно.

Феллбург поднял руку в тяжелой перчатке.

- Плохо, но что мы можем сделать?

Что-то украдкой шевельнулось в тени под крылом флаера. Феллбург посветил туда, и луч поймал серебристую насекомоподобную машину, размером с кухонный стул, с длинной заостренной головой, телом, покрытым перекрывающими друг друга пластинами и шестью тонкими сегментированными ногами. Машина исследовала своими сенсорными придатками поверхность флаера. Кусок металла вылетел из темноты и попал машине в бок, показались два талоида, они бежали, размахивая руками. Машина-насекомое убежала, прежде чем Феллбург успел расстегнуть кобуру. Когда они пошли к кораблю, Феллбург посветил по сторонам, показав пробитые пулями остатки еще нескольких таких же машин. Впереди виднелся еще один фонарь: там, с другой стороны от корабля патрулировал Кленси Бейкер.

- Кажется, этим переросшим жестянкам особенно нравятся сплавы САКО, проворчал Феллбург. - Но они быстро узнают, что приближаться слишком близко вредно для их здоровья.

В корабле Замбендорф и Дрю Вест стояли в контрольной рубке у экрана, рядом сидел Энди Шварц. В своем кресле бортинженера, отвернувшись, полулежал Майк Глотцен. От двери, ведущей в главную кабину, наблюдали Хэнк Фрейзер и Вернон.

- Несколько минут назад мы связались с Мейси, - прошептал Фрейзер, когда Кларисса и Абакян вышли из шлюза.

- Не знаю, чему верить, Джерри, - говорил Замбендорф в экран. - Как вы думаете? Могли ли сознательно дать Дэйву Круксу подслушать разговор? Чтобы испугать нас?

- Кто знает? Возможно, - ответил Мейси.

- Но откуда Лангу известно, что Крукс передаст информацию нам? спросил сзади Глотцен.

- Это легко, - через плечо ответил Замбендорф. - Он один из тех, кто горячо поддержал Джерри, когда тот возражал против политики экспедиции. К тому же Дэйв связист.

- С другой стороны, возможно, именно вам сообщили ложную информацию, - сказал Дрю Вест Мейси. - Падуанцам дали умные ракеты. Сообщение о блефе может оказаться двойным блефом, чтобы мы поверили, что никакой опасности нет.

- Да, это тоже возможно, - признал Мейси. Вид у него был несчастный.

Энди Шварц покачал головой и беспомощно развел руки.

- Не понимаю, - сказал он. - Что это все значит? Администрация не хочет, чтобы мы повторили в Падуе то, что сделали с армией Генриха, верно? Если это так, они хотят, чтобы

мы поверили, что у падуанцев есть ракеты. Независимо от того, есть они там или нет. Зачем тогда Ланг говорит Мейси, что блефует? Это не имеет смысла.

Дрю Вест прикусил губу, потом сказал:

- Имеет, если они хотели, чтобы нас сбили. - В кабине стало очень тихо. Все пытались убедить себя, что Вест не может говорить серьезно. После паузы Вест продолжал: - Это навсегда разрешило бы их главную проблему. Никто из землян не участвовал бы, все сделали падуанцы, причем будто бы случайно... А в записях Лехерни сохранится, что они поступили как цивилизованные люди и предупредили нас, даже после того, как мы похитили их корабль. - Вест пожал плечами. - Как это все будет выглядеть для комиссии, которая расследует происшествие? Группа горячих голов полетела на незаконно приобретенном корабле на территорию тяжело вооруженных чужаков, известных своей воинственностью, несмотря на то, что их предупреждали. Они погибли - смерть явно по собственной неосторожности. Администрация оправдана. Выдадут рекомендации насчет предотвращения подобных происшествий в будущем. И все. Дело закрыто. - Вест отвернулся от экрана и отошел к пустому креслу капитана.

Хэнк Фрейзер ошеломленно покачал головой.

- Вы шутите! - воскликнул он. - Они что, хотят, чтобы нас сбили? Но ведь они люди!.. Из-за какой-то глупой религии роботов? Не могу поверить. Все это сплошное безумие.

- Операция приносит им миллионы - скорее миллиарды, - сказал Вест, не поворачивая головы. - Кроме того, это укрытие от Советов. При таких ставках они на все способны.

- Вынужден согласиться с Вестом, - сказал от входа Абакян. Он понимал, что его беспокоит: после того как Мейси открыто выразил протест, Ланг не стал бы доверяться ему. Утечка организована сознательно.

- Они и глазом не моргнут, - заявила Кларисса. - Я видела, как они жертвуют людьми ради каштанов. Просто дело в том, насколько им нужны каштаны.

- Верно, - мрачно согласился Энди Шварц.

Снова наступило тяжелое молчание. Замбендорф поднес руку ко лбу, тяжело и устало вздохнул и сделал несколько шагов в сторону двери. Больше добавить нечего. Замбендорф должен принять нелегкое решение, но Абакян, Вест и Кларисса, которые давно с ним работали, уже знали, какое решение он примет. Как ни горько ему будет признать поражение - тем более горько, что все предыдущие шаги кончились с таким успехом, он никогда ни по какой причине не попросит их рискнуть жизнью и ни на

минуту не подумает о риске для экипажа, даже если все пойдут добровольно. Замбендорф ищет только способа выбраться из трудного положения. Экипаж корабля тоже ощутил это. Они все сочувствовали Замбендорфу, но ничем не могли облегчить его положение. В конце концов быть похищенными с благородной целью - одно дело, отправляться на самоубийство - совсем другое. Все молчали и не смотрели в глаза друг другу.

Мейси неожиданно повернул голову и посмотрел куда-то в сторону.

- Там кто-то за дверью, - сказал он. - Секунду. Я посмотрю, кто это. - Он исчез с экрана, потом вернулся и сказал: - Тельма. Я ее впустил. Она говорит, что у нее важная новость.

Замбендорф нахмурился и подошел к экрану. Рядом с ним остановился Дрю Вест. Мейси отодвинулся, уступив на экране место Тельме. Та выглядела встревоженной.

- Вы уже отправили Моисея в Падую? - без всяких предисловий спросила она.

Замбендорф кивнул.

- Да, как и планировали. А что случилось?

Тельма застонала.

- Вы не можете продолжать. Ларри Кемпбелл показал мне список оружия в последней доставке для Генриха. Там эти ракеты, Карл. В списке 24 "Бэнши Марк 4", половина с учебными головками, остальные - с боевыми. Они могут вас сбить на высоте в одиннадцать километров. Теперь, если вы туда полетите, добьетесь только одного: вас убьют. Нужно отменять всю операцию.

Долгое время все молчали, никто не шевельнулся. Шварц и Глотцен смотрели в пол, на экране ждала бледная Тельма, Мейси с застывшим лицом отводил взгляд. Наконец Замбендорф коротко кивнул, отвернулся и прошел между креслами пилотов. Тяжело опустился на капитанское место и сидел, невидящими глазами глядя вперед, плечи его обвисли, он словно постарел на двадцать лет.

Вест передвинулся, так чтобы его видели Тельма и Мейси.

- Мне кажется, Карл понимает, что выхода нет, - негромко сказал он. Послушайте, вы сделали, что могли. Наверно, лучше пока его оставить. Мы с вами свяжемся позже, ладно?

Тельма собиралась еще что-то сказать, но Мейси остановил ее, коснувшись плеча, и покачал головой.

- Хорошо, Дрю, - сказал он. - Хорошая была попытка. - Экран потемнел.

Абакян взглянул на напряженные лица.

- А как же Нельсон и друиды снаружи? - спросил он. - Они

готовы к вступлению в Падую. Что сказать им?

Никто не знал, что ответить. Наконец Вест сказал:

- Ну, об этом можно поговорить. - Все взглянули на него, а он кивком указал на дверь. Энди Шварц понял и молча кивнул; встал со своего места, поманил Глотцена и вышел вслед за Абакяном, Клариссой и остальными в главную кабину. Дверь неслышно закрылась, и Замбендорф остался один. Он сидел неподвижно и смотрел в вечную ночь Титана.

33

Френнелеч, верховный жрец Кроаксии, сидел один в частных покоях своего дворца в Пергассосе и размышлял над последними донесениями шпионов. Он чувствовал заговор, и все говорило о том, что в центре заговора король Эскендером.

Эскендером давно мечтает поглотить все остальные государства Священного Союза, поставить Кроаксию во главе великой империи, которая протянется до самого Пограничного Барьера. А императором будет Эскендером. В порядке подготовки он интриговал, сеял раздоры среди правителей соседних государств, всячески взаимно ослаблял их; но в случае с Серетгином такая политика Эскендерома дала возможность Клейпурру захватить власть в области Картогии, и в результате на пути к осуществлению замыслов Эскендерома возникло серьезное препятствие.

Однако оружие, полученное Кроаксией от лумиан, неожиданно все изменило. Если доклады об успехах васкориан в стычках с войсками Клейпурра верны - а эти стычки должны были послужить проверкой и подготовкой к массовому вторжению в Картогию, завоевание пройдет быстро и опустошительно, и проблема Клейпурра перестанет существовать. Тогда так же быстро и неожиданно Эскендером обрушится на членов Священного Союза, пока обладает подавляющим преимуществом. Он сделает это прежде, чем лумиане восстановят равновесие сил, вооружив и соперников Эскендерома. А это, несомненно, их конечная цель. Но вот уже довольно давно Эскендером почувствовал недовольство традиционным разделением власти в государстве между церковью и королем; если у короля окажутся силы, с помощью которых он создаст империю от одного конца мира до другого, Френнелеч не сомневался, что одновременно он постарается отнять власть и у церкви.

Но Эскендером, конечно, понимает, что перспектива такого уменьшения церковной власти делает Френнелеча его потенциальным противником. Такой противник королю не нужен, особенно когда ему противостоят остальные государства Союза. Король заинтересовался этим ничтожеством Грурком, он

отправил своего верного капитана Гораззоргио за Грурком в деревню Ксерксеон. Почему? Самое очевидное объяснение: Эскендером намерен заменить Френнелеча своей марионеткой, которая во всем будет зависеть от короны. Насколько мог судить по сообщениям своих агентов Френнелеч, Гораззоргио еще не вернулся, хотя должен был вернуться уже давно. Это тревожило Френнелеча, потому что указывало на присутствие еще чего-то неизвестного.

Френнелеч знал, что Эскендером часто навещает Горнод, пустынную местность в горах к востоку от Пергассоса, где садятся летающие машины лумиан, там он за спиной Френнелеча предательски встречается с лумианами, хотя слуги Эскендерома в это время заверяют его, что король где-то в другом месте. Он знал также из своей тайной встречи с лумианами в густом лесу к западу от Пергассоса, что Эскендером пытается с помощью лумианского волшебства представить Грурка населению Кроаксии как подлинного чудотворца и провозгласителя Божественной Воли. Это признали сами лумиане. Правда, лумиане заявили, что не согласились на это предложение, но как Френнелеч может полагаться на слова тех, кто уже предал Клейпурра? Казалось, лумиане одержимы одним желанием - приручить леса, и они готовы вознаградить властью, богатством и защитой любого робота, который способен из-за своего положения им помочь в этом. Эскендером командует кроаксийской армией, но Френнелеч контролирует сознание жителей Кроаксии. А что даст лумианам больше покорных робосуществ для осуществления их целей - сила или убеждение? Оба они: и Эскендером, и Френнелеч - высказывали свои соображения лумианам и оба, несомненно, получали заверения. Но в конечном счете кого выберут лумиане?

Френнелеч собрал листы фольги и закрыл в ящик своего стола, потом встал и прошел в другую комнату, где его секретарь архидьякон Джаскиллион переписывал в огромный переплетенный в металлические плиты гроссбух столбцы чисел.

- Свыше восьми дюжин дюжин шестикоронок получено в уплату от кающихся за обещание вечности и откладывание Печей Переплавки, - сообщил Джаскиллион. - Намного больше, чем в прошлую яркость. Жизнетворец будет доволен.

- Смотри, чтобы дела Жизнетворца сохранялись в тайне, иначе Эскендером обложит их налогом, - предупредил Френнелеч.

Джаскиллион выглядел пораженным.

- Но облагать налогом священную дань равносильно вмешательству в правосудие Жизнетворца, - возразил он. - Какой

король решится на такое святотатство!

- Наш священный долг - не подвергать короля искушению, - сказал Френнелеч.

Архидьякон несколько секунд изучал лицо Френнелеча.

- Но я вижу, ты не для того пришел, чтобы говорить о таких делах. Что тебя тревожит?

- Лумиане, - ответил Френнелеч. - Я не могу верить им, но не могу и приказать своим инквизиторам кислотой и огнем испытать их корпуса, чтобы убедиться в их правдивости. Однако мы не можем позволить, чтобы решения принимались по капризам этих неземных существ, чьи мотивы и представления об истине так же неизвестны нам, как и дальняя сторона неба, о которой они говорят.

Джаскиллион посерьезнел.

- Этот вопрос занимал и мои мысли, - признался он.

- И какие ответы ты нашел?

Джаскиллион помолчал немного, выбирая слова.

- Когда король становится слишком силен, обычно наступает время пересматривать божественные непостижимые замыслы Жизнетворца, - сказал он наконец. - Было бы ошибкой именно сейчас приносить Картогию в жертву.

- Я согласен: сейчас не время отказываться от любых союзников против Эскендерома. Но наше вторжение началось, армия Клейпурра будет разгромлена и рассеяна. Что в таком случае может спасти Картогию?

- Между нашей армией и Клейпурром находятся васкориане, и они также имеют лумианское оружие, - заметил Джаскиллион. - Если они по нашему тайному приказу объединятся с Картогией, их объединенных сил хватит, чтобы продержаться, пока Серетгин не мобилизуется и не выступит против Кроаксии.

- А что могут сделать орды Серетгина против дьявольщины лумиан, которая опрокинула даже хорошо подготовленные отряды Клейпурра? презрительно спросил Френнелеч.

- Многое, если они тоже будут вооружены оружием лумиан, - ответил Джаскиллион.

- Это какая-то глупая шутка? Мы не можем верить предводителям Серетгина и допустить их к нашим переговорам с лумианами.

- Конечно, нет.

- Но кто же тогда предоставит им оружие лумиан?

- Мы... тайно. И после поражения и смещения Эскендерома серетгинцы в благодарность поддержат твое требования об установлении единого архиепископства в объединенном государстве Кроаксии и Серетгина.

- Гммм... - Френнелеч явно заинтересовался. - А также Картогии, когда Серетгин восстановит свои законные права над ней, - сказал он.

- Совершенно верно. А если мы сумеем добиться, чтобы непосредственные переговоры с лумианами шли только через нас, король Серетгина будет более, чем Эскендером, склонен поделиться своей властью в новой империи.

Френнелеч слегка улыбнулся.

- Несомненно, наше право служить посредниками между высшей формой разума и простыми робосуществами неоспоримо, - сказал он.

- Воистину так.

Френнелеч снова перешел на деловой тон.

- Но можно ли вовремя вооружить и мобилизовать Серетгин?

- А сколько потребовалось Кроаксии для вооружения и мобилизации?

- Какую причину начала войны с Кроаксией укажет король Серетгина?

- Защита братьев-васкориан, которых использует для своих незаконных притязаний Эскендером.

- Гммм... пожалуй, эта причина станет более убедительна, если васкориане перейдут на сторону Клейпурра.

- Совершенно верно. И хорошо известно, что Клейпурр противник всякого преклонения.

- Примет ли Клейпурр помощь васкориан?

- Лумиане его покинут; армия его будет разбита, так как у него не окажется такого оружия, как у васкориан; угроза нависнет над всем его народом. Примет.

Тут снаружи послышались торопливые шаги, за дверью зазвучали голоса. В дверь постучали.

- Кто там? - спросил Френнелеч.

- Келлесбейн, о прославленный. Он послан Чросчанором с важными новостями о событиях в городе.

- Пусть войдет, - сказал Френнелеч страже. Келлесбейн вошел и закрыл за собой дверь. Выглядел он обеспокоенным.

- В чем дело? - спросил Френнелеч.

- Грурк, слышатель, снова появился, - сказал Келлесбейн. - Он называет себя Просветителем, он въехал в город на паровом осле и проповедует слова, как он утверждает, самого Жизнетворца. Его окружает все увеличивающаяся толпа, отовсюду ведут слепых, глухих и калек. Толпа движется на центральную торговую площадь. Грурк сказал, что там произойдут большие чудеса и будет явлено откровение.

Джаскиллион встревоженно вскочил.

- Что еще произошло? - спросил он. - Видели ли драконов в небе? Келлесбейн не был среди тех, кто знал подлинную природу экипажей лумиан.

- Не в Пергассосе. Но Грурк говорит об ужасных происшествиях в Меракасине: вся армия Картогии отвергла путь войны, оставила оружие в пустыне и возвращается сюда, чтобы распространять новую ненасильственную веру всемирного братства.

Френнелеч про себя застонал. Это может означать только одно: лумиане решили поддержать Эскендерома и представить его марионетку Грурка чудотворцем.

- Армия тоже в городе? - слабо спросил он.

Келлесбейн покачал головой.

- Она еще в восьмой яркости от городских ворот, если верить Грурку.

- Грурк сам видел эти происшествия в Меракасине?

- Так он уверяет.

- Как же он мог оказаться в городе, настолько опередив солдат?

- Он говорит, что его перенесли сверкающие ангелы, которые летают по небу в огромных существах.

Это и было необходимое доказательство: Грурка принесли в Пергассос лумиане. Больше не может быть сомнений, что они в союзе с Эскендеромом.

- Король еще отсутствует? - спросил Френнелеч у Джаскиллиона.

- Да, - ответил тот. Эскендером находился в Горноде, он снова встречался с лумианами. Джаскиллион не стал упоминать об этом в присутствии Келлесбейна.

Френнелеч лихорадочно пытался найти выход. Грурк опередил армию на восьмую яркости, король отсутствует. Возможно, лумиане допустили ошибку в своих расчетах. Если это так, Френнелеч может еще кое-что предпринять, чтобы победа обошлась им недешево. Судя по тому, что он знает о их силе, вряд ли он может изменить окончательный исход... но если он погибнет, то не без боя.

- Собери всю дворцовую стражу и отправь ее на торговую площадь, приказал он Джаскиллиону. - Пусть доставят мои носилки. Предупреди начальника охраны, что подчиняться он будет непосредственно мне. - И он прошел во внутреннее помещение, чтобы надеть плащ.

- Что ты собираешься делать? - вслед ему спросил Джаскиллион.

- Мне кажется, что чудотворцы за сценой не так уж готовы,

как следовало бы, - послышался ответ Френнелеча. - Если это действительно так, боюсь, что представление для Грурка может оказаться последним.

Толпа заполнила центральную площадь Пергассоса и вылилась на окружающие улицы. Слухи распространились по всему городу, и зрители продолжали прибывать. Торговля прекратилась, купцы собирали товары и закрывали лавки: берегли свои запасы и хотели понаблюдать за происходящим. В центре площади на специальном помосте для трибуны стоял Просветитель, он высоко поднимал над головой ледяную табличку и голосом, полным страсти и веры, говорил на всю площадь:

- Я поднялся на гору и увидел ангелов. Я летел по небу и видел, как преследователи превращаются в новообращенных. Я видел, как армии рушатся по Его приказу, ибо написано: "Не убий!"

- Слушайте слова Просветителя! - крикнул один из последователей.

- Слава Просветителю!

- Мы не будем убивать!

- Того, кто не повинуется, бросим в рабские ямы! - крикнул кто-то.

- Нет! - загремел на площади голос Просветителя. - Говорю тебе: отныне ни одно робосущество не будет рабом, ибо сказано Жизнетворцем: "Ближние твои равны тебе". Ты не будешь склоняться перед тем, кто провозглашает себя главнее, не будешь отдавать плоды своего труда.

- Значит, мы примем картогианцев, учитель? - спросил кто-то.

- Мы примем их, как приняли солдаты Кроаксии, некогда их смертельные враги - приняли как товарищей и братьев. Никогда больше робот не будет убивать робота, все будут трудиться совместно, чтобы обрести мудрость и понимание, пока не станут достойны и не вознесутся в небо, как ангелы в Меракасине.

- Ты говоришь, учитель: мы тоже полетим?

- Да! Да! Все, кто верит в Его Слово, полетит с сверкающими ангелами, как я летел с ними. Обещаю это вам. - Просветитель ощущал настроение толпы, ее желание верить. Глаза его сверкали, плиты корпуса блестели под ясным небом, лицо приняло восторженное выражение; сила самого Жизнетворца пронизывала все соединения его существа. Он широко развел руки над толпой, толпа взревела, ее охватил восторг, волны восторга расходились по ней, достигая самых краев, словно волны метана, которые расходятся по океану и бьются о ледяные утесы.

- Мы все равны. Мы не будем рабами!

- Мы будем дружить с соседями! Не будем убивать!

- Когда мы увидим ангелов?

Возбуждение толпы достигло предела. Просветитель чувствовал, что наступает нужный момент.

- Я призову ангелов, и тогда все робосущества увидят, что я говорю правду, - провозгласил он.

Ни один мистик никогда не обещал подобного.

- Покажи нам ангелов! - закричали вокруг. - Призови ангелов!

- Я призову чудеса, чтобы вы видели, что я говорю истину!

- Покажи нам чудеса! И мы будем знать!

- ТОГДА УЗРИТЕ ЕГО МОЩЬ! - загремел Просветитель, достал их сумки молитвенный ящик и высоко поднял его над головой. На площади загремели восторженные крики, затем она стихла в ожидании. Просветитель нажал священную кнопку и, подняв палец в небо, откинул голову. - ИМЕНЕМ ЖИЗНЕТВОРЦА ПРИКАЗЫВАЮ НЕБУ - РАСКРОЙСЯ И ЯВИ СВОИ ЧУДЕСА!

Все на площади уставились в небо. Некоторые кричали. Другие потеряли сознание. Просветитель ждал, по-прежнему указывая на небо. Толпа видела его горящие глаза, чувствовала космические силы в его поднятом пальце. Момент был потрясающий, приводящий в ужас. Всех захватило общее чувство. Все смотрели и ждали. Завывали. Кричали.

Неожиданно все стихло, тишина от края до края заполнила площадь, как только что ее заполняло возбуждение. Все словно одновременно увидели, что ничего не происходит. Начали вопросительно переглядываться. Ореол слетел с Просветителя, и все увидели просто глупо выглядящего мистика со странным овощем в руке. Он опустил овощ и начал лихорадочно трясти его, по-прежнему с умоляющим выражением глядя в небо. Недоверчиво покачал головой и попробовал снова.

- Ну? - спросил кто-то в тишине.

- Да он мошенник, - с отвращением сказал еще кто-то.

- Он лжет. Это все подделка.

- Никакой Жизнетворец не говорил с ним.

- Богохульник! - послышался гневный крик.

- Где же твои ангелы, о Просветитель? - насмешливо выкрикнули из толпы.

- Они ходят, как и мы. Разве не все мы равны? - послышался ответ, и вокруг захохотали. Повсюду слышался смех. Из толпы бросили комок грязи, он попал на плащ Просветителя. За грязью последовала пустая энергетическая ячейка, потом органический клей из лавочки, и через несколько секунд Просветитель упал под насмешливые и гневные выкрики.

- Вот, дай это своим ангелам!

- Клейпурр послал тебя, чтобы издеваться над солдатами Кроаксии?

- Картогианский агент! Шпион!

- Почему твои ангелы не спасают тебя?

- Никаких ангелов у него нет!

- Поверю, когда увижу наших солдат в городских воротах.

- Да, и они будут называть картогиан своими братьями!

- Богохульник! Святотатец! Казнить его!

Послышался тяжелый строевой шаг, и толпа расступилась, пропуская отряд дворцовой стражи. Его возглавлял майор со знаками личной гвардии Френнелеча. Часть солдат выстроилась вдоль образовавшегося в толпе коридора, остальные прошли туда, где стоял Просветитель, грязный, испачканный, с выражением ужаса и недоумения на лице.

- Ты арестован по обвинению в богохульстве, ереси, призывах к мятежу, совращении и измене, - объявил майор. Он повернулся и сказал стоявшему рядом капитану: - Взять его!

Толпа гневно кричала вслед Просветителю, который был слишком ошеломлен, чтобы слышать эти крики. В начале улицы, ведущей к Святому дворцу, он неожиданно увидел перед собой Френнелеча, который смотрел на него в окно носилок. Верховный жрец укоризненно покачал головой.

- Ну, ну! Тебе следовало получше приготовиться, - сказал он. - Теперь мне придется бросить тебя в кислоту, чтобы доказать, что мой Жизнетворец сильнее твоего. Жаль, потому что я почему-то верю в твою искренность. Просто, друг мой, нельзя доверять всякому встречному ангелу. - Он кивнул командиру охраны, и Просветителя увели.

- Я вот думаю... - сказал Джаскиллион, сидевший рядом с Френнелечем.

Верховный жрец с любопытством отвернулся от окна.

- Правда? И о чем же?

- Возможно, мы слишком пессимистично оценили ситуацию с лумианами. Этого мистика явно обманули и предали. Может, передавая в твои руки того, кем Эскендером собирался заменить тебя, лумиане сообщают тебе о своих намерениях? Наши предыдущие заключения могут оказаться ошибочными.

- Привлекательная мысль, - согласился Френнелеч. - Я обдумаю ее... Но вначале воспользуемся отсутствием Эскендерома и устраним все проблемы, связанные с этим его планом. Призови обвинителя Рекашобу, как только мы вернемся во дворец, и избавимся немедленно от этого "Просветителя", пока нам не мешают.

В корабле, стоявшем в глубокой долине к северу от Падуи, индикатор на консоли рубки перестал мигать. Вначале он мигнул раз, потом через несколько секунд еще раз, потом отчаянно замигал: в двухстах милях робот в отчаянии нажимал кнопку. Потом наступила пауза, еще две или три последовательности вспышек. И все.

Хэнк Фрейзер протянул руку и щелкнул переключателем.

- Вот и все, - сказал он глухим голосом.

Все остальные молчали. После долгой неподвижности Замбендорф встал и медленно вышел в главную кабину.

34

На экране в носовой кабине большого посадочного корабля, стоявшего в голой ледяной долине среди холмов к востоку от Падуи, появилось изображение Лехерни.

- Надеюсь, я не оторвал вас от важных дел, Каспар, у меня хорошие новости, и я хотел сообщить их вам лично.

- Все в порядке, - ответил Ланг. Он стоял у консоли в скафандре, но без шлема. - У меня все равно перерыв на кофе. Какие новости?

- Сообщение с разведочного аппарата над Падуей: мессия Замбендорфа появился в городе часа два назад.

- Два часа назад!

- Да... у нас тут были небольшие неполадки со связью. Сообщение застряло где-то на пути ко мне. Я позвонил вам, как только узнал сам.

Ланг кивнул.

- Ну, хорошо... и что же случилось?

- Он собрал большую толпу, но никаких чудес не было.

- Замбендорф не показался?

- Нет.

- И что же?

- Даже лучше, чем мы надеялись. Появились солдаты и арестовали мессию. Я думаю, наша основная проблема решена.

Ланг начал улыбаться, когда до него дошло все значение этого сообщения.

- Да... да. Я думаю, вы правы, Дэн. Вот как! Замбендорф поверил в эту историю с ракетами?

- Похоже на то. Должен признаться, Каспар, я сомневался, но не мне приходилось рассчитывать на вас. Однако вы всех их вычислили. Может, рассчитать Мейси и назначить вас главным психологом?

- Там мало платят, - ответил Ланг.

Лехерни широко улыбнулся, потом лицо его снова стало серьезным.

- Как у вас дела с Генрихом?

- Как мы и ожидали, - ответил Ланг. - Он все еще сердится из-за того, что произошло с его армией, но думаю, что теперь нам удастся его успокоить. Как я уже говорил, через неделю все войдет в прежнее русло.

- Надеюсь, вы правы. Продолжайте действовать. Простите, что отвлек вас, но я вам сказал: хотел лично сообщить новость, особенно после задержки.

- Все в порядке, Дэн. Спасибо. Я вам позже позвоню.

Эскендером раздраженно расхаживал внутри лумианского экипажа. Он подошел к открытой двери и выглянул, увидел еще два экипажа и окружающие голые холмы. Потом повернулся и направился туда, где стоял недалеко от стола королевский советник Морморель. За столом сидели генерал Стрейфоч и три лумианина по обе стороны от говорящего растения.

- Вся наша армия обезоружена и рассеяна даже без боя... солдаты бормочут вздор о братьях картогианах и о возвращении в Кроаксию! - кипел Эскендером. - Что за придурки эти чужаки? Обещали через две яркости сделать нас непобедимыми, а на самом деле лишили нас сил, как и не снилось Клейпурру. Либо они в сговоре с Клейпурром, либо настолько некомпетентны, что единственное чудо - как это их корабли умудряются подниматься? Предан ли я хитрецами или меня подвели глупцы?

- По-видимому, было ошибкой считать, что все лумиане едины. Они разобщены, как и робосущества, - ответил Морморель. - Нашу армию перехватила группа преступников-лумиан, действия которых не санкционированы лумианским королем. Эти преступники скрываются, и их ищут.

- Маленькая банда преступников может справиться с целой армией? Неужели эти чужаки не могут поддерживать дисциплину среди своих?

- Наверно, у их преступников доступ к чудесам, как и у их ремесленников, - предположил Морморель.

Эскендером фыркнул, сделал еще несколько шагов, потом повернулся.

- Кто этот так называемый чудотворец, которого они использовали? спросил он. - Есть о нем известия?

- Пока нет, - признался Морморель. - Но, похоже, его привезли из Картогии, где такие же события, как сообщается, произошли среди васкориан.

- Итак, правда начинает вырисовываться, - мрачно сказал Эскендером. Кроаксии не было оказано особое внимание, как мы вначале думали. Часть лумиан помогала мне, другая поддерживала Клейпурра. Какого результата от этого ждать,

кроме гибели обоих государств? Именно такова цель стратегии этих непостижимых лумиан? В таком случае нам следует объединить все народы Робии и по крайней мере погибнуть с честью.

- Я думаю, нет, - сказал Морморель. - Я им верю, когда они говорят, что для них происшествие в Меракасине было такой же неожиданностью, как и для нас. Я говорю, что мы должны им верить.

- Я тоже, - добавил от стола генерал Стрейфоч. - Мы не можем рисковать отказом от оружия лумиан, если есть вероятность, что Клейпурр его получит. Мы должны надеяться, что Морморель прав, и довериться лумианам.

Эскендером нахмурился и снова вернулся к выходу из пещеры. Он не знал, кому верить и что думать о ситуации. Клейпурр поверил лумианам, а они, как только это стало им выгодно, предали его и начали переговоры с Кроаксией - так сказали Эскендерому. Но сейчас, когда уже больше нельзя скрывать, что часть лумиан продолжает поддерживать Клейпурра, "главные" лумиане хотят его уверить, что это всего лишь банда преступников, о которой никто ничего не знал. Но у лумиан глаза повсюду, они все знают. Может, они просто отвлекали внимание Эскендерома, пока их король вел переговоры с Клейпурром? Эскендерома уговорили начать вторжение, чтобы можно было заманить его армию в Меракасин и уничтожить.

Но Эскендером не упускал из внимания и другую возможность. Злодей, стоящий за всем этим, вовсе не Клейпурр, а Френнелеч. От своих шпионов Эскендером знал, что Френнелеч тайно предательски встречается с лумианами в лесу к западу от Пергассоса. Френнелечу невыгодно усиление ни Эскендерома, ни Клейпурра, невыгодно сокрушительное поражение того или другого, и его мотивы совпадают и с первоначальным одобрением вторжения в Картогию - тем самым сохраняется напряженность между двумя правителями, и с заговором, рассчитанным на то, что армия Кроаксии не сможет выполнить свою задачу.

Но что мог предложить Френнелеч лумианам в уплату за их помощь? Очевидно, влияние, которым располагает церковь, чтобы заставить роботов приручать леса - по-видимому, это единственная цель лумиан. Конечно, говорил себе Эскендером, прирученные леса нужны королю лумиан, а не этим предполагаемым преступникам, что, в свою очередь, вело к заключению, что никаких преступников вообще не существует и что Френнелечу в его заговоре помогают представители самого лумианского короля.

Эскендерому казалось ясным: "Просветитель" - орудие

лумиан, действующих либо с Клейпурром, либо с Френнелечем. Следовательно, чужаки решили избавиться от него, законного короля Кроаксии. Король не понимал причины этого: он ведь согласился на все условия лумиан. Если его подвергли какому-то испытанию и он его не выдержал, все равно приговор несправедлив: разве можно робосущество судить по неведомым законам и обычаям далекого, непостижимого чуждого мира, который никто никогда не видел?

За импровизированным столом переговоров, который стоял у открытого грузового трюма корабля, Шарон Битти, оператор "переводчика", из группы Леона Кихо, воспользовалась перерывом, чтобы просмотреть записи, сделанные до того, как Ланг ушел внутрь отвечать на вызов Лехерни. За последние несколько часов переговоров она узнала, что Генрих в ярости, потому что его армия, вместо того чтобы вторгнуться в Геную, повернулась и возвращается в Падую; что Жиро отрицает свое участие в этом деле и винит Замбендорфа с его командой, которые почему-то скрываются на Титане в украденном посадочном корабле.

Шарон никогда не понимала, почему Замбендорфа включили в экспедицию, ей не нравилось, что такое количество внешне рациональных и умных людей способны серьезно воспринимать его проделки. Пролетев миллиард миль в величайшем сооруженном людьми космическом корабле, разделяя всеобщее возбуждение от потрясающих открытий на Титане, она была слишком захвачена и занята, чтобы интересоваться рассуждениями Мейси о социологических последствиях экспедиции или позволить Дэйву Круксу увлечь себя в политические действия. Она много крестовых поход видела, когда училась в колледже, и затратила на них немало сил и энергии. Теперь она занимается более достойными вещами. Если бы все были настроены так же, Замбендорфы всего мира давно лишились бы работы.

- Майами Бич, - говорил Зельцман Жиро на одной из местных частот. Только представьте себе, Шарль: жидкая вода, совершенно голубая, настоящее золотое солнце, пальмы, сто градусов в тени [По Фаренгейту; +38 градусов по Цельсию] и никакого скафандра. Что бы вы отдали за это?

- Гм, звучит замечательно, - ответил Жиро. - Но все равно, Конрад, я предпочитаю Канны и Сен-Тропез.

- Отлично. Кому какое дело? С такого расстояния они все одинаковы.

- А что бы сказали на это талоиды?

- Думаю, им бы не понравилось. Знаете, у них некоторые

детали из твердой ртути. В вашем домашнем холодильнике они просто растают.

- Правда? Поразительно!

Неожиданно послышался голос Ланга.

- Шарль, это Каспар. Я внутри, в переднем шлюзе, вернусь через несколько секунд. Что-нибудь новое?

- Нет. Мы тоже решили сделать перерыв, - ответил Жиро. - А что нужно было Дэну?

Открылась передняя дверь трюма, и появился Ланг. Даже в неуклюжем скафандре походка его казалась легкой и торжествующей. Он подошел к столу. Одновременно Генрих, стоявший у выхода из трюма с другими талоидами, тоже повернулся и присоединился к группе.

- Все кончено с Замбендорфом! - провозгласил Ланг. - Два часа назад его мессия арестован в Падуе городской стражей. Замбендорф не появился. Он улыбнулся за лицевой пластиной шлема. - Может, что-то заставило его нервничать и отказаться от появления.

- Замечательно, Каспар! - с энтузиазмом сказал Зельтцер. - Значит, вы действительно все предвидели.

- Поздравляю! - Жиро тоже казался доволен. - Замбендорф попался на крючок.

- Похоже, - согласился Ланг, садясь неуклюже на стул. - Давайте сообщим эту новость Генриху и остальным. Это облегчит нам продвижение.

- Готовы, Шарон? - спросил Жиро, глядя на нее через лицевую пластину.

- Готова. - Они кивнула и очистила экран переводчика. Новости Ланга, по-видимому, что-то значили для остальных, но ей ничего не говорили. Может, именно поэтому ее сюда и послали. Ну, и хорошо.

- Можем продолжить? - спросил Жиро, подключаясь к переводчику. Шарон проверила интерпретацию на экране, и машина произвела талоидный эквивалент с соответствующей высотой звука и скоростью. Талоиды заняли прежние места, с Генрихом посредине; Жиро кивнул Лангу, что тот может начинать.

- Прошу прощения за отлучку, - сказал Ланг. - Меня вызвали, потому что мы получили важные новости. - Он подождал, пока Шарон не переведет его слова в талоидный эквивалент. Макиавелли, по-видимому, главный советник Генриха на всех переговорах, сделал знак, что они поняли. Ланг продолжил: - Обманщик, которого вы искали, найден. Мы перенесли его в ваш город и предали в руки ваших властей, чтобы его судили по

законам талоидов. - Он снова подождал, пока Шарон переводила его слова. - Наши преступники пока еще не найдены. Когда они будут найдены, их отвезут в наш город за небом и будут судить по земным законам. Так совершится правосудие талоидов и землян. Мы верим, что эти наши действия будут восприняты как доказательство нашей доброй воли.

- Его нашли! - воскликнул Стрейфоч, выслушав корявые пояснения растения лумиан. - Нашли Просветителя, который обманул наших солдат.

- Еще до конца яркости мы увидим публичную казнь, - угрюмо пообещал Эскендером.

- Его честно и без задержки передали нашим властям, - заметил Морморель. Он взглянул на Эскендерома. - Возможно, мы слишком торопливо судили об этих чужаках, ибо такое дело представляло бы собой совсем необычную форму предательства.

Неожиданно в глазах Эскендерома загорелся свет новой надежды. Если король лумиан передал самозванца властям Пергассоса, может, уничтожение кроаксийской армии - действительно дело преступников, но действовали ли они в союзе с Френнелечем или Клейпурром?

- Как приняли самозванца в городе? - спросил Эскендером. В его отсутствие решения принимаются Френнелечем. Морморель нажал кнопку, приводя в действие лумианское растение, и повторил вопрос. После короткого обмена вопросами и ответами растение ответило, что, насколько могли увидеть глаза лумиан с неба, самозванец был арестован. - Разве это не доказывает, что преступник не был направлен Френнелечем? - спросил Эскендером у Морморeля. - Тот вряд ли стал бы так приветствовать собственного агента.

Морморель на несколько секунд задумался над его словами.

- Агент, который навсегда стал бесполезен, - ответил он. - Его существование опасно, а жертва сделает Френнелеча безупречным в глазах Кроаксии.

- Гмм... - Эскендером был разочарован. - Значит, то, как обращались с самозванцем, ничего не скажет нам об участии Френнелеча? - заключил он.

- Не скажет, - согласился Морморель.

Эскендером нахмурился, потом гневно хлопнул ладонью по столу.

- Тогда, клянусь Жизнетворцем, я прикажу вскипятить голову этого Просветителя в кислоте. Пусть оба: и Френнелеч, и Клейпурр - получат предупреждение. И все остальные, кто может сговариваться с лумианскими преступниками против короны Кроаксии!

- Внимание. Полковник Уоллис хочет поговорить с послом Жиро, послышался голос в микрофонах землян.

- Да, полковник? - сказал Жиро.

- Передовой пост периметра номер три задержал верхового талоида, который сообщил, что он известен нашим посетителям. В наших записях он проходит как Джеймс Бонд. Просим ваших инструкций.

- Секунду, полковник, - сказал Жиро. Потом: - Конрад, вы слышали? Передайте это сообщение Макиавелли.

Зельцман поговорил с переводчиком, а переводчик поговорил с талоидами. Полковник Уоллис передал изображение вновь прибывшего на экран, установленный рядом с переводчиком, и Генрих сказал, что это известный ему верный талоид. Жиро разрешил Уоллису пропустить Бонда.

Через несколько минут в сопровождении двух солдат лумиан в пещеру вошел Скериллиан. Выглядел он так, словно всю дорогу из Пергассоса скакал не останавливаясь. Он сообщил Эскендерому и остальным, что Просветитель появился в городе и был арестован дворцовой стражей Френнелеча.

- Об этом мы уже знаем от лумиан, - ответил Эскендером. - Но кто он? Можешь нам сказать?

- Да, ваше величество, он известен в нашем городе, - ответил Скериллиан. - Это не кто иной, как Грурк, брат Тирга, который отправился в Кроаксию, чтобы служить земному слуге Темного Хозяина твоему врагу Клейпурру.

- Он? - взревел Эскендером, вскакивая на ноги. - Слышатель, которым я хотел заменить Френнелеча?.. Вернулся из Картогии слугой Клейпурра? Это он направил волшебство лумиан на мою армию?

- Он самый, ваше величество, - ответил Скериллиан.

Эскендером отпихнул стул, на котором сидел, и заходил взад и вперед по пещере, с гневом ударяя кулаком о ладонь. Он кричал:

- Предатель! Обманщик! Такова его благодарность? Так я вознагражден за свое великодушие? Агрххх! Болотный пьяница! Ржавчина и кислота на него! Пусть заберут его Печи Переплавки! Я медленно растоплю его корпус и выщелочу глаза! Я повешу его на высоковольтном дереве в лесу. Я сварю его в кислоте! Морморель, прикажи слугам немедленно привести наших лошадей. У жителей Пергассоса будет на что посмотреть еще до конца этой яркости!

- Френнелеч уже объявил, что через одну двенадцатую яркости состоится публичная казнь, - сказал Сериллиан.

- На этот раз мы с ним согласны, - объявил Эскендером. -

Едем немедленно в Пергассос: я не хочу пропустить такое развлечение.

Жиро с удивлением наблюдал за реакцией Генриха на слова Бонда. Макиавелли и Цезарь встали, и Макиавелли пошел к двери и замахал свите Генриха, ждавшей у навеса с верховыми животными.

- Что происходит? - спросил Ланг.

- Мне кажется, они уезжают, - озадаченно сказал Зельцман. - Вероятно, переговоры прерываются.

- Шарон, узнайте, что произошло, - приказал Жиро.

Шарон сумела завязать диалог с одним из талоидов, расхаживавших по пещере в ожидании верховых животных.

- Они возвращаются в Падую, - сказала она наконец, недоуменно качая головой. - Там какая-то публичная казнь, которую не хочет пропустить Генрих.

- Кого казнят? - спросил Зельцман.

- Я не уверена, но, кажется, мессию.

- Мы позволим, чтобы это произошло? - спросил Жиро, беспокойно взглянув на Ланга.

Лицо Ланга за лицевой плитой стало каменным.

- Это их дело и их обычай. Мы не вмешиваемся.

Наступила короткая пауза.

- Вы уверены, что на самом деле целите не в Замбендорфа? - спросил с тревогой Жиро.

- Я уже сообщил свое решение, - ответил Ланг.

Конрад Зельцман на мгновение встретился взглядом с Жиро, потом взглянул на Шарон.

- Они сказали, когда точно казнь? - спросил он.

Шарон взглянула на компьютерный экран; на нем было указанное талоидами время.

- Примерно через двадцать часов, - ответила она.

35

Открылась наружная дверь среднего шлюза посадочного корабля, спрятанного в долине в двухстах милях к северу от главного города Падуи. На верху лестницы появились в скафандрах Замбендорф и Энди Шварц, капитан похищенного корабля. Они начали спускаться к уже ожидавшим внизу Дрю Весту и Клариссе. Потом, освещая себе дорогу фонарями, по два в ряд печальная процессия между множеством металлических конструкций направилась к лагерю талоидов. Абакян, Феллбург и Прайс ушли туда же немного раньше и теперь ждали в лагере вместе с лордом Нельсоном и Авраамом, предводителем друидов. Вокруг них собрались остальные талоиды. Настало время Замбендорфу объявить статистам, что представление окончено,

что им заплатят, пожелают удачи и отправят по домам.

- Мы им сказали, что они не пойдут в Падую, - сказал Абакян. Предварительно договорились на следующей версии: Моисей, успешно предотвратив вторжение в Геную, был призван в другое место. Конечно, вряд ли удовлетворительный конец, но никто ничего лучше не сумел предложить

Замбендорф кивнул в шлеме.

- Как они это приняли? - спросил он.

- Не так плохо, как мы могли бы подумать, - ответил Абакян. - Они, конечно, разочарованы, но поверили. По-видимому, как-то объяснили себе эту ситуацию.

- Не знаю... Верующий всегда остается верующим... - вздохнул Замбендорф. - Ну, хорошо, давай переводчик, Отто. Я хотел бы сказать им несколько слов, прежде чем они уйдут. - План заключался в том, что корабль, якобы освободившийся от похитителей, полетит на базу в Геную, а по дороге отвезет домой талоидов. Относительно того, что произойдет дальше, мнения разделились. Абакян, Феллбург и Кларисса считали, что у них нет выбора: нужно лететь на том же корабле и сдаться, а Замбендорф и Дрю Вест полагали, что сначала нужно попытаться выручить Моисея.

Поистине, вот скромность и благородство духа, достойные благородных существ, думал Креститель, прежний капитан Гораззоргио, слушая мысли архангелов, переданные волшебным растением. Так много достигнуто за такое короткое время: основана новая вера, спасена деревня, целое племя васкориан теперь в мире с Картогией, кроаксийский тиран остановлен и вся его армия рассеяна, и все же архангел выражает сожаление, что Избранный, спустившийся в пустыню на огненных крыльях, не будет присутствовать при въезде в Пергассос. Ясно ведь, что Просветитель просил их помощи в Меракасине просто из предосторожности, пока проверял власть, данную ему Жизнетворцем. Власть эта оказалась столь огромной, что Просветитель решил в одиночку обратить Пергассос, предоставив последователям заниматься своими делами в Картогии.

- Пожелай им удачи и скажи, что я уверен: мы еще встретимся, надеюсь, в более счастливых обстоятельствах, - сказал Замбендорф Абакяну.

- Слушайте: архангел обещает, что он вернется, - сказал собравшимся последователям Эзимбиал, пророк друидов. Как пророк, Эзимбиал всегда был святым и потому не нуждался в переименовании. - И пусть будет записано, что наступит время великой радости. Так предсказано.

- Было приятно в ними работать. Их помощь не будет забыта, - сказал Замбендорф.

- Помощь ангелам принесла нам великое благословение. Нам обеспечено место в вечности, - перевел Эзимбиал.

- Они должны вернуться в Геную и помочь Артуру в подлинном познании мира. Это даст им знания, которые позволят подниматься за небо. И тогда кто знает? - мы сможем приветствовать их в своем мире.

- Нам открыто, что Картогия - земля обетованная, указанная в Писании. Здесь последователи Просветителя должны воздвигнуть Великий Храм, и руководить ими будет Клейпурр. И те, кто будет слушать подлинные слова учения в этом храме, освободится и

сможет присоединиться к ангелам в сияющем мире, что плывет за небом.

- Пожалуй, все, Отто.

- Здесь кончается откровение.

- Энди, оставайтесь с ними и выработайте план погрузки, - сказал Замбендорф Шварцу. - Отто останется с вами, чтобы помочь в переводе. Увидимся с вами обоими на корабле.

- Конечно, - ответил Шварц.

Вернон посмотрел вслед уходящим, потом повернулся к Нельсону и Аврааму.

- Я тоже хотел бы остаться... на несколько последних минут. - Он чувствовал свою вину в том, что произошло с Моисеем: ведь именно он начал все это дело, дав на горе пластинку Моисею. И чувствовал, что и сейчас они покидают талоидов.

- Как хотите, - ответил Замбендорф. - Пока, Вернон. - Он пошел к кораблю, и свет его фонаря постепенно слабел.

Шварц снова повернулся к Абакяну.

- Скажите им, что они должны быть готовы не позже чем через три часа, но было бы лучше, если бы свои личные вещи они погрузили немедленно. Мы можем прихватить с собой их верховых животных, но придется оставить тех, что они собрали здесь. Прежде всего большие гусеничные раздробители скал.

Абакян передал это, и Авраам ответил появившимся на экране вопросом:

- МЫ ПОЛЕТИМ В ГЕНУЮ?

- На базу землян возле города - ответил Абакян.

- ЧТО ПОТОМ ДОЛЖНЫ БУДУТ ДЕЛАТЬ ДРУИДЫ? - спросил экран.

И Абакян ответил:

- У нас нет определенных указаний. Вы будете самостоятельны. Поговорите с учеными Артура в Камелоте. Там вы будете наиболее полезны.

Эзимбиал удивился ответу.

- Вопрошающие Клейпурра? - спросил он Крестителя. - Жизнетворец через них будет передавать свои желания? Но через кого именно? К кому нам обратиться?

Креститель задумчиво смотрел на деревья.

- Может быть, я знаю, - медленно сказал он. - Там есть некто Тирг, которого Жизнетворец направил из Кроаксии служить Клейпурру. Теперь мне ясны замыслы Жизнетворца. Это я в слепоте своей пытался помешать плану Жизнетворца и теперь, как видишь, несу за это наказание.

- Откуда ты знаешь, что именно к этому Тиргу мы должны обратиться? спросил Эзимбиал. - Что выделяет его среди

вопрошающих Клейпурра?

- Он брат самого Просветителя, - ответил Крестите́ль.

- У Просветителя есть брат в Картогии? - Глаза Эзимбиала расширились. - Поистине королевство Клейпурра - земля обетованная Писания, и туда соберутся ремесленники со всего мира, чтобы воздвигнуть Храм, как предсказано.

Просто для уверенности Крестите́ль привел в действие волшебное растение и сказал в него:

- Мы должны найти Тирга, Задающего-Вопросы, брата святого Просветителя?

Растение ответило:

- Неясно хисс-базз что значит слово брат. Хочу замену хуу-вуу-бонк-бонк. Другое, новое слово.

Крестите́ль не смог сразу придумать замену и сказал:

- Новое слово.

- ТРЕБУЕТСЯ АНГЛИЙСКИЙ ЭКВИВАЛЕНТ, - сообщил экран Абакяну.

- Дьявол, нельзя ли это прекратить? - сказал Энди Шварц. - Мне нужно готовить корабль. Очень много дел.

- Дадим им еще несколько минут, - ответил Вернон. - Часто ли удается поговорить с такими?

Абакян взглянул на Вернона через лицевую пластину, со вздохом кивнул и сказал переводчику:

- Хорошо.

- Прошу описать, - сказало растение Крестителю.

- Дети мужского пола, имеющие общих родителей, - после некоторого размышления сказал Крестите́ль. - Один такой ребенок относительно другого или относительно ребенка женского пола.

На экране появилось:

Функция Субъект Добавочные данные

Личные Дети мужского по отношению к другому

отношения пола с общими ребенку мужского/

родителями женского пола

Абакян просто ответил машине:

- Брат.

Ушедшие к кораблю успели подняться по трапу к входу в грузовой люк.

- Мне кажется, Каспар все еще не знает, что у нас есть и флаер, говорил Замбекян. - Безусловно, большой корабль не может повиснуть над Падуей. Но флаер гораздо меньше и более маневренный. Когда станет известно, что корабль направляется на базу под Генуей, все успокоятся и никто не будет ждать, что мы появимся в другом месте. Мне кажется, не так-то легко сбить

флаер, летящий на уровне крыш.

- Я согласен в Карлом, - сказал Дрю Вест, начиная подниматься. - Мы послали туда Моисея. Самое меньшее что мы можем сделать - попытаться вытащить его оттуда. Стоит попытаться.

- Конечно, но я говорю не о чувствах, а о практичности, - ответила Кларисса. - Вы можете говорить о хорошей вероятности, но вам никогда не случалось уходить от ракет, а мне случалось. Говорю вам, это не кусок торта.

- Мы не знаем, что происходит в Падуе - вообще происходит ли что-то. Не знаем, где находится Моисей, - заметил Джо Феллбург. - И что же мы собираемся делать? В каком месте? В какое время?

- Я тоже не знаю, но это можно узнать, - ответил Замбендорф. - Между людьми Лехерни и Генрихом происходило множество переговоров. Есть записи этих переговоров, Дэйв Крукс имеет к ним доступ. Может, так мы все узнаем. Или можно узнать, кто работает с переводчиком в Падуе. Не знаю... Я просто говорю, что нам нужно попробовать что-то сделать, прежде чем сдаться.

- Мммм, может быть, - сказал Феллбург. Но в голосе его не было энтузиазма. Он тоже был знаком с умными ракетами.

В это время послышался щелчок, кто-то переключился на волну средней дальности. Послышался возбужденный голос Вернона.

- Эй, Карл, все, послушайте, не уходите. Мы только что узнали от Нельсона факт, который, возможно, многое меняет. Он считает, что мы это уже знали, потому что мы знаем все. Ну так вот... похоже, Моисей и Галилей - родные браться.

Пятнадцать минут спустя, уже в корабле, Замбендорф связался с Тельмой на "Орионе" и попросил ее соединить его с передатчиком в зале Совета во дворце Артура в Камелоте. Ответил один из рыцарей Артура, он пошел за Артуром. Замбендорф передал несколько кадров, где был Моисей, но Артур не смог сказать, брат ли это Галилея. Сам Галилей был где-то в другом месте, но Артур пообещал немедленно послать за ним. Примерно спустя час объявился Галилей. Слуги Артура отыскали его в мастерской, где он сооружал модель системы Сатруна, с кольцами и спутниками, по информации, полученной несколько дней назад от Мейси и Тельмы. Замбендорф показал ему снимки и спросил, есть ли на них его брат.

Тирг, впервые увидевший знаменитого Просветителя, о котором говорит вся страна, который усмирил васкориан, спас Картогию от нашествия, а теперь, по слухам, решил положить конец заблуждениям Кроаксии, подтвердил Носящему, что это

действительно так.

- Это и есть брат, о котором ты говорил? - недоверчиво спросил Клейпурр, в то время как Тирг удивленно смотрел на лумианское изобретение, передающее картины на расстоянии. - Тот самый слышатель, что предупредил тебя об аресте?

- Это он! - воскликнул только что вошедший Дорнвальд. - Тот самый мистик, которого мы видели молящимся в деревне Ксерксеон.

- Он был убежден, что голоса, которые он слышит, ведут его к чрезвычайно важному назначению, - слабым голосом сказал Тирг, по-прежнему глядя в видящее окно. - Кажется, это более разумное убеждение, чем я считал.

- Но как брат Тирга-Грурк оказался в таком высоком положении? спросил Клейпурр, нажимая кнопку говорящего растения.

В нескольких сотнях миль от него, за темной пустыней усеянных скалами водородно-углеродных песков и ледяных гор, эти слова прочел на экране Замбендорф. - Объясню ему позже. Сейчас у нас нет на это времени, - резко ответил он и оборвал связь.

У консоли за Замбендорфом в рубке связи корабля Хэнк Фрейзер ответил на вызов Дэйва Крукса.

- Я узнал, кто оператор на самых последних переговорах, - сказал Дэйв Крукс. - Это Шарон Битти, из группы Леона Кихо. Минут десять назад я с ней поговорил. Она рассказала, что талоиды организуют большую публичную казнь в Падуе, и Генрих так возбудился, что со всей своей свитой поскакал туда. Она знает только, что все это касается чудотворца, который принес Генриху такие неприятности. Достаточно, чтобы вы поняли остальное?

- Конечно, - ответил Фрейзер. - Да, Дэйв, еще одно: знает ли она, когда это произойдет? Вы ее спрашивали?

- Да. Она ответила: через двадцать часов после того, как об этом узнал Генрих. Сейчас осталось примерно десять часов.

В лагере талоидов Замбендорф, Вернон и Абакян сообщили Нельсону, что они получили весть с неба: в Падуе организуется публичная казнь, и Моисей хочет, чтобы жертва была спасена. Они решили, что такое объяснение безопасней. Они не сказали, кто эта жертва, а Нельсон решил, что Моисей узнал о казни после прибытия в город. В ответ на дальнейшие расспросы Нельсон сообщил, что обычное место казни преступников и еретиков - высокий утес за пределами города. Здесь, перед естественным амфитеатром, преступник медленно поднимается по церемониальной лестнице на верх утеса. Оттуда его сбрасывают

на двести футов вниз в открытую цистерну, полную разъедающей жидкости. Таков обычный способ казни еретиков, сообщил Нельсон, потому что эта процедура включает в себя также нечто вроде суда и дает возможность высшей небесной власти вмешаться, если осужден невинный. В соответствии с доктриной невинный не долетит до цистерны, его спасет бог талоидов. Пока, по-видимому, никто не был спасен таким образом, и жрецы талоидов заявляли, что это доказательство справедливости их суда.

Кларисса запросила снимки окрестностей Падуи в компьютерной памяти "Ориона" и быстро нашла на них этот утес. Он представлял собой край холмистой местности, которая уходила к горам. Интересно, что местность, по-видимому, обладает собственным микроклиматом. На всех снимках и во всех метеорологических сводках отмечалась низкая полоса метановых облаков всего в тысяче футов над вершиной утеса. Это значительно изменило представление Клариссы о вероятности успеха.

- Мы можем незаметно подойти к утесу со стороны гор и войти в эти облака над самым утесом, и ни один талоид нас не увидит, - сказала она. У них ведь нет радаров. Да, возможно, мы успеем схватить и исчезнут, прежде чем они опомнятся. Ладно, ты меня убедил, Карл, я согласна попытаться.

- Но никаких фокусов и чудес, - сказал Абакян. - Прямо вниз и сразу вверх.

- Правильно, - согласилась Кларисса. Тон ее не допускал споров. Только хватаем - никаких трюков, никакой клоунады.

- Согласен, согласен, - ответил Замбендорф, кивая. - Мне нужно только спасти Моисея. Больше ничего изменить нельзя. Операция наша провалилась, корабль возвращается на базу в Женеву с экипажем и друидами, как мы и условились... просто мы в это время слетаем в Падую. Ладно? - Он беспокойно обвел глазами окружающих.

- Ладно, босс, согласен, - решительно сказал Феллбург.

- Я с самого начала был за это, - напомнил Дрю Вест.

Абакян тоже кивнул.

- Какого дьявола... До сих пор мы продержались. Согласен, давайте сделаем это.

- Да, давайте сделаем это, - повторил Вернон Прайс.

Замбендорф несколько секунд неуверенно смотрел на Вернона.

- Вы знаете, вам можно не ввязываться в это дело. В корабле, летящем в Геную, достаточно места.

- Я дал Моисею его табличку, так что моя вина не меньше

вашей, покачал головой Вернон. - Нет, если есть шанс спасти его, я с вами.

Замбендорф, очевидно, ожидавший этого, коротко кивнул и сменил тему.

- Прекрасно. Перенесем свои вещи во флаер, и пусть Энди занимается подготовкой корабля. Через час отправимся, бросим взгляд на этот утес. Конечно, настоящей репетиции не будет, придется рассчитывать на воображение зрителей.

36

В длинном плаще с капюшоном, который он выменял у крестьянина на свой шлем и доспехи, бывший рядовой Саллакар со своей ручной тележкой вышел на центральную площадь и занял место поудобнее, между киоском продавца плит и лавкой торговца колесной шкурой. Однако для такого времени яркости площадь казалась необычно пустой, и большинство купцов уже позакрывали свои лавки. Неважно, подумал Саллакар, тем больше возможностей для таких, как он, уличных торговцев. К тому же он не зря так торопился, чтобы опередить армию. Хотел воспользоваться несколькими часами монополии, пока не появится конкуренция и не собьет цены. Он снял покров с тележки, обнаружив груду осколков скал и льда, куски парашютного шелка, обгоревшие пиротехнические канистры и другие сувениры. Потом развернул надпись:

ПОДЛИННЫЕ МЕРАКАСИНСКИЕ СВЯЩЕННЫЕ РЕЛИКВИИ. ЗДЕСЬ МОЖНО КУПИТЬ СУВЕНИРЫ ЧУДОТВОРЦА ПРОСВЕТИТЕЛЯ

- Подлинные реликвии, непосредственно с места чуда в Меракасине! закричал он. - Вот обломок скалы, растопленной молниями Просветителя, всего пять дуодеков. У вас будет собственная чудесная скала! Чудом сохраненные обрывки сброшенных ангельских крыльев, гарантировано не позволят демонам пробраться в ваш дом, - семь дуодеков. Горшки ангельского света, вместе со священными надписями; куски священной веревки; куски небесных одеяний; камни с холма проповеди и многое другое. Все подлинное, все непосредственно с места явления святого Просветителя.

Перед тележкой собралась небольшая толпа грязных оборванных зрителей, все они с любопытством смотрели на Саллакара. За ними несколько прилично одетых прохожих торопились пройти, отворачивая взгляд. Саллакар нахмурился. Не такого приема он ожидал.

- Как насчет тебя, сэр? - спросил он у ближайшего головореза, уродливого типа, с измятыми покрасневшими лицевыми пластинами, в грязной изорванной куртке и в морской шапке,

лихо сдвинутой назад. - Специально для тебя - кусок меракасинской скалы за три дуодека. Замечательный талисман, отвращает все зло, да. Приносит удачу и сохраняет здоровье. Показать?

- Ты спятил, - презрительно сказал моряк.

- Чего добиваешься? Хочешь, чтобы и тебя расплавили? - спросил другой.

- Лучше оставь эти разговоры и скажи спасибо, что поблизости нет стражи, - посоветовал еще один.

Саллакар удивленно взглянул на них.

- Так он что, еще не появился? - спросил он. - Весь город уже должен быть обращен.

- Кто не появился? - спросил моряк.

- Просветитель. Он должен был прийти сюда и призвать с неба чудеса.

Один из бродяг рассмеялся.

- Он-то показался, а вот чудеса - нет. Еще до конца яркости жрецы сбросят его с утеса. Куда, ты думаешь, все сейчас идут?

- Он осужден как богохульник, - добавил кто-то.

- И судя по твоему товару, он будет не один, - заметил третий. - Но не обращай на нас внимания. Продолжай. Двое расплавленных вместо одного гораздо интересней.

- Да и нам пора, - сказал им моряк. - Или пропустим и первого.

Они ушли со смехом и шутками. Саллакар посмотрел им вслед, потом торопливо прикрыл тележку и свернул надпись. Постоял немного, задумавшись и глядя в землю. И тут в глазах его появился неожиданный блеск. Он достал из-за пазухи кусок писчего стержня, перевернул свою надпись и медленно написал на обратной стороне большими буквами:

СУВЕНИРЫ И РЕЛИКВИИ БОГОХУЛЬНИКА. ПРИНЕСЕННЫЕ АРМИЕЙ, КОТОРУЮ ОН ПЫТАЛСЯ СОВРАТИТЬ. ПОКУПАЙТЕ СУВЕНИРЫ НА ПАМЯТЬ

Удовлетворенно кивнув, он снова скатал надпись, сунул ее под покров, схватил ручки тележки и пошел на окраину города, туда, куда устремлялись все.

В самой глубокой темнице подземной тюрьмы за дворцом верховного жреца на жестком матраце из металлических стружек сидел Грурк, уныло глядя на голый ледяной пол. Приходилось окончательно признать, что это не кошмар, а реальность. Всю жизнь он посвятил безупречному служению вере в Жизнетворца, он разоблачал Его врагов, он тщательно следил за тем, чтобы ни одно его высказывание не противоречило Писанию, церковному учению и его доктринам, и вот к какому горькому концу это его

привело: он осужден на смерть, как еретик и богохульник.

Несправедливость такого вознаграждения за беспрерывный труд и истинное старание заставила его впервые усомниться в самих основаниях своей веры. Он верил, он всегда оставался верным, ни разу не дрогнул. А теперь Френнелеч, которому он верно служил как подлинному земному воплощению Жизнетворца, служит инструментом, при помощи которого за службу его вознаграждают жестокостью и несправедливостью. Как же такой верховный жрец может олицетворять всеведущего и всемогущего, вообще быть представителем божества? Грурк не видел теперь такой возможности. И если он усомнился в этой части своей веры, то как можно верить в остальные догмы, на которых основана вера? Никак. Однако немыслимо, чтобы избранный Жизнетворцем метод постижения подлинной истины включал сомнительные или подозрительные элементы. Отсюда следовало, что истина Жизнетворца не может содержаться в сомнительных и противоречивых толкованиях священных слов и откровений самозваных пророков.

Умственный процесс, который привел его к таким выводам, показался Грурку подозрительно похожим на те методы разума, с помощью которых Тирг выдвигал вопросы и искал на них ответы, - Грурк считал эту практику греховной. Но когда он применил вновь обретенный скептицизм к Носящему и его ангелам, то смог найти только две возможных причины того, что они не показались в Пергассосе: либо они не смогли этого сделать, либо решили не делать. Если не смогли, то власть их не безгранична и они не могут быть подлинными посланниками Жизнетворца; если они сами решили не появляться, значит они солгали, и это вело к тому же заключению. Грурку казалось, что первый вариант вероятней, поскольку жизненная философия Носящего несовместима с обманом, но в любом случае следует вывод, что ангелы не явились из царства сверхъестественного. И поскольку они явно не принадлежат известному миру, значит пришли из неизвестного - мира, явно обладающего знаниями и искусствами, которые по ошибке могут показаться чудотворными, а такой мир может существовать только над небом. Итак, еще одно из утверждений Тирга оказывается оправданным. Но если это так, то разве не должен признать Грурк, что мастерство и искусства, которые демонстрировали ангелы, не результат их чудесных способностей, а просто приложение знаний, добытых распространенными незагадочными методами, которые применял Тирг? Грурк особенно жалел, что больше не увидит Тирга; он теперь так по-другому видит мир, и им нашлось бы о чем поговорить.

Снаружи послышались приглушенные тяжелые шаги. Они смолкли у дверей темницы. Грурк чувствовал, как сильнее заработали его охладители, неожиданное напряжение ощутил он внутри. Встал на ноги, когда тяжелая, из органических плит, дверь раскрылась и вошел тюремщик, в сопровождении капитана стражи, двух жрецов, Вормозеля, начальника тюрьмы, и Поскаттина, юридического советника Френнелеча и Святого дворца. В коридоре остались солдаты дворцовой стражи.

Поскаттин достал свиток и прочел:

- Грурк, из города Пергассоса, ты был подвергнут суду и признан виновным по обвинению в ереси, богохульстве и государственной измене; ты приговорен к смерти по церковному закону. Хочешь ли ты сказать что-нибудь, прежде чем отправишься к месту казни? - Грурк только молча покачал головой. - Подготовился ли ты к встрече с Жизнетворцем, да смилостивится Он над твоей душой? - Грурк и тут не ответил. Поскаттин свернул листок, отступил и взглянул на Вормозеля. - Действуй, начальник. - Вормозель кивнул капитану стражи, и Грурка вывели в коридор и поставили между двумя жрецами, капитан пошел впереди, начальник тюрьмы и советник - сзади, а по обеим сторонам выстроились ряды солдат с факельщиками впереди и сзади. Шаги гулко отдавались от голых тусклых стен, процессия медленно приблизилась к влажным каменным ступеням в конце прохода. Из окошек в дверях других камер смотрели мрачные лица, но все молчали.

У Грурка сохранились отрывочные смешанные впечатления: тусклые, освещенные факелами лестницы; открываются массивные двери, поднимаются решетки; жрецы по обе стороны от него монотонно поют; вот процессия поднимается на поверхность и выходит во двор тюрьмы. Здесь ждала повозка на ногах, в нее впряжены два убранных черным колесных трактора; вокруг солдаты, дальше, у выхода, несколько повозок с сановниками в окружении эскорта. Процессия выстроилась, ворота открылись, и кавалькаду встретил рев толпы, ждавшей снаружи.

Процессия миновала здание Верховного Суда, пересекла площадь Кающихся и по мосту Эскендерома Старшего проследовала в Воровской квартал на южном краю города, а вокруг собирались толпы. Все двигались следом за кавалькадой. Грурк ухватился за поручень и смотрел на город, в котором провел большую часть жизни. Он был ошеломлен и не понимал, что он такого сделал, отчего знакомые горожане, школьные друзья превратились в обезумевшую толпу, единственное желание которой - видеть его смерть.

Впервые на собственном опыте он понял, что такое бессмысленность, которую можно выработать в тех, кто привык верить без сомнений, без вопросов, принимать без понимания и ненавидеть по приказу. Он вспомнил те немногие случаи, когда наблюдал спокойное, полное достоинства поведение жителей Менассима, и в тот момент он понял, что терпимость и мудрость королевства Клейпурра - это результат философии, которую отстаивал Тирг, в то время как бессмысленность и жестокость Кроаксии - порождение того, что он сам так недавно помогал распространять. Поистине прозрение наступило слишком поздно, печально подумал он.

Городские здания остались позади, и теперь он увидел перед собой Утес Правосудия, над холмом зрителей, черный и угрожающий на фоне мрачных серых гор и неспокойных грозовых туч наверху. Угрюмая процессия двигалась по дороге вокруг холма, все террасы на холме были заполнены, многие зрители стояли под открытым небом вверху. На каменной платформе у основания утеса огромная цистерна с кислотой испускала белый ядовитый пар; кислота бурлила и клокотала в предвкушении. Грурк неожиданно задрожал. Он посмотрел вверх и увидел алые одеяние старших жрецов, неподвижную линию солдат дворцовой стражи, а перед всеми, во всем черном и в капюшоне, - палача, стоявшего со сложенными на груди руками и спокойно смотревшего на приближающуюся процессию.

Присутствовали и король, и верховный жрец со своими свитами, они сидели под навесом на помосте у основания амфитеатра. Грурк и сопровождавшие его спустились с повозки и стояли в ожидании, пока представитель государства и представитель церкви зачитывали свои обвинения. Грурк был слишком ошеломлен этой сценой и настроением толпы, чтобы слышать их слова. Неужели он поднял такой переполох, что две самых значительных фигуры государства оказались лично заинтересованными в происходящем? Очевидно, да, но Грурк никак не мог понять почему. Он вообще не способен был думать. Все распалось и превратилось в мешанину несвязанных картин и звуков, цветов и шумов, слов и лиц. Какой смысл пытаться что-то понять сейчас? Какая от этого разница? Еще несколько минут, и для него ничего уже не будет иметь значения. Он подумал о своем брате, вспомнил родителей, попытался прочесть молитву Жизнетворцу. И тут же понял, что группа снова пришла в движение, и его ведут к лестнице на площадку высоко вверху. Он слышал, как сильнее зашумела толпа, возбуждение ее возрастало.

Со своего места Эскендером внимательно наблюдал за Френнелечем.

- Действительно, если этот Просветитель - орудие верховного жреца в его заговоре с чужаками, чтобы не дать мне усилиться, Френнелеч проявляет поразительную выдержку при такой потере, - прошептал он Морморелю. - Я склонен думать, что источник всех наших неприятностей, как мы и подозревали, сам Клейпурр.

- Я тоже, - ответил Морморель. - И теперь Клейпурр узнает, какая судьба ждет тех, кто сговаривается с преступниками-чужаками.

- Лумианский король решил продемонстрировать, что глупо противиться ему, - сказал Эскендером. - Прекрасный урок, и его получит не только Клейпурр. Рассказ о нем далеко уйдет за границы Картогии.

- Мы постараемся распространить эту новость как можно шире, - заверил его Морморель. - Все народы узнают, что сами боги заключили с тобой союз.

Вселенная Грурка сузилась до окованных серебром каблуков стражников, поднимавшихся по ступеням перед ним, и непрерывно певших жрецов рядом. Он утратил всякое представление, о том, насколько они поднялись и сколько еще остается. И не осмеливался оглядываться. Бесконечные ступени; бесконечные ступени; бесконечные ступени...

- Мне кажется странным отношение короля к Просветителю, если он действительно собирался заменить им тебя, - прошептал Джаскиллион на ухо Френнелечу. - Должен признать, что, услышав о его торопливом возвращении из Горнода, подумал, что он попытается спасти своего протеже.

- Протеже, который утратил всякую полезность, - ответил Френнелеч. Какой способ может лучше скрыть все следы участия Эскендерома в заговоре, окончившемся неудачно, устранить всякую опасность разоблачения в будущем? Уверенность, которая написана на лице короля, не так уж глубока. Ведь чужаки направили свое волшебство против плана Эскендерома, а не нашего. Если эти чужаки действительно бог, о котором говорит Писание, я считаю, мы можем быть уверены, что Он с нами.

Грурк и его эскорт достигли выступа. В тыльной его части стоял ряд трубачей. При виде процессии они протрубили, и все застыли. Молча ждали, пока вверху произносились неслышные речи - Грурк был уверен, что это делается сознательно, чтобы продлить пытку осужденного. Стало еще тише, и палач медленно подошел к краю выступающей платформы, заостряющейся к концу, держа в руках макет робосущества в полный рост. По обычаю полагалось вначале сбросить куклу, чтобы испытать качество кислоты; к тому же это увеличивало ужас жертвы и усиливало возбуждение толпы. На холме напротив все застыли.

Очень медленно палач подтолкнул куклу к краю платформы, подержал несколько секунд и позволил ей упасть. Послышался громовой рев зрителей, он длился очень долго. Со своего места Грурк не мог видеть, что происходит. Но ему и не нужно было: он видел раньше казни. После куклы к краю выступа подводили жертвенных животных и тоже одно за другим сбрасывали с платформы. И с каждым разом толпа все больше возбуждалась.

И вот сброшено последнее животное. Грурк в ужасе смотрел на платформу, он почувствовал, что цепенеет. Жрецы выстроились сплошной стеной за ним, а за ними начал продвигаться вперед ряд стражников. Палач сошел с платформы и достал свое длинное копье из стойки рядом с жертвенным огнем. Линия жрецов образовала полукруг и начала подталкивать Грурка к краю платформы. И вот он стоит на крошечном ледяном островке, который, казалось, плывет высоко в воздухе, пустота зияет впереди и с двух сторон. Чувства Грурка смешивались. Он инстинктивно отшатнулся от края и почувствовал, как что-то острое уперлось ему в спину. Он в отчаянии оглянулся. Палач держал наперевес копье, а за ним жрецы с каменными лицами сомкнулись от края до края платформы. Пути назад не было.

Получив новый укол в спину, Грурк сделал шаг вперед и впервые взглянул вниз с крутого утеса. Далеко внизу кипела и дымилась цистерна с кислотой, там еще дергались в агонии остатки животных. Грурк покачал головой. Это бессмысленно. Никакой цели он не достигнет. Нет разума, нет причины. Он внутренне взмолился: "Если мне предстоит умереть, пусть смерть моя не будет бессмысленной".

- Нет! - закричал он. - Это не воля Жизнетворца! Это варварство! Это...

- Знайте все, что так погибнут все еретики и святотатцы! - закричал палач и ударил копьем. Местность вокруг наклонилась, это Грурк опрокинулся в пустоту. В небе вспыхнул яркий фиолетовый свет, но Грурк его не видел. Он услышал гул голосов. Понимал, что и сам кричит, но своего крика не слышал. Земля и небо завертелись.

И в то же мгновение из туч над утесом вырвалась заостренная стройная фигура.

- Четыре-ноль-ноль вертикальный спуск. Открой больше закрылки!

- Ниже! Еще ниже!

- Круче направо! Быстрее, Джо!

- Все на максимуме!

- Готово. Спокойней! Все в порядке. Держи поворот, Кларисса. Держи поворот!

Флаер вынырнул из черноты туч, и свисавшая за ним на тросе сеть пролетела по широкой дуге и подхватила вращающуюся фигуру Моисея. Робот в путанице сети пролетел низко, над самым основанием утеса, раскачиваясь, как маятник, и вместе с флаером начал подниматься. Обратная траектория вернула его к платформе, где в смятении взад и вперед бегали роботы, размахивая в воздухе какими-то предметами. Некоторые - вероятно, радиочувствительные, о которых рассуждал Дэйв Крукс, - дергались на земле под влиянием близких лучей радара флаера. На самом краю видимости, созданной прожекторами флаера, на склоне холма, виднелось множество фигур; они тоже бегали, махали руками и падали на землю.

И тут раскачивающаяся сеть зацепилась за металлическую балку на краю утеса, и трос натянулся. Джо Феллбург, который вместе с Дрю Вестом находился в открытом грузовом люке - оба в скафандрах, как и все в флаере, - переключил лебедку на нейтральное положение, и механизм застонал от напряжения, потом переключился на обратный ход.

- Мы застряли! - закричал Феллбург. - Ради бога, выровняй машину и подай назад!

- Назад, Кларисса! - закричал Вест, и Кларисса резко затормозила, бросив всех вперед, удержали только защитные ремни. Трос напрягся, выдернул лебедку из крепления.

- Лебедка сломалась! - кричал Феллбург. - Все пропало!

В кресле второго пилота Абакян увеличил подъемную силу, чтобы облегчить Клариссе резкий поворот. Она пыталась ослабить натяжение троса.

- Боже, ракеты! - закричал Абакян. - Мы не можем тут задерживаться! Придется перерезать трос!

Замбендорф пробрался по наклонному полу в грузовой отсек.

- Мы не можем сейчас сдаться! - кричал он. - Мы должны его вытащить. Дрю, дай мне конец вспомогательного троса. Я спущусь вниз и прикреплю к нему магнитный замок.

- Ты не сможешь спуститься, Карл, - возразил Феллбург.

- Не время спорить. Давай трос.

Феллбург прикрепил вспомогательный трос к скафандру Замбендорфа, потом снял с крюка инструментальный пояс и надел на себя.

- Ты спятил, но кто-то должен тебе помочь - сказал он. - Я тоже спущусь.

- Остановись прямо над сетью, Кларисса, и держи устойчиво, - сказал Вест в микрофон. - Карл и Джо спускаются вниз с магнитом.

А под ними царило полное смятение. Все видели чудо:

небесный зверь подхватил Просветителя, сброшенного с Утеса Правосудия, и гнев Жизнетворца разметал ложных жрецов. Просветитель учил на торговой площади, и жители города отвергли его; но таковы его мудрость и милосердие, что, вместо гнева и кары, он избрал новый способ открыть им глаза и продемонстрировать бессилие окружающих его жрецов. На этот раз горожане услышали и были благодарны за оказанную им милость.

- Поистине Просветитель принес подлинное Слово Жизнетворца! - кричали они. - Мы не будем убивать. Мы не будем порабощать. Мы не будем порабощены сами.

- Долой лживых жрецов, которые учат ненависти!

- Долой короля и его министров, развязывающих войну!

Рев еще более усилился, когда передовые отряды возвращающейся армии обогнули холм и присоединились к толпе.

- Мы вернулись, чтобы свергнуть тирана! Мы не будем убивать!

- Картогиане - наши братья!

- Просветитель ждет нас! Он, как и обещал, обратил город Пергассос! Слава Просветителю!

Горожане кричали все громче, и толпа начала надвигаться на помост для благородных зрителей.

- Наши солдаты вернулись из Меракасина. Поистине Просветитель говорил правду!

- Долой Эскендерома!

- Долой Френнелеча!

- Не будем больше преклоняться перед тираном!

- Не будем дрожать от слов обманщиков!

- Долой их всех! Долой!

Под навесом царила паника. Жрецы и придворные, сановники и дворяне, советники и министры бегали взад и вперед, кричали, звали стражу, приказывали слугам привести верховых животных. В центре этого смятения столкнулись Эскендером и Френнелеч.

- Предатель! - крикнул Эскендером в лицо верховному жрецу. - Святой паразит! Грязь маслосборника! Какой договор заключил ты с чужаками, чтобы они так меня обманули?

- Я? - гневно взревел Френнелеч. - Я? Да ты не король, а рвотное! Ты старый клапан-сифилитик! Ты договорился с небесными дьяволами, чтобы они устранили меня!

- Что ты говоришь? Разве этот спектакль - не твой окончательный триумф, после которого ты отберешь у меня корону и изгонишь из королевства?

- Нет. Что за вздор! Разве это не твой замысел - возвысить это

ничтожество, твоего избранника, перед народом и тем самым отобрать всю власть у жречества?

Эскендером покачал головой.

- Разве я сам стал бы уничтожать собственную армию? Что за вздор ты несешь?

Эскендером смотрел на Френнелеча, Френнелеч смотрел на Эскендерома. Оба одновременно пришли к одинаковому выводу.

- Дьявол! Черт побери! Поистине! - закричал Эскендером. - Теперь я понимаю: чужаки обошли нас обоих! Нас предали! - Он поднял кулак. - Агрхх! Выщелоченный сброд! Отбросы с грязными фильтрами! Я им покажу. Я разнесу их мягкие тела, размажу их по всей долине Горнод! Морморель, собери стражу, мы немедленно отправляемся в лагерь чужаков-предателей. Все, кому дороги честь и достоинство, за мной! И если нас разорвет на части и разбросает по пустыне, то по крайней мере будет сказано, что погибли мы со славой. На Горнод!

- Пусть конюший соберет животных! - крикнул Френнелеч Джаскиллиону. Собери дворцовую стражу и передай приказ: ехать вместе с королем в долину Горнод, чтобы отомстить предателям-чужакам. Если народ Кроаксии погибнет от хитрости чужаков, последнюю славу не должен получить один Эскендером. На Горнод!

И тут рев толпы поднялся еще выше.

- Ангелы! Смотрите, спускаются ангелы! Сверкающие ангелы снисходят с неба!

Наверху две фигуры спускались к Просветителю, который вернулся к выступу казни после того, как чудесным образом был прерван его полет в кислоту. Его немного побросало в воздухе, но теперь он возносил благодарственную молитву священному дереву напротив лестницы. Сверху на него смотрели небесные существа, а в дальнем конце платформы командир стражи лихорадочно пытался навести порядок среди солдат.

- Как он? - спросил Замбендорф, пытаясь сохранить равновесие на раскачивающемся тросе. Талоиды отбежали от упавшего троса, который вверху перерезал Дрю Уэст, и старались держаться на расстоянии.

- Не могу сказать, - ответил Феллбург. - Как будто ничего. Сеть застряла в ломе. Придется вырезать его.

Замбендорф торопливо прицеплял магнитный замок, а Феллбург принялся разрезать сеть ножницами с длинными ручками.

- Как дела? - послышался голос Веста из флаера.

- Все спуталось, Джо вырезает Моисея. - задыхаясь, ответил Замбендорф. - Генератор готов, Дрю?

- Готов. Ждем вас.

- Поторопитесь там внизу, - вмешался Абакян.

- Осторожней, смотрите по сторонам, - предупредила Кларисса.

Замбендорф оглянулся и увидел, что талоиды пришли в себя и начали приближаться по выступу, размахивая предметами, похожими на оружие.

- Быстрее, Джо! - закричал он и уперся обеими ногами и одной рукой в балку, другой рукой отбрасывая куски сети.

- Готово! - отозвался Феллбург.

- Включай, Дрю! - закричал Замбендорф. - Кларисса, вверх! Вверх! Электрический ток устремился в кабель, флаер начал подниматься, выбирая слабину. Замбендорфа и Феллбурга подняло, и Вест начал сматывать трос. В тот момент как Моисей высвободился из балок, талоиды подбежали и попали под действие магнитного поля. Они образовали цепь из шести-семи фигур, соединенных голова к ноге. Они беспомощно висели в воздухе, и электричество, проходя через их корпуса, приводило в беспорядок все их внутренние механизмы.

- Дьявольщина! - выругался Феллбург.

- Подождите! - закричал Замбендорф. - Мы их прихватили!

- Я не могу отключить ток, - ответил Вест. - Мы тогда потеряем Моисея. Ну что за путаница!

- Опусти нас вниз, Дрю, примерно футов на десять, - приказал Замбендорф. - Джо, нам придется подхватить его. Будем надеяться, что выдержим.

Они опустились, и через несколько секунд Феллбург сказал:

- Я держу его за руку. Как ты там, Карл?

- Все в порядке, - крикнул Замбендорф. - Мы его держим. Отключай, Дрю. - Вест отключил магнит, цепь талоидов распалась, они попадали на выступ на пришедших в ужас товарищей.

- Мы его держим! - крикнул Феллбург. - Кларисса, давай убираться отсюда. - Флаер начал подниматься, и в этот момент с пояса Феллбурга сорвался гаечный ключ и упал в темноту внизу.

Далеко внизу толпа видела, как стражников дворца подняло в воздух и разметало, как игрушки, как Просветителя ангелы триумфально подняли в небо. И когда он отправлялся на встречу с Жизнетворцем, он послал что-то толпе, собравшейся у утеса. Фигуры торопливо бросились подбирать священный символ, его высоко подняли, чтобы увидели все.

- Знак! Знак! Нам дан знак! Смотрите, что дано нам в День Чуда!

- Смотрите на знак! Смотрите на знак!

- Мы спасены! Мы спасены!

От навеса для знатных зрителей отъехала группа всадников в составе короля, верховного жреца и нескольких сотен их верных последователей и охранников. Они пробились сквозь толпу под крики и насмешки, под градом камней и других предметов.

Тем временем высоко над ними флаер добрался до безопасных туч и полетел в далекие горы.

37

В конференц-зале на верхнем этаже здания САКО в Вашингтоне установилась напряженная атмосфера. Сэмюэль Дюлени, директор САКО, сидел в центре длинного стола из полированного дерева, с одной стороны от него Уолтер Конлон и Уоррен Тейлор из Североамериканского отделения, с другой стороны - два представителя Европы; лицом к ним - Бертон Реймелсон и Грегори Бул из ГКК, Роберт Фейрли, племянник Реймелсона, из Нью-Йоркского торгового банка, а также два консультанта, участвовавшие в подготовке финансирования экспедиции на "Орионе". С края стола сидели государственный секретарь Филипп Бернесс и Джулиус Гоше из его департамента; рядом с ними - Кевин Уолли, помощник президента и его советник по связям с европейским парламентом.

Уолтер Конлон держал в руках листок со своим главным доказательством; копии он уже передал всем присутствующим. Это было воспроизведение документа, по приказу Ланга написанного специально для передачи Тельме; но Джералд Мейси не знал, что документ фальшивый, когда срочно передавал его с "Ориона"; не знал об этом и Конлон.

- Вот здесь, черным по белому, пункт пятый: "Противовоздушные ракеты, короткого радиуса действия, заправленные, с управляющей системой, класса земля-воздух. Модель ИЛААМ-27/F, Марк 4 "Бэнши". Количество: 24 штуки..." А в пункте шесть указаны двенадцать учебных ракет, используемых на тренировках, а в пункте семь - двенадцать боевых ракет! - Конлон опустил листок и вызывающе посмотрел на всех присутствующих. - Что может быть яснее? Это оружие было отправлено падуанцам в то время, как хорошо известно: земляне передвигаются в основном во флаерах и покажутся именно в той местности, куда доставлено оружие. Мне незачем разъяснять, что последует. Это преднамеренное убийство.

Бул через стол посмотрел на Бернесса.

- Такое решение не могло быть принято без ведома Лехерни, настойчиво сказал он. - Что могло так на него подействовать? Я не могу допустить, чтобы ГКК оказалась связана с подобными действиями, если о них когда-нибудь станет известно публике. -

Иными словами, экспедицией руководят политики, и корпорация уже готовит место для отступления.

Бернесс покачал головой.

- Не могу объяснить этого, Грег. Это превосходит все наши инструкции. Не знаю, что там происходит.

- Вы... м... вы все еще не сказали нам, как к вам попал этот документ, - сказал Роберт Фейрли, надеясь снять напряженность сменой темы.

- Это не имеет никакого значения, - напряженно ответил Конлон. - Это копия части перечня грузов, которые на шаттлах отправляются с "Ориона" в Падую. Само по себе достаточно сомнительный вопрос: зачем мы даем талоидам оружие, которое позволяет им эффективней убивать друг друга. Но единственная цель такой поставки - убийство наших людей.

Дюлени, глава САКО, несколько секунд пожевал костяшки пальцев, потом распрямился, откинулся, оглядел всех и решительно покачал головой.

- Я, как и все мы, считал, что мы оказываем символическую поддержку небольшой стране, которая борется с вторжением извне. - Он снова покачал головой и указал на листок в руке Конлона. - Но это? Этого достаточно, чтобы начать войну! В какой дьявольской игре там участвуют наши люди? Я не могу допустить, чтобы САКО даже просто заподозрили в участи в этом. САКО отвечает только за полет "Ориона" до Сатурна и обратно, а также за исследовательские программы. Мы не отвечаем за политические и экономические решения руководства экспедиции, и я не могу обещать, что стану поддерживать их в любых правительственных организациях или перед общественным мнением. - То есть если он не поддержит сейчас Конлона, тот немедленно обратится к средствам массовой информации, и к дьяволу все последствия.

Один из европейских представителей САКО, сидящий рядом с Дюлени, кивнул.

- Такова и наша позиция.

- Но какую политику проводит там Лехерни? - спросил другой европеец. - По сведениям Конлона, он помогает талоидам осуществить полномасштабное вторжение. Это совсем не символическая поддержка. Это грубая политика с позиции силы, вмешательство в чужие дела. Кто разрешил это?

- Какая разница? - спросил Джулиус Гоше. - Похоже, там все сумели подвести к фиаско.

- Для меня большая разница, будет ли мое правительство связано с очередной выходкой или нет, - холодно ответил европеец

Бернесс развел руки.

- Не знаю. Может, слишком велико напряжение от руководства такой экспедицией. Вдали от Земли оно могло оказаться больше, чем мы думали, сказал он. - Но заверяю вас, джентльмены, что описанные события никак не соответствуют политике правительства Соединенных Штатов. Это либо результат какого-то отклонения в психике руководящего персонала экспедиции, либо неправильное восприятие наших указаний. Уверяю вас, мы немедленно начнем расследование.

"Ложь", подумал про себя Реймелсон. Ты отлично знаешь нашу политику и дал, подобно всем нам, молчаливое одобрение. Все готовились ухватить как можно больше от предстоящего кровопролития и в то же время делали все, чтобы выглядеть непричастными. Но Реймелсон не настолько впал в панику, чтобы утратить представление о том, какие огромные выгоды все же может принести экспедиция. Он думал, можно ли возместить ущерб и вернуть экспедицию в нормальное русло. Если так, то ему выгоднее, чтобы руководство "Ориона" было оправдано и сохранило свою репутацию, что бы ни случилось у землян с падуанцами - а Реймелсон подозревал, что случилось что-то гораздо серьезнее, чем им известно, - все это надежные способные люди, и заменить их не так легко. Реймелсону необходимо было время, чтобы собрать сведения и узнать точно, что же произошло на Титане, и он не торопился выносить приговор. Поэтому ответ его сейчас должен быть нейтральным, решил он, но обстоятельства все же заставляют вмешаться решительнее. Еще одна ошибка в падуанской операции, и он придет к выводу, что команду Лехерни спасти невозможно; придется действовать так, чтобы сохранить свои интересы и собственную репутацию.

Прояснив собственное отношение к случившемуся, он начал:

- Я вынужден согласиться, что высказанные здесь утверждения очень тревожны и серьезны. Но все же это только утверждения. И чтобы мы все не занялись охотой за ведьмами, позволю предложить следующее... - В этот момент прозвучал негромкий звонок с консоли рядом с председателем.

- Простите Бертон, - сказал Дюлени. - Я приказал пропускать только чрезвычайно срочные сообщения. Мне нужно выслушать. - Он коснулся кнопки на столе. - Да, Боб?

- Простите за помеху, Сэм, но мы только что получили информацию с Титана, и я подумал, что вам нужно ее выслушать, так как она касается темы встречи. Поступила десять минут назад от генерала Ванца.

- Что там, Боб? - спросил Дюлени. Он повернул ручку, усиливая звук, и все в комнате приготовились слушать.

- В Падуе произошло какое-то смятение, в результате Генри и несколько сотен его рыцарей голыми руками отправились брать нашу базу. Ничего подобного никто на корабле не видел.

- Боже, это ужасно! - воскликнул Дюлени. - Что же с ними случилось?

- О, с ними все в порядке. Их заметили с разведывательных флаеров. Базу эвакуировали, во всяком случае персонал. Похоже, там осталось множество оборудования. Должно быть, была настоящая паника.

- Кто там на базе был старшим? - в отчаянии спросил Дюлени?

- Каспар Ланг и Жиро. Они улетели на военном корабле с последними остатками гарнизона, но еще не прибыли на "Орион", когда отправляли это сообщение.

Дюлени на несколько секунд задумался.

- Если их выбросили из Падуи, даже базы не осталось, значит вся падуанская программа расползлась по швам.

- Знаю. Поэтому я решил немедленно сообщить вам, - ответил Боб.

- Еще что-нибудь? - спросил Дюлени.

- Пока нет. Позвонить, когда придет следующий бюллетень?

- Да. Спасибо, Боб. Поговорим позже. - Дюлени прервал связь и посмотрел на ошеломленные лица сидящих за столом. - Ну, вы все слышали. Похоже, они здорово там промахнулись. Подождем новых сообщений... - Он взглянул на Реймелсона. - Да, так на чем мы остановились? Вы что-то собирались сказать, Бертон.

Реймелсон вздохнул.

- Я согласен с Филом, - сказал он. - Мне кажется, наиболее гуманно объяснить все психологическим срывом, вызванным необычно сильными стрессами, исключительной ответственностью и непредвиденными воздействиями неземной обстановки. Необходимо немедленно принять меры, прежде чем мы столкнемся с новыми неприятностями. Поэтому я предлагаю...

38

Капитан Мейсон, силы особого назначения США, ответил на вызов в караульном помещении главного периметра Генуэзской базы 1.

- Всадники талоиды и повозки приближаются к воротам, сэр, послышался голос сержанта Каронетти с верхнего сторожевого поста у прожектора. - Среди пассажиров, кажется, земляне. - Через несколько мгновений ожил экран перед Мейсоном, на него передавалось изображение с верхней камеры. По широкой, ведущей из города дороге между стальными решетками, рамами из балок и трубами приближалась процессия шагающих повозок и

всадников. Двигались они медленно, никаких поводов для тревоги.

- Интересно, что им нужно, - бросил Мейсон через плечо дежурному сержанту Петракову.

- Ставлю десять против пяти, что это наконец показался Замбендорф со своими людьми, - ответил Петраков.

Мейсон еще несколько секунд смотрел на экран, потом кивнул.

- Да... вероятно, вы правы, Ян. Вызовите командира базы. Пошлите к воротам еще троих, пусть будут в шлемах и в полной готовности. Я пойду наружу с Пирсом и Макнелли и узнаю, что происходит.

В первой из открытых повозок сразу за кавалерией талоидов сидел Замбендорф между Абакяном и Артуром лицом к Галилею и Моисею, которые располагались спинами к высокому сидению двух талоидов кучеров. Остальная часть команды находилась во второй повозке вместе с Леонардо, генуэзским картографом, и Ланселотом, рыцарем Артура, который привез Галилея из Падуи. Сзади следовали многочисленные помощники и придворные, среди них семья Леонардо, лорд Нельсон и представитель войска друидов.

Авангард вышел на расчищенную площадку перед главным входом в генуэзскую базу, и сразу яркий луч прожектора осветил процессию и превратил окружающие сооружения в стальные скелеты на фоне тьмы.

- Нигде не вижу "Танго Бейкер Два", - заметил Абакян, поворачивая голову и разглядывая наземные корабли, стоящие среди служебных кранов, платформ обслуживания, грузовых шлангов и подъемных устройств в дальней стороне у ограды. - Должно быть, Энди и его ребята уже улетели на корабль.

- Ну, по крайней мере они выйдут из этого дела сухими, - ответил Замбендорф.

- Будем надеяться.

Перехватив Моисея у утеса в Падуе, Замбендорф решил лететь непосредственно в Камелот, резиденцию Артура, чтобы доставить Моисея в Геную, к брату Галилею, а потом сдаться земным властям на генуэзской базе. Генуэзцы, однако, настояли на многочисленных прощальных формальностях, в которые, казалось, включается половина населения страны, и команда еще двадцать четыре часа провела в Генуе, ели и спали во флаере. Чтобы процедура не была прервана самым бестактным образом, команда полностью отказалась от связи, прервала контакты с Мейси и Тельмой, чтобы не компрометировать их, когда начнется расследование. Наконец Артур предложил организовать

грандиозную процессию, которая повезет землян через весь город к базе. Не желая оскорблять хозяев, Замбендорф принял это предложение, оставив флаер во дворе резиденции Артура. Позже его подберут законные владельцы.

Хорошая была попытка, думал про себя Замбендорф, и хотя им не удалось полностью обезвредить Падую, народ Генуи по крайней мере на время почувствовал себя в безопасности. Замбендорф надеялся, что действия его команды заставят руководителей экспедиции задуматься над отношениями землян и талоидов и приведут к более просвещенным решениям тех, кто делает политику на Земле. И если окажется, что он сильно огорчил своих покровителей и карьера его подойдет к концу, что ж, это, конечно, плохо. Но он придерживался принципов, которые считал обязательными, и, по собственному мнению, кое-чего достиг. Он сделал, что мог, а будущее пойдет своим чередом. У него не было сожалений.

- Смотри, как ярко горит сияние вокруг летающих кораблей землян, сказал Клейпурр со своего места рядом с Носящим. - Ты по-прежнему видишь в них волшебных животных, спустившихся с неба, Грурк?

Грурк покачал головой.

- И лумиане не ангелы. Что может быть хуже, чем представление о всех знаниях вселенной, изложенных в одной древней книге? Ничего нового? Никаких новых открытий? Нечего узнавать? Никогда не ощутить возбуждения от познания неизвестного? Какое жалкое будущее некоторые хотят нам навязать.

- Ну, твое будущее обещает быть очень занятым, - сказал Тирг. Ответы на вопросы, которые ты задаешь теперь, не придут в оболочке из слов легко, как раньше.

- Может быть, но ты увидишь, что моя энергия не уменьшилась, а страсть мистика не заглохла, только направление ее изменилось, - уверенно ответил Грурк.

- Если мои прогнозы справедливы, твоя изобретательность и настойчивость в новой области принесут хорошие результаты, - сказал Клейпурр.

- Не сомневаюсь в этом, - со вздохом сказал Тирг. Он все еще не пришел в себя от изумления, когда узнал о похождениях брата в Меракасине и Пергассосе, а потом наблюдал, как он превращается в стойкого сторонника беспристрастного и объективного исследования. Теперь, когда Грурк летал по небу, новой его страстью стало стремление увидеть другие миры, о которых рассказывал ему Тирг, и он просил у Носящего возможности сопровождать его в одном из полетов на Большой

Корабль за небом.

Что же касается Картогии, то хотя непосредственная угроза со стороны Кроаксии временно устранена, будущее страны было гораздо менее определенным. То, что Эскендерому доставили могучее оружие, способное заставить Носящего отказаться от обещания, данного Грурку, подтверждало, что лумианский король решил разжигать соперничество среди робианских народов, чтобы обеспечить их зависимость и полное подчинение. Поэтому казалось маловероятным, чтобы Клейпурр смог спокойно строить будущее своего государства; условия, на которых лумиане поставят Картогии оружие, приведут к утрате ею независимости, а если Картогия от них окажется, то, несомненно, будет завоевана позже восстановленной армией Кроаксии.

С другой стороны, похоже, что, несмотря на все свои знания и искусства, лумиане так же соперничают между собой, как королевский дом и церковь Кроаксии и Серетгина. А Носящий сказал, что в Лумии есть более могущественные короли, чем тот, что правит Большим Кораблем, и государственная система лумиан ограничивает власть их королей и делает их зависимыми от мнения граждан. Многочисленные друзья Носящего, занимающие высокое положение в гильдиях глашатаев и герольдов, всем сообщат о готовности Носящего вызвать на себя гнев короля Большого Корабля и попасть в тюрьму в знак протеста против несправедливого обращения с Робией. То, что Носящий и его последователи решили бросить вызов королю Большого Корабля и готовы по возвращении попасть в тюрьму, свидетельствует об их высоких моральных принципах, которые известны на Робии, и это внушает надежду. Поэтому Клейпурр решил, что еще не все потеряно, он не хотел, чтобы его действия ослабил пессимистический взгляд на будущее, и готовился встретить это будущее мужественно и использовать все возможности для улучшения положения. И Тирг решил, что такое отношение достойно подражания.

Когда процессия приблизилась к воротам, оттуда вышли трое землян в скафандрах.

- Ну, я думаю, это все, Отто, - сказал Замбендорф. - Еще раз поблагодари Артура и всех остальных за гостеприимство и скажи, что, может, пройдет какое-то время, но я уверен: мы еще увидимся. - Абакян передал это сообщение через переводчик, и Артур ответил примерно так же. Со второго экипажа сошли Кларисса, Вернон, Вест и Феллбург, и после рукопожатий и прощаний Замбендорф повернулся к трем терпеливо ожидавшим военным. Спасибо за вежливость... гм... капитан, кажется? Ну, мы ваши.

- Капитан Мейсон, силы особого назначения, - послышался ответный голос. Человек с капитанскими знаками различия всмотрелся в табличку с именем на скафандре. - Я полагаю, вы Замбендорф со своими людьми.

- Конечно, это мы. А кто еще может бродить по Титану?

- Рад снова видеть вас. Многие уже беспокоились. - За Мейсоном солдаты открывали ворота, а от административного здания приближалась еще одна группа.

- Ну, разве вы не собираетесь арестовать нас? - спросил Замбендорф.

- Нет, - ответил Мейсон. - Наверно, вам придется ответить на несколько вопросов относительно украденного корабля, но, вероятно, у вас были для этого причины... Не знаю. У меня по крайней мере никакого приказа об аресте нет. Сейчас подойдет командир базы. Он знает больше меня.

- Может, мы достигли не так много, как думали, - с тревогой сказал Абакян.

- Даже Каспар Ланг не побеспокоился? Я думала, его удар хватит, сказала Кларисса.

Мейсон удивленно посмотрел на нее.

- А он какое имеет к этому отношение? - спросил он. - Они все не у дел. Отстранены. Начальник экспедиции теперь генерал Ванц.

- Отстранены? - недоверчиво переспросил Замбендорф. - Кто? Когда? Как?

- Лехерни, Жиро, Ланг, - ответил Мейсон. - Мне кажется, там, на Земле, тоже кто-то свихнулся. Двенадцать-четырнадцать часов назад пришел приказ: все они немедленно отстраняются от руководства, контроль над экспедицией полностью переходит к САКО. Они каким-то образом рассердили талоидов в Падуе и вынуждены были уносить ноги с базы. Наверно, что-то с этим связанное. Ну, вот и Максон, командир базы.

Подошла группа из базы, Замбендорфа и его людей начали пропускать в ворота.

- Максон, САКО, командир Генуэзской базы, - с сильным английским акцентом сказал наиболее внушительный из подошедших. - Рад видеть вас всех в безопасности. Добро пожаловать назад. Когда начинало уже казаться, что с вами несчастный случай, О'Флинн наконец рассказал о флаере. Знаете, он все время подделывал журнал, и никто даже не хватился этого флаера. Поразительно! Мы непрерывно вызывали вас, но никакого ответа не получали. Флаер в порядке?

- Да, он недалеко отсюда, - сказал Замбендорф, когда они направились к административному зданию. - Я понял, что

произошли какие-то изменения.

- О, вы не поверите, какой шум поднялся. Жиро и Ланга выбросили из Падуи, базу оставили, вся команда Лехерни на ушах стояла... За все время в "Орионе" такого не было.

- А что случилось в Падуе? - спросил Замбендорф.

- Ну, Генрих смещен вместе со своим главным жрецом и со всеми остальными, с кем вели переговоры Жиро и компания, - ответил Максон. Похоже, талоиды устроили в Падуе революцию и прогнали всю эту шайку. Ванц - он теперь главный - послал разведочную группу, которая сумела установить контакт с новыми предводителями.

- А что вызвало эту революцию? - спросил Абакян.

- Не знаю, слышали ли вы об этом, но среди друидов стремительно распространилась новая религия, провозглашающая отказ от насилия, эта религия охватила армию Генриха и помешала его вторжению... Как-то это связано с появившимся ниоткуда мессией талоидов. Ну, наконец мессия и его религия добрались до Падуи. Результат - нет Генриха и конец всем переговорам о вооружении. Честно говоря, старина, я рад, что все так случилось.

Замбендорф неожиданно остановился. Максон тоже остановился и с удивленным выражением оглянулся.

- Повторите, что вы сказали, - попросил Замбендорф. - Что случилось с падуанцами?

- Новая религия охватила всю страну, - ответил Максон. - Талоиды утверждают, что все равны, что они больше не будут убивать, будут бороться против войн. Они нам сказали, что мы можем сделать со своим оружием.

Замбендорф с трудом проглотил. Эти формулы показались ему удивительно знакомыми.

- Если это правда, падуанцы вряд ли снова нападут на Геную, - сказал он.

Максон фыркнул.

- О, по тому, что я слышал, можете выкинуть эту мысль из головы, старина. Генуэзцы теперь их братья. Все их братья. Они ни на кого не будут нападать.

Слышались удивленные возгласы членов группы Замбендорфа.

- Боже мой! Да вы понимаете, что это значит? - Замбендорф оглянулся на ворота, где стояли талоиды, подняв руки в прощальном приветствии. Замбендорф посмотрел на Максона, возбужденно взмахнул рукой, показал. Это Артур и его советники. И мессия тоже тут, со своим братом. Они еще об этом не знают. Нужно сказать им.

- Что? - Максон удивился. - Ну, это нелепо. Как мог мессия вызвать весь этот шум и ничего не знать? Будьте разумны, старина.

- Очень долго объяснять, - сказал Замбендорф. - Но мы должны им сказать. Это важно. Пошли, Отто. - И, не дожидаясь ответа, повернулся и направился назад к воротам. Абакян с переводчиком пошел за ним.

- Подождите, - сказал Максон по радио. Они остановились и оглянулись. - Разговаривать со всеми этими талоидами через ящик утомительно. - Он указал на открытую пристройку в конце административного здания. - Этот флигель приспособлен для переговоров с талоидами, там установлено оборудование. Дело пойдет гораздо быстрее, если мы пригласим туда Артура с друзьями. Там мы сможем показать им и картинки.

- Звучит неплохо, - согласился Замбендорф. Абакян кивнул, и они пошли назад.

Максон переключился на другой канал.

- Максон капитану Мейсону у ворот. Впустите талоидов и проводите их к административному зданию. Свяжитесь с дежурным, попросите включить свет в пристройке, Пусть связисты наденут скафандры и будут готовы.

Пятнадцать минут спустя Замбендорф стоял в центре смешанной группы землян и талоидов и затаив дыхание молча смотрел на сцену, которую транслировал разведочный аппарат САКО, висящий над Падуей. Это было телескопическое изображение возбужденной процессии, тянувшейся от одного края города до другого. Тысячи талоидов, одетые в праздничные наряды, пели, танцевали, размахивали знаменами и играли на музыкальных инструментах. Даже на удалении заметен был восторг и необыкновенный экстаз празднества.

Но самым поразительным казалась скульптура в центре праздника. Она стояла на богато украшенной передвижной платформе, которую тащили несколько десятков талоидов. Насколько мог судить Замбендорф, скульптура достигала десяти футов в высоту и была сделана из какого-то красноватого металла. Невозможно было не узнать эти очертания: гаечный ключ - огромная тщательно выполненная копия обычного гаечного ключа. А непосредственно за платформой со Священным Ключом несли знамя, на котором грубо, но отчетливо было написано СОБСТВЕННОСТЬ ПРАВИТЕЛЬСТВА США.

- Боже! Неужели это мы сделали? - недоверчиво спросил Замбендорф.

- Из-за этих парней беспокоился Артур? - слабым голосом спросил Феллбург. - У него больше нет проблем. Там внизу все

кончено.

Абакян ошеломленно покачал головой.

- Я этого не вижу. Скажите кто-нибудь, что этого нет.

- Ну, Каспар Ланг сам просил Карла предъявить Моисея Падуе, напомнил всем Дрю Вест. Он пожал плечами и развел руки. - Он получил, что хотел: Моисей оказался замечательный. Не наша вина, что Каспар не рассчитал последствия.

- Вот это было представление, Карл, - поздравил Вернон. - Вы знаете, я думаю, даже Джерри такого бы не смог.

Кларисса снова посмотрела на экран и сморщила нос.

- Прежде чем кто-нибудь расскажет президенту, ответ: решительное нет, - заявила она всем. - Я не смогу повторить представление над Москвой, никак не смогу!

Тирг, Клейпурр и Грурк обменивались пораженными взглядами.

- Правильно ли я понял? - спросил Клейпурр. - Носящий не будет заключен в тюрьму? Сведения о несправедливости короля Большого Корабля достигли более могучих королей лумиан, и они сместили своих недостойных слуг?

Тирг медленно кивнул.

- Мне кажется, только теперь мы видим полное осуществление плана Носящего, - сказал он. - Картогия спасена и избавлена от дальнейших угроз; Эскендером и Френнелеч смещены; Кроаксия за одну яркость превратилась в мирное безвредное государство... и теперь на самой базе лумиан те, кто создавали это смятение, тоже смещены и исчезли. Поистине могучего защитника послала нам судьба.

- Картогия отныне свободна в своем поиске знаний, ее границы всегда будут открыты для подлинных вопрошающих всех народов, - провозгласил Клейпурр. - Все наши ресурсы будут направлены на созидание, и когда-нибудь робосущества благодаря своей настойчивости и изобретательности найдут Лумию и другие сияющие миры за небом.

- А народы, подобные Кроаксии, которым нужно еще время и понимание, чтобы достичь зрелости, получили безвредное отвлечение, которое расположит их к разуму и терпимости, - сказал Грурк. - Нам нужно постараться, чтобы лумианские знания усваивались вместе с лумианской мудростью.

- Так и будет, - заверил его Клейпурр.

Наконец обе группы снова попрощались, на этот раз с более легким сердцем. Земляне ушли в шлюз в заднем конце пристройки, и Замбендорф, повернувшись к выходу, бросил последний взгляд на талоидов, прежде чем пройти в само административное здание. Здесь, конечно, все первым делом

избавились от скафандров. Затем, чувствуя себя рожденными заново, прошли через еще одну дверь и вернулись в мир ярких помещений, людей в рубашках с короткими рукавами, к запаху готовой пищи и звону посуды, к стуку каблуков по металлическим ступеням и негромкой музыке в комнате отдыха.

- Только подумать, - сказал Абакян Замбендорфу, когда они шли вслед за Максоном и одним из офицеров, чтобы их официально включили в состав базы. - Горячая ванна, чистые простыни и спать, сколько хочешь. Чего еще можно желать? Кто бы мог подумать, что база на Титане покажется нам последним словом роскоши? Знаешь, Карл, мне кажется, что наша вилла в Малибу больше никогда не покажется мне прежней.

Замбендорф мигнул.

- Малибу? Да я и представить ее себе не могу! В сущности ничего дальше палубы "Ориона" я не могу представить. По мне, последнее слово роскоши - это "Орион", благословенная бесстыдная роскошь.

Тем временем Тирг сидел в королевском экипаже во главе великолепной кавалькады, проезжавшей по окраинам Менассима вдоль красочной многоцветной авеню Независимости. Радостные оживленные толпы выстроились по краям дороги и приветствовали проезжающих, как будто читали на их лицах добрые вести. Тиргу никогда город не казался таким прекрасным: угасающий свет конца яркости смягчал краски деревьев вдоль авеню, бросал голубоватый оттенок на лес за городом и на далекие горы. Впереди Тирг видел гордые очертания новых зданий в центре города; они поднимались над пригородами, как предвестник новой эры, которая еще только рождается.

Мягкий восточный ветерок приносил с собой ароматы гудрона и выхлопов печей, семейство купольных цементоукладчиков лежало на дальнем берегу реки. Издали доносились приглушенные голоса отбойных молотов, они удовлетворенно стучали где-то, а шаловливые трубогибочные машины играли с высоковольтными клапанами. Отовсюду из кустов слышались веселые пьезоэлектрические свистки и щелканья. Теперь у Тирга есть брат, дом, покровитель, и солдаты и жрецы Кроаксии больше никогда не потревожат его.

Да, подумал про себя Тирг, Задающий-Вопросы-Больше-Не-Запретные, удовлетворенно глядя по сторонам. Как прекрасен мир!

ЭПИЛОГ

Джеральд Мейси откинулся в кресле в углу кают-компании сферы 2, докончил виски с содой и отнес стакан на стойку рядом с консолью, возле которой лицом к собравшимся сидел Дрю Вест.

На диване у противоположной стены сидели Тельма, Кларисса и Феллбург; Замбендорф раскинулся в другом кресле рядом с Верноном, которой сидел спиной к полке, использовавшейся как бар; Абакян стоял, прислонившись к двери. Они уже около недели находились на "Орионе".

- Думаю, нет никаких сомнений, что будущее талоидов обеспечено, говорил Мейси. - Весь союз падуанцев распался. Вчера свергли своего короля венецианцы, и как я слышал, король Милана решил сам отречься от престола и послал приглашение Моисею посетить город. Вероятно, пытается спасти хоть что-нибудь, предложив совместное управление.

- Значит, теперь Титан не превратится в колонию? - спросил Вернон.

Мейси покачал головой.

- Насколько я понимаю, это невозможно. Такой вариант нужно навсегда отбросить. Теперь талоиды никогда не примут статус второклассных существ. Они избранные. Бог говорил с ними и сказал, что они не хуже других. Всякий, кто попытается убедить их в другом, может сразу прыгать в метановое озеро. Они, конечно, станут торговать с вами: их ноу-хау на ваше ноу-хау, но только как равные партнеры. Если хотите их эксплуатировать и обманывать, и не думайте даже начинать.

Замбендорф повертел шерри в своем стакане, несколько секунд смотрел на него, потом кивнул.

- И Западному миру придется играть по их правилам, если он хочет не уступить Азии. Больше того, вскоре на сцене появятся и Советы. И тогда все будут соперничать друг с другом, кто предложит талоидам лучшие условия.

"Орион" улетает к Земле через десять дней. Многих участников экспедиции, в том числе Мейси и Вернона, дома ждут неотложные дела. Все оставшиеся материалы и оборудование отправляются на поверхность, с их помощью Генуэзская база превращается в постоянную. Там останется небольшой экипаж и группа ученых-талоидологов. Старшим на базе будет заместитель Ванца коммодор Крейг - до прибытия через пять месяцев японского корабля. По-видимому, остающиеся на базе спустя какое-то время улетят за Землю с японцами, но тогда успеет вернуться "Орион". Он привезет новых людей и оборудование. А когда закончат сооружение своего корабля Советы, когда включатся другие страны, будет налажено постоянное транспортное сообщение с Титаном.

Мейси снова взял свой стакан и передал Вернону, чтобы тот наполнил.

- Я не часто говорю такое, но мы можем все поздравить себя с

отлично выполненной работой, - сказал он, оглядывая кают-компанию. - Должен сказать, что, когда мы вернемся, мне всех вас будет не хватать. Странно, как иногда получается: я явился на борт, чтобы разоблачить вас, а кончил тем, что приобрел новых друзей.

- Ну, я надеюсь, наша дружба будет долгой, - сказал Вернон. - Я тоже поражен, как все обернулось.

Мейси взял свой стакан и с любопытством посмотрел по сторонам. Все были необычно молчаливы.

- Я хочу сказать, что отныне я вас буду поддерживать, - сказал он. Вряд ли мы будем одинаково смотреть на разные вещи, но должен признаться, что мне пришлось переоценить многое, в чем я был уверен. Так что живи и жить давай другим, верно? - Несмотря на вежливое выражение лица, он испытывал странное разочарование, которое не мог вполне скрыть. Он развел руки и с улыбкой и вздохом заключил: - Мне казалось, вам следует знать об этом.

Никто ему сразу не ответил. Замбендорф поднял голову и посмотрел на своих товарищей.

- Вы как будто не очень радуетесь, - заметил он. - Мы можем свободно разговаривать в присутствии Джерри и Вернона. Вы не ждете возвращения домой? Подумайте, какие телевизионные шоу сможем мы закатывать после всего этого. И нас поддержит наука, это понравится молодежи... может, мы отправимся в гастроли по миру. Можем основать Институт астральной парапсихологии, Осмонд выступит в качестве основателя, и нас поддержат многие, помимо ГКК. Может, даже сумеем снова договориться с Реймелсоном. Кто знает?

Сохранялась унылая атмосфера дождливого уик-энда.

- Ну, так можно заработать на жизнь, - вяло согласился от двери Абакян. Мысленно он снова сидел вторым пилотом во флаере. А что его ждет вместо этого? Бродить по вестибюлям отелей и театральным фойе, подслушивать обрывки разговоров и сплетен, общаться с не умеющими мыслить людьми, которые его совершенно не интересуют. У него появилось несколько мыслей относительно усовершенствования переводчика, хотелось поговорить об этом с Дэйвом Круксом, который остается на базе. Но прежде всего он понял, что ему не безразлично, что будет с талоидами Артура; они принадлежали к числу немногих, кого он, помимо группы Замбендорфа, не относил к болванам. Они ценят свой разум и готовы опираться на него, не нуждаясь в поддержке волшебных сил и сверхъестественных откровений. И по мнению Абакяна, это значит очень много. Он сам всегда так думал.

Кларисса давно так не наслаждалась жизнью, и теперь ее

охватила ностальгия. Генуэзская база расширяется, потребуется много пилотов, способных справиться с обстановкой, грустно подумала она. И у нее возникали более заманчивые идеи, чем снова иметь дело с людьми типа Германа Торинга, который считает, что всякий раз как он отправляется в уборную, мир на пять минут перестает вращаться. Она понимала, что прежняя ее работа заключалась в том, чтобы выдумывать новости, когда ничего достойного за этим нет. На Титане у нее выработался аппетит к подлинным делам, и не хотелось возвращаться к воображаемым.

- Прекрасно, - безжизненным голосом сказала она. - Может, заработаем пару баксов, рекламируя парапсихологические ложки.

Дрю Вест сравнил мир бухгалтерских книг и налоговых управлений с миром талоидов, с ледяными горами, метановыми океанами, овощными городами и механическими джунглями. У него всегда был вкус к переменам, и когда возможно, он старался приправить свою жизнь чем-нибудь неожиданным и острым. Именно это вырвало его из скучного ортодоксального шоу-бизнеса и привело в конце концов в команду Замбендорфа, где он оставался дольше, чем на любой из своих предыдущих работ. Но уже некоторое время до отлета на "Орионе" он испытывал беспокойство, тоску по переменам, и только перспектива полета заставила его отложить принятие любого решения. А то, что произошло на Титане, делает прежнюю жизнь еще более непривлекательной. И хотя определенных планов у него не было, решение он уже принял. Он поднял стакан, сделал большой глоток и промолчал.

- Для меня это было словно в прежние дни, - сказал Джо Феллбург. Понимаете, о чем я? Словно вернулся на службу из отставки. Мне всегда казалось, что я слишком рано ушел в отставку. - Он нахмурился, как будто не сумел передать то, что хотел, потом покачал головой, вздохнул и решил, что это не имеет значения. - Не знаю... Ну, наверно, мы снова привыкнем. Он наслаждался окружением военных, чувством своего участия в чем-то важном, а не в каких-то играх. Его удерживало не дело, которым занималась группа, а только отношения с ее членами. И теперь он ясно видел, что эти отношения никогда не будут больше прежними.

Тельма неуверенно переводила взгляд с одного на другого, потом посмотрела на Замбендорфа, который с любопытством наблюдал за всеми.

- Ну, я, наверно, скажу то, что чувствуют все. Послушайте, вы меня знаете. Я доктор философии, специализировалась в физике и математике, но я всегда была против общества, которое больше

восхищается переростками-неандертальцами, чем людьми, сделавшими усилители для этих неандертальцев. Но вот с талоидами... мне показалось, что мы делаем что-то ради существ, достойных этого. Они ценили наши усилия. И это ведь только начало. Там еще многое нужно сделать, и я думаю, мы могли бы внести свой вклад. Но ведь никто не настолько сошел с ума, чтобы... - Тельма замолчала и удивленно посмотрела на Замбендорфа, который с улыбкой озорно подмигнул ей. У нее на лице сразу появилось подозрительное выражение. - Карл, вы что-то скрываете. Над чем вы смеетесь? Вы ведь что-то знаете, но не говорите нам.

Кларисса тоже посмотрела на Замбендорфа.

- В чем дело, Замбендорф? - спросила она. Тот улыбнулся ей, но промолчал. - Давай, это тебе не таблицы на горе раздавать. Говори.

- Ну, благодаря своим способностям сверхъестественно проникать в будущее... - начал Замбендорф, но Абакян оборвал его.

- Оставь этот вздор. Что ты знал, но не сказал нам?

- Не могу определенно сказать, что "знал", Отто, потому и не говорил, чтобы не возбуждать излишних надежд, - ответил Замбендорф. - Но я прекрасно понимал, что вы чувствуете. Я сам испытываю то же самое. Поэтому я позволил себе... - С консоли рядом с Вестом прозвенел вызов. - Да, наверно, это та новость, что я жду, - сказал Замбендорф, когда Вест повернулся к приборам.

- Карл Замбендорф здесь? - спросил в экрана офицер САКО. - Говорит капитан Мэтьюс. Я звоню по поручению генерала Ванца.

- Слушаю, капитан, - сказал Замбендорф, поставил стакан и подошел к экрану.

- Генерал Ванц просил бы вас и членов вашей группы встретиться с ним и коммодором Крейгом сразу после окончания вахты, в пятнадцать ноль ноль. Удобно ли это вам?

- Ну, не думаю, чтобы у нас были какие-то другие дела, - легко ответил Замбендорф. - Спасибо, капитан Мэтьюс, нам это удобно.

- Значит, я вас вношу в расписание, - подтвердил Мэтьюс. - В пятнадцать ноль ноль в кабинете генерала, сфера один.

- Сказал ли Ванц еще что-нибудь? - с любопытством спросил Замбендорф.

- Только то, что, по его мнению, проблем не будет, - ответил Мэтьюс. - Коммодору Крейгу понадобится помощь. Мне кажется, у него для всех нашлось бы место.

- Спасибо, капитан. Это все, что я хотел знать. Большое

спасибо.

- Отлично, - сказал Мэтьюс. - До встречи. - Экран потемнел.

Тельма несколько раз мигнула, покачала головой и недоверчиво прошептала:

- Я на самом деле это слышала? Мы останемся с группой Крейга на Генуэзской базе и будем ждать японцев? Это он сказал?

- Конечно, если хотите, - ответил Замбендорф. - Я хочу сказать, что никому не хотел навязывать. Я только подумал...

- Никому не хотел навязывать? - обвиняюще воскликнула Кларисса. - Вы только поглядите на него! Ты ведь нас давно знаешь, Карл. Так что ты сделал? Поговорил с Ванцем?

- Вчера, - сознался Замбендорф. - Он хотел обсудить с Крейгом, прежде чем принимать решение. Поэтому...

- Эй, ребята, здорово! - закричал Феллбург, с улыбкой поворачивая голову. - Здорово! Все будет в порядке. - Он громко рассмеялся и от всей души хлопнул Клариссу по спине, отчего она пролила выпивку.

- Эй, Кинг-Конг, прекрати!

Дрю Вест рассмеялся, Тельма тоже. Мейси поймал взгляд Вернона, и его лицо расплылось в широкой улыбке. Неожиданно кают-компания заполнилась шумом, смехом, возбужденными голосами. Замбендорфа поздравляли, хлопали по спине, пожимали руки.

- Сегодня пирушка в честь наших друзей, особенно остающихся, - сказал он, перекрывая шум. - Но вначале мы должны отметить это между собой. Пора переносить наше шоу - в бар в сфере 4. Я угощаю первым.

Все направились к двери, и в этот момент появился Осмонд Перейра, а за ним и Малькольм Уэйд. Они казались крайне возбужденными.

- Я изучал запись разговоров с талоидами в Падуе, - сказал Перейра, размахивая бумагами. - Вся эта революция и новая религия произошли не просто так, Карл. Были для этого причины, поразительные вещи происходили там в небе, и все абсолютно аутентично. Я думаю, мы не единственные, кто наблюдает за Титаном. Здесь есть чужаки. НЛО над Титаном!

Замбендорф прикрыл лицо рукой и посмотрел в пол. Если он начинает новое дело, сейчас лучшее время для начала, решил он. Перевел дыхание, посмотрел на Перейру, поколебался в поисках слов. И увидел, что Мейси за Перейрой печально улыбается и качает головой. Мейси прав: нет смысла. Миллион лет потратишь на объяснения и ничего не добьешься.

Замбендорф вздохнул, дружески обнял Перейру за плечи и повел к выходу.

- Правда, Осмонд, друг мой? - спросил он. - Изумительно. Мы сейчас направляемся в бар. Присоединяйтесь к нам с Малькольмом. Расскажете нам все об НЛО. Нам пора немного отдохнуть и расслабиться, верно?